

Г. Х. ЭЙХЕ

ОПРОКИНУТЫЙ ТЫЛ

**ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА • 1966**

В годы гражданской войны борьба за власть Советов шла не только на многочисленных фронтах, но и в глубоком тылу армий интервентов и белогвардейцев.

В Сибири и на Дальнем Востоке борьба эта длилась несколько лет, а в конце 1919 г. вылилась во всенародную освободительную войну. Воедино слились в ней классовая борьба трудящихся против эксплуататоров и контрреволюционеров, с одной стороны, и борьба народов края за родную землю, за возвращение в лоно Советской республики, против иностранных захватчиков и их пособников, с другой стороны. Значению этой борьбы для нашей окончательной победы, и прежде всего для операций Красных армий Восточного фронта, посвящена настоящая книга.

В книге также подробно освещены такие расшатывавшие тыл Колчака процессы, как раздоры в стане восточной контрреволюции, происки эмиссаров Антанты, столкновение интересов различных империалистических стран, стремившихся заполучить свою «долю» в Сибири.

Автор книги Г. Х. Эйхе — активный и видный участник гражданской войны на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, последовательно занимал ряд высших командных должностей. В качестве командующего войсками 5-й дважды Краснознаменной Красной армии Восточного фронта и главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальневосточной республики Г. Х. Эйхе приходилось непосредственно использовать повстанческие и партизанские отряды в операциях Красной Армии при освобождении Сибири и Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев.

Книга написана на основе обширных впервые публикуемых документальных материалов как советских, так и белогвардейских архивов. В монографии освещается ряд принципиальных вопросов гражданской войны, история возникновения и развития повстанческого и партизанского движения в тылу врага.

Книга рассчитана на командный и политический состав Советской Армии и Военно-Морского Флота и всех лиц, интересующихся историей гражданской войны.

68 612742

Потерпев поражение в важнейших административно-политических и торгово-промышленных районах и центрах России, свергнутые Октябрьской социалистической революцией эксплуататорские классы и контрреволюционеры не отказались, конечно, от борьбы. Вынужденные уступить власть в одних местах, они стремились перебраться в другие, чтобы создать новые группировки вне районов господства Советов, там укрепиться, организоваться и начать новый натиск.

Наиболее активные кадры мелкобуржуазных контрреволюционных партий эсеров и меньшевиков устремились на восток — в Поволжье, Сибирь и на Дальний Восток. В то время их местные организации пользовались в названных районах еще немалым влиянием: при выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. за эсеров было подано 75% избирательных бюллетеней Сибири *. Для обстановки на Востоке характерно и то, что здесь почти совершенно не было крупных и влиятельных контрреволюционных группировок, составленных и возглавляемых видными и опытными в политическом и военном отношении лицами из бывших правящих кругов царской России и времен Керенского, как это имело место на Юге¹. Сибирь пугала знатных заговорщиков мрачной славой места ссылки осужденных ими же на каторгу и поселение революционеров, пугала оторванностью от культурных центров, трудностями связи со столицами держав Антанты, малочисленностью ее затерявшегося на необъятных просторах населения, отсутствием промышленности, слабостью путей сообщения, суровыми природными условиями, лютыми морозами и т. д. Во всех этих вопросах Юг имел несравнимые преимущества перед Востоком. Войска Антанты дейст-

* Мы не касаемся здесь вопроса о фальсификации при подсчетах. Уместно напомнить слова В. И. Ленина, что выборы в Учредительный * не соответствовали новому соотношению классовых сил после Октября.

вовали в то время на Балканах и в Малой Азии, что поддерживало надежды южной контрреволюции на быструю и прямую помощь с ее стороны.

Для правильного понимания обстановки на Востоке надо также отметить относительную (по сравнению с Югом) слабость офицерских кадров белых армий. За все четыре года гражданской войны на Востоке численность офицеров не превышала в общей сложности 23—25 тыс. человек, в том числе до 6 тыс. производства 1918—1922 гг. по приказам белых генералов и правительств. Число же генералов и генштабистов старой армии достигало здесь максимально 50 человек. На Юге общее число офицеров достигало 43—45 тыс., причем к весне 1919 г. в резерве при ставке Деникина числилось свыше 500 генералов, свыше тысячи полковников и подполковников и такое же число генштабистов, главным образом военного времени. Все они, как сказано в одном белогвардейском документе, «ждут назначений и на низшие должности не идут». Предпринимавшиеся не раз попытки перебросить избыточные на Юге офицерские кадры в Сибирь не дали никаких результатов, хотя в армии Колчака нужда в опытных офицерах была весьма велика. Аналогично обстояло дело с добровольческими кадрами и частями.

* * *

«Колчак», «колчаковский фронт», «колчаковщина», «колчакия» — выражения эти широко употребляются в советской военно-исторической литературе. Как правило, авторы не подчеркивают существенной разницы между ними, пользуясь ими каждый раз, когда требуется одним-двумя короткими словами сказать, против кого и против чего вела борьбу Советская республика на восточной окраине России. Ставшие своего рода терминами, приведенные слова далеко не тождественны. Каждое из них имеет свое собственное вполне определенное политическое и военное содержание. Сотни раз говорит В. И. Ленин о колчаковщине, но для него она не только и далеко не только кровавые деяния интервентов и белых в период власти Колчака.

«Преступно забывать, — указывал Ленин, — что колчаковщина началась с маленькой неосторожности по от-

пошению к чехословакам, с маленького неповиновения отдельных полков. ...Преступно забывать не только о том, что колчаковщина началась с пустяков, но и о том, что ей помогли родиться на свет и ее прямо поддерживали меньшевики («социал-демократы») и эсеры («социалисты-революционеры»).

...Называя себя социалистами, меньшевики и эсеры на деле — *пособники белых*, пособники помещиков и капиталистов. Это доказали на деле не отдельные только факты, а две великие эпохи в истории русской революции: 1) керенщина и 2) колчаковщина. Оба раза меньшевики и эсеры, на словах будучи «социалистами» и «демократами», на деле сыграли роль *пособников белогвардейщины* *.

Ленин рассматривает колчаковщину прежде всего как военно-политическое явление в истории русской революции и видит опасность ее прежде всего в том, что ее истинная контрреволюционная сущность довольно умело и успешно маскируется фразами и лозунгами о «демократии», о «народовластии» и т. п. Опасность обмана народа особенно серьезна потому, что вдохновляли и поддерживали колчаковщину эсеры и меньшевики — представители революционных когда-то партий, давно уже переродившихся в защитников буржуазии и теперь спекулирующих на своих прежних заслугах в борьбе с самодержавием. Именно они, подчеркивал Ленин, «начали колчаковщину, у них была самарская власть» **.

Высказывания Ленина дают ответ на вопрос не только о сущности колчаковщины. Оценивая значение и возможности Колчака, Ленин признал, что то была «гигантская сила», так как российским контрреволюционным помогала «всемогущая Антанта».

Но вся эта колоссальная сила разгромлена и развалилась. Выступая 4 июля 1919 г. с докладом «О современном положении и ближайших задачах Советской власти», В. И. Ленин говорил: «Мы бесконечно сильными стали потому, что миллионы научились понимать, что такое Колчак; миллионы крестьян Сибири пришли к большевизму, — там поголовно ждут большевиков, —

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 515—516.

** Там же, стр. 489.

не из наших проповедей и учений, а из собственного опыта, из того, что они социалистов-революционеров звали, сажали, а из этого посаждения на власть эсеров и меньшевиков вышла старая русская монархия, старая держиморда, которая во время «демократии» принесла неслыханное насилие стране. Но это излечение народа многого стоит» *.

Ленинское определение сущности колчаковщины и высказывания его о причинах поворота сибирского крестьянства в сторону Советов являются принципиальными и указаниями, только следуя которым и можно дать правдивое освещение истории во всех ее деталях.

* * *

В Сибири и на Дальнем Востоке борьба в тылу врагов длилась несколько лет. По своим масштабам и содержанию она зимой 1919/20 г. вылилась во всенародную освободительную войну. Воедино слились в ней классовая борьба трудящихся против эксплуататоров и контрреволюционеров, с одной стороны, и борьба народов России за возвращение в лоно Советской республики, против иностранных захватчиков и их пособников, с другой стороны.

Руководимая подпольными большевистскими организациями, борьба масс во вражеском тылу имела для нашей окончательной победы крупнейшее значение. К сожалению, она еще не получила надлежащего освещения. Первый и основной недостаток состоит в том, что борьба масс сводится, как правило, почти исключительно к партизанским действиям. Между тем надо прямо сказать, что Красная Армия встречала в 1918—1920 гг. наиболее ощутимо и результативно для себя чаще всего поддержку и помощь не в форме взаимодействия с партизанскими отрядами и не в виде прямых непосредственных ударов партизан по тылам действовавших против нее на фронтах интервентов и белых. Помощь была значительно шире, иной по форме и важнее по своим результатам, так как она заключалась в

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 431.

дезорганизации тыла врагов и разложении их вооруженных сил.

Борьба, которую вели в тылу интервентов и белогвардейцев большевистские подпольные организации Сибири², охватывала все стороны жизни. Надо было разоблачать эсеров и меньшевиков как соцсоглашателей и пособников интервентов, как их агентов, создавших коалицию с российскими контрреволюционерами, обманывающих массы лживыми лозунгами о «народовластии», защите Учредительного собрания и т. д. Подпольные организации Коммунистической партии вели трудную и чрезвычайно опасную работу среди солдат белой армии, среди войск интервентов, в сибирских лагерях военнопленных первой мировой войны. Дезорганизация и разрушение тыла врагов, в частности срывы работы железных дорог, подготовка и проведение политических забастовок, расстраивание мобилизаций и призывов новобранцев, организация и руководство восстаниями рабочих в городах и промышленных районах, подготовка и руководство восстаниями солдат белой армии в тыловых гарнизонах и на фронте и т. д., — эта и другая работа партии в колчаковском тылу имела решающее значение в отвоевании непролетарских масс народа у соцсоглашателей и привлечении их на сторону социалистической революции.

Героические усилия потребовались от ушедших в подполье большевиков, чтобы восстановить разгромленные врагами партийные организации, чтобы создать новые партийные ячейки, укрепить их, руководить ими. Бесконечно много самоотверженности, несокрушимой веры и преданности делу партии требовалось для того, чтобы вокруг подпольных большевистских организаций собрать и сплотить немногочисленный и разбросанный на необъятных пространствах Сибири и Дальнего Востока пролетариат: рабочих железной дороги, угольных коней и рудников, рабочих карликовых предприятий слабообразной в целом обрабатывающей промышленности.

Колоссальной трудности и сложности задачи стояли перед большевиками-подпольщиками в работе на селе, где после захвата власти врагами началось широкое повстанческое движение крестьян. Надо было овладеть этим зачастую стихийно возникавшим и так же стихий-

но растущим народным движением, организовать его, придать ему социально-политическую направленность, руководить им. В условиях невиданного террора интервентов и белых немногочисленные подпольные организации и сотни большевиков-ленинцев с помощью революционных рабочих и бывших солдат-фронтовиков организовывали и возглавляли борьбу народных масс за власть Советов и добились успехов исторического значения.

Другой существенный недостаток изложения истории гражданской войны в Сибири состоит в том, что борьба в тылу врагов рассматривается изолированно от событий, происходивших в то время в Советской России, и, в частности, в отрыве от операций Красной Армии на Восточном фронте. Известно, что Центральный Комитет Коммунистической партии и лично В. И. Ленин с самого начала уделяли исключительное внимание развёртыванию борьбы по ту сторону фронта и оказывали подпольным партийным организациям помощь людьми, деньгами, материалами и др. 19 июля 1919 г. Политбюро и Оргбюро Центрального Комитета РКП(б) приняли постановление «О сибирских партизанских отрядах». То была важнейшая военно-политическая директива, отданная накануне вступления Красной Армии в Сибирь. Приходится констатировать, что ее практическое проведение в тылу врагов освещено до сих пор очень слабо.

Борьбу за победу Октябрьской социалистической революции и оборону Советской республики от многочисленных врагов организовала и возглавляла Коммунистическая партия, руководимая великим Лениным. Но одной общей констатации этого факта совершенно недостаточно, в особенности если речь идет о борьбе в условиях подполья на временно захваченной врагами территории. Организующая и руководящая роль партии и ее Центрального Комитета никогда не упиралась в линию фронта на полях сражений и не кончалась на «ничейной земле», между окопами нашими и противника.

Всеми своими успехами в борьбе в тылу интервентов и белогвардейцев подпольные большевистские партийные организации обязаны тому, что они боролись за программу и лозунги партии.

говорили от имени партии, что за ними стоял авторитет партии — имя великого вождя революции Владимира Ильича Ленина.

В этом ключ к пониманию и правильному освещению всего хода борьбы в тылу врагов.

* * *

Сибирские повстанцы и партизаны проявили в борьбе с интервентами и белогвардейцами много героизма и самоотверженности. В данном труде речь идет не об этой стороне борьбы. Дело и не в том, чтобы еще раз изложить известные факты и события, дополняя их новыми деталями. Автор ставил себе задачей путем обобщений и выводов установить закономерности возникновения и развития борьбы в тылу врагов, выявляя взаимозависимость и взаимодействие ее с борьбой по нашу сторону военного фронта. Обстановка не была только результатом вооруженных столкновений на театре военных действий, а (во много раз более, чем в любой другой войне) носила в себе следы политической, классовой борьбы в тылу, подчинялась также ее закономерностям. В числе последних первенствующую роль играло то обстоятельство, что за годы первой мировой войны широкие народные массы овладели военными знаниями и вышли из нее с оружием в руках. Именно об этом говорил В. И. Ленин, отмечая факт превращения войны империалистической в войну гражданскую.

К лету 1918 г. сибирское трудовое крестьянство было еще на полпути между завершением задач буржуазно-демократической революции и решительным повсеместным проведением в жизнь задач Великой Октябрьской социалистической революции, закреплением завоеваний последней в виде известных ему программных лозунгов большевиков и законов Советской власти о земле, о мире и т. д. Захват интервентами и белогвардейцами власти в Сибири помешал этому процессу, затормозил его, также пытался повернуть его вспять. В этом истинное содержание положения в белой Сибири, определявшее соотношение классовых сил, их расстановку в первое время после падения власти Советов. Установление кровавой военной диктатуры обострило положение, уско-

рило процесс революционизирования середняка (равно как и других непролетарских слоев края), переход его к открытой вооруженной борьбе. Могучее воздействие на ход событий в белой Сибири оказали общероссийские социально-революционные факторы.

Нельзя сказать, что российские контрреволюционеры не понимали или недооценивали значения того нового, что внесла в учение о войне и в практику ее ведения социалистическая революция в России. Ленинские стратегические лозунги о союзе рабочего класса с крестьянством были им отлично известны, и они пытались идею сотрудничества различных классов приспособить для достижения своих целей. Им было также отлично известно, что во всех великих буржуазных революциях главную силу составляло и решающую роль сыграло именно крестьянство.

«Колчакия» по своей классовой структуре и национальному составу населения представляла собою насильно проведенное искусственное объединение антагонистических сил, раздираемых многочисленными непримиримыми противоречиями. Временное в силу ряда причин совпадение интересов известной части этих сил и прежде всего основной массы населения — зажиточного крестьянства — против власти Советов казалось им достаточным, для того чтобы быстро свергнуть Советы и потом уж привести страну к нужному им государственному строю. То была попытка создать сотрудничество на почве отрицательного отношения к социалистической революции, так сказать, программа борьбы, построенная на негативной основе. В основе политико-стратегического плана главарей контрреволюции лежала ясно выраженная классовая мысль: снизить революционную активность масс, ввести ее в рамки «закона и порядка», уже с самого начала ограничить ее размах и дать ей направление, обеспечивающее сохранение собственной диктатуры. Но результаты этой политики получились обратные: в ходе борьбы контрреволюционеры лишились поддержки даже тех, кто им помог прийти к власти и вначале поддерживал их. Речь идет не об отдельных ошибках главарей контрреволюции, хотя они играли, конечно, известную роль. В основе провала всех планов и расчетов контрреволюционной буржуазии лежала антинародная сущность ее власти как обществен-

ной формации, построенной на частной собственности и эксплуатации. Историческая ограниченность ее была причиной того, что она не могла выдвинуть ни одного нового лозунга, ни одной крупной политической фигуры, даже группы, а пыталась добиться своих целей тем, что взяла напрокат лозунги соцсоглашателей, в частности об Учредительном собрании.

Совершенно по-другому обстояло дело в лагере революционных сил. Союз рабочего класса и крестьянства характеризовался общностью интересов, обусловленной тем, что и пролетариат и крестьянство подвергались эксплуатации со стороны буржуазии и лишь формы этой эксплуатации были различными. На этой стадии союз зиждился на неудовлетворенности потребностей и нужд рабочих и крестьян. Но положение состоящих в союзе классов не было одинаковым. Революционные качества пролетариата не только в собственном могуществе, под которым прежде всего понимается его численность. В Сибири этого как раз и не было. Основное качество пролетариата — его способность возглавить всеобщее революционное движение, играть роль гегемона в борьбе с буржуазией. В Сибири и в этом отношении дело обстояло по-другому, если рассматривать ход борьбы с точки зрения отвлеченных социологических схем. Не было в истории человечества ни одного народного, ни одного классового движения, которое бы не начиналось со стихийных, неорганизованных изрывов. В периоды революций инициатива масс, их энергия, их революционное творчество всегда отличались смелостью и яркостью, широтой и богатством форм. Так оно было и в Сибири. Задача большевиков здесь состояла в том, чтобы поднять стихийность до сознательности, убедить массы в недостаточности стихийного движения, раскрыть перед ними опасности его. Многообразными были средства, приемы и пути, которыми коммунисты Сибири и Дальнего Востока решали задачу подчинения стихийного движения миллионной массы сибирского крестьянства социальным целям борьбы.

Величайшей исторической заслугой большевистских подпольных организаций восточной окраины России был именно политический разгром выступавшего под самыми различными лозунгами и масками эсеро-меньшевиз-

ма и уничтожение его влияния в массах населения, чем создана была одна из важнейших предпосылок разгрома врагов Красной Армией *.

* * *

Героическая борьба трудящихся Сибири в тылу врагов в отдельных районах и в отдельные периоды освещена до сих пор слабо главным образом потому, что сохранилось очень мало материалов и документов большевистского подполья, повстанческих и партизанских штабов.

В. И. Ленин отмечал, что враги тоже говорят классовую правду, указывая на стоящие перед ними опасности. Поэтому мы использовали белогвардейские документы, позволяющие показать ход борьбы, отдельные события и процессы значительно глубже и шире, чем об этом (по вполне понятным причинам) говорится в сохранившихся советских документах. В этом таится известная опасность, но ее не следует преувеличивать. Знать врага — всегда было да и остается еще и сегодня основным требованием не только в вооруженной борьбе. Под словом «знать» понимается прежде всего оценка имеющихся о нем сведений, но не вообще, а со своей принципиально другой, классовой позиции. Бессмертные идеи великого учения Маркса—Ленина составляют всеобъемлющую основу мировоззрения советского народа, служат ему надежным критерием во всех областях его деятельности. Было бы странно полагать, что советский читатель не в состоянии самостоятельно разобраться в том, насколько и в чем белогвардейские документы помогают восстановить факты и процессы того времени и что из них должно быть отброшено безоговорочно. Исходя из этой принципиальной позиции, автор дает свои критические комментарии только в тех случаях, когда,

* Нет, конечно, нужды доказывать, что тема опрокинутого белогвардейского тыла не может получить надлежащего освещения без знания героической борьбы большевистских подпольных партийных организаций на Востоке. К сожалению, капитального труда по этому важнейшему вопросу истории советского общества еще нет. Это потребовало изучения большого дополнительного материала, от изложения которого (за исключением отдельных вопросов) автор отказался, имея в виду указанные выше ограниченные задачи исследования и во избежание значительного увеличения объема труда.

по его мнению, это вызывается самим происхождением документа, скрытностью целей, преследуемых его составителями, возможностью разных толкований содержания и важностью содержащихся в нем сведений.

Россия знавала много нашествий. Все они неизменно кончались тяжелым поражением, нередко полной гибелью захватчиков.

Мы обращаем свои взоры в историческое прошлое нашей Родины для того, чтобы, отдавая дань уважения и восхищения героическими деяниями народа и отдельных его представителей, извлечь из этого прошлого прежде всего опыт классовой, политической борьбы.

Стратегия и тактика Коммунистической партии во главе с великим Лениным в те далекие трудные годы борьбы и становления власти Советов служат вдохновляющим примером и являются драгоценным источником опыта для сотен и сотен миллионов трудового населения нашей планеты, которые только сейчас еще выходят на авансцену истории и ведут ожесточенную борьбу за свое освобождение от колониального порабощения, от эксплуатации, за наступление эры социализма и коммунизма. В этом отношении исследование борьбы руководимых большевиками революционных масс трудового народа в тылу интервентов и белогвардейцев в Сибири позволяет извлечь ценные военно-политические уроки большого познавательного и поучительного значения.

* * *

Автор приносит глубокую благодарность ветеранам борьбы в тылу Колчака и членам ВНО при ЦМВС: писательнице Раисе Азарх, К. К. Ансону, И. С. Бузулаеву, генерал-майору в отставке В. Ф. Рыжикову, генерал-лейтенанту в отставке К. Ф. Телегину, писателю Михаилу Тихомирову, С. Г. Черемных, А. И. Зубову и др., чьи замечания и советы оказали ему большую помощь в работе над рукописью.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА ВОСТОКЕ (октябрь 1917 г.—ноябрь 1918 г.)

1. ВЕРОЛОМНОЕ НАПАДЕНИЕ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ И ЗАХВАТ ИМИ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Уже задолго до восстания чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. существовало в Сибири подпольное белогвардейское временное сибирское правительство, имевшее довольно разветвленную сеть контрреволюционных организаций в Томске, Красноярске, Барнауле, Омске и т. д. с центром в Новоиколаевске (ныне Новосибирск) ³.

Накануне нападения чехобелых * советский гарнизон Новониколаевска насчитывал около 1200 человек, в том числе отряды Красной гвардии до 600 человек, пеший эскадрон около 80 человек, красноармейский батальон имени Карла Маркса (из бывших военнопленных венгров и немцев) до 300 человек и около 200 человек в караульных командах, также в основном из бывших военнопленных, освобожденных Советской властью из лагерей **. Видимо, эти довольно значительные по тому времени для такого города, как уездный Новониколаевск, советские вооруженные силы не были на чеку. Восстание чехословаков началось в ночь на 26 мая 1918 г. Успех оказался легким и полным: к утру все было кончено ***. В захвате власти участвовало всего

* Объединенные силы мятежного чехословацкого корпуса и русских белогвардейцев.

** ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 56, лл. 66—67.

*** Батальон имени Карла Маркса готовился к отправке на семеновский фронт, что также свидетельствует о полной неосведом-

несколько белогвардейских отрядов численностью не более 10—15 человек каждый — больше собрать не удалось. От имени «новой власти» утром 26 мая выступил «штаб восстания», состоявший из двух младших офицеров и двух «представителей правительства — граждан Волкова и Пясецкого». К вечеру того же дня удалось набрать около 150 человек и сформировать из них первые три взвода белой армии для смены занимавших городские караулы чехословаков.

Хранящиеся в советских архивах захваченные в 1918—1919 гг. подлинные белогвардейские документы неопровержимо доказывают, что основной удар по советским войскам был вероломно нанесен чехословацким корпусом. Оказавшись благодаря этому у власти и чувствуя себя в полной безопасности под защитой интервентов, новониколаевские заговорщики развили чихорадочную работу по созданию собственных вооруженных сил. Но желающих идти добровольно в контрреволюционное войско оказалось мало. 27 мая «уполномоченные правительства» объявили мобилизацию всех офицеров и чиновников. Это дало возможность к вечеру того же дня сформировать первую роту численностью всего 218 человек. Таковы были реальные силы, набрать которые главарям мятежа удалось за первые сорок восемь часов своей власти.

Выждав в подполье несколько дней и убедившись, что благодаря присутствию чехословаков опасности никакой уже нет, истинные вдохновители и главарь контрреволюционного мятежа отважились выйти на авансцену. 28 мая 1918 г. появился «приказ о вступлении в командование войсками Западно-Сибирского военного округа» полковника Гришина-Алмазова, будущего военного министра временного сибирского правительства и первого командующего войсками Западно-Сибирской белогвардейской армии. Начальником штаба несуществующего еще военного округа назначен был полковник Белов, впоследствии командующий Южной чеченской армией.

...и местных руководителей о существовании белогвардейского ... к восстанию. Захваченные в городе партийные ... руководители Ф. Н. Горбань, Ф. П. Серебренников, А. И. Петухов, Д. Полковников, Ф. Шмурыгин были 4 июня 1918 г. ... на берегу р. Каменка.

Занять и закрепить за собою район Новониколаевска оказалось для чехословаков делом простым и легким. Очередной задачей им было поставлено расширение захваченной территории, а главное — установление боевого взаимодействия с соседними чехословацкими группами и разгром советских гарнизонов ближайших к Новониколаевску городов. Главных операционных направлений установилось три: 1) южное — в сторону городов Барнаул, Бийск, Семипалатинск; 2) восточное — в сторону ст. Тайга, Томск, Красноярск и далее к Иркутску; 3) на запад для соединения с другими чехословацкими войсками в районе Омска.

Первые серьезные бои имели место в районе Бердск, ст. Черепаново (40 км южнее Новониколаевска). Закончились они 5 июня занятием чехами названной станции. Продвигаясь вдоль железной дороги в сторону Барнаула, интервенты и белые встретили упорное сопротивление на рубеже р. Чумыш. К этому времени сюда прибыл отступивший из Кузбасса отряд рабочих-шахтеров Петра Сухова (200 человек). Красным удалось стремительным ударом нанести врагам чувствительные потери и отбросить их на северный берег реки. Развить достигнутый успех советские отряды оказались не в состоянии: в тылу у них, в Барнауле, контрреволюционное подполье подняло 13 июня мятеж. Восстание было ликвидировано, но заговорщикам удалось прорваться из города и присоединиться к своим. В дальнейшем борьба на этом направлении развивалась для врагов успешно. 14 июня чехи захватили Бобровский затон (южнее Барнаула), где им достались большие трофеи. Барнаул пал 15 июня 1918 г., здесь враги захватили 1 тыс. винтовок, 24 тыс. патронов, 200 пленных. Красные отходили в двух направлениях: по железной дороге на Бийск и на Семипалатинск, отправив в последнем направлении 7 эшелонов с имуществом и людьми; в арьергарде шел батальон бывших военнопленных. В сводках белых подчеркивается, что отступающие красные сжигают за собою железнодорожные мосты, портят железнодорожное полотно, водокачки и т. д. с целью задержать преследование со стороны Барнаула. В связи с этим отдано распоряжение перехватить путь отступления этой группы красных отрядами из Семипалатинска и Славгорода. В Бийск войска

белых вошли 20 июня, но уже накануне власть в городе захватили контрреволюционеры во главе с меньшевиками и эсерами*.

Активно выступили на стороне восставших буржуазные националисты: в районе Бийска действовало несколько белоконных отрядов инородцев Горного Алтая; «добровольную» мобилизацию объявили киргизские бии. Основную свою задачу все они видели в арестах и уничтожении большевиков и советских работников**. «Везде идет вылавливание красных» — эта фраза встречается ежедневно в оперативных сводках белых за июнь — июль 1918 г.***

Создание белогвардейской армии шло очень медленно. На 12 июня 1918 г., т. е. через 18 дней со времени новониколаевского мятежа, в ней числилось всего 3500 бойцов, 7 пулеметов, 7 орудий и несколько бомбометов****; две трети этой армии составляли гарнизоны населенных пунктов и крупных железнодорожных станций, не принимавшие участия в активных операциях*****.

* Из других важных событий на фронте следует отметить: а) занятие г. Камня 9 июня без боя прибывшим из Новониколаевска отрядом в 70 белогвардейцев; б) занятие 16 июня г. Змеевского другим белогвардейским отрядом численностью 56 человек; в) занятие 17 июня небольшим отрядом белых (60 солдат и офицеров) южной станции Рубцовка.

** В числе захваченных коммунистов и советских руководителей были председатель Семипалатинского Совета Райводе, общественной комиссар Михельсон, член исполкома Семипалатинского Совета Коряков, комиссар Голето, председатель Ревтрибунала Бигенек.

*** Но как ни свирепствовали белые и чехи, им не удалось ни уничтожить всех партийных и советских работников, ни запугать их. Уже в июне 1918 г. в Барнауле был создан подпольный городской комитет большевиков и началась работа по восстановлению большевистских организаций в районах. В числе инициаторов и активистов надо назвать Е. В. Бердникову, З. Голунова, Денисова, Гуськова, Ермакова, Онучина. В Новониколаевске горком большевистской подпольной организации был создан тоже в июне 1918 г. и в него вошли Дрягин, Кутергин, В. В. Бердникова и др. Военную работу вели А. Бобров и братья Кепп.

**** ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 56, л. 25.

***** «Большая ошибка, — говорится в изданном по этому поводу приказе, — сформировав на местах отряды Сибирской армии, польщенные ими для караульной службы и для самоохранны. Для этих целей должны быть вооружены надежные граждане по указанию сформированных и уполномоченных правительства». (ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 56, л. 9.) Но и эта попытка увеличить силы не дала заметных результатов.

Одновременно с ведением операций на южном и восточном направлениях Гришин-Алмазов принимал срочные меры к установлению связи с чехословацкими и белогвардейскими войсками, действовавшими в районе Омска. С этой целью были направлены из Новониколаевска две роты чехословаков (с двумя орудиями и одной бронеавтомобином), а также два небольших белогвардейских отряда (общая численность около 600 солдат и офицеров), усилившиеся в ходе наступления в полосе железной дороги Новониколаевск — Омск за счет местных контрреволюционеров.

В это же время Западно-Сибирский военно-оперативный штаб Красной Армии, получив сведения о новониколаевских событиях, направил из Омска на помощь новониколаевцам несколько отрядов — Пермский отряд Красной гвардии, Омский отряд интернационалистов мадьяра Кароя Лигети, отряд красновардейцев г. Татарска — общей численностью свыше 1 тыс. бойцов под командованием С. Н. Черепанова.

Из оперативных сводок той и другой стороны видно, что начиная с 30 мая 1918 г. шли местные и притом успешные для красных бои в районе станций Кошкуль, Тебисская, Барабинск (220 км западнее Новониколаевска). Развить успех Черепанову не удалось ввиду занятия 7 июня частями полковника Войцеховского Омска⁴ и наступления их от Омска на восток. Чтобы не попасть под сосредоточенные с двух сторон удары превосходящих сил врага, ядро войск Черепанова отошло на север с целью присоединиться к своим севернее Омска. В полдень 9 июня 1918 г. между станциями Барабинск и Тебисская произошла встреча частей Гришина-Алмазова с подошедшими от Омска частями Войцеховского.

Ободренные отмеченными успехами на южном и западном направлениях, главари новониколаевского мятежа предприняли новые шаги для расширения своей территории. 13 июня 1918 г. был объявлен приказ о вступлении того же полковника Гришина-Алмазова «в командование войсками Западно-Сибирской армии» *, которую должны составить: а) формируемый

* Набранный Беловым штаб армии состоял из 17 младших офицеров, среди которых не было ни одного кадрового и ни одного

Средне-Сибирский стрелковый корпус под командованием полковника Пепеляева (впоследствии командир корпуса в армии Гайды, а с июля 1919 г. командующий 1-й белогвардейской армией) со штабом в Новониколаевске и б) формируемый Степной сибирский стрелковый корпус под командованием полковника Иванова (впоследствии военный министр и командующий Сибирской армией) со штабом в Омске *.

Боевой состав корпусов насчитывал уже: Средне-Сибирского — 1600 штыков и сабель при 10 пулеметах и 7 орудиях; Степного сибирского — 1700 штыков и сабель при 13 пулеметах и 12 орудиях.

По-другому, чем на южном и западном направлениях, развивалась борьба на восточном. Действуя согласованно с новониколаевскими заговорщиками, контрреволюционные подпольные организации Томска уже 25 мая 1918 г. начали отдельные вооруженные выступления, а 28 мая подняли общее восстание. Тут же они были разгромлены, а штаб их арестован. Но через день выяснилось, что объединенные силы чехословаков и белых, развивая успех от Новониколаевска на восток и от Мариинска на запад, двигаются крупными отрядами к устьевой станции Тайга, намереваясь нанести удар на Томск.

Смететский гарнизон Томска насчитывал свыше 1 тыс. человек. Ядро его составлял немногочисленный отряд интернационалистов. По численности самым сильным был недавно сформированный полк, но его политическая благонадежность вызывала большие сомнения: не было ясно, куда он повернет. В этих условиях, не имея связи с соседними городами, Военно-революционный штаб Томска, приняв на расширенном заседании с участием актива партийных и советских работников города решение отказаться от обороны Томска, утром 31 мая 1918 г. во главе отряда интернационалистов отбыл на

спасения. В Омске белые нашли для себя вполне готовый, можно сказать, аппарат военного округа в лице оставшихся в городе белых захваченных врагами работниками советского военного округа и оставших офицеров и военных чиновников.

Районами формирования были указаны: а) Средне-Сибирскому корпусу — Томская, Алтайская и Енисейская губернии до Тобольска, б) Степному сибирскому корпусу — Акмолинская и Семипалатинская области и казачьи земли Алтайской губернии.

двух катерах с целью соединиться с омскими или уральскими советскими силами. Власть в брошенном фактически на произвол судьбы городе взяли тут же в свои руки вышедшие из подполья белые, упредив небольшой чехословацкий отряд, наступавший со стороны ст. Тайга и вступивший в Томск только к вечеру указанного дня. Не задерживаясь здесь, чехословаки тут же повернули на восток. Вместе с ними ушло 100—150 белогвардейцев 1-го Томского добровольческого отряда офицеров, так как в районе Томска уже не имелось советских сил, которые могли бы создать какую-либо угрозу белым.

Сильные бои разгорелись в районе станций Юрга, Топки, Тайга и г. Мариинска. 15 июня штаб Сибирской армии получил телеграмму: «Нахожусь на мариинском фронте, взял всю операцию войск в свои руки. Командующий группой чехословацких войск на востоке от Омска капитан Гайда» *. И хотя на этом фронте действовали части 1-го и 2-го Новониколаевских полков белой Сибирской армии, командующий армией Гришин-Алмазов незамедлительно отдал приказ, предписывавший начальникам всех степеней действовать под общим командованием младшего в чине капитана чеха Гайды **. Донесение белогвардейского комиссара Мариинского уезда гласит, что в результате боя утром 16 июня разбит и обращен в бегство отряд красногвардейцев, захвачено 600 пленных, штаб отряда, 2 орудия, 7 пулеметов, много винтовок, 18 тыс. патронов, несколько возов ручных гранат. Успех был достигнут внезапным ударом во фланг и в тыл в результате обхода через р. Кия.

Отмеченные успешные действия объединенных сил чехословаков и белогвардейцев оказали решающее влияние на военно-политическую обстановку в Сибири. 18 июня 1918 г. Гришин-Алмазов отдал свою первую директиву. В ней говорится: «Вверенной мне армии по-

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 56, л. 76. За активное участие в свержении Советов в Сибири капитан Гайда был произведен в генерал-лейтенанты и командовал впоследствии одной из армий Колчака.

** По неполным данным, в боях на мариинском направлении в эти дни действовали: а) две роты чехословаков — 400 штыков, 2 пулемета и 2 орудия; б) рота из Томска — 144 штыка и 2 тяжелых орудия; в) Новониколаевский полк — 277 штыков и сабель, т. е. всего около 820 штыков и сабель, 2 пулемета и 4 орудия.

ставлена задача очистить в кратчайший срок всю Западную Сибирь от большевистских войск» *. Приказано в кратчайший срок корпусам очистить: Средне-Сибирскому — районы южнее Барнаула до китайской границы и к востоку от Мариинска вдоль Сибирской железнодорожной магистрали (с ответвлениями Томской железной дороги) до Иркутска включительно; Степному сибирскому — территорию Западной Сибири к западу и северо-западу от Омска и обеспечить Западную Сибирь от вторжения советских войск занятием проходов через Уральские горы **.

Директива от 18 июня примечательна во многих отношениях. В ней ни слова не говорится о чехословаках, несмотря на то что с первого дня восстания именно они везде играли решающую роль, а белогвардейские отряды действовали только как вспомогательные. Замалчивается даже такой факт, что всего пять дней назад сам Гришин-Алмазов передал все свои войска маринского фронта в подчинение командира чехословацких войск Гайды. Территорию к западу от Омска до Челябинска включительно занимала группа полковника Войцеховского, прикрывающая Сибирь со стороны Советской республики, но и о ней в директиве нет ни слова. Более того, собственным войскам приказано обеспечить Сибирь со стороны Советской России занятием уральских перевалов, т. е. действовать так, как будто группа Войцеховского (а также группа чеха полковника Чечека в районе Средней Волги) вообще никогда не было и не существует. Средне-Сибирскому корпусу поставлена задача занять Иркутск, т. е. территорию к востоку от р. Енисей, а это уже не Западная, а Восточная Сибирь. И опять ни слова о действующей группе чехословаков под командованием Гайды.

На день отдачи директивы Западно-Сибирская армия насчитывала всего 219 офицеров, 4232 штыка, 117 сабель, 481 невооруженного (из-за нехватки вин-

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 56, л. 105.

** 19 июня Гришин-Алмазов поставил Степному сибирскому корпусу первоочередную задачу: в первую очередь очистить от советских войск правый берег р. Тобол и вести активные действия в направлении на восток и северо-восток в тыл красным отрядам, действующим с Алтая под натиском войск Средне-Сибирского корпуса (ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 56, л. 106.)

товок), 132 солдата технических войск и 62 артиллериста (на вооружении имелось 36 пулеметов, 1 бомбомет, 3 легких и 16 тяжелых орудий). Из этих сил было на фронте всего 2200 штыков и сабель, 25 пулеметов и 7 орудий. Остальные несли гарнизонную службу, охрану железной дороги, а часть находилась еще в стадии формирования. Очистить от красных столь слабыми силами колоссальную территорию от Урала до оз. Байкал — задача трудно выполняемая, тем более что направлений действий несколько и они приводят к еще большей разбросанности войск. Нет в директиве сведений о противнике, нет характеристики общей военной обстановки на театре военных действий, не указаны сроки выполнения задач, полностью замалчиваются действия соседей и т. д. Несомненно, с точки зрения элементарных требований управления войсками и службы генерального штаба директива Гришина-Алмазова не выдерживает никакой критики. Но если часть недостатков директивы может быть объяснена объективными причинами (штабы только еще создаются, нет постоянной связи с войсками, обстановка меняется быстро и неожиданно и т. д.), то само по себе издание такой директивы и отмеченная нами ясно выраженная тенденция полного игнорирования войск чехословацкого корпуса являются фактом, корни которого уходят в «высокую политику»*.

Сказать прямо и открыто, что с первых же дней контрреволюционного восстания решающую роль в боях везде играли части мятежного корпуса, значило для заговорщиков самым опровергать усиленно ими же раздуваемую ложь, что против Советов восстало население Сибири, которое и свергает «иго большевиков». Понятно, что на такое саморазоблачение главари мятежа — эсеры и меньшевики — идти не могли.

Во многих районах Западной Сибири продолжалась еще героическая борьба отдельных, оказавшихся изолированными друг от друга отрядов советских войск, а в

* Замалчивание в официальных сообщениях роли чехословаков вызывало постоянное недовольство стоящего во главе корпуса чехословацкого национального совета. И когда «заслуги взятия Красноярска» были приписаны только русским белогвардейцам, национальный совет вынудил Гришина-Алмазова послать официальный протест Омску. (ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 5, л. 41.)

Омск, ставший в десятых числах июня 1918 г. надолго столицей белой Сибири, уже устремились со всех сторон главари белогвардейских заговорщиков и всевозможные претенденты на власть. 30 июня 1918 г. была от имени контрреволюционной Сибирской областной думы⁵ опубликована Грамота народам Сибири* с сообщением, что избрано новое правительство в составе председателя совета министров, он же министр внешних сношений, П. Вологодского (юриста из Томска), министра финансов И. Михайлова, министра юстиции Патунинского, министра внутренних дел Крутовского и министра туземных дел Шатилова. В тот же день названные лица опубликовали за своими подписями еще одну грамоту. В ней сообщалось, что правительство будет «строить новую жизнь на началах, указанных Сибирской областной думой». Содержащееся в грамоте заявление о том, что «Сибирь — нераздельная часть «великой демократической республики», было первым призывом того, что главенствующие до этого сибирские областники начали в борьбе за власть терять свои позиции. Уже в эти дни наряду с другими лозунгами о новых боях была пущена в оборот фраза: «Россия не раз спасала Европу... Сейчас очередь Сибири спасать Россию».

На следующий день был опубликован первый указ правительства о назначении новых министров. Так, министром земледелия был назначен Петров, преподаватель омского сельскохозяйственного училища и доцент омского политехнического института; министром труда Шумиловский, бывший преподаватель барнаульского реального училища; управляющим делами совета министров — Гинс, экстраординарный профессор того же омского политехнического института. В целом можно считать, что первый состав временного сибирского правительства характеризовался участием в нем большого числа «ученых мужей»**. Хотя министрами были назна-

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 56, л. 177.

** Из числа профессоров и доцентов омского и томского институтов были назначены министр просвещения, министр торговли и промышленности, товарищ министра внешних сношений и т. д.; в военном ведомстве министром стал Гришин-Алмазов с военным званием и должности командующего войсками Западно-Сибирской армии (ЦГАОР, ф. 1700, оп. 7, д. 38, л. 43.)

чены лица самых разнообразных профессий и общественного положения, состав совмина не был, конечно, случайным. Дело в том, что основное руководящее ядро правительства составила пятерка лиц, назначенных самой Сибирской областной думой и названных в Грамоте народам Сибири. В числе же этих лиц первую скрипку играли прожженные политические авантюристы и проходимцы эсерствующий кадет Петр Вологодский и эсер Иван Михайлов. Включение в состав совмина ряда известных в то время в Сибири и за ее пределами профессоров и доцентов преследовало чисто агитационные политические цели — показать, что вокруг нового правительства спланиваются и его поддерживают не только армия добровольцев и офицеров, но также передовые представители интеллигенции, чьи имена должны придать правительству авторитет высшей власти в глазах населения Сибири, а также интервентов.

В оценке самих белогвардейцев правительство Вологодского получило от своего предшественника неплохое наследство: а) во всей Западной Сибири власть Советов свергнута и на огромной территории от Урала до границ Иркутской губернии все важнейшие административно-политические и экономические центры и районы в руках омской власти; б) установился самый тесный деловой военный и дипломатический контакт с руководством чехословацкого корпуса, продолжающего энергично (как на восток в сторону Иркутска, так и на запад — в районе Урала — в сторону Советской республики) действовать в интересах сибирских контрреволюционеров; в) уже создана своя Западно-Сибирская армия, насчитывающая около 11 тыс. штыков и сабель, продолжающая спешно новые формирования; г) весьма приятны сведения с Дальнего Востока, где высадившиеся в апреле японские и английские войска усиливаются новыми десантами. Из переговоров во Владивостоке с представителями держав Антанты вырисовываются весьма радужные перспективы на еще более широкую помощь вооруженной силой и материальными средствами со стороны союзников.

Все эти благоприятные для сибирских контрреволюционеров сведения и факты усиленно раздувались в белогвардейской печати и в выступлениях главарей правительства. Для большей убедительности одновременно

широко распространялись самые дикие вымыслы и лживые сообщения о катастрофическом положении в Советской республике и о близком неизбежном падении власти Советов.

2. УСПЕХИ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Идя навстречу домогательствам чешского капитана Гайды и передав под его командование все белогвардейские войска мариинского фронта, Гришин-Алмазов направлял сюда новые войска. Так, 17 июня из Омска срочно отбыл в распоряжение Гайды отряд известного карателя войскового старшины Красильникова, правда, с оговоркой, что отряд должен действовать как партизанский, имея главной целью вовлечь в борьбу с Советами енисейское казачество, так как операции развивались на территории последнего.

По данным на 29 июня 1918 г., т. е. по истечении свыше месяца со дня новониколаевского мятежа, Средне-Сибирский стрелковый корпус насчитывал всего 235 офицеров, 3807 штыков, 272 сабли, 37 пулеметов и 3 орудия. Из этих сил находились на фронте в распоряжении Гайды 1, 2, 3 и 4-й Томские стрелковые полки, 2-й Новониколаевский полк и еще несколько мелких отрядов общей численностью 132 офицера, 1900 штыков, 117 сабель и 24 пулемета. Точный боевой состав чехословацких частей на этом направлении неизвестен, но (по приблизительным подсчетам) он не превышал 1300-1800 штыков и сабель, что дает общий боевой состав противника на иркутском направлении, равный 3654 тыс. штыков и сабель.

Действия объединенных сил врагов развивались быстро. Белогвардейская сводка за 22 июня 1918 г. подводит, что весь Кузнецкий уезд очищен от красных и войска возвращаются в свои казармы в Томске и на с. Гайда^{*}. Революционный рабочий Кузбасс пал, не

^{*} Навстречу чехобелым выступил из Кольчугинского района небольшой отряд шахтеров. Но в это время в тылу его, в с. Кузнецком, подняли восстание эсеры и кулаки, что потребовало разделения и без того слабых сил (всего около 200 человек) советского отряда. В то же время эсеры спровоцировали еще одно восстание в районе Кузнецкого, т. е. в тылу того же со-

успев мобилизовать свои силы; одна из главных причин — предательская деятельность эсеров и меньшевиков, подготовивших и возглавивших восстания в тылу немногочисленных советских отрядов.

Не менее значительными были успехи врагов на главном железнодорожном направлении — в сторону Иркутска. Красноярск пал 19 июня *, а к 24 июня враги продвинулись уже на 800 км восточнее его. Оперативные сводки отмечают, что чехобелые были восточнее Нижнеудинска четыре раза атакованы большими силами красных, в рядах которых действовало «много мажар и немцев». 1 июля после сильных боев в районе ст. Зима (250 км западнее Иркутска) объединенные силы противника продолжали стремительное наступление.

Отмеченные успехи послужили основанием для издания Гришиным-Алмазовым приказа с новыми задачами для Средне-Сибирского стрелкового корпуса: «по овладении Иркутском продолжать наступление на восток с целью овладеть Забайкальем, подтянув свои части из тыла». Красные уклоняются от боя, чем облегчается стремительное наступление войск группы Гайды, в частности, мост через р. Ока длиной 220 сажен (около 450 метров) захвачен в целости. Прошло еще немного времени, и обходная колонна чехов и белых, совершив в течение двух с половиной суток марш в 100 верст, взяла 11 июля Иркутск. Попытка красных удержать вокзал и уничтожить плавучий мост потерпела неудачу **. Все тоннели Кругобайкальской железной дороги

ветского отряда. Создавшаяся обстановка вынудила отряд бросить названный район и отступить сначала в Кольчугино (ныне Ленинск-Кузнецкий), а потом и на Алтай — в сторону Барнаула.

Восстание в г. Кузнецк 14 июня 1918 г. вынудило советский гарнизон (130 человек) отступить на пароходах вниз по р. Томь; преследование вели два отряда местных белых.

* Власть в городе захватили местные белогвардейцы еще до вступления чехобелых. Тут же была объявлена мобилизация, начаты формирования полка и батареи. Отступившие из Красноярска на пароходах по Енисею советские работники с небольшим отрядом красновардейцев были у с. Монастырское настигнуты белогвардейцами и с помощью местных кулаков взяты в плен, а потом уничтожены. (ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 5, л. 62.)

** К этому времени наступавшая с запада вдоль железной дороги другая колонна врагов взяла без боя ст. Иннокентьевская (30 км западнее Иркутска). Наиболее важные мосты через реки Иркут, Белая и Кайа были повреждены красными при отступлении, и на их исправление требовалось не менее двух недель.

захвачены в исправном состоянии. Как указывается в сводках, энергичное безостановочное преследование красных продолжается.

Занятие без боев Иркутска и захват в полной исправности Кругобайкальской железной дороги расценивались белогвардейским командованием как крупный успех и окончание операции по овладению Восточной Сибирью. За 45 дней наступления чехословацкие войска Гайды и включенные в его группу войска Западно-Сибирской армии прошли около 2200 км. В ходе наступления им удалось нанести советским войскам несколько серьезных ударов, настолько сильных, что красные прекратили сопротивление уже за 100 км от Иркутска, ограничиваясь при отходе поверхностной починкой железной дороги. В итоге вся Восточная Сибирь в руках чехословаков и белых, значительно увеличившись ресурсы контрреволюционного омского правительства. Белогвардейские газеты, захлебываясь, на все члены раздували значение одержанной над Советами «крупнейшей исторической победы». Иностранные консулы спешили с поздравлениями и пожеланиями дальнейших успехов⁶.

Руководствуясь указанной выше директивой Гришина Алмазова от 30 июня 1918 г., командир Средне-Сибирского стрелкового корпуса Пепеляев готовился к операции по захвату Забайкалья, как вдруг совершенно неожиданно для него и для Гайды была получена из Омска шифровка: «Срочно 2-ю дивизию направить в Омск для следования на Западный фронт». Упомянутая в шифровке Западный фронт — это фронт самарской группы чешско-белогвардейских войск полковника Чечека и челябинской группы тех же войск русского полковника Войцеховского против Красной Армии. Оперативные сводки фронта показывали, что инициатива действий здесь в руках объединенных сил чехов и белогвардейцев: 22 июля частями Чечека был захвачен Омск, готовился захват Казани; войска Войцеховского заняли 18 июля Тюмень и ст. Бряндино, вышли на пути к Екатеринбург. Не было ничего угрожающего для интервентов и белогвардейцев в июле 1918 г. на Западном фронте со стороны Красной Армии. Только об этом из сводок штаба белой армии и чехоштаба Пепеляев отказался выполнить приказ, ссылаясь на то,

что в районе Байкала его войскам приходится действовать без дорог в горах, условия наступления очень трудные и пока еще нельзя считать операцию законченной. К тому же начатые по занятии района Иркутска новые формирования еще не боеспособны и не могут заменить отзываемую 2-ю дивизию. Надо сказать, что в данном случае Гайда не очень преувеличивал трудности. Оперативные сводки его группы отмечают попытку красных высадить 30 июля с трех пароходов крупный десант на северо-западном берегу Байкала; в разведывательных сводках указывается, что красные объявили в Забайкалье мобилизацию мужчин от 18 до 60 лет и что против наступающих со стороны Маньчжурии войск атамана Семенова действуют до 10 тыс. советских войск.

Быстрый захват Восточной Сибири и выход группы Гайды к Байкалу открыли весьма заманчивую перспективу такого же легкого и быстрого захвата Забайкалья. Но омские правители отлично уяснили себе, что центр тяжести ведения успешной войны с Советской республикой, конечно, не в районе Байкала. Они отлично понимали, что общие военно-политические и стратегические соображения требуют максимального усиления натиска на Западном (против Красной Армии) фронте, уже одерживающем своими совершенно недостаточными силами значительные оперативные успехи в бассейне Волги, а это (с точки зрения Омска) не так уж далеко и от Москвы. Если уж приходится в условиях общего недостатка сил выбирать между развитием операции по захвату Забайкалья и развитием операций в бассейне Волги, то выбор может и должен быть сделан только в пользу усиления Западного фронта за счет ослабления группы Гайды. Но забрать у Гайды войска — если они даже и свои — дело не такое простое. Категорически и прямо не прикажешь, ведь Гайда омскому правительству не подчинен: формально он офицер чехословацкого корпуса, а фактически действует абсолютно самостоятельно. А если и прикажешь — приказ просто не будет выполнен. В этих условиях Гришину-Алмазову приходилось искать другие пути и возможности достижения цели — перебросить войска с Восточного фронта на Западный. В одной из телеграмм его в Иркутск на имя командира корпуса полковника Пепеляева говорится:

«Операцию надо оживить. Наше толкание по какому-то коридору вдоль железной дороги недостаточно. Необходимо выслать вправо в горы для непрерывной разведки и активных действий хотя бы мелкие части. Кроме того, необходимо собрать все плавучие средства на случай десанта. Если вы в этом отношении проявите законную инициативу — вы лишь облегчите руководству взятие Киренска»*.

Вряд ли эта телеграмма нуждается в комментариях. На распоряжения и просьбы Омска об отправке на запад 2-й дивизии Гайда ответил тем, что и войск не хватало, и наступление затормозил**. Сказать об этом прямо и призвать Гайдю к порядку омский штаб не решился. Чтобы не обострять и без того натянутые отношения, Гришин-Алмазов избирает полковника Пепеляева — командира своего корпуса — козлом отпущения, предъявляя ему обвинения в выборе неправильного направления наступления, в отсутствии инициативы, в неумении действовать в условиях горной местности и т. д. Все это были, по существу, замечания по адресу не Пепеляева (целиком подчиненного Гайде), а по адресу самого командующего группой Гайды. Последний так эту телеграмму и понял и сделал свои выводы: время шло, а в районе Байкала все оставалось по-старому — не выделяются войска для отправки на запад, не ведется операция по быстрейшему захвату Забайкалья. Провалилась также попытка Гришина-Алмазова заинтересовать Гайдю Ленскими золотыми приисками — иначе очень трудно понять, зачем в телеграмме Пепеляеву говорится о занятии Киренска — городишка, находящемся на тысячу с лишним километров на север от

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 57, л. 68.

** За последние со дня захвата Иркутска первые 30 суток враг продвинулся всего на 200—210 км. За это время имели место только два серьезных боя: 15 июля под ст. Байкал и в начале августа под станциями Утулик и Мурино, причем в обоих случаях красные понесли тяжелые потери (несколько тысяч пленными, несколько тысяч ранеными, убитыми и главным образом утонувшими в Байкале: в районе бронепоезда, орудия, до десятка эшелонов с военными снарядами, продовольствием и т. д.). Тяжелые потери понесли также части (в основном отряды бывших военнопленных) в районе Нерчинская в Забайкалье. Главная причина поражений — разрозненные действия отдельными отрядами, во главе которых стояли плохо подготовленные и даже не служившие до войны командиры.

Иркутска в глухой тайге и не имеющего ни административно-политического, ни военного значения. Трудно сказать, насколько еще затянулось бы топтание войск Гайды в районе Байкала и чем могла бы кончиться борьба между белогвардейским генералом-командармом и чешским авантюристом капитаном, если бы обстановка на фронте против Красной Армии не заставила бы Гришина-Алмазова еще раз попытаться найти возможность забрать войска из района Байкала для усиления белогвардейского фронта в Поволжье. 17 августа 1918 г. Пепеляев получил из Омска еще одну шифровку. В ней запрашивалось, хватит ли у него собственных сил, если на Запад будут отозваны чешские войска Гайды. Это был новый вариант и вместе с тем хитрый ход в отношении Гайды. Он более чем устраивал чеха-авантюриста: ведь на Востоке было, можно сказать, с красными все уже покончено, а на Западе открывалась дорога на Москву, рисовались лавры «спасителя России».

Мы остановились столь подробно на освещении действий Гайды в районе Байкала в июле — августе 1918 г. по ряду причин. Это не только один из эпизодов того времени, показывающий все обострявшуюся борьбу за власть между русскими белогвардейцами и иностранными интервентами. Речь идет о значительно большем. Первая телеграмма Гришина-Алмазова на имя Гайды о «срочной отправке всей 2-й дивизии» на Западный фронт была послана 25 июля 1918 г. Будь она безоговорочно и срочно выполнена, названное войсковое соединение могло прибыть (скажем, под Казань или Симбирск — Самару, или на другой участок фронта) в худшем случае через месяц, полтора, т. е. в первой половине сентября. Это значит, что пополненная и снабженная в пути дивизия подоспела бы вовремя, чтобы сыграть известную роль в борьбе за Волгу или на пермском направлении. Мы преднамеренно берем самый худший (в отношении расчета времени, потребного на переброску дивизии) вариант для того, чтобы читателю стало ясно, как из-за борьбы в своем лагере враги не сумели срочно собрать превосходящие силы против Красной Армии в дни упорных боев в бассейне Средней Волги осенью 1918 г.

Надо также подчеркнуть, что вызванное борьбой за власть топтание группы Гайды в районе Байкала дало

обороняющим Забайкалье красным больше месяца времени для увеличения сил и лучшей организации обороны, но дальнейший ход борьбы показал, что передышка была плохо использована.

Переход командования белогвардейскими войсками в руки Пепеляева сказался сразу же: за две недели наступления было захвачено все Забайкалье. Сильные бои имели место в районе г. Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ), занятого врагами 22 августа 1918 г. 23 августа был взят г. Якутск отрядом Красильникова, который, кстати говоря, широко использовался в качестве высокоподвижного и сильного ударного кулака на всех фронтах. Направленный к границе с Монголией белогвардейский отряд Зиневича донес 3 сентября, что в районе Троицкосавска, Кяхты рассеяны красные отряды под командованием Каландарашвили, взято в плен 1200 мадьяр.

Героическая борьба красных отрядов в Забайкалье уже неоднократно освещалась в советской военно-исторической литературе. Основной недостаток некоторых опубликованных работ — их односторонность, выражающаяся в том, что они не дают строго документально обоснованного и критически осмысленного исследования военных действий, а делают упор только на освещение отдельных эпизодов, на описание отдельных отрядов, т. е. приводят решения и постановления, игнорируя тот факт, что большинство их выполнить не удалось. Тем самым остается абсолютно неясным основной вопрос о времени и месте рассматриваемой борьбы в истории Советского Дальнего Востока в 1917—1918 гг.

Борьба с бандами атамана Семенова началась уже в январе 1918 г. Общая военно-политическая обстановка в то время была таковой, что для окончательной победы власти Советов на русском Дальнем Востоке борьба с Семеновым оставалась явлением узкоместного значения, ничем не отличающимся от таких же «локальных» войн с контрреволюционерами на других окраинах Советской республики. По ряду причин, главным образом из-за неопытности командования, ликвидация Семенова приняла затяжной характер, но нет никаких сомнений в том, что операция закончилась бы окончательной и полной победой советских войск, если бы не осуществленная интервенция империалистов Антанты,

В частности мятеж чехословацкого корпуса и высадка японских войск в Приморье. Казалось бы, эти крупнейшего военно-политического значения факты должны были побудить руководящие партийные и советские центры на Востоке в лице Центросибири в Иркутске и Дальсовнаркома в Хабаровске⁷ отложить все гражданские дела, учесть происходящие в обстановке изменения и принять срочные меры к объединению сил и действий, тем более что связь с Москвой была прервана. Сделать многое за недостатком времени и при ограниченных возможностях на месте было, конечно, чрезвычайно трудно, почти даже невозможно*. К сожалению, приходится констатировать факт полного отсутствия координации решений и действий названных руководящих центров. Говорить об этом надо в особенности потому, что руководители этих центров забыли предупреждение В. И. Ленина, сделанное им через Иркутск Владивостокскому Совету уже 7 апреля 1918 г., как только получены были сведения о высадке первых японских войск. «Мы считаем, — говорится в указанной телеграмме, — положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут вероятно все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил. Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и жел.-дор. материалов. Не задавайтесь неосуществимыми целями. Готовьте подрыв и взрыв рельсов, увод вагонов и локомотивов, готовьте минные заграждения около Иркутска или в Забайкалье»**.

* Дальневосточный краевой штаб советских войск был создан 6 апреля 1918 г., т. е. почти за два месяца до мятежа чехословацкого корпуса. Его внимание и силы привлек тут же так называемый Гродековский фронт, созданный против белоказаков Калмыкова и Орлова. Захват чехословаками Владивостока 29 июня 1918 г. еще более ухудшил обстановку, так как интервенты начали наступление вдоль Уссурийской железной дороги на Хабаровск. Образовавшийся здесь так называемый Уссурийский фронт представлял для Дальсовнаркома наибольшую опасность, и, вполне естественно, ему он уделял больше внимания и сил, чем находившемуся от Хабаровска за 2 тыс. км Даурскому фронту против Семенова.

** В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 199.

Содержащиеся в телеграмме конкретные указания В. И. Ленина полностью выполнены не были: Хабаровск, как и Иркутск, продолжал жить своими собственными местническими интересами. В этом основная причина, почему героическая борьба красных отрядов Приморья, Амура и Забайкалья не дала для общего дела защиты Сибири и Дальнего Востока всего того, что она могла и должна была дать*.

Не приходится, к сожалению, также говорить о том, что оборона Забайкалья привлекла и сковала значительные силы чехобелых и тем самым оказала существенную помощь Красной Армии в критический период боев летом — осенью 1918 г. в бассейне Волги. Правда, мало было оснований рассчитывать, что удастся удержать за собою Забайкалье⁸ против натиска с трех сторон (с запада — группы Гайды, с юга из Маньчжурии — войск Семенова, из района Владивостока — чехословаков и прибывающих новых десантов интервентов) превосходящих во всех отношениях сил регулярных войск интервентов⁹, а также белых. Но это не значило, что нужно было вообще прекратить вооруженную борьбу¹⁰. Обстановка в июле — августе 1918 г. на Советском Дальнем Востоке была во много раз сложнее и труднее обстановки в апреле того же года. И если уже тогда, в апреле, В. И. Ленин в категорической форме предупреждал: «Не делайте себе иллюзий. ...Надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил...», — то разве эти ленинские слова не должны были заставить и Центросибирь и Дальсовнарком в июне — июле действительно и действительно серьезно готовиться к предстоящей борьбе?

* К августу 1918 г. численность красных войск в Забайкалье составила около 20 тыс. человек, что давало им двойное превосходство над силами Семенова и Гайды. Это обстоятельство, а также весьма благоприятные для действий иррегулярных войск условия местности в районе оз. Байкал предоставляли красным полную уверенность, если и не разгромить Гайду, то надолго сковать его. К сожалению, это сделано не было по причине отсутствия общего централизации защиты края, неопытности командования и штабов, а также подготовки отрядов и т. д. Показателен в этом отношении следующий факт. Из Забайкалья был отправлен в Приморье Дальневосточный социалистический отряд В. Бородавкина — переброска, конечно, оправдываемая, ослабляющая важнейший участок общего фронта и мешающая решительным действиям.

Было очевидно, что в конкретных условиях русского Дальнего Востока в то время не могла не возникнуть вооруженная борьба широких масс трудового населения против иностранных захватчиков и против контрреволюционеров. Чтобы борьба эта не пошла самотеком, чтобы не приходилось потом, после временной победы врагов, начинать ее организовывать с самого начала и притом в условиях террористического режима интервентов и белых, необходимо было заблаговременно — на случай вынужденного оставления советскими войсками известных районов — создать в них организационно продуманные и материально подготовленные очаги будущих повстанческого и партизанского движений. История народных и революционных войн всех времен показывает, что такой способ сочетания действий организованных армий с действиями повстанческих и партизанских отрядов был всегда самым эффективным и давал наибольшие результаты¹¹. На Советском Дальнем Востоке в 1918 г. не все было сделано — таков исторический факт, облегчивший интервентам и белогвардейцам дальнейшие захваты и увеличение сил¹².

Пока на фронтах разворачивались отмеченные военные действия, в самой Сибири произошли события крупного военного и политического значения, отражающие борьбу внутри лагеря белогвардейцев. 15 июня 1918 г. совершенно неожиданно для омского правительства войсковой круг Сибирского казачьего войска избрал командира Степного сибирского корпуса Иванова войсковым атаманом, оставляя за ним право совмещать атаманство с должностью комкора. Сосредоточение в одних руках таких крупных вооруженных сил было признано омскими заправками опасным. Началась борьба, закончившаяся освобождением Гришина-Алмазова от всех его должностей и назначением вместо него Иванова*. Опираясь на сильную группу в составе омского правительства и пользуясь поддержкой некоторых влиятельных контрреволюционных кругов Сибири, Иванов Ринов стал играть видную политическую роль. Он сохранил за собою вплоть до ноября 1918 г. все высшие

* Специальным постановлением омского правительства ему присвоен был чин генерала и разрешено впредь именоваться Иваном Риновым.

посыльные посты в Сибири, а именно: управляющего военным министерством, командующего отдельной Сибирской армией и атамана Сибирского казачьего войска.

Другим заслуживающим внимания фактом был со-мни в Томске заседания Сибирской областной думы, на которое были приглашены все иностранные представители, кроме чехословаков. Заправила думы рассудили совершенно правильно: мавр сделал свое дело — мавр может уйти. Солдаты восставшего корпуса свергли вез-те в Сибири Советы, продолжают драться против Красной Армии на Западном фронте, завоевывают для омского правительства обширные территории на Со-мном Дальнем Востоке и в качестве карательных отрядов усмиряют целые районы восставшего против новой власти трудового населения. Все это очень хо-рошо и похвально, но из этого совершенно не следует, что чехословаки должны играть какую-то политиче-скую роль, заниматься политическими вопросами. Ру-ководители чехов высказали сильное недовольство, но с ним ничего и не добились.

Была еще один неприятный вопрос, улаживанием ко-торого омскому правительству пришлось срочно занять-ся. Самарский Комуч¹³ требовал от всех других бело-охранительских правительств своего признания в качестве центра. Сибирские главари белых и не думали уступить Комучу и, чтобы подкрепить свои позиции, создали в противовес самарскому Комитету членов бывшего Учре-дительно-го собрания еще один комитет из таких же со-мных «учредилки»*.

Конечно, что споры и грызня** за власть и за теплые и хорошие места могли только ухудшить и ослабить по-ложение правительств, но никак не укрепить его. Ходом

* Свой первый послан был в Екатеринбург политический про-двинутый финансист омского правительства И. Михайлов, кото-рый быстро договорился с местными учредилками. По-сле этого они объявили себя уральским правительст-вом. Омским блок против самарского Комуча.

** Споры и разногласия между омскими и самарскими контррево-люционными властями в это время также вопрос о г. Златоуст. 18 июля 1918 г. омское правительство постановило включить Златоуст и его окрестности в состав Уральской автономной республики, хотя речь шла не о Сибири и Урале. Постановление вызвало резкое вы-сказывание со стороны более обострившее отношения между этими контрреволюционными центрами на Востоке.

событий поставлен был в порядок дня вопрос о необходимости прийти к какому-то соглашению, прежде всего попытаться договориться о координации военных действий.

При самом активном посредничестве чехословацкого национального совета в Челябинске в конце августа 1918 г. состоялись переговоры, на которых был определен состав будущего совещания, назначенного на начало сентября в Уфе. По ряду причин оно могло состояться только в двадцатых числах указанного месяца* и закончилось, во-первых, избранием уфимской Директории и, во-вторых, назначением общего для всех контрреволюционных вооруженных сил на Востоке верховного главнокомандующего генерала Болдырева. Вопросами перестройки работы и организации срочно занялись и сами чехословаки. 16 июля 1918 г. состоялся в Челябинске съезд представителей всех частей корпуса. Во исполнение принятых решений командиром корпуса с 27 августа был назначен произведенный тут же в генерал-майоры чех Сыровый, бывший же комкор генерал-майор русской службы Шокоров произведен в генерал-лейтенанты и назначен генерал-инспектором чехословацких войск в России. Замена русского генерала белогвардейца Шокорова чехом Сыровым — результат борьбы за власть, которая шла среди руководителей мятежного корпуса, а также между чехословацким национальным советом и омским правительством.

3. БОРЬБА ЗА СОВЕТСКИЙ УРАЛ И ПОВОЛЖЬЕ

В момент восстания командование чехословацкого корпуса находилось в Челябинске. Здесь же сосредоточились (в железнодорожных эшелонах с назначением на

* В совещании участвовали: 1) временное сибирское правительство; 2) самарский Комуч; 3) состряпанное Михайловым уральское правительство; 4) башкирское правительство; 5) киргизское правительство; 6) представители от тюрко-татарского населения, т. е. тех же татар, башкир; 7) представители от съезда земств и городов — земгор; 8) представители от семи казачьих войск (Уральского, Оренбургского, Сибирского, Енисейского, Семиреченского, Забайкальского и Уссурийского); 9) представители партии кадетов, эсеров, меньшевиков, народных социалистов («энесов»); 10) представители «Союза возрождения и единства», а также представители от ряда более мелких контрреволюционных групп.

Владивосток) значительные силы корпуса под командованием русского полковника Войцеховского. Первой крупной после занятия Челябинска ¹⁴ операцией его был захват Омска *. Выполнив задачу и установив связь с частями Гришина-Алмазова, ударный кулак группы (около 2,5 тыс. штыков и сабель, в том числе свыше 1600 штыков и сабель чехословаков) ушел обратно на запад, в сторону Челябинска, выделив небольшие части войск для преследования отступающих из района Омска на северо-запад разрозненных малочисленных красных отрядов, которым к тому же приходилось прорываться на Урал через районы враждебно настроенного к Советам населения **. Главную роль в преследовании выполняли многочисленные отряды кулаков и офицеров Тюменского и Ишимского уездов.

Первым крупным населенным пунктом, в котором начали собираться отступающие омские красные, был Ишим, расположенный в 283 км к северо-западу от Омска и насчитывавший в своем гарнизоне 300 бойцов, половина которых составляли бывшие военнопленные первой мировой войны. Для усиления приобретающего все большее значение направления Ишим, Омск срочно на Иртыш и Екатеринбург прибывали в Ишим новые отряды красногвардейцев ***.

То было время так называемой «эшелонной войны», когда вооруженные отряды жили и передвигались в железнодорожных составах, когда рубежами служили депо и железнодорожные станции, а военные действия, как правило, не выходили за пределы 25—30 км в сторону от железной дороги.

В Омске советскими войсками было оставлено около 10 млн. патронов, 1 млн. гранат, орудия с большим количеством снарядов, много самолетов, много автомобилей. Все было подготовлено к эвакуации, но эвакуацию сорвали предатели из числа руководителей советской партии. (ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 14, л. 68.)

Одни из участников этого отступления в своих воспоминаниях рассказывают: «Отряду приходилось выдавать себя в деревнях за белых, и тогда нас принимали с распростертыми объятиями, давали хлеб, масло и т. д., а наших интернационалистов — жестоко чехи». (ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 56, лл. 1—4.)

От Омска путем через Екатеринбург прибыли 100 красногвардейцев, около 50 большевиков во главе с омским коммунистом (Е. П. Эйдемана) под командованием Р. П. Эйдемана — ядро отступающих на пароходах по Иртышу на Тюмень и далее дооборудованных от белых г. Тара.

По призыву и под руководством большевиков промышленный Урал встал на защиту революции и родного края. К середине июня ушли на фронт две трети членов Уральской областной партийной организации. По донесениям, уральского областного военного комиссара С. А. Анучина, на 15 июня 1918 г. в его распоряжении имелось около 20 тыс. красных бойцов, а запись добровольцев составляла в среднем ежедневно 200—300 человек.

Начиная с района Ишима, «победоносное шествие правительственных войск среди ликующего населения» (как хвастливо до этого писали белые газеты) кончилось. И сразу же изменились содержание и тон оперативных сводок штаба белой армии. «Красные, — говорится в одной из таких сводок, — создали в Тюмени круговую оборону города с проволочными заграждениями в два кола. Гарнизон состоит из 3 рот русских, отряда мадьяр (400 человек) и отряда матросов (300 человек), имеется около 38 пулеметов, 2 легких и 4 тяжелых орудия и от 800 до 1100 вооруженных рабочих»*. Аналогичные укрепления красными крупных железнодорожных станций и сосредоточения значительных сил в ряде населенных пунктов отмечаются на всех важнейших оперативных направлениях.

Соотношение сил ко второй половине июня 1918 г. было таковым, что после занятия 18 июня Тюмени белые приостановили наступление. Главные силы красных омского направления (как его официально называли наши штабы) сосредоточивались в Камышлове** (180 км от Тюмени), где проводили спешную реорганизацию, пополнение и готовились начать операцию освобождения Тюмени. Помешало осуществлению плана быстрое наступление главных сил Войцеховского от Челябинска на Екатеринбург, что вынудило камышловскую группу красных начать отход в район ст. Егоршино; здесь из всех отступивших войск была сформирована 1-я Уральская дивизия.

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 57, л. 4.

** В конце июня 1918 г. сюда прибыло около 1 тыс. бойцов — ядро упомянутого отряда С. Черепанова, — прошедшие с боями около 1 тыс. км от Барабинска. К сожалению, этот первый на Восточном фронте героический рейд красных бойцов совершенно еще не освещен.

Кроме местных контрреволюционных отрядов наступление на Урал вели части Степного сибирского корпуса. Приказом командарма Сибирской ему еще 21 июня поставлена была задача: «Теперь же организовать операцию для немедленного захвата после Тюмени района Туринска и наступать вдоль железной дороги от г. Ирбит на Екатеринбург» *. Район действий указанного корпуса огромный, а задачи поставлены ему большие и трудные. Он должен из своего основного района Семипалатинска — вести военные действия против красных в сторону Семиречья, т. е. на юг и юго-запад. Он должен часть своих сил направить от Семипалатинска на северо-восток для действий в Кулундинской степи против прорвавшихся сюда красных отрядов Атаи. Он должен занять перевалы через Урал на екатеринбургском направлении, т. е. выделить значительные силы для действий на Урале, отстоящем на тысячу километров к северо-западу от двух других указанных направлений его действий.

Боевой состав корпуса насчитывал к концу июня 1918 г. около 7500 человек, 55 пулеметов и 14 орудий, во многом отмеченной разбросанности задач и необходимости держать во всех захваченных городах сильные гарнизоны на Уральский фронт могло быть выделено всего 500 штыков и сабель и 14 пулеметов. Добиться каких-либо серьезных успехов такими ничтожными силами при необходимости действовать на фронте в несколько сот километров, конечно, нельзя было. Поэтому белогвардейское командование приняло срочные меры к сокращению своих войск в районе Урала. Сделать это оказалось не так уж трудно.

Подразделение сосредоточенной в районе Челябинска группой белогвардейского с первых же дней мятежа собирались в этот контрреволюционные элементы. Южнее Челябинска находился район Оренбургского казачьего войска, с конца 1917 г. ведущего во главе с Дутовым ожесточенную борьбу против Советов. Согласно боевому приказу от 22 июня 1918 г. белогвардейские силы, состоявшие из Челябинской дивизии и отдельных отрядов, сформированных казачьего полковника Сорочинского, насчитывали около 4500 штыков и сабель, 9 пу-

леметов и 4 орудия. Формально не подчиняясь Войцеховскому, но опираясь на него в своих действиях, войска Сорочинского образовали вместе с частями Войцеховского сильную группировку, насчитывавшую до 8—9 тыс. штыков и сабель.

В оперативном отношении положение этой группировки было сложным. Ей приходилось действовать в четырех расходящихся направлениях: на восток — в сторону Омска, на запад — в сторону Златоуста (на встречу самарской группе Чечека), на север и северо-запад — против рабочих и красногвардейских отрядов создававшегося на этом направлении Северо-Уральского фронта и, наконец, на юг — для установления взаимодействия с белоказаками Дутова.

Наиболее легким оказалось омское направление, на всех же остальных действия до конца июня развивались крайне слабо. Это не могло не привлечь внимания омского правительства, и 4 июля последовал приказ Гришина-Алмазова о формировании третьего по счету Уральского корпуса. Командиром его был назначен генерал-лейтенант артиллерии старой армии Ханжин, впоследствии командующий войсками ударной Западной армии Колчака в дни большого наступления колчаковцев от Урала к Волге весной 1919 г. В состав корпуса включились все части и отряды, а также пешие и конные сотни Оренбургского казачьего войска, действующие в пределах Пермской и Оренбургской губерний и Тургайской области. Согласно тому же приказу Ханжину ставилась задача: «продолжая совместно с чехословацким корпусом наступление с целью овладения Екатеринбургом, сосредоточить все свободные от этой операции силы и начать ими наступление в общем направлении на Верхнеуральск и Оренбург с целью обеспечить левый фланг чехословацкой группы, наступающей на Уфу, а также очистить от красных Оренбургскую губернию» *. Не может не привлечь внимания формулировка задач. С одной стороны, Ханжину приказано направить усилия войск для овладения Екатеринбургом, а с другой стороны, он должен «все свободные от этой операции силы» собрать и направить и диаметрально противоположную сторону — на юг для

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 57, л. 9.

чистки от красных Оренбургской губернии. Такая раз-
просанность войск, неопределенность и нечеткость фор-
мулировки задач не были случайностью и могут быть
объяснены рядом причин и соображений. Ханжину по-
ручается громадный участок от Верхотуринска до Ак-
тюбинска, т. е. фактически весь Урал с несколькими
важными направлениями действий, определяющими об-
щую протяженность активного фронта 1000—1200 км.
Уральского корпуса как такового еще нет, его надо толь-
ко еще создавать из тех отрядов и отрядиков, которые
в ходе предыдущей борьбы образовались на местах
иногда порядком на всей указанной в приказе огром-
ной территории и о которых даже точно неизвестно, где
они, что они собою представляют как вооруженная си-
ла, кто ими командует, какие задачи ими выполняются
и т. д.

Но главная причина неопределенности формулировки
задач была не в этих обстоятельствах. Она заключалась
в том, что само белогвардейское высшее командование
не знало, что же будут делать «дорогие союзники» —
войска мятежного корпуса. Весь предыдущий опыт
борьбы в Сибири показал омскому правительству, что
с чехами добиться никаких серьезных успехов невоз-
можно. На восточном — иркутском — направлении во-
енный вопрос разрешился как-то сам собою и очень просто:
чехи не спрашивая, чех капитан Гайда «взял всю
Сибирь в свои руки», как сказано в его упомянутой
телеграмме. Отлично понимая, у кого сила, вре-
менное сибирское правительство в лице командарма
Аммулова поспешило приказать своим войскам
подчиниться и распоряжение Гайды. Командир Средне-
сибирского стрелкового корпуса «полковник император-
ской русской армии» Пепеляев поступил в полное рас-
хождение с принципами милитаризма в военном отношении и ниже
просто грубое нарушение положений и традиций
русской армии — тех самых традиций и при-
нципов восстановления которых Пепеляев и иже
составили борьбу против Советов.

Но делать было нечего. Придерживаясь политики
неучастия и не вмешиваясь в оперативные дела,
командующий Гайда со своим штабом как бы во-
всюду следовал за группой Гайды. Пока что такая поли-

тика использования чехов оправдывала себя в Сибири полностью, и в этом отношении немалую роль сыграли честолюбие и тщеславие авантюриста Гайды.

На Уральском фронте обстановка сложилась другая. Командующий челябинской группой чехословаков русский полковник Войцеховский дал только 29 июня 1918 г. приказ о наступлении из района Челябинска на север для овладения Екатеринбургом. Сделано это было им лишь после того, как белогвардейский командарм поставил своему Степному корпусу задачу занять уральские перевалы и вести наступление на тот же Екатеринбург с востока *.

Мы уже отметили, что по призыву и под руководством Коммунистической партии пролетарский красный Урал встал на защиту Советов. Правда, Урал не был однородным с точки зрения классового состава населения и дислокации революционных и контрреволюционных сил. Он распадался как бы на две части, границей между которыми служила широкая полоса Самаро-Златоустовской железной дороги. Расположенная к северу и северо-западу от нее часть Урала включала в себя основные горнопромышленные районы с многочисленным революционно настроенным рабочим населением. В расположенной южнее части Урала также имелись отдельные такие же районы, но они были изолированными островками среди массы основного населения — казаков Оренбургского казачьего войска и башкир. Здесь уже с ноября 1917 г. шла вооруженная борьба против контрреволюционного оренбургского казачества и части башкирского населения, руководимого башкирскими буржуазными националистами. Ко времени начала чехословацкого мятежа борьба эта все еще продолжалась с переменным успехом **. Образовав-

* Из документов видно, что только около 1 тыс. штыков и сабель направлено было Войцеховским на Екатеринбург из Челябинского района, общая же численность наступавших с юга и востока войск составила около 2000—2500 штыков и сабель. Сил этих оказалось совершенно недостаточно, чтобы добиться решающих успехов легко и быстро, как это произошло в Сибири.

** Наибольший успех был достигнут в январе 1918 г., когда красные войска так называемого оренбургского фронта под командованием С. Д. Павлова заняли столицу Дутова — Оренбург с помощью восставших рабочих города и наступавших из Туркестана красных отрядов. По ряду причин успех закреплен не был.

нийся в районе Челябинска в мае — июне 1918 г. фронт войск группы Войцеховского в сторону Уфы был как бы продолжением фронта дутовских белоказаков и в то же время второй линией в глубоком тылу группы войск Чечека, которая в момент начала мятежа находилась на западном берегу Средней Волги (в районе городов Пенза, Сердобск, Балашов) и связи с Войцеховским не имела. Опасность разгрома самарской группы была реальна и очень серьезна¹⁵, но помочь немедленно Чечеку командование оказалось не в состоянии.

В этой связи представляет исключительный исторический интерес директива командующего войсками корпуса генерала Шокорова от 8 августа 1918 г.^{*}, адресованная десяти наиболее значительным группам чехословацких и белогвардейских войск, с которыми чехово-белое поддерживал связь.

В директиве говорилось, что, по достоверным сведениям Чечека, большевики сосредоточивают в районе Саратова 20 тыс. солдат новых формирований, а также перебрасывают с Украинского фронта и ведут планомерное наступление на города Вольск-Хвалыньск и Сызрань. Другой удар их предполагается от Пензы. У Чечека сил недостаточно: кроме обеспечения переправ у Самары и Симбирска необходимы гарнизоны в Самаре, Троицком, Оренбурге, Уфе и охрана железных дорог. По мнению представителя английской армии капитана Джонса, в Архангельске и Мурманске в начале июля находилось 25 тыс. солдат союзников, которые должны к 15 июля занять Вологду. Далее в директиве говорилось: «Инициатива занятия Екатеринбурга^{**} и ликвида-

^{*} ЦГА ВКВ, ф. 1137, оп. 4, д. 57, л. 84.

^{**} О наступлении к Екатеринбург чехобелых шло медленно, в основном силами (13-15 июля под заводом Нязе-Петровым, восточнее Поном Уфалесом и т. д.), и только 25 июля вражеские войска заняли городом.

В директиве упоминается и приказе о высадке 25 тыс. солдат союзников с целью занять к 15 июля Вологду.

Вопрос обманчивости не только своих солдат. В 1924 г. Меморандум, представленный Борисом Савинковым рассказывал, что французский посол Нуланс из Вологды сообщил, что союзный союзнический десант будет на Севере объявлен в 1918 г. и что поэтому надо торопиться с действиями в Мурманске, Рыбинске, Костроме и Муроме.

ции Тюмени я решил усилить группу Чечека, для чего: 1) полковнику Войцеховскому вступить в командование всеми частями челябинской и омской групп войск чехословаков и Степной дивизии (белогвардейской. — Г. Э.) и образовать особую екатеринбургскую группу. По очищении Екатеринбургского района от советских войск, выделив в распоряжение полковника Чечека 2-й чехословацкий стрелковый полк и 2-ю батарею, занять г. Пермь, где укрепиться, ожидая прибытия союзных войск; 2) группе полковника Чечека, удерживая переправы на Волге у Сызрани и Симбирска, обратить особое внимание на южное течение Волги (саратовское направление), откуда можно ожидать появления австро-германских войск; 3) группе капитана Гайды продолжать выполнение ранее поставленных задач, продвигаясь далее на восток до соединения с чехословацкими войсками, наступающими от Владивостока».

Директива Шокорова — заслуживающий доверия подлинный архивный документ, впервые в форме оперативного приказа четко и точно ставящий войскам задачу овладения Пермью. Важно отметить, что зародилась эта идея в голове Шокорова не спроста, а в результате информации (а может быть, прямых указаний) представителя английской армии капитана Джойса. Но примечательно в директиве не только это. Еще большего внимания заслуживает та бесцеремонность, с которой Шокоров распоряжается армией временного сибирского правительства, притом через голову ее командующего, для которого Шокоров не нашел более приличествующей такому крупному чину задачи, как вылавливание остатков красных отрядов в степных районах Семиречья, Кулунды и Тургая. По существу, директива означала отстранение русских белогвардейских генералов и офицеров от общего руководства военными действиями и полное игнорирование омского правительства.

«Французы нас обманули», — заявил Савинков и добавил, что Нуланс вполне сознательно обманул эсеров, чтобы получить возможность сослаться на восстания в названных городах в качестве предлога к вторжению войск Антанты. Восстания эти нужны были империалистам еще и для того, чтобы обманывать трудящиеся массы своих собственных стран. (Из истории гражданской войны в СССР. Т. I. М., 1960, док. № 47.)

По делать омским главарям было нечего — идти на открытый разрыв с «дорогими союзниками» было еще преждевременно¹⁸.

Как же развивалась борьба в Приуралье со стороны советских вооруженных сил? *

В Приуральском военном округе, на территории которого разворачивались рассматриваемые в настоящем разделе военные действия, числилось:

Губернии	Всего бойцов	В том числе		Всего на фронте
		красногвардейцы	добровольцы	
Вятская	6 200	2 000	100	1 000
Вологодская	4 600	800	200	—**
Пермская	7 700	400	500	1 100
Уфимская	12 000	6 000	2 400	6 000
Симбирская	7 300	—**	2 300	—**
Итого . .	37 800	9 200	5 500	8 100

Воинная обстановка для советских отрядов Уфимской губернии была сложной. С востока, из-за Урала, основная группа Войцеховского и части полковника Красинского; с юга наступали дутовские казаки совместно с белобанкирскими отрядами; с запада, из рай-Гамары, двигались части Чечека, стремящегося восстановить связь с Войцеховским. Все это превращало эту территорию от Уральских перевалов до Волги на западе и реки Урал на юге не просто в театры военных действий, а придавало ей значение ключевой в удерживании которой красными отрядами было огромное оперативно-стратегическое значение.

¹⁸ См. отдел учета Наркомвоенна на 1 июня 1918 г., составленный из списков корпусов в Красной Армии численностью в 1 человек, в том числе вооруженными только 11 000 человек. Уже шла вооруженная борьба, но в связи с перемещением на действующую армию и тыловые отряды, данные обобщены общим числом по отдельным военным округам. ЦГА СФ, ф. 4, оп. 1, д. 39, лл. 121—143.)

¹⁹ Данные отсутствуют. (ЦГАСА, ф. 4, оп. 4, д. 39,

Ведение военных действий на таком огромном плацдарме требовало энергичной и срочной работы по созданию на месте сил и средств, а также умелого политического руководства и военного маневрирования. Именно для этого 30 мая 1918 г. в Уфу прибыл с группой старых военных специалистов член коллегии Народного комиссариата по военным делам Н. И. Подвойский, благодаря чему Уфа стала на время военным и политическим центром по руководству военными действиями против трех групп врагов: Чечека, Войцеховского и Дутова¹⁷.

В Екатеринбург Подвойский направил прибывшего с ним члена Высшей военной инспекции Советской республики Рейнгольда Ивановича Берзина¹⁸. Прибыв в Екатеринбург и ознакомившись с обстановкой, Р. Берзин 18 июня докладывал по прямому проводу Подвойскому в Уфе: «Дела в Екатеринбурге печальные. Нет никаких сил, на которые можно было бы надеяться, все бегут с фронта. Боюсь, чтобы на днях Екатеринбург не пал. Рабочие относятся очень враждебно к Советам*. В связи с занятием противником и чехами 10 июня Кыштыма в Екатеринбурге паника, надежных частей нет. Что нам говорили о полках... это только одно название**... в день приезда пришлось разоружить... Вчера состоялось заседание областного Совета, представителей областного комитета партии коммунистов и обкома левых эсеров и военного комиссариата Уральского военного округа. Предложили мне взять командование в оперативном смысле всеми силами Северо-Урало-Сибирского фронта¹⁹ с участием военного руководителя Надежного и военного комиссара Анучина. Я ответил, что могу принять только с согласия Подвойского...»

* Видимо, Берзин имел в виду районы с сильным влиянием эсеров.

** В докладе уральского военно-окружного комиссара от 15 июня 1918 г. говорится, что уже сформированы части (до 20 тыс. бойцов) и идет формирование новых полков, артдивизионов, авиаотрядов и т. д. Созданы губернские и уездные военные комиссариаты, но нет самого главного низового звена — волостных. На территории Уральского военного округа находилось около 75 тыс. бывших военнопленных первой мировой войны, охрана которых требовала выделения значительных сил. (ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 4, л. 6.)

В тот же день последовал от имени Подвойского ответ: «Берзину взять главнокомандование до очистки Омска от чехословаков, после очистки поспешить в Сибирь для организации там войск. В Уфе мы переломили настроение не только среди губисполкома, но и среди железнодорожных рабочих. Удалось поставить оборону со стороны Кинели * (против группы Чечека. — Г. Э.) на надежную ногу: рота латышей с Блохиным там делают чудеса. В Тургоряк ** прибыл эстонский полк с хорошим составом и стал на позицию... Чехословаки поняли, что мы создали сильную оборону на уфимском направлении, и боятся двигаться. Зиновьев (командующий Оренбургским фронтом. — Г. Э.) *** ударит против них и разобьет. Как только кончится формирование полков в Уфе, полевой штаб будет следить за их правильным распределением. Переломите критическое настроение. Идите твердым испытанным путем. Прикажете всем частям на всех позициях выгрузиться и пошлите еще одну часть в тыл — это сразу поднимет боеспособность. Помните, Берзин, что сейчас нужен риск... Сейчас только крепкая рука выведет нас из болота. Подтвердите требование Совнаркома не пустить чехословаков дальше Ишима» ****.

Нельзя сказать, что не было особой необходимости настаивать Берзину на энергичные действия по организации отпора врагам. С первого же дня прибытия в Оренбург он установил непосредственную связь с Самарой и Петроградом, не столько для отправки информации, сколько с целью получения помощи *****.

Нельзя только помощи материальными средствами для Берзина. Отлично понимая, что исход борьбы будет зависеть от того, удастся ли большевикам расширить Северо-Урало-Сибирского фронта разгро-

* Кинели — 41 км восточнее Самары (ныне Куйбышев).

** Тургоряк — 50 км восточнее Златоуста.

*** Тургоряк.

**** ЦГАУ, ф. 142, оп. 1, д. 14, л. 6.

***** Берзин в Петроград Морколлегии, Северной Комму-

нации и военному комиссару Балтфлота Флеровскому Берзин

написал 10.10.1918 г. Берзин (фамилия командированного Берз-

кина) просит послать на фронт не менее десяти бро-

неческих пулеметов и 37-миллиметровых

пушек. (ЦГАУ, ф. 142, оп. 1, д. 2, л. 44.)

мать прежде всего политических врагов Октября — эсеров и меньшевиков, имевших еще крепкие позиции на некоторых заводах Урала, а также от того, удастся ли создать перелом в настроении рабочих масс* и трудового крестьянства, Берзин вместе с партийными руководителями принимает исключительные меры к решению прежде всего этих политических и партийных задач**.

Принятые меры не могли не дать результатов. 26 июля 1918 г. областной Совет в лице Ф. Голощекина, Н. Толмачева и Сафарова телеграфировал в Бюро печати Совнаркома: «Угроза взятия Екатеринбурга подняла рабочие массы. Все окрестные заводы и мастерские останавливаются — рабочие встают в ряды армии. Перелом в настроении большой, инициатива исходит снизу»***.

На первый взгляд телеграмма эта находится как будто в явном и резком противоречии с тем, что говорилось выше о настроении рабочих. Но это не так, ибо: 1) речь идет о различных заводах и различных рабочих районах; 2) донесения Берзина относятся к началу июня, телеграмма же датирована концом июля, т. е. почти полутора месяцами позднее; 3) за истекший промежуток времени ход событий показал всем силу Красной Армии на фронтах и прочность власти Советов в тылу.

13 июня 1918 г. Совнарком вынес решение о создании Революционного военного совета Восточного фронта для объединения действий советских вооруженных сил, ведущих борьбу против мятежного чехословацкого корпуса и белогвардейцев. 14 июня Реввоенсовет республи-

* 12 июня он телеграфировал Военному отделу ВЦИК: «Положение остро критическое ввиду усиленной агитации контрреволюционных элементов в Екатеринбурге, оборонческих настроений рабочих, неимения надежной реальной силы...» (ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 14, л. 62.)

** 10 июня при посещении штаба группы на ст. Бердяуш Берзин предложил командованию «путем агитации и распространения прокламаций, воззваний и т. д. вызвать разложение среди солдат чехословацкого корпуса». 9 июля он телеграфировал в Москву Центральному Комитету РКП(б) и в Петроград горкому партии: «Послал Любецкого за литературой. Принимайте все меры к отпуску не менее вагона литературы, газет, памятуя, что вагон литературы на фронте по силе взрыва своего равен вагону снарядов и больше...» (ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 14, л. 4; ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 2, л. 43.)

*** ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 2, л. 80.

ки телеграфировал Берзину о назначении его командующим 3-й революционной советской армией, в состав которой входят все войска Северо-Урало-Сибирского фронта. Для организации штаба армии предлагалось привлечь бывших офицеров — слушателей военной академии в Екатеринбурге.

Командующим Восточным фронтом был в то время левый эсер Муравьев, поднявший в июле 1918 г. мятеж против Советской республики в связи с эсеровским мятежом в Москве. Но еще до открытого выступления Муравьев всячески дезорганизовывал и ослаблял фронт против Чечека, а накануне своего ареста подписал приказ прекратить военные действия против чехов и белых, чтоб двинуться на Москву. Будучи тайным врагом Советской власти, которому удалось занять высокий и ответственный пост командующего войсками фронта, Муравьев за три недели своего командования ничего не сделал, чтобы энергично и умело осуществить решение Совнаркома о реорганизации вооруженных сил Республики, героически боровшихся в бассейне Волги против объединенных сил чехословаков и белогвардейцев. Между тем обстановка была чрезвычайно сложной и трудной. «Фронт, — доносил в конце июня 1918 г. тому же Муравьеву помощник командующего вновь созданной 3-й армией С. М. Белицкий, — подвергается сильной опасности роста контрреволюционной заразы в тылу. Необходимы срочно несколько броневиков и хотя бы один бронепоезд. Держимся зубами за каждую пядь советской земли, но шесть направлений на внешнем фронте и четыре направления на внутреннем заставляют нас просить поддержки»*.

Можно было бы привести целый ряд телеграмм, в которых Берзин и руководство 3-й армии обращалось и с просьбами, и с требованиями в центральные военные организации об оказании помощи.

Такой беспокойный командарм оказался не ко двору председателю РВСР Троцкому. Совершенно неожиданно штаб 3-й армии получил приказ о назначении вместо Берзина командующим войсками армии бывшего генерала Надежного, состоящего военным руководителем Уральского военного округа. Местные партийные

* ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 2, л. 32.

руководители не нашли это назначение приемлемым, и 18 июля за подписями Ф. Голощекина, Н. Толмачева, С. Анучина и двух членов президиума областного Совета была послана телеграмма В. И. Ленину, Я. М. Свердлову и Троцкому: «Срочно убедительно просим к аппарату для личных переговоров» *. Известно, состоялись ли эти переговоры, но в делах архива имеется телеграмма члена РВСР Смилга, адресованная РВС Восточного фронта: «Вчера по приказанию Троцкого принял командование Северо-Урало-Сибирским фронтом (старое наименование 3-й армии. — Г. Э.). Положение чрезвычайно серьезное. Чехословаки рвут у Кузино ** линию железной дороги Пермь — Екатеринбург. Бросайте все резервы в Пермь. Торопитесь назначением нового командования армией» ***.

Назначение Смилга — несомненно результат протеста названных партийных работников. Но, будучи вынужденным отказаться от назначения Надежного, Троцкий не думал вернуть Берзина на пост командующего. Им был назначен Смилга, человек, совершенно не подготовленный к командованию войсками целой армии, в то время как Берзин (офицер старой армии) имел известный опыт первой мировой войны, а также немалый уже опыт командования войсками в гражданской войне ****.

На этом история с назначением командующего 3-й армией не кончилась. 23 июля в штаб ее прибыл генштабист царской армии Богословский, назначенный командармом вместо Смилга. «В течение минуты, — говорилось (в насмешку над штабом армии) в посланной им в тот же день в Казань Главкому И. И. Вацетису телеграмме, — принял третью армию... Вся тяжесть операции противника перенесена на ст. Кузино, что является угрозой Перми. Двухмесячный отпор противнику на растянутом фронте создал то, что в моих руках нет ни

* ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 4, л. 117.

** Ст. Кузино — узловая железнодорожная станция (88 км западнее Екатеринбурга).

*** ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 4, л. 118.

**** Член Латышской социал-демократической партии с 1905 г., активный и опытный подпольщик, Берзин всегда стремился сочетать вооруженную борьбу с борьбой классовой, политической. Об этом говорят все отдававшиеся им распоряжения. В начале 1918 г. был главкомом Западного фронта по борьбе с контрреволюцией; командовал 2-й революционной армией на Украине,

одной свежей части, которой я мог бы проявлять сопротивление. Состав частей армии позволяет только сдерживать противника на подступах к Екатеринбург, на удержание которого не имею надежд. Остановив свои действия на активной обороне, предполагаю отходить широким фронтом к северо-западу. Хотел бы получить директиву и ориентировку как военную, так и политическую»*. Подписи члена РВС армии или комиссара штаба на телеграмме нет.

С чисто деловой стороны телеграмма не может вызывать никаких подозрений, но вот финал этой истории. Приняв дела и ознакомившись с общим положением, Богословский исчез 24 июля и больше не появлялся. Не явился он и на совещание преподавателей военной академии, которое, как доносил упомянутый Белицкий, было созвано «для выработки дальнейшей военной политики» ввиду создавшейся тогда угрозы потери Урала. «Богословский, — писал Белицкий, — повлиял на то, что остальные чины штаба тоже перешли по его примеру на сторону врага»**.

Трудно понять, о выработке какой военной политики пишет Белицкий. Видимо, следуя указаниям Муравьева, руководство 3-й армии пыталось использовать присутствие в Екатеринбурге профессорско-преподавательского состава бывшей царской военной академии, чтобы получить консультацию по конкретным вопросам командования войсками при обороне Урала. Никакой пользы совещание экспертов не дало, а принесло несомненный вред²⁰.

Богословский оказался серьезным и коварным врагом. Он готовился не просто перебежать к белым и в качестве дара принести им самые достоверные, исчерпывающие и самые наисекретнейшие сведения о состоянии и планах действий «своей» армии. Он чувствовал себя настолько в безопасности, имея в кармане приказ Троцкого о своем назначении, что просил Главкома Вацетиса дать ему, Богословскому, «ориентировку и директиву как военную, так и политическую» на будущее. Это была крупная игра матерого врага Советов. Она могла стоить Советской республике гибели всей 3-й Красной

* ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 2, л. 73.

** Там же, л. 81.

армии и поражения всего левого крыла Восточного фронта, если бы не бдительность коммунистов штаба армии, контрразведывательных органов и чекистов, от которых предателю пришлось спастись поспешным бегством — он не успел довести до конца свои коварные замыслы. Казалось бы, случай этот должен был отрезвляюще подействовать на Троцкого и его советчиков. Однако, не считаясь с мнением Уральской областной партийной организации об оставлении командармом Берзина, Троцкий дал приказ о назначении на его место бывшего полковника Угрюмова, занимавшего должность военного руководителя на красноуфимском направлении войск той же 3-й армии *.

Пока шла борьба вокруг назначения командующего армией, положение на фронте продолжало ухудшаться; надо полагать, что немалую роль в этом сыграли предатели Богословский и бежавшие с ним работники штаба армии. В эти тяжелые для 3-й армии дни руководство ее в лице Ф. Голощекина, Н. Толмачева, С. Анучина и помкомандарма С. Белицкого послало следующую телеграмму в Смольный: «Положение ухудшается. Екатеринбург под непосредственным ударом. Сдан не только Невьяно-Петровск, а даже Уфалей. Продвижение противника продолжается. Части фронта деморализованы. В резерве ничего. Высылайте все, что можете. Матросов шлите прямо...» **

И, как всегда, революционный Петроград не оставил просьбы без внимания. Отряд матросов численностью 400 штыков, следующий по наряду в Архангельск, был тут же со ст. Вологда повернут на Пермь с назначением в 3-ю армию. Почти одновременно в Пермь прибыл эшелон бойцов-эстонцев, направленный на фронт из 1-го района Петрокоммуны.

Как раз в эти дни в южных уездах Вятской губернии находилось несколько рабочих продовольственных отрядов общей численностью около 1 тыс. человек с пулеметами и 2 тяжелыми орудиями. Все это было срочно брошено под Екатеринбург для его обороны. Но в это время совершенно неожиданно для командования 3-й ар-

* Приказ не был выполнен. С санкции названных выше руководителей Уральской партийной организации командование войсками армии осталось в руках Берзина и его помощника С. Белицкого.

** ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 4, л. 63.

мин открылось еще одно новое направление действий — чехобелым удалось захватить г. Елабуга на Каме, что создавало серьезную угрозу открытому правому флангу и глубокому тылу армии*.

Фактическим командующим оказался С. Белицкий, но, кто бы ни был им формально, всем было ясно, что исход борьбы зависит от наличия средств и сил, от общей дружной работы. Вот почему снятый Троцким с командования армией Берзини и номинальный командарм Смирнов перенесли центр тяжести всей своей работы в Пермь, где В. Трифонов уже до прибытия их сделал многое для укрепления армии. Вместе с Берзиным и Смирновым он составил штаб резерва, основной задачей которого было изыскивать на месте материальные средства для питания армии всем необходимым, формировать новые части, готовить маршевое пополнение и резервы. Созданный явочным порядком по инициативе названных лиц и без ведома и разрешения центра «нештатный» орган сыграл исключительно большую роль в поднятии боеспособности армии в рассматриваемый период²¹.

Первое серьезное поражение войск 3-й армии произошло в конце июня 1918 г. на челябинском направлении. Эсерам и башкирским националистам удалось спровоцировать восстание части жителей заводов Кусинского, Бакалинского, Мясогутовского и Саткинского, а также части крестьян и башкир. Число мятежников доходило до 5 тыс., и они начали активные военные действия в непосредственном тылу войск 3-й армии названного направления. Получив тревожные донесения, помкомандарм С. Белицкий во главе небольшого отряда прибыл на ст. Бердяуш в штаб обороны района. Первое же донесение Белицкого гласило: «Части в беспорядке бегут в северном направлении. Пришлось разоружить и под конвоем направить в Екатеринбург наш Пермский отряд...»**.

* Угрозу удалось ликвидировать. Бросили в район Николо-Березовки (на р. Кама) буквально все, что оказалось под рукой: 661 штык из 7-го Уральского пехотного полка, 339 штыков из резервного батальона и 89 штыков с 10 пулеметами из охраны стоявшего в Перми поезда представителя Наркомвоена комиссара В. А. Трифонова.

** ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 37, л. 142.

Потеря района Златоуст, Миасс получила в документах того времени название «златоустовская катастрофа», так как она сыграла решающую роль в потере района Уфы и облегчила врагам установление связи между группами Чечека и Войцеховского.

В докладах с фронта С. Белицкий давал следующее объяснение причин катастрофы. Лучшие боевые части миасского фронта были в виде отдельного отряда отправлены в тыл для подавления эсеровского восстания в названных выше районах. Оставленная на фронте завеса не выдержала натиска группы Войцеховского, так как, несомненно, восстание в тылу и наступление с фронта были согласованы. Отступающие эшелоны красных, проскочив Златоуст и отойдя на платформу Кусино, сами сожгли мост через р. Ай позади себя. Получив провокационные сведения, что впереди противником уже занята ст. Бердяуш, и не приняв меры к их проверке, находившиеся в эшелонах красные сожгли железнодорожные мосты и впереди себя в сторону названной станции, уничтожили два бронепоезда и весь наличный подвижной состав, после чего направились пешком на Кусинский завод и далее на север. Сил восстановить положение в 3-й армии не оказалось, и ей пришлось спешно оттянуть свой правый фланг на запад и северо-запад.

Одержанные врагами успехи позволили Войцеховскому бросить главные силы группы на Екатеринбург и 27 июля 1918 г. захватить его. Значительную помощь оказала ему в этом активно выступившая контрреволюционная офицерская подпольная организация города.

Продолжая развивать успех, противник отбрасывал войска 3-й армии на запад, стремясь выполнить поставленную в директиве генерала Шокорова задачу — «овладеть Пермью, где укрепиться, ожидая прибытия союзников».

Вторая существенная неудача постигла красные войска в западном секторе указанного выше уфимского плацдарма.

Еще 8 июня 1918 г. Подвойский отдал из Уфы приказ командующему Урало-Оренбургским фронтом Яковлеву собрать все силы, находящиеся на ст. Кинель и отошедшие от Самары, и разделить их на две группы: правую — под командованием Блохина с включением в нее

«абдулинцев, бугурусланцев, боевиков Ревякина» (все это названия созданных на месте по инициативе местных партийных и советских органов малочисленных отрядов. — Г. Э.) и прибывшего Казанского отряда с артиллерией; задача группы — оборонять подступы к ст. Кинель и железную дорогу на Уфу; левую — под командованием Гузакова из частей, отступивших от Самары, также местных отрядов и 1-го Бузулукского кавалерийского полка; задача группы — оборонять ст. Кинель и железную дорогу на Оренбург. Действия обеих групп должен объединить названный Яковлев в качестве командующего фронтом*.

Но уже 16 июня, т. е. через восемь дней после издания приказа, наступающие с запада чехобелые из группы Чечека заняли ст. Толкай (70 км восточнее ст. Кинель) и продолжали движение в сторону Уфы. Приказ Подвойского оказался невыполненным и, как показали дальнейшие события, вообще невыполнимым. Не встречая организованного и серьезного сопротивления красных, белочехи ехали прямо в железнодорожных эшелонах и 5 июля 1918 г. заняли без боя Уфу, а несколькими днями позднее вошли в районе ст. Миньяр (115 км восточнее Уфы) в связи с частями группы Войцеховского. Закончив операцию, отряд чехобелых повернул на запад. Получив главным направлением наступления полосу вдоль Волго-Бугульминской железной дороги в сторону Симбирска и преследуя отступающих красных из района Уфы на север и северо-запад, он занял уже 13 июля Бугульму (300 км западнее Уфы), а через день ст. Шантала** (120 км западнее Бугульмы). Сильное сопротивление оказали красные в районе г. Мелекесс, но, потерпев неудачу, вынуждены были отступить. По каким-то соображениям они повернули на юг в сторону Самары, открыв тем самым для врагов важное железнодорожное направление на Симбирск. Не встречая в дальнейшем сопротивления, наступающие вдоль железной дороги чехобелые подошли к Симбирску с востока и совместно с наступавшими по западному

* ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 19, л. 20.

** Из этого района отряд продолжал наступление по двум основным направлениям: а) вдоль Волго-Бугульминской железной дороги в сторону Симбирска и б) на север к р. Кама, преследуя отступающие части войск Блохина,

берегу Волги с юга частями Каппеля заняли город 22 июля 1918 г.

Отмеченные события не могли не оказать влияния на общую обстановку. Левый фланг фронта, создать который против Чечека в районе ст. Кинель пытался Н. И. Подвойский приказом от 8 июня 1918 г., должен был прикрывать направление на Оренбург. Тем самым он должен был обеспечить с запада тыл советских частей, которые под названием Оренбургского фронта и под командованием упомянутого Г. В. Зиновьева вели борьбу с белоказаками и белобашкирами Дутова на Южном Урале, имея также задачей действовать против уральских белоказачков. Неустойчивое положение войск Яковлева в районе ст. Кинель и занятие чехобелыми 19 июня Бузулука создали серьезную угрозу тылу Зиновьева. Еще больше ухудшилось положение его войск в результате златоустовской катастрофы и падения 5 июля Уфы. В связи с этими неудачами Подвойский со всем своим импровизированным полевым штабом уехал из Уфы, предоставив Зиновьева полностью самому себе. Если и до этого не было взаимодействия между всеми тремя созданными Подвойским фронтами (Урало-Оренбургским под командованием Яковлева, Оренбургским под командованием Зиновьева и Златоустовским, фактически входившим в состав 3-й армии как наследницы бывшего Северо-Урало-Сибирского фронта), то с отъездом штаба Подвойского и падением Златоуста, Уфы, Бугульмы и Бузулука группа Зиновьева оказалась совершенно отрезанной с севера и запада от Красной Армии. Правда, дорога в Туркестан была пока в руках советских войск, но надо было считаться с тем, что и она может оказаться перехваченной войсками Дутова, к тому же отступление в Туркестан не давало перспектив возможного в ближайшем будущем восстановления положения и связи с Советской республикой ²².

Общий ход борьбы окруженных со всех сторон войск Зиновьева рисуется в следующем виде. Главными противниками его были белоказаки и белобашкиры Дутова — всего около 13 тыс. штыков и сабель, в том числе на оренбургском направлении 4 тыс., на ташкентском 3400 и на орском 3300. Силы Зиновьева насчитывали 15—18 тыс. штыков и сабель при 48 орудиях и 14 пулеметах. Белогвардейское командование придавало круп-

ное значение скорейшему овладению районом Верхнеуральска. Для усиления Ханжина из Сибири был срочно переброшен отряд есаула Анненкова, впоследствии известного карателя, начальника колчаковской партизанской дивизии. Отряд, состоявший из отборных белогвардейцев, захватил Верхнеуральск 24 июля. Принявшее угрожающие размеры крестьянское восстание в районе Славгорода вынудило белых немедленно вернуть Анненкова в Сибирь. Уход ударников-анненковцев заметно ослабил Ханжина. Ему вместе с Дутовым понадобилось около трех месяцев, чтобы овладеть г. Орск. Героическая активная оборона Орска сыграла большую роль в развитии событий, сковав значительные силы белых. В оперативном отношении оборона Орска имела не меньшее значение, чем прославившаяся оборона Уральска летом 1919 г., но о ней нет еще ни одного исследования, а имена самоотверженных защитников города незаслуженно забыты.

Борьба на Южном Урале закончилась тем, что часть красных отрядов под командованием Г. В. Зиновьева отошла на юго-восток *, создав примерно на рубеже городов Орск, Актюбинск новый фронт, прикрывающий Туркестан с запада. Другая часть отдельными отрядами пробиралась на север в сторону Верхнеуральска, чтобы потом прорваться еще дальше на север к правому флангу 3-й Красной армии в районе Кунгура.

В течение почти десяти месяцев шла вооруженная борьба красных отрядов ** против контрреволюционных сил Оренбургского казачьего войска, начавшись в ноябре 1917 г. и закончившись в сентябре 1918 г. Бесчисленны в ней героические подвиги отрядов рабочих, красногвардейцев и революционных казаков (под командованием братьев Кашириных, Н. Томина, В. Блюхера, Елькина и др.), созданных на месте и прибывших из других районов Урала и Поволжья. Действующие здесь красные отряды сковывали силы Дутова, нанося неоднократно сокрушительные удары и не давая ему воз-

* Эвакуация Оренбурга, где был штаб Зиновьева, началась 30 июня 1918 г. Белые вступили в город 3 июля без боев.

** Решающую роль сыграли созданные большевиками Уфимской губернии на заводах Южного Урала рабочие боевые дружины, насчитывавшие к лету 1918 г. до 20 тысяч бойцов при сотне пулеметов и 20 орудиях под общим командованием М. Кадомцева.

возможности послать войска под Самару, Симбирск, Казань на помощь Чечеку и самарскому Комучу. Именно в этом заключалось крупнейшее оперативно-стратегическое значение действий красных в районе Южного Урала в рассматриваемый период. Когда наконец в начале сентября 1918 г. Дутов «освободился» от них, было уже поздно помогать уральским белоказакам, отступающим из-под Самары, Вольска. Уральцы отходили на свои станицы, а Дутов готовился защищать область Оренбургского казачьего войска, стремясь на уфимском совещании белогвардейских правительств выторговать себе возможно более высокую цену, но безуспешно. От двух казачьих армий никто в состав Директории не попал, несмотря на то что в этот период удельный вес белоказачков в общей массе контрреволюционных вооруженных сил был значительным.

4. НАШЕСТВИЕ СОЮЗНИКОВ

Обширный край от оз. Байкал до Тихого океана, официально считаясь после чехословацкого мятежа территорией временного сибирского правительства, фактически оставался во власти местных правительств, организационно не связанных с ним и ничем ему не обязанных. Между тем русский Дальний Восток имел для белой Сибири крупнейшее значение и не только как глубокий тыл. Прежде всего то была территория, через которую пролегал единственный путь подвоза войск интервентов, а также военных материалов, доставлявшихся Антантой морем во Владивостокский порт. Не удивительно поэтому, что в октябре 1918 г. военный министр, он же командующий Сибирской отдельной армией, генерал Иванов-Ринов выехал на Дальний Восток с задачей реорганизации вооруженных сил края и с целью добиться признания местными правительствами власти Омска.

Разъезжая по Дальнему Востоку, Иванов-Ринов посылал Омску систематически шифровки с характеристикой обстановки. В одной из них говорится, что японцы решили играть первенствующую роль в интервенции союзников, опираясь на свою многочисленную нетронутую войной армию. В Японии сильно течение, стремящееся использовать положение России для закрепления своего экономического господства на Востоке. «Это те-

чение, — говорится в шифровке, — поддерживается генштабом, угрожает агрессивными последствиями или во всяком случае аннексией под тем или иным предлогом. В интересах сторонников этого течения поддерживать на Дальнем Востоке анархию и противогосударственность. Средствами для поддержания анархии японский генштаб считает тайную поддержку атаманов. Протесты перед японцами и другими союзниками не приведут ни к чему...» *

Лицо хищнического японского империализма и методы его действий раскрыты в шифровке достаточно полно. Исторический интерес документа состоит в том, что написано все это ярым врагом Советов еще сорок шесть лет тому назад.

Атаманов было в то время на Дальнем Востоке три: Гамов на Амуре, Калмыков в Уссурийском крае, Семенов в Забайкалье. Характерно, что, принимая меры к тому, чтобы силой ликвидировать атаманство, Иванов-Ринов занял в отношении Семенова благожелательную, даже дружественную позицию. Он утвердил Семенова командиром корпуса и командующим войсками Приамурского военного округа, хотя в его распоряжении имелись доказательства, что Семенов такой же ставленник японцев, как и другие атаманы. Позицию Иванова-Ринова объяснить нетрудно — она была вынужденной. Избранный походным атаманом всех казачьих войск Дальнего Востока (Забайкальского, Амурского и Уссурийского), Семенов сумел создать самостоятельно и независимо от Омска внушительную по тому времени вооруженную силу, насчитывавшую около 20 тыс. человек. О немедленном удалении его лично нечего было и думать. Это привело бы к открытию внутреннего фронта в Забайкалье — в глубоком тылу белогвардейских армий, ведущих напряженную борьбу с Красной Армией в Приуралье и в бассейне Волги, означало бы потерю Омском дальневосточного казачества и привело бы, а это было самое главное, к потере единственного железнодорожного пути, связывающего Сибирь с Владивостокским океанским портом. Да и не было в то время у Омска сил для вооруженной борьбы с Семеновым.

Но вопрос о Семенове был для омского правитель-

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 1, л. 218.

ства только одним из требующих срочного и умелого решения вопросов подчинения себе Дальнего Востока. Сложнее и труднее обстояло дело с другим претендентом на высшую власть в крае — генералом Хорватом*.

Как только летом 1918 г. власть на Востоке была захвачена интервентами, Хорват создал свое правительство, став одним из самых серьезных конкурентов омским и самарским главарям контрреволюции. Хорват был для них во много раз опаснее, чем все дальневосточные атаманы, вместе взятые. Во-первых, это был опытный в административных делах и дипломатических ходах царский генерал, известный долгие годы как либерал, пользующийся большим влиянием среди цензовых элементов края и Маньчжурии. Во-вторых, он распоряжался средствами КВЖД и обладал реальной силой в виде войск полосы отчуждения, имел слаженный штаб²³, состоящий из большого числа генштабистов и генералов. В-третьих, — и это имело важнейшее значение — между Хорватом и представителями Антанты давно уже установились тесные отношения. В глазах их он являлся вполне приемлемой фигурой, способной возглавить борьбу с Советами на Дальнем Востоке. Чтобы бороться с таким противником и его обезвредить, требовались другие приемы, а не просто военная сила. Учитывая это, Иванов-Ринов сразу же занял позицию полного во всем соглашения с Хорватом и его кликой. Омские руководители пытались уклониться от удовлетворения предъявленных через Иванова-Ринова претензий Хорвата, но безуспешно. 28 октября 1918 г. последовало назначение Хорвата верховным уполномоченным правительства на Дальнем Востоке с предоставлением ему особых прав и полномочий. Забегая вперед, следует сказать, что должность эту Хорват сохранил за собою в течение почти десяти месяцев и при Колчаке.

Решив указанным путем вопрос о двух самых опасных на Дальнем Востоке конкурентах Омска (Семенове

* Прибыв на Дальний Восток в девятисотых годах, ставленник царского министра графа Витте, Хорват был управляющим Восточно-Китайской железной дорогой (КВЖД) и главнокомандующим в полосе отчуждения названной дороги. Сохранил Хорват свое положение и при Керенском. Занимая свыше 17 лет высокие административные и военные посты, Хорват сумел войти в доверие к местным кругам крупной буржуазии, которая поддерживала его как «своего», как «настоящего сибиряка».

и Хорвате), уже не представляло большого труда разделяться с остальными, тем более что и Семенов и Хорват тут же включились в это дело.

Сказанным не исчерпывается значение поездки Иванова-Ринова. Дальний Восток был в то время центром пребывания представителей держав Антанты. Здесь они образовали консульский корпус, пытавшийся играть политическую роль. Сюда морем прибывали военные и дипломатические миссии и особоуполномоченные. Сюда съезжались представители их деловых кругов, чтобы не упустить выгодного момента при дележе богатств русского Дальнего Востока. Отсюда шла в столицы держав Антанты вся и правдивая, и лживая информация — словом, здесь, можно сказать, делались политика и большой бизнес. За свое месячное пребывание на Дальнем Востоке Иванов-Ринов предпринимал все, чтобы установить контакт с нужными людьми.

Первая из встреч состоялась в Чите, где, как отмечали белогвардейские газеты, высокий комиссар Англии генерал Нокс ждал целых 16 часов и принял его «с подобающей его положению торжественностью». Еще по пути в Читу встретил Иванов-Ринов два эшелона войск 25-го английского пехотного полка, направленные в Красноярск и насчитывавшие 850 солдат при 6 пулеметах; ожидалась отправка из Владивостока еще 1500 солдат того же полка.

В посланной Ивановым-Риновым 17 октября 1918 г. в Омск шифровке говорится: «Нокс проявляет горячую готовность помочь нам. Передал ему подробные письменные материалы об армии и сметы на ее содержание. Получил обещание снабдить нас всем необходимым, включая артиллерию и вооружение, по расчету на 100 тыс. бойцов. Нокс разделяет мои опасения относительно намерений японцев произвести аннексию Восточной Сибири. По совету Нокса, сделал во Владивостоке представление союзникам не поддерживать деньгами и оружием отдельные отряды, вносящие анархию. Эта мера, по мнению Нокса, парализует деятельность японцев, поддерживающих авантюристов, и распространяемую ими смуту с целью оправдать оккупацию Дальнего Востока» *. Далее в шифровке сообщалось, что 14 октября

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 1, л. 203.

прибыл в Иркутск батальон английского полка и что Ноксом вызваны и будут направлены на фронт против Красной Армии 5 тыс. канадцев и одна гвардейская часть английской армии. Сам Нокс — первый посланный империалистами Англии на помощь русским белогвардейцам «варяг» — был встречен и принят со всей помпой (почетные караулы, парады, банкеты с речами о «вечной дружбе России с союзниками» и т. д.). Ведь особенно радовало сердце омских главарей то, что он категорически высказал «горячую готовность» помочь всеми ресурсами Англии.

Сложнее складывались отношения у Иванова-Ринова с представителями другой великой державы — Франции.

В телеграмме атамана Забайкальского казачьего войска полковника Зимина, посланной им 24 сентября 1918 г. Иванову-Ринову как военному министру, говорилось: «Начальник французской военной миссии майор Ирвинг обратился ко мне с просьбой от правительства французской республики формировать из добровольцев Забайкальского казачьего войска отряд особого назначения для военных действий под общим руководством и ответственностью главного уполномоченного французской республики по военным делам в России для защиты от большевиков и немцев»*.

Сообщение Зимина заслуживает внимания как доказательство того, что еще один член «сердечного соглашения»**, а именно Франция, пытался также обзавестись «своим атаманом» в развертывавшейся между «союзниками» борьбе за захват восточной окраины России***.

В качестве «союзника России» выступала и Япония. Как бы там ни было, омскому правительству приходилось считаться и с нею. С первых дней высадки японского десанта во Владивостоке империалисты Японии вели

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 8, д. 1, лл. 1—3.

** Так в переводе с французского гласит полное название заключенного в свое время между Россией, Англией и Францией военного союза, широко известного под сокращенным термином «Антанта».

*** Потерпев неудачу с Зиминим, французы на этом не успокоились и приступили к созданию войсковых частей из находящихся в Сибири военнопленных первой мировой войны — уроженцев Эльзас-Лотарингии, признающих свое французское подданство. Не удалась французам и эта попытка ввиду отказа Омска разрешить формирование.

себя полноправными хозяевами, наводняя край своими войсками, официальными и тайными агентами. Уже 12 октября 1918 г. в Чите появилась японская военная миссия генерала Мутто, а 13 октября часть этой миссии во главе с майором Микэ выехала из Иркутска в Омск.

Собственно говоря, то не была миссия в обычном понимании этого слова: кроме многочисленных офицеров в Иркутск прибыл также вооруженный отряд в 300 штыков при 3 орудиях. После встречи с Мутто Иванов-Ринов послал Омску пространную шифровку, примечательную во многих отношениях. Японцы учинили белогвардейцу форменный допрос «по всем статьям»: состав и прочность правительства, сколько в Сибири социалистов, их влияние, цель его поездки и т. д. Интересовали их особенно военные вопросы: состояние армии, ее снабжение, когда будет восстановлен фронт под Самарой и т. д. *. Попытки Иванова-Ринова представить положение белой Сибири в радужных красках провалились полностью. Японцы оказались прекрасно осведомленными обо всем, даже в подробностях отправки войск на фронт против Красной Армии. Интерес для нашего исследования представляют заявления Иванова-Ринова, что самарский фронт будет восстановлен приблизительно через месяц, а Пермь будет взята не позднее двух недель, как только на фронте сосредоточится Средне-Сибирский корпус, находящийся в пути уже по ту сторону Урала.

Мутто заявил, что «большие препятствия выступлению японцев в России оказывает Америка», но что посланная в Омск группа офицеров имеет целью ознакомиться с положением и в случае нужды будет вызвана «реальная помощь» **.

На следующий день в Иркутск прибыл председатель совета министров Омска Вологодский, возвращавшийся из Владивостока после совещания с представителями союзников по вопросам снабжения. Мутто задавал ему те же вопросы. Новым был лишь вопрос о взаимоотноше-

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 1, л. 110.

** В районе Владивостока и в Приамурье вела военные действия против большевиков 12-я пехотная дивизия. В Забайкалье располагалась 3-я пехотная дивизия, имея сильный авангард в районе Верхнеудинска. От ст. Маньчжурия до р. Оно дислоцировалась 7-я пехотная дивизия.

ниях с Хорватом. «Судя по тону и характеру вопросов,— писал Иванов-Ринов,— генерал Мутто к прочности нашего положения относится, по-видимому, скептически» *.

По случаю прибытия Вологодского состоялся парад и официальный обед. Присутствовали представители иностранных миссий и консулы. Не было только японцев, и не случайно: они тут же снова показали омским белогвардейцам свое истинное лицо союзников. Случилось так, что на ст. Харанор встретились обычный воинский поезд с японскими солдатами, направляющимися в Верхнеудинск, и экстренный поезд военного министра сибирского правительства командующего Сибирской армией генерала Иванова-Ринова. Русский начальник станции, вполне естественно, отправил в первую очередь литерный поезд «члена правительства», что вызвало недовольство японцев, без долгих разговоров избивших станционного дежурного до полусмерти. Все, что мог сделать столь высокий чин «русского правительства», свелось к тому, что была послана телеграмма соболезнования начальнику станции и послан протест начальнику 7-й японской дивизии, который обещал произвести расследование, на чем дело и закончилось.

Другой, не менее знаменательный случай произошел с самим Ивановым-Риновым. В целях поднятия авторитета омского правительства и чтобы иметь под руками надежную вооруженную силу, он решил ехать из Иркутска во Владивосток с целым пехотным полком, состоящим «преимущественно из интеллигентов». Но чтобы это сделать, надо было испросить предварительно разрешения союзников (хотя речь шла о русской территории, «законной властью» над которой считало себя омское правительство), притом не вообще кого угодно, а именно главнокомандующего японского генерала Отани. Разрешение дано не было. Тогда Иванов-Ринов сам адресовался еще раз к тому же Отани с уведомлением, что во Владивосток с ним следует уже не полк, а всего три роты солдат в качестве охраны. На это последовал ответ, что такой большой охраны брать с собой не к чему, а разрешается иметь всего взвод пехоты. То была уже вторая пощечина белогвардейскому министру и командарму. Только после жалобы Иванова-Ринова и вмеша-

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 1, л. 127.

тельства представителей Англии и Америки удалось получить разрешение на проезд трех рот в качестве сим-вола власти временного сибирского правительства *.

Мы привели эти эпизоды не просто в качестве примеров грубого и наглого хозяйничания японцев на русском Дальнем Востоке. Число таких примеров можно было бы еще увеличить, но в этом нет никакой надобности. Все они были не чем иным, как отражением борьбы, которая как раз в это время шла по основному вопросу: кто же из интервентов будет играть на Дальнем Востоке и в Сибири главенствующую роль. Решался этот вопрос «высокой политики» не галантным обращением с белогвардейскими министрами и генералами, а в столицах держав Антанты, на совещаниях Союзнического совета в Париже и Лондоне. Меньше всего зависело решение его от сибирских контрреволюционеров, если даже эти последние и называли себя всероссийским правительством.

Вместе с тем надо отметить, что среди членов правительства также шла борьба по этому же вопросу: на кого же ориентироваться, поскольку всем им было ясно, что собственными силами победить Советскую республику невозможно. Присутствие в Иркутске генерала Мутто послужило поводом для попытки выработать общую единую ориентировку, но ничего из этого не получилось. Выявились крупные расхождения, прежде всего по вопросу о продвижении японцев. Вологодский и член правительства Гинс считали желательным возможно глубокое — вплоть до Урала — продвижение их и в этом духе пытались договориться уже во Владивостоке. Иванов-Ринов высказался против, доказывая, что продвижение японцев мало что даст для фронта, а приведет только к увеличению влияния Японии, явится своего рода поощрением ее захватнической политики. «Командарм полагает, — сказано в шифровке его единомышленникам в Омске, — что японцы не рискнут на вмешательство, не соответствующее международному праву. В этом направлении он будет вести политику во Владивостоке, рассчитывая противопоставить стремлениям японцев других союзников» **.

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 3, л. 27.

** ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 1, л. 206.

Мысль играть на противоречиях между державами Антанты и пытаться использовать борьбу между ними для достижения своих целей встречается не раз в обширной переписке Иванова-Ринова за время его поездки по Дальнему Востоку. Дело было, конечно, не в особых дипломатических способностях «полицейского ярыжки», как Иванова-Ринова прозвали его политические конкуренты.

Сами союзники помогли «ярыжке» разобраться в обстановке. Во время первой же встречи Нокс высказал Иванову-Ринову откровенно свое мнение о захватнических планах Японии и посоветовал, как против них бороться. Надо ли добавлять, что видный генерал и джентльмен Нокс пошел на этот совсем неджентльменский (по отношению к Японии, с которой Англия имела еще и особый договор) поступок не ради любви к России и не во имя прославленной английской добропорядочности? Отравленная провокациями, интригами, подкупам и обманами атмосфера охватила в то время весь белый Дальний Восток. Она отражала ожесточенную и никогда не прекращавшуюся борьбу среди вершителей судеб капиталистического мира за передел мира, за новые рынки и захват неисчислимых природных богатств русского Дальнего Востока, защищать которые, как казалось империалистам, было уже некому.

Нет, к сожалению, в сохранившейся переписке документа, который давал бы такое же яркое и полное освещение встреч и переговоров Иванова-Ринова с представителями Соединенных Штатов Америки. О том, что встречи и переговоры имели место, упоминается в ряде шифровок, причем, как правило, вопрос об отношениях с американскими представителями всегда связывается с вопросом о чехословаках. О последних Иванов-Ринов говорит с откровенной злобой и нескрываемым раздражением.

«Чехи, — сказано в шифровке на имя министра финансов Михайлова, главаря группы, поддерживавшей Иванова-Ринова, — всеми силами старались сохранить случайно добытое мировое значение за счет России, для чего они заслоняют в Америке своей пропагандой возрождение России и стараются всеми силами доказать, что мы неспособны на самостоятельность» *.

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 3, лл. 152—155; ф. 162, оп. 1, д. 1, л. 355.

Далее Иванов-Ринов подчеркивает, что чехословаки оппозиционно настроены к сибирскому правительству, связаны с эсерами и поддерживают Комуч и Сибирскую областную думу. Они мечтают создать «всеславянское государство» со включением России, но под своей эгидой. Они идут на все, чтобы помешать сибирякам сформировать свою армию и образовать всероссийское правительство. Особенно возмущен Иванов-Ринов тем, что чехи, никого не спрашивая, издают свои постановления, захватывают все русские военные материалы и стремятся всеми путями подчинить себе русские войска. По его словам, Америка до сих пор помогала только чехам и уже прислала им 290 тыс. принадлежащих России винтовок и 200 тыс. пар сапог.

Белогвардеец, видимо, не знал или не понимал истинных причин столь большой и трогательной заботы США о корпусе и поэтому пытается объяснить все интригами чехословаков. Дело обстояло гораздо проще: в Вашингтоне состоялась столь обычная в капиталистическом мире политическая купля-продажа. Правда, товар был особый — «пушечное мясо» в лице солдат корпуса, а сторонами в сделке выступали руководители США и буржуазной Чехословакии. Это придавало известный «душок» всему делу, что, однако, не смущало дельцов большого политического бизнеса.

Сговор обещал быть весьма выгодным для обеих сторон: председатель чехословацкого национального совета (будущий премьер-министр буржуазной чехословацкой республики) Масарик освободился от забот о солдатах корпуса — «своих братьях-земляках»; президент США Вильсон сэкономил немало долларов, ибо на содержание одного чехословацкого солдата можно было тратить много меньше, чем на содержание солдата-американца.

Еще большими сулили быть политические выгоды. Империалисты США получали возможность маскировать свои истинные захватнические в отношении России цели высокопарными словами о бескорыстной помощи солдатам корпуса, гибнущим в «дикой Сибири» от рук большевиков и выпущенных ими из лагерей военнопленных немцев; играя на этом, можно было выбивать козыри из рук противников интервенции в самих США и в то же время не отставать от Англии, Франции и Японии

в борьбе за захват богатств русского Дальнего Востока. Что же касается Масарика и его единомышленников, то они могли рассчитывать на поддержку своей антинародной политики со стороны США и получали возможность парировать обвинения в соучастии в интервенции ссылками на действия тех же США.

Заканчивается шифровка белогвардейского военного министра сообщением, что ему удалось «поставить чехов перед союзниками на их истинное место» и что американские отправки вооружения и военных материалов идут теперь в адрес омского правительства, а не чехов. Не забыл белогвардеец поучений Нокса. «Японцы, — сказано в его шифровке, — пользуясь ошибками союзников, обмороченных чехами, направляют все свои силы быть для нас полезными. Их бы мы могли использовать как средство понуждения Америки на скорейшую нам помощь» *.

Нам придется еще не раз возвращаться к вопросу о месте и значении борьбы, которая шла между «союзниками» во время интервенции из-за «дележа шкуры» убитого, как им казалось, «русского медведя». Расхищение союзниками богатейших, принадлежащих Советской республике владивостокских складов является хотя и относительно небольшим, но, по существу, весьма характерным в этом отношении примером **.

Иванов-Ринов не был допущен к распоряжению складами и с возмущением доносил в Омск, что высший совет снабжения союзных армий ²⁵ «захватил всю Сибирь и выкачивает предметы снабжения...». Вскоре белогвардейцу пришлось убедиться в еще более ловких махинациях «дельцов от интервенции». «Здесь же, — сказано в

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 3, лл. 152—155.

** Об исключительном значении, которое Ленин придавал своевременному вывозу запасов, свидетельствует конец упомянутой выше его телеграммы от 7 апреля 1918 г. на имя Владивостокского Совета. Он потребовал представления два раза в неделю сведений, подчеркнув: «Без этого мы не верим и не будем верить ничему... Помощь нашу мы обусловим вашими практическими успехами в деле вывоза из Владивостока вагонов и паровозов, в деле подготовки взрыва мостов и прочее» (В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 199). По ряду причин задача выполнена не была, так как на складах оказались десятки миллионов пудов грузов, на вывоз которых требовались десятки тысяч вагонов, сотни паровозов и месяцы времени, а главное, дружная и слаженная работа порта и железных дорог, добиться чего вовремя не удалось ²⁴.

его телеграмме от 26 октября 1918 г., — расшифровал и Нокса, который дал нам 25 тысяч винтовок, полученных им в Америке и оплаченных русскими деньгами, но переданных от имени Англии» *.

От высоких уполномоченных Антанты не отставали и дальневосточные атаманы. Жуткую картину грабежей и насилий содержит другая шифровка Иванова-Ринова: «Хабаровск, Нижний Амур, железная дорога Хабаровск — Никольск — Уссурийск заняты атаманом Калмыковым, которого поддерживают японцы, за что Калмыков предоставил им расхищать неисчислимые ценности Хабаровска. Японцы в свою очередь предоставили Калмыкову открыто разбойничать, разграбить хабаровский банк, расстреливать всех, кого хочет, и осуществлять самую дикую диктатуру. Семенов, поддерживаемый тоже японцами... позволяет бандам также бесчинствовать в Забайкалье, реквизировать наши продовольственные грузы, продавать их спекулянтам, а деньги делить с чинами отрядов. Все союзники заявили мне, что они против каких-либо решительных мер в обуздании атаманов впредь до того, пока не сформируется в Омске авторитетное правительство, которое союзники согласятся признать» **.

Мы не приводим аналогичных сообщений Иванова-Ринова по другим районам Дальнего Востока, ибо ничего нового в них нет. Не следует также забывать, что автор сообщений, ярый контрреволюционер, сам тоже не задумывался и не стеснялся в средствах и приемах, когда речь шла о его собственном благе и интересах его клики.

Мы также не приводим длинного списка — перечня всех тех эшелонов иностранных войск, которые Иванов-Ринов встречал по пути во Владивосток и которые безостановочно шли на Запад. Тут были войска всех держав Антанты самого различного состава и назначения ***. Японские войска встречались на каждой железнодорожной станции, начиная с Иркутска, причем на некоторых

* Аналогичную комбинацию проделал Нокс с партией в 30 тыс. русских винтовок, о чем говорится в другой шифровке того же белогвардейца.

** ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 1, лл. 343—344.

*** Французский колониальный сибирский батальон (18 офицеров и 730 солдат с пулеметной ротой); 1-я сибирская батарея фран-

станциях они достигали значительной численности*.

Обгоняя воинские эшелоны, мчались в экстренных поездах высокие комиссары Англии сэр Эллиот, Франции мусье Реньо и множество других менее знатных представителей Антанты из Владивостока в Харбин, Читу, Иркутск, Омск, чтобы, разузнав, что им нужно, мчаться обратно во Владивосток, устраивать секретные совещания и посылать подробнейшие донесения и доклады своим правительствам во все столицы Европы и Вашингтон.

Нашествие «союзников» вызвало неопиcуемый восторг среди контрреволюционных главарей Сибири. Белогвардейская печать на все лады расписывала и разукрашивала «бескорыстную помощь друзей России». Особенный восторг вызвало сообщение: 11 английских моряков во главе с полковником Море везут срочно одну 6-дюймовую мортиру... снятую ими с английского крейсера «Суффолк», а за этим эшелоном идут еще четыре 3-дюймовые пушки, также снятые с названного крейсера**. «Разве этот символический дар не является лучшим доказательством близкой и бескорыстной помощи союзников?» — вопрошали эсеров-меньшевистские контрреволюционные агитаторы и пропагандисты.

Омск готовил торжественные встречи, чтобы не ударить лицом в грязь перед Европой и использовать прибытие иностранных войск в целях агитации***. Кто же может сомневаться, что большевикам не устоять против объединенных сил великих мировых держав, головные пузской армии (3 офицера, 12 унтер-офицеров и 170 солдат под командованием капитана Эскалля), имеющая на вооружении 4 легких орудия и 12 японских пулеметов; 3 эшелона итальянских войск, составленных из ветеранов войны; упомянутый уже выше эшелон английского 25-го пехотного полка, хвостовые эшелоны которого находились еще на КВЖД.

* В районе Верхнеудинска была сосредоточена бригада 3-й японской дивизии — 6750 штыков, полк артиллерии и 2 эскадрона. Казармы в Хабаровске набиты до отказа японскими и американскими войсками, ввиду чего Иванову-Ринову пришлось отменить перевод в этот город формируемых белогвардейских полков. (ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 1, л. 157.)

** Как потом выяснилось, пушки эти были русские: сами англичане захватили их в Приморье, но в агитационных целях распространяли слухи, что это английские орудия с крейсера.

*** «Выпустить бесплатный экстренный листок на русском и французском языках с приветствием и призвать население к встрече», — гласило одно из распоряжений ставки по случаю ожидаемого прибытия в Омск 13 ноября 1918 г. крупного эшелона французских войск. (ЦГАОР, ф. 292, оп. 1, д. 26, л. 60.)

эшелоны армий которых, не задерживаясь в Омске, спешат на фронт!²⁶

Выводы

Излагая историю захвата мятежниками отдельных районов, мы вполне сознательно не касались нескольких существенных вопросов, дабы избежать повторений и деталями не рассеивать внимания читателей.

Нам придется еще не раз говорить о действиях чехословацкого корпуса — он пробыл в стане наших врагов более полутора лет и части его еще в феврале 1920 г. вели бои с войсками Красной Армии на дальних подступах к Иркутску. Но уже сейчас читатель вправе задать вопрос: как же все-таки случилось, что чехословаки так легко и быстро выполнили поставленную им врагами революции задачу?

Знали ли сибирские и дальневосточные партийные организации, советские и военные органы, что из Поволжья двигаются на них десятки тысяч вооруженных до зубов иностранных солдат, находящихся под командованием русских контрреволюционных офицеров и насчитывающих в своих рядах большое число русских белогвардейцев? *

* По данным белогвардейской ставки, на начало ноября 1918 г. в обеих дивизиях корпуса числилось 21 тыс. штыков и сабель, разбросанных от Поволжья до Владивостока. Действия отдельных групп корпуса в первый период мятежа обнаруживают общий план. Сперва все группы, как по общей команде, наносят удары на восток из районов, где они начали мятеж, а после выполнения ближайших задач (для группы Гайды выход к Байкалу и захват Забайкалья, для Войцеховского — захват Омска и установление связи с Западно-Сибирской белой армией восточнее этого города; для группы Чечека — освобождение от красных Уфимского района и установление связи с группой Войцеховского) ударные кулаки поворачивают назад — на запад — для присоединения к главным силам своих групп. Несколько иначе действовали находившиеся во Владивостоке тыловые части корпуса, части 7-го и 8-го полков и несколько рот 3-го и 4-го полков, главные силы которых были у Чечека и Войцеховского. Только 29 июня 1918 г., на целый месяц позже мятежа в Сибири и в Поволжье, выступили владивостокские чехословаки, что объясняется рядом причин и, в частности, борьбой среди местных представителей интервентов в лице «консульского корпуса», лоббивавшегося объявления Владивостока «вольным городом» со смешанным гарнизоном из войск всех интервентов. Захватив Владивосток, части корпуса приняли участие в операциях против красных в Приморье и только после замены их американскими и японскими войсками были направлены на Запад для присоединения к своим главным силам.

За два месяца до вероломного нападения корпуса, а именно 22 марта 1918 г., ЦИК Сибири (Центросибирь) рассматривал вопрос о нем и записал: «...были получены сведения о движении через Сибирь на Владивосток вооруженных чехословацких полков. Считая возможным использование их контрреволюционерами и империалистами против Советской власти, президиум распорядился через военно-окружной комиссариат в Омске в интересах Советской власти приостановить это движение, сообщив об этом по прямому проводу Совету Народных Комиссаров»*. Такова была первая реакция высшего органа Советской власти в Сибири на появление первых эшелонов корпуса к востоку от Урала.

Руководствуясь этими указаниями, созданный в Омске 3 апреля 1918 г. Западно-Сибирский штаб Красной Армии рассматривал 4 апреля вопрос о пропуске чехословаков на восток и вынес решение**: «Пропустить чехословацкие эшелоны, предварительно разоружив их». Здесь сейчас мы говорим об этих двух документах лишь для того, чтобы показать читателю, что момент внезапности появления корпуса в Сибири полностью отпадает: оба руководящих сибирских центра заблаговременно знали о приближении иностранных войск и ясно высказали свое отношение к нему.

Какими вооруженными силами располагали Советы Сибири и Дальнего Востока в мае 1918 г.? По данным отдела учета Народного комиссариата по военным делам, на 1 июня 1918 г. к востоку от Урала было около 21 тыс. бойцов, в том числе в Западной Сибири около 10 тыс. Зная условия того времени, нельзя считать указанную цифру исчерпывающей и точной. Из документов видно, что речь идет только о частях Красной Армии, и, следовательно, в учет не попали сотни рабочих дружин, отрядов рабочей милиции городов и рудников, отряды охраны железных дорог, продовольственные от-

* Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.). Омск, 1952, док. № 72.

** Омск в дни Октября и установления Советской власти. Омск, 1947. Хроника за 4.4 1918 г.

ряды и т. д. *. Без опасения впасть в ошибку можно считать, что накануне мятежа корпуса в Сибири и на Дальнем Востоке было не менее 30—35 тыс. красных бойцов в формирующихся частях Красной Армии и в добровольческих формированиях вспомогательного и местного значения. Боевая ценность и боевая готовность их были весьма различны и обуславливались целым рядом обстоятельств: 1) подчинением их различным ведомствам (военному, путей сообщения, продовольственным органам и т. д.); 2) незавершенностью формирования, проводившегося беспланово и без надлежащего материального обеспечения; 3) малоопытностью организаторов и командиров и слабой боевой подготовкой массы бойцов; 4) нехваткой вооружения и снаряжения; 5) слабостью политико-просветительной работы среди бойцов и даже политической неблагонадежностью некоторых частей **.

Отрицательное действие отмеченных обстоятельств увеличивалось весьма сильно благодаря тому, что в деле создания регулярных войск местные Советы были фактически предоставлены самим себе ***.

* В ряде городов (Омск, Новониколаевск, Томск, Барнаул и др.) были сформированы красногвардейские отряды и батальоны из бывших военнопленных первой мировой войны. По приблизительным подсчетам, их было до мятежа чехословацкого корпуса свыше 20 с общей численностью около 6—8 тыс.

** Читатель уже знает, как томские советские и военные руководители, сформировав целый полк, в критическую минуту не поверили в его благонадежность, сами уехали, оставив его в «наследство» врагам. Сформированный в Омске пехотный полк (около 1 тыс. человек) отказался в дни боев в конце мая выступить на фронт, а затем примкнул к антисоветскому мятежу.

*** Декрет об учреждении военных комиссариатов (от волостного до окружного включительно) был утвержден ВЦИК только 22 апреля 1918 г. Всеросглавштаб создан только 8 мая 1918 г., между тем на него возлагались вопросы формирования Красной Армии, которыми до этого занималась Всероссийская коллегия по формированию. Любопытно в этой связи отметить, что уже до получения упомянутых указаний центра Западно-Сибирский комитет Советов утвердил 3 апреля 1918 г. положение об организации на местах в Сибири штабов Красной Армии, не предусмотрев в нем, однако, ни аппарата, ни функций по оперативному использованию имеющихся и создаваемых сил. Задачи этих штабов ограничивались перебровкой добровольцев, формированием, обучением и обеспечением войск. Штабы были созданы кроме городов в целом ряде других важных пунктов (ст. Тайга, на Анжерских коях и т. д.).

Каково было общее военное-политическое положение к востоку от Урала? Решением Центросибири от 17 апреля 1918 г. Сибирь была объявлена на военном положении. В числе мотивов решения упоминаются высадка десантов интервентов в Приморье, а также необходимость энергичной борьбы с бандами Семенова и усиления бдительности и готовности в связи с раскрытием контрреволюционных заговоров. О корпусе упоминаний нет. Большинство сибирских городов было в апреле на военном положении. Следовательно, до появления в Сибири корпуса положение здесь уже было напряженным, в некоторых местах даже угрожающим. Объясняется это в основном двумя обстоятельствами: а) в ряде районов власть Советов установилась недавно, и борьба не была еще завершена, аппарат власти только еще создавался; б) зажиточное крестьянство высказывало недовольство и даже прямое сопротивление продовольственной политике Советов. Большую роль играла также работа контрреволюционного подполья, приведшая весной 1918 г. к ряду серьезных попыток свержения Советов *.

Готовились ли сибирские руководители к отпору в случае нападения корпуса? Специальных решений по этому вопросу заблаговременно принято не было. Одновременно с введением военного положения Центроси-

* Вот характерные случаи. В начале марта 1918 г. в Черемховском уезде, Иркутской губернии, восстали 12 волостей на почве реквизиции продовольствия и под влиянием агитации бурятских националистов и возглавлявших мятеж белых офицеров. В результате провокации эсеров и анархистов произошли 26—27 марта 1918 г. кровавые события в районе Анжерско-Судженских копей на почве решительной борьбы со спекулянтами, самогонщиками и реквизиции продовольствия в окрестных деревнях. В ночь на 19 марта 1918 г. в Омске произошло так называемое поповское восстание. По набату на центральной площади собрались толпы народа, на колокольне были установлены пулеметы, объявились вооруженные офицерские группы, в город просочились части Анненкова. Ликвидация мятежа потребовала серьезных усилий. В мае 1918 г. в том же Омске был разоружен крупный легион поляков из бывших военнопленных первой мировой войны. Омская ЧК систематически разоружала в апреле — мае возвращавшиеся с фронта многочисленные казачьи эшелоны. Красногвардейские отряды Омска выезжали на подавление восстаний в Ялуторовске, Ишиме, Славгороде, Петропавловске и др. Аналогичные задачи выполнялись и другими советскими отрядами Сибири. Сильная подпольная белогвардейская организация была ликвидирована 24 апреля 1918 г. в Томске.

бирь распорядилась создать при Советах военно-революционные штабы с подчинением им всех находящихся на территории Совета войск и отрядов. Один из пунктов решения требовал организовать обучение военному делу рабочих и принятия мер к такому же обучению крестьян. По существу, решение Центросибири о штабах было для Западной Сибири «вторым изданием» упомянутого выше постановления Западно-Сибирского исполкома Советов от 4 апреля, так как центросибирцы ничего нового и конкретного в дело реального создания вооруженных сил не внесли. Особо ответственная задача выпала на Омск, ставший к этому времени административно-политическим и военным центром Западной Сибири.

Можно было бы привести многие десятки резолюций, постановлений и решений партийных организаций и советских органов Сибири и Дальнего Востока, в которых в самых решительных выражениях говорится о необходимости создания вооруженных сил для защиты революции. Аналогичные решения выносились на всех рабочих собраниях, митингах, конференциях, а также в ряде сельских местностей. Во всех этих документах ничего не говорится о возможной борьбе с чехословаками, и это вполне понятно: было известно, что ими занимаются центральные органы власти в Москве. Да и не имели трудящиеся Сибири и Дальнего Востока оснований питать враждебные чувства к ним.

Только 26 мая 1918 г., когда обозначилась реальная угроза Омску со стороны челябинской группы корпуса, был срочно создан Военно-оперативный штаб Западной Сибири из видных партийных и советских руководителей. В него вошли В. М. Косарев, А. Я. Нейбут, Л. И. Окулов, Р. П. Эйдеман и А. А. Карлов. 28 мая областной исполком объявил мобилизацию крестьян пяти призывных возрастов.

Могли ли Советы Сибири справиться с задачей разоружения корпуса? Отрицательную роль в этом отношении сыграл ряд объективных обстоятельств. Высшим органом власти формально являлся сибирский ЦИК — Центросибирь, но он обосновался далеко от основной своей базы — Западной Сибири. Руководить из далекого Иркутска Западной Сибирью в сложнейших условиях 1918 г. было очень трудно даже в мирной обстановке.

Первый же удар мятежников (захват Мариинска и Новониколаевска) навсегда отсек руководителей от руководимых. Советам всей огромной территории от Мариинска до Урала предстояло на свой собственный страх и риск, своими собственными силами и по своему собственному разумению бороться за свое существование. Центросибирцы оказались бессильными хоть чем-либо помочь не только Советам к западу от Мариинска, но даже тем советским вооруженным силам, которые героически свыше месяца дрались с врагами на путях от Красноярска до Иркутска. Решающую роль в этом вопросе сыграло то обстоятельство, что руководители Центросибири, и прежде всего его председатель Н. Яковлев, стояли на ошибочных позициях в оценке общего военно-политического положения на Востоке.

В телеграммах Омску Н. Яковлев доказывал, что центр событий лежит в районе Иркутска, что именно здесь решается судьба революции на восточной окраине Республики. Н. Яковлев систематически и упорно требовал от Омска и Красноярска мобилизаций и отправки ему все новых и новых отрядов для Забайкальского фронта против Семенова *. Можно считать установленным, что еще задолго до нападения корпуса не было согласованности между двумя руководящими центрами — Сибирским ЦИКом в Иркутске и Западно-Сибирским исполкомом в Омске. Каждый из названных центров действовал по своему собственному усмотрению, мало считаясь с общим положением. Центросибирь, как высший орган власти, стремился все получить себе. Он ожидал удара с востока от Семенова, а разразился удар фактически с другой стороны — с запада. Семеновская авантюра сыграла роль отвлекающей диверсии, оказавшей большую помощь корпусу тем, что силы и внимание сибирских руководителей

* В одной из телеграмм Н. Яковлева говорилось: «...Ставьте всех на боевую ногу... Мобилизуйте все, что можно, и шлите сюда... По всей Западной Сибири и Уралу поднимайте тревогу. Все отряды, какие есть, шлите сюда. Требуйте броневиков, нажимайте на Казань...»

В самый канун мятежа корпуса были отозваны на семеновский фронт: 15 мая 1918 г. отряд шахтеров из Анжерки; 10 мая 1918 г. отряд из г. Бийск. По решению от 3 мая 1918 г. Омск спешно готовил 300 человек для Иркутска. (Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.), док. № 46 и 50. См. также: Омск в дни Октября и установления Советской власти, док. № 51.)

были направлены на фронт, имеющий весьма относительное политическое и военное значение для укрепления власти Советов. Положение усугублялось тем, что вооруженная борьба против Семенова велась долгое время из рук вон плохо: не оказывал никакой помощи красным отрядам Дальсовнарком (Хабаровск), хотя в скорейшей ликвидации семеновской авантюры он (по целому ряду причин) должен был быть заинтересован даже больше Сибирского ЦИК; силы и ресурсы самого Забайкалья не были использованы в должной мере, и весь расчет на окончательный разгром Семенова строился на получении готовых войск из Западной Сибири; командование красными отрядами Забайкальского фронта не обладало ни необходимой подготовкой, ни боевым опытом для такого рода операций: можно сказать, оно само только начало учиться, как нужно воевать. Если даже согласиться с тем, что Семенов представлял (до мятежа чехословаков) действительно главную опасность на Востоке, то тем более жесткими должны быть требования и тем более суровой должна быть критика по адресу всех трех (Центросибирь, Дальсовнарком и командование Забайкальского фронта) руководящих инстанций.

Разногласия (в оценке значения Забайкальского фронта) между Иркутском, Хабаровском и Омском и явный разнобой в их решениях и действиях весьма отрицательно сказались на положении отдельных Советов Западной Сибири как главного театра развернувшихся против мятежников военных действий*. В момент нападения чехословаков Советы всех губерний и областей Сибири оказались изолированными друг от друга, ничего не знающими о планах и намерениях названных руководящих органов, ослабленными отвлечением лучших (по боеготовности и боеспособности) сил на фронт против Семенова и на другие второстепенные дела.

* Крупную отрицательную роль сыграло и то, что с самого начала в Сибири не было хорошо продуманной Наркомвоенном и твердо проводившейся Советами на местах организации военного дела. Так, в Западной Сибири с декабря 1917 по май 1918 г. трижды менялась структура военного управления краем, а декрет СНК от 4.5. 18 г. о разделе Сибири и Дальнего Востока на три военных округа встретил возражения Центросибири.

Но какими бы сложными и трудными ни были условия, в которых Советам Западной Сибири пришлось начать и вести борьбу с мятежниками, это не снимает вопроса о критической оценке их действий, так как без этого восстановить историческую правду и извлечь уроки невозможно.

В соответствии с ограниченными задачами нашего исследования мы остановились только на некоторых чисто военных вопросах.

Приказ из Москвы о разоружении эшелонов дошел до Омска 24 мая 1918 г., т. е. тогда, когда довольно крупные силы интервентов уже находились в непосредственной близости от него. В связи с этим высказываются мнения, что приказ Троцкого был отдан слишком поздно: будь он получен в апреле или хотя бы дней за десять — пятнадцать до начала мятежа, задача разоружения могла быть выполнена безусловно. Такая постановка вопроса не выдерживает ни малейшей критики. Авторы ее забывают, что соглашение Советского правительства об условиях эвакуации солдат корпуса было заключено с чехословацким национальным советом уже 26 марта 1918 г. и что за истекшие с тех пор два месяца не было никаких недоразумений или столкновений на почве нарушения его чехословаками. За это время, проехав через всю Сибирь, в порту Владивостока сосредоточилось уже до 14 тыс. солдат корпуса, полностью сохранивших все свое оружие. Не могло, конечно, быть и речи о том, что несколько сот красных бойцов Владивостока сумеют разоружить такие крупные сконцентрированные силы на виду у находившихся тут же японских и английских десантов, для которых чехословаки были союзниками.

Как показали приведенные выше документы, и Центросибирь и Омск отдавали себе полный отчет в той потенциальной опасности, что хранил в себе вынужденный для нас (в силу многих внутренних и внешнеполитических обстоятельств) пропуск корпуса во Владивостокский порт. Мятеж начался не потому, что советские отряды фактически стали разоружать эшелоны, а потому, что нападающей стороной были чехи, ибо таков был план империалистов Антанты*.

* Начальник одного из эшелонов чех капитан Кедлет заявил после захвата г. Мариинск прибывшему из Иркутска американско-

Бессмысленно заниматься сейчас вопросом: когда нужно было отдать приказ о разоружении и что произошло бы, если бы вообще такого приказа отдано не было? Бесспорно одно: руководство корпуса и все те представители держав Антанты, которые принимали участие в переговорах об эвакуации корпуса, а потом и в переговорах с целью прекращения начавшихся военных действий, — бесспорно одно, что все они вели двойную игру и закончили ее тогда, когда это признано было для них наиболее выгодным. Суть дела в том, что империалисты и контрреволюционные руководители корпуса давно готовились к мятежу и успели в этом отношении многое сделать, а руководящие советские и военные органы Сибири, правильно уяснив себе потенциальную опасность возможного вероломного нападения мятежников, не подготовились, чтобы дать отпор восстанию.

Более того, были допущены грубые нарушения элементарных требований обеспечения собственной безопасности, организации своей собственной защиты и обороны занимаемых районов, как это требуется даже в мирное время. В условиях, когда вся Сибирь объявлена на военном положении, когда рядом находились иностранные войска, бдительность и боевая готовность должны были быть удешевлены. Этого сделано не было: за исключением одного Омска, в остальных сибирских городах (Челябинске, Новониколаевске, Мариинске) советское военное командование несет перед историей ответственность за свою беспечность, нарушение уставных требований, а местные партийные и советские руководители не потребовали от него принятия надлежащих мер.

Нельзя совершенно игнорировать и факторы субъективного порядка. Под влиянием сведений о заключенном Москвой с руководством корпуса соглашении о вы-

му полковнику Эмерсону, что он, как и другие начальники эшелонов, получил из Пензы инструкцию остановиться там, где их эта инструкция застанет, и захватить города; по словам Кедлета, действия его являлись согласованным выступлением, а руководство всей операцией находилось в Новониколаевске (в Новониколаевске в эти дни находился Гайда. — Г. Э.). (См. Из истории белогвардейского мятежа в 1918 г. Сборник статей по истории рабочего класса и советской историографии. Академия общественных наук. М., 1958).

езде его за границу через Владивосток, а также ввиду того всем известного факта, что десятки эшелонов вооруженных чехословаков мирно и без каких-либо недоразумений проехали уже от Волги до Тихого океана, в Сибири и на Дальнем Востоке создалось не оправдывавшееся как внутренним, так и международным положением Республики благодушие, самоуспокоение, а бдительность притупилась. Более того, часть здешних руководителей, и прежде всего руководители Восточной Сибири, долгое время жила иллюзиями, что все дело в простых недоразумениях и что конфликт может быть улажен мирным путем. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры. В начале июня, когда чехословаки и белые в захваченных ими районах зверски расправлялись со всеми советскими людьми, советская сторона (в лице делегации от Центросибири из Иркутска) в районе Мариинского фронта заключила с врагами перемирие с той же целью уладить дело переговорами. Обманув бдительность красных, противник использовал наступившее затишье и через шесть дней вероломно нанес красным отрядам сокрушительные удары. Другой пример. 25 мая 1918 г. советские отряды Омска отбили первую попытку чехословаков захватить город и вынудили их поспешно отступить к ст. Мариановка. Когда же на эту станцию прибыл без надлежащей разведки и охраны омский отряд Успенского, чехословаки коварными приемами завлекли его в засаду и почти полностью уничтожили (погибло 980 бойцов). Казалось бы, дело ясное, но не так рассуждали омские руководители. Прибывший из Омска свежий отряд красных выбил врагов со ст. Мариановка и отбросил их на 8 км на запад. Чехословацкое командование тут же запросило перемирия, и Омск, забыв все, что произошло до этого — всего два дня назад, удовлетворил их просьбу. Воспользовавшись шестидневным затишьем, враги подтянули силы и 4 июня возобновили наступление. Трудно сказать, знал ли Омск, что в это самое время, когда он вел переговоры с врагом и предоставил ему передышку, другие группы тех же чехобелых, захватив Новониколаевск, Мариинск и другие пункты, беспощадно уничтожали сотни и сотни советских людей, не говоря уже о зверском преследовании большевиков. Не лучше поступили руководители Центросибири.

28 мая 1918 г. советские отряды разоружили на ст. Иркутск эшелон чехословаков без всякой борьбы. В тот же день на ст. Батарейная (6 км западнее Иркутска) были разоружены еще три эшелона: сдавшим оружие разрешено было продолжать путь на Владивосток.

Казалось бы, что, справившись так легко со значительными силами интервентов, руководители Центросибири предпримут быстрые и энергичные меры для развития успеха и окажут помощь соседним городам. Однако ничего сделано не было. В ночь на 29 мая скопилось семь эшелонов чехословаков на ст. Нижнеудинск. Одним вероломным ударом они разгромили все советские, партийные и военные организации и небольшой местный гарнизон и тут же расстреляли свыше 100 человек. Но даже после этого руководители Центросибири вступили в переговоры с врагами и заключили перемирие, чтобы «ликвидировать конфликт»! *

Видимо, и эти случаи имел в виду В. И. Ленин, указывая, что многие рассматривали чехословацкий мятеж лишь как один из эпизодов контрреволюционных бунтов **.

Слишком поздно были приняты решения и сделаны попытки собрать силы для разгрома мятежников ***. Ярким примером служит упомянутое постановление Омска, только 28 мая 1918 г. объявившего мобилизацию крестьян. Не было на местах необходимого для проведения мобилизации аппарата, не оставалось времени на сбор призываемых, организацию из них отрядов, не хватало вооружения, командного состава и т. д. Конечно, такая мобилизация ничего серьезного дать не могла.

* Заручившись ничего не стоящей бумагой — соглашением о перемирии, председатель Центросибири дал 5 июня телеграфное распоряжение «всем должностным лицам от Челябинска до Владивостока избегать конфликтов с чехословаками и устранять всякие недоразумения», помогая их продвижению. Комментарии, как говорится, излишни.

** См. В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 1—3, 15.

*** Помогло врагам и то, что многих авторитетных опытных большевиков, знающих людей и местные условия, как раз в мае не оказалось в Сибири. Мы имеем, в частности, в виду организатора шахтеров Кузбасса Франца Суховерхова, а также М. Рабиновича, находившихся в Москве на съезде совнархозов.

Задача восстановления правды истории требует отметить и тот факт, что в ряде пунктов и направлений соотношение сил было в нашу пользу. Вот несколько примеров.

К 1 июня 1918 г. в непосредственном распоряжении Западно-Сибирского оперативного штаба в Омске оказалось около 5 тыс. бойцов. Предстояло решить, где и как использовать их с наибольшим результатом. Штаб направил 3 тыс. человек под командованием А. А. Звездева на запад против головных отрядов Войцеховского, послал до 1200 бойцов под командованием С. Н. Черепанова на восток—на помощь новониколаевцам, остальные (в том числе упомянутый выше полк численностью 1 тыс. солдат) застряли в районе Омска для выполнения второстепенных задач.

Разделять силы накануне боя — серьезная ошибка, за которую всегда приходится дорого расплачиваться. Звездев потерпел поражение под Мариановкой, а из посланного на восток отряда только небольшой группе удалось окольными путями пробраться на Урал.

7 июня 1918 г. на пленуме городского Совета Красноярска командующий вооруженными силами района Т. П. Марковский докладывал*, что, хотя город и находится между двумя фронтами (враги наступали и со стороны Канска и со стороны Мариинска), обстановку нельзя считать угрожающей. «Уже имеются, — говорил Марковский, — силы, численно превосходящие силы противника. С каждым днем прибывают к резервам в Красноярске свежие отряды. Главным образом отряды состоят из рабочих, но, кроме того, не использованы еще товарищи австрийцы» (имеются в виду бывшие военнопленные первой мировой войны. — Г. Э.). Пулеметов, заявил Марковский, достаточно, исправляются еще. Есть самолет, бронепоезд, артиллерия, показавшая себя превосходной стрельбой под Мариинском. Читатель уже знает, что в боях южнее Новониколаевска численное превосходство также было на нашей стороне.

Вывод из всего сказанного должен быть сделан вполне определенный: бесспорно, не все силы и воз-

* См. Документы героической борьбы. Сборник документов и материалов, посвященный борьбе на территории Енисейской губернии в 1918–1920 гг. Красноярск, 1959. Док. № 11 и 12.

Можности были использованы для предупреждения мятежа и его подавления, даже для своей собственной защиты*. Безвестными остаются еще на сегодня сотни и сотни партийных и беспартийных большевиков, кто по собственной инициативе, оставшись временно без руководства из-за гибели от руки интервентов руководящих партийных и советских органов, поднимали народ на борьбу с врагами, организовывали его и вели в бой под лозунгами великого Ленина. В истории Советской Сибири то был и останется навсегда одним из самых героических периодов беззаветной борьбы за победу социалистической революции.

* Высказываются мнения, что переговоры и перемирие с чехословаками были нужны сибирским руководителям для того, чтобы выиграть время на сбор сил и получение помощи от Урала, а также для того, чтобы привести имеющиеся войска в боевой порядок, попытаться выработать какой-то общий план для координации действий. Конечно, принципиально ничего нельзя иметь против переговоров отдельных местных Советов и даже против перемирия. Весь вопрос в том, как была использована полученная этим путем передышка и что конкретно дала она советской стороне. Факты говорят, что выгоды от переговоров и перемирия были использованы с наибольшим успехом и пользой для себя врагами. Более того, были случаи, когда бойцы обвиняли командиров в измене и расходились по домам.

КОЛЧАКИЯ

1. ПЕРВЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ
ВОССТАНИЯ В СИБИРИ

Алтайская губерния *, в которой объединенным силам чехов и белых удалось одержать первые значительные победы, была первой, начавшей вооруженную борьбу за восстановление власти Советов. Уже с июля 1918 г. то там, то здесь вспыхивали крестьянские волнения и восстания как результат все более обостряющейся классовой борьбы. Зажиточное в основной своей массе и патриархальное в своих обычаях и взглядах, сибирское крестьянство ходом истории все больше втягивалось в водоворот революционных событий. «Справный сибирский хозяйственный мужичок» тоже «заболел политикой».

Видную роль в организации большевистского подполья и руководства борьбой против врагов Советской власти в Алтайской губернии сыграли большевики М. И. Ворожцов, Л. А. Попарде, братья Сурновы, П. К. Голиков, Л. Кужелева и др.

Начало военным действиям против интервентов и белых положил в Кулундинской степи героический рейд красного отряда, отступившего после потери Барнаула

* Численность населения губернии составляла около 2,4 млн. человек. Кроме русских здесь проживало свыше 200 тыс. человек других национальностей, в том числе украинцев — до 95 тыс., калмыков — 38 тыс., мордовцев — 20 тыс., белорусов — 13 тыс. и т. д. Население городов и поселков насчитывало около 140 тыс., в том числе губернский центр Барнаул — около 64 тыс. человек. По данным на 1917 г., из 260 тыс. крестьянских хозяйств губернии было: беспосевных — 14,2%, без рабочего скота — 10% и без коров — 9,5%. В среднем на 1 крестьянское хозяйство приходилось 6,3 души (всех членов семьи) и по 5,9 десятины посевов. Различного рода промыслами на месте было занято около 18,1% сельского населения.

по железной дороге в сторону Семипалатинска. Вскоре выяснилось, что Семипалатинск в руках врагов и выслал войска навстречу отряду. Выгрузившись на ст. Алейская* (129 км от Барнаула), отряд под командованием Петра Сухова двинулся на северо-запад с целью прорваться к Омску, о падении которого сведений не имелось. Дойдя до района сел Мостовое, Харитоновка (80 км северо-западнее названной станции), отряд закрепился, чтобы привести себя в порядок и выяснить общую обстановку. При выходе из района Барнаула в отрядах было более 2 тыс. человек, сейчас осталось примерно 800, в том числе около 200 бывших военнопленных мадьяр и немцев, имелось 2 действующих и 5 неисправных пулеметов.

Уничтожение отряда Сухова было поставлено важнейшей задачей всем действующим на Алтае, в Семипалатинской и Акмолинской областях белогвардейским частям. Благодаря концентрическому наступлению белых из Камня, Славгорода, Семипалатинска и со ст. Алейская отряд оказался в оперативном окружении. Но пока командиры белогвардейских колонн, установив местонахождение красных, вырабатывали общий план действий, Сухов обрушился на ближайшую белогвардейскую колонну из Камня, разгромил ее под дер. Бaeво и перешел со своим отрядом в район деревень Жарково, Хорошавка, Глубокое, т. е. совершенно неожиданно для белых вышел из окружения, передвинувшись на 20 км на запад. Белогвардейцам понадобилось несколько дней, чтобы восполнить понесенные потери и попытаться еще раз концентрическими ударами уничтожить красных. И снова Сухов повторяет свой маневр: разбивает отряд капитана Зеленецкого и, резко изменив направление, уходит прямо на север в сторону сел Прыганка и Панкрутинское. Вторичная неудача выводит из себя командование Степного корпуса, командарм назначает следствие. Вот как рисуются по материалам следственного дела дальнейшие героические действия отряда Сухова. Начинается преследование красных, но догнать их нелегко. Меняя в каждом селе лошадей, красные бы-

* Здесь при участии председателя губкома РКП(б) И. В. Присягина и председателя Алтайского губисполкома Советов М. К. Цап-лина была произведена реорганизация всех отступивших из района Барнаула отрядов в один под командованием Петра Сухова.

стро продвигаются в направлении на Травное, стремясь выйти на железную дорогу Омск — Новониколаевск. Чтобы приостановить их дальнейшее движение на север и обеспечить железную дорогу от захвата, навстречу красным срочно выдвигаются части из состава гарнизонов Татарска, Каинска и Новониколаевска. 15 июля красные заняли Травное (20 км юго-западнее ст. Картат), но белые уже преграждают им путь. Тогда Сухов резко меняет направление и поворачивает на юг.

Не удалось отряду Сухова прорваться к железной дороге. Не удалось ему найти во всей обширной Колундинской степи другие красные части. О грозной опасности предупреждали сведения, что пал Омск и Сибирская железнодорожная магистраль в руках врагов. Месяц прошел уже с того дня, как отряд вынужден был уйти из Барнаула. То был месяц непрерывных переходов и ежедневных столкновений с белогвардейцами, со всех сторон, словно свора собак, обложившими отряд, днем и ночью неотступно преследующими и нападающими на него. Один отряд красных героев в окружении десятка отрядов белогвардейцев. Их так много, что они уже перехватили все важнейшие дороги, заняли все крупные населенные пункты. Но красные герои не сдаются и штыками прокладывают себе путь на юго-восток, чтобы вернуться в родные места, попытаться на Горном Алтае найти район, где можно было бы продолжать борьбу с большим успехом.

Нельзя без глубочайшего восхищения и волнения читать документы о походе отряда Сухова — важнейшем во всей истории гражданской войны на Востоке истинно героическом рейде красных героев... Белогвардейское начальство выходило из себя и не останавливалось перед тем, чтобы собственные войска «загнать насмерть», лишь бы ликвидировать красных*.

Свыше полутора месяцев длился рейд Сухова по Колундинской степи. Гарнизоны семи городов выделили войска для его уничтожения. Штабы армии и корпуса,

* «Настроение подавленное... Без сносного пропитания, на одном молоке и чае роты пробыли три недели, так как с 3 по 19 июля сделали свыше 700 верст, а с 14 по 19 июля — 450 верст... ежедневные марши, стычки... бои...» (Из рапорта командира одного из действующих против Сухова отрядов.) (ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 69, л. 53.)

начальники колонн исписали гору бумаг на отдачу категорических приказов «Настичь и уничтожить», но задача выполнена не была. И не потому, что Сухов только «рейдировал» — избегал боя. Общие потери белогвардейцев превысили, по их же данным, 400 человек убитыми, ранеными и без вести пропавшими. После двухмесячного героического рейда по тылам белых отряд попал в засаду в горном ущелье Алтая, возле с. Тюнгур, и погиб в бою с казачьими и кулацкими отрядами. Нельзя не высказать глубокое сожаление, что до сих пор героические дела отряда* не нашли в нашей военно-исторической литературе должного освещения, несмотря на то что в них много познавательного и поучительного.

Было бы, однако, неверно объяснить успешность действий отряда только героизмом его бойцов и несомненным военным мастерством его командира. Основное заключалось в другом, а именно: в той повседневной помощи, которую население оказывало красным бойцам. «Все деревни, — говорится в одном из белогвардейских документов, — от Нижнего Кучука до Волчихи (за малым исключением старожилов) настроены по-большевистски, всячески препятствуют нашим отрядам, не дают подвод, хлеба, питания, сбивают ложными сведениями. 19 июля в селе Вознесенском в бою участвовали жители: стреляли из домов и огородов, выдавали красным всех скрывавшихся при отступлении Славгородского отряда наших солдат, били их лопатами, граблями, отказывались давать подводы даже для раненых»**.

Цитата раскрывает не только одну из существенных причин успешных действий Сухова. Она, бесспорно, свидетельствует о большой политической работе среди населения, которую проделал отряд Сухова, показывавший пример, как надо бороться за власть Советов.

* Ядро отряда составляли шахтеры Кузбасса, в основном кольчугинские, шегловские и гурьевские рабочие-красногвардейцы. Командир отряда Петр Федорович Сухов еще в апреле 1917 г. вместе с Францем Суховерховым создал в Кольчугино (ныне Ленинск-Кузнецкий) ячейки большевиков. Работал секретарем Совета там же, руководил формированием первых красногвардейских отрядов. После боев на подступах к Кольчугино вынужден был в начале июня 1918 г. под давлением превосходящих сил чехобелых отступить на Алтай, где присоединился к красным в Барнауле.

** ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 69, л. 53.

Командиры белогвардейских отрядов в своих донесениях подчеркивают, что с Суховым ушло несколько сот местных жителей — большевиков. Не могли тогда уже белогвардейские власти знать, что Кулундинская степь готовит им еще большие неприятности и «сюрпризы» в недалеком будущем.

26 августа 1918 г. в с. Вознесенское состоялся съезд представителей крестьян 12 волостей Барнаульского уезда, приславших 89 делегатов. Не все, оказывается, большевики ушли с отрядом Сухова. Официальная повестка дня съезда, проходившего под председательством Александра Кузенко и Якова Медведева, гласила: «1-й вопрос — цель восстания славгородских крестьян и отношение к ним; 2-й вопрос — о выдвижении крестьянской власти, могущей войти в сношение со Славгородским военно-революционным штабом, о жизни и правах крестьян; 3-й вопрос — о сгруппировании штурмовых команд для изъятия власти в городе Павлодаре; 4-й вопрос — слияние крестьян с другими инородцами всех наций» *.

Донесения белогвардейской контрразведки содержат подробные, можно сказать, стенографические записи работы съезда, не цитировать которые невозможно. Вот что говорится в этих документах. «На съезд явился депутат от Славгородского Военно-революционного штаба и доложил о моменте цели восстания славгородских крестьян. По выслушивании его постановили: вставанием с мест приветствовать явившихся депутатов и посплавших их и со своей стороны всеми силами поддерживать восстание товарищей крестьян Славгорода по первому требованию».

По второму вопросу — о выдвижении крестьянской власти — постановили: «Избрать Военно-революционный штаб в составе по одному от каждой волости с мест прибывших. Всем волостным и сельским комитетам и всему населению вменить в экстренную обязанность, не медля ни одной минуты, исполнить все приказы и распоряжения Военно-революционного штаба».

По вопросу о группировке боевых отрядов постановили: «По первому требованию штаба мобилизовать от 20 до 40 лет мужского пола». И наконец, по вопросу

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 112, л. 23.

«о слиянии с инородцами» сказано: «Послать воззвание всем киргизам и прочим о слиянии с крестьянами для общей работы по защите страны».

Думается, нет надобности комментировать приведенный документ. Он производит сильное впечатление не только целенаправленностью и конкретностью записанных решений, но и самой формулировкой их. Только так могли мыслить и действовать посланцы трудового народа, сбросившего власть эксплуататоров, решившего взять свою судьбу в собственные руки.

Особо подчеркнуть надо следующее. Съезд и принятые им решения показывают, что как в Славгородском, так и в Барнаульском уездах уже в июле — августе 1918 г. (через 3 месяца после свержения власти Советов) существовала широко разветвленная организация противников белогвардейцев, имевшая на местах сельские, волостные комитеты, районные военно-революционные штабы и штурмовые команды.

Алтайская губерния была объявлена на военном положении 27 июля 1918 г., а в Барнауле находился «особоуполномоченный по охране государственного порядка и общественного спокойствия» полковник Паначев *. 22 августа он затребовал срочной присылки подкреплений в виде роты чехов и двух эскадронов кавалерии, мотивируя просьбу тем, что в Славгородском и Каменском уездах местами все еще продолжают работать по-старому советские учреждения, что периодически вспыхивают крестьянские беспорядки, что много спрятано у населения оружия, а все это может привести к крупным событиям в связи с объявленным призывом новобранцев. Трусил не только Паначев. Начальник гарнизона Бийска в рапорте от 17 августа докладывал, что в уезде положение серьезное. По селам много скрывается красных. Надо назначить комендантов и временные гарнизоны в Кош-Агаче, Шебалино, Алтайском и Улале, на что потребуется всего 330 человек, а их брать неоткуда. Наиболее надежная часть гарнизона Бийска — офицер-

* В распоряжении его имелись гарнизоны: Барнаула — 5 отдельных команд и отрядов (всего 244 человека); Бийска — 198 человек; Камня — 112 человек; Змеиногорска — 26 человек; общий резерв на ст. Алейская — 220 человек. (ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, л. 113-а, л. 4.)

ский отряд в 100 человек, но три четверти людей его постоянно в разъездах по деревням. По выполнении всех распоряжений об отправке войск на советский фронт фактически останется в губернии для поддержания порядка около 500 человек*.

Положение с каждым днем все более обострялось, в особенности в связи с восстанием в Славгородском уезде. Подавление восстания было возложено на командира 4-го Степного сибирского полка. Вот несколько выдержек из его донесений: «Все волости в связи с мобилизацией присоединились к красным, настроение крайне озлобленное... безнаказанный захват города Славгорода и агитация большевиков и немцев** настроили всех враждебно. К выпущенным из тюрьмы красногвардейцам и мадьярам присоединились толпы вооруженных крестьян численностью несколько тысяч человек, подбодренные самогонкой, и в тылу моего отряда действуют активно, разрушая железную дорогу... Если немедленно не подавить, то восстание грозит распространиться на всю Кулундинскую степь (настроенную вообще враждебно) и севернее; в связи с мобилизацией поднялось общее восстание рабочих и крестьян, руководимое немцами, которые особенно деятельно работают с объявлением мобилизации... восстание настолько разрослось, что необходимо поголовное уничтожение деревень...»***

Общую оценку обстановки дал в своем донесении штаб Степного сибирского корпуса, в районе расположения которого происходили отмеченные события. «В связи с призывом новобранцев, — говорится в этом

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 113-а, л. 7.

** Некоторые бывшие военнопленные первой мировой войны (немцы, венгры, чехи, словаки и др.) с установлением в Сибири власти Советов и освобождением из лагерей поступили добровольцами в создаваемые красные отряды, даже создавали свои собственные отряды и активно помогали русским бороться с интервентами и белогвардейцами. Белые использовали этот факт с чисто провокационной целью. Постоянно подчеркивая участие бывших военнопленных в военных действиях и преувеличивая как их численность, так и военное значение и роль, они стремились еще больше раздуть пущенную врагами революции в начале 1917 г. (по возвращении В. И. Ленина из эмиграции) гнусную ложь, что «Ленин и большевики — агенты немцев» и «продали Россию немцам».

*** ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 113-а, лл. 79 и 81.

документе, — и благодаря сильной агитации большевиков, еще окончательно не уничтоженных, возникли беспорядки в уездах Тарском, Тюкалинском, Кокчетавском, Атбассарском, Павлодарском, Славгородском и Змеиногорском. В первых четырех уездах отдельные вспышки подавляются высланными отрядами, что же касается Славгородского и Змеиногорского уездов, то там восстание сильно разрастается и распространяется на север вдоль Кулундинской железной дороги. По последним сведениям, среди восставших достаточное число мажар и немцев, все вооружены. Для ликвидации восстания корпусом выслано все, что в настоящее время имелось, но этого далеко не достаточно. Силы красных штаб определил в 500 вооруженных винтовками, ручными гранатами и одним пулеметом, но в связи с занятием Славгорода в их руки попал артиллерийский склад, что сильно увеличит число вооруженных повстанцев»*.

Широко развернулось в эти осенние дни 1918 г. повстанческое движение в южных районах Казахстана и в Семиречье²⁷. Особенно успешно действовали здесь отряды под командованием бывшего унтер-офицера старой армии Мамонтова. Его силы белые определяли в 800 коней с 4 орудиями и 7 пулеметами. Ядро отряда составляли бывшие фронтовики первой мировой войны, одним из которых был сам Мамонтов. В сводках Степного сибирского корпуса отмечаются сильные бои с красными в районе населенных пунктов Баевское, Сарканда, Шипуново и др.

«Уполномоченный по охране государственного порядка и общественного спокойствия по Семипалатинской области» есаул Сидоров доносил 4 сентября 1918 г. военному министру и министру внутренних дел, что аналогично тому, как это было во время мобилизации в июле 1918 г., большевистская агитация в крупных селах Семипалатинского и смежного Змеиногорского уездов поставила себе задачей противодействовать призыву. С этой целью в некоторых селах организованы (преимущественно из петроградских коммунистов**) военно-ре-

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 113-а, л. 87.

** По инициативе путниковцев и благодаря горячей поддержке идеи В. И. Лениным весной 1918 г. выехало в Сибирь несколько тысяч (считая и членов семей) петроградских рабочих для органи-

волюционные штабы, которые проводят свои мобилизации десяти возрастов для вооруженного восстания. Центром и сборным пунктом их служит с. Шеманаиха, где возводятся окопы для обороны*.

Не имея достаточно сил для борьбы с восстаниями, командование Сибирской армии обратилось с просьбой о помощи к интервентам. Но чехи не очень торопились: ответ пришел только через сутки, когда русский полк, о передаче которого для использования против повстанцев просил штаб армии, давно уже проследовал Омск по пути на запад**.

По ряду причин белым удалось добиться успехов. 20 сентября 1918 г. штаб корпуса донес, что восстание в Славгородском и Змеиногорском уездах ликвидировано***. Для ликвидации восстания в районе Камня посланы войска из Новониколаевска и Бийска.

В Алтайской губернии наступило некоторое затишье, но оно было только передышкой и означало изменение форм борьбы со стороны трудящихся.

Сведения о крестьянских волнениях поступали из многих губерний и областей Сибири: Томской, Енисейской, Иркутской и т. д. Мы здесь не говорим о них подробно, чтобы не распылять внимания читателей, ибо везде поводы были одни и те же, а именно: призыв новобранцев, взыскание податей и земских сборов, ловля дезертиров, отбирание шинелей и другой одежды казенного образца, запрещение рубки бывшего казенного леса и т. д. Крестьянство расценивало такого рода приказы

зации первых земледельческих коммун. Часть из них осела в Семипалатинской области. О них и говорит белогвардеец, так как новоселы эти тут же включились в происходившую здесь борьбу за Советскую власть.

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 113-а, л. 16.

** Получилась удручающая для белогвардейского командования картина: оно не может распоряжаться своими — русскими — войсками. После унижительных просьб оно получило не то, что просило, не там и не тогда, где и когда помощь особенно нужна была и где она могла быть оказана немедленно. Отряд Анненкова, снятый по приказу чеха Сырового с Уральского фронта, прибыл с большим опозданием.

*** Активные действия против повстанцев вели: в Славгородском уезде до 1 тыс. штыков и 300 сабель; основным ядром карателей здесь был отряд Анненкова численностью 497 штыков, 200 сабель, 8 пулеметов и 5 орудий; в Змеиногорском уезде — до 500 штыков и 300 сабель. (ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 113-а, л. 48.)

и действия властей как посягательство на свои завоеванные революцией законные права и свободу. Сплошь и рядом оно не считалось с ними и продолжало действовать по своему собственному усмотрению, доводя дело нередко до открытого сопротивления. В свою очередь белогвардейцы в каждом таком случае «неподчинения законным властям» усматривали работу большевиков и не только пытались вооруженной силой заставить крестьян подчиниться, но всегда требовали выдачи агитаторов и смутьянов. Все это создавало благоприятные условия для агитации против белой власти, чем умело пользовались большевики-подпольщики и революционно настроенные элементы деревни, особенно из бывших солдат-фронтовиков.

Сама жизнь убедительно и наглядно обучала крестьян одному из основных марксистских положений: политика неотделима от экономики, так же как экономическая борьба неотделима от политической. Ярким примером может служить решение собрания крестьянских обществ Люблинской волости, Тюкалинского уезда, от 26 августа 1918 г. на сборном пункте новобранцев в волостном селе. Решение гласит: «... единогласно постановили: признали призыв молодых людей вышеуказанного возраста (1898—1899 гг. рождения. — Г. Э.) неправильным ввиду того, что мы не знаем, для какой цели призываются только два года — для защиты ли земли и воли или для защиты капиталистов и помещиков. Кроме сего, не видим от временного сибирского правительства со дня его вступления в управление Сибирью никакого для всего крестьянства улучшения и получения общинной земли, а таковая, видимо, с переходом власти перешла всецело в руки помещиков и капиталистов. Если требуется для защиты земли и воли в пользу всего крестьянства и вообще всего трудового народа как Сибири, так и России, то мы хотели видеть приказ, в котором была бы известна и разъяснена ваша цель, к чему временное сибирское правительство стремится. Или оно стремится сделать подавление крестьян так, как Николай второй несколько лет нас сжал в кулаке своим и не давал никакой воли, то мы этого опасаемся прийти к старому положению. Но к старому возврата нет. Повторяем еще: если требуются молодые люди для защиты земли и воли в пользу всего кре-

стьянства и трудового народа как в Сибири, так и в России, то мы согласны призвать не эти молодые годы, неопытные в жизни, а из запаса более способных и опытных людей с 20 по 45 годов, а не детей, которые при несении службы в окопах плакали бы при открытии канонады... И кроме того, выдать оружие на месте, а также припасы, требующиеся к оружию...» *

Документ интересен в особенности тем, что собравшиеся на сборном пункте ставят вопрос политически — за что воевать? Они не просто записали в протоколе нежелание дать новобранцев. Они предлагают дать бывших фронтовиков и требуют, чтобы этих «способных и опытных» вооружили тут же на месте и снабдили боеприпасами, а там видно будет... Донесение воинского начальника заканчивается сообщением, что, приняв резолюцию, новобранцы разъехались по домам.

Приведенные факты (а мы цитировали только очень незначительную часть использованных архивных материалов) позволяют сделать весьма важные выводы:

1. В мае — июле 1918 г. объединенным силам чехов и белогвардейцев удалось сравнительно легко разбить разрозненные красногвардейские отряды и формирующиеся только еще части Красной Армии. Им также удалось захватить важнейшие административно-политические пункты, железнодорожные станции и т. д. Захватчикам казалось, что тем самым они обеспечили за собой всю восточную окраину страны.

2. Прошло несколько месяцев, и оказалось, что в обширных районах Сибири все осталось по-старому, а захваченные и удерживаемые ими пункты не более как изолированные островки среди бескрайнего и взбужденного крестьянского моря.

3. Тогда, в мае — июле, чехобелые имели перед собою определенного противника в виде красных отрядов, и задача состояла в том, чтобы их разгромить и уничтожить. Основная масса населения городов и деревень оставалась как бы в стороне. О политических настроениях и симпатиях ее никто не спрашивал. Сейчас положение другое: захватчикам приходится создавать органы власти на местах, решать конкретные административные, хозяйственные и другие вопросы, а это без

* ЦГАОР, ф. 260, оп. 1, д. 4—27, л. 370..

участия населения уже сделать невозможно. И тут сразу же выяснилось, что политические настроения и социально-экономические устремления основной массы крестьянства совсем не в пользу мероприятий новой власти.

Подавить силой оружия значительно легче, чем привлечь покоренных на свою сторону. Так случилось и у белогвардейцев. Можно сказать, только теперь, начиная с августа 1918 г., они столкнулись со своим основным и главным противником — массами трудового народа, приведенного в движение идеями социальной революции и руководимого большевиками. В этой борьбе нужны были другие силы, средства и приемы, но их не оказалось, и новые порядки приходилось устанавливать силой оружия: считавшиеся давно уже завоеванными районы и деревни приходится еще раз отбирать у Советов.

4. Ко всем этим затруднениям прибавляется еще одна и, пожалуй, не менее существенная «беда». Высокое начальство остается в приятной уверенности, что разгромом в июне — июле красных гарнизонов операция по овладению Сибирью закончена. Недооценивая или недопонимая происходящие на селе процессы, оно шлет приказы, отбирающие у начальников военных районов и всякого рода «особоуполномоченных» последние, можно сказать, вооруженные силы, лишает их возможности устанавливать временные гарнизоны в наиболее спокойных пунктах, держать уезды в повиновении постоянными наездами карательных отрядов. Словом, само высшее начальство своими распоряжениями отдает губернии и области во власть населения, среди которого все больше и больше распространяются революционные, большевистские настроения.

Крестьянство, отдавшее в ноябре 1917 г. при выборах в Учредительное собрание 75% голосов эсерам, не только не пошло за ними, когда они стали властью, а резко колебнулось влево. Отход крестьян от эсеров проявился наиболее ярко и притом наиболее чувствительно в отказе его давать новобранцев. Этим срывалась подготовка пополнений и резервов, настоятельные требования на которые со стороны фронта неуклонно росли. Сам фронт также не справился с задачей быстрейшего соединения через Пермь, Котлас с северной группиров-

кой интервентов для удара на Москву. А это означало полный провал планов белых: одержать быструю победу на фронте, чтобы потом уже заняться успокоением тыла. Высшее белогвардейское командование вынуждено было волей-неволей брать из тыла готовые вооруженные отряды на затыкание дыр.

В основе всех отмеченных явлений лежала одна главная причина — общая слабость белой власти в Сибири. Эсеро-меньшевистским правителям ничего не оставалось, как делать ставку на быстрейший (с помощью интервентов) военный разгром Советов и попытаться уклониться от задачи создания тыла. Они надеялись, что цель будет достигнута независимо от положения в сибирской деревне, которую можно будет, хотя бы временно, повести за собой пустыми обещаниями и репрессиями. Первые же месяцы их власти в корне опрокинули эти авантюристические планы и надежды.

2. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ЛАГЕРЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

События 18 ноября 1918 г. в Омске вошли в историю гражданской войны под названием колчаковского, или омского, переворота. Вокруг них создано много версий, в которых разными словами и в разных вариантах утверждается в конечном счете один и тот же тезис: Колчак — ставленник Антанты и к власти привела его она. Считать такое определение достаточным нельзя, так как остается без ответа немало существенных вопросов. Почему при наличии в то время большого числа контрреволюционных и притом значительно более видных, чем строевой вице-адмирал, политических и военных фигур выбор пал именно на Колчака? Разве не было внутри самой Антанты никакой борьбы, если составлявшие союз империалистические державы так единодушно и в полном согласии остановили свой выбор на нем? Да и чем подтверждается сам факт «выбора»? Не преувеличиваем ли мы роль, которую заправила Антанты поручили Колчаку, если хорошо известно, что та же Антанта не оказала ему всей той помощи, которая была ему обещана, на которую он рассчитывал и которая могла быть оказана, если бы Антанта дей-

ствительно и до конца считала именно его своей главной фигурой в лагере русских контрреволюционеров? Будет ли исторически верно свести весь вопрос только к какому-то решению руководителей Антанты, оставляя в стороне и полностью игнорируя борьбу, которая шла в самом лагере российской контрреволюции, и прежде всего на Востоке?

Известно, что установление диктатуры Колчака не было связано с вооруженной борьбой ни в Омске, ни в других местах. Все дело свелось к тому, что одна группа контрреволюционеров арестовала 3—4 человек из руководящей головки другой такой же группы контрреволюционеров, произведя как бы дворцовый переворот, не более. Может быть, легкость и быстрота, с которыми за несколько часов одной ноябрьской морозной сибирской ночи 1918 г. была установлена военная диктатура, и послужили в глазах авторов отмеченных версий основанием считать, что все было сделано по приказу Антанты и ее войсками? Но не говорят ли эти же обстоятельства — легкость, быстрота и бескровность переворота — о другом и более существенном, а именно: вообще о слабости всех собравшихся на Востоке контрреволюционных группировок? Не указывают ли эти же обстоятельства на более значительный факт, а именно: на пассивность широких масс населения подвластной контрреволюционерам территории, никак не проявивших своего отношения к тому, что произошло в Омске и кто взял верх — уфимская ли Директория или белогвардейский адмирал?

Как уже известно читателю, Иванов-Ринов был 5 сентября 1918 г. назначен военным министром и командующим войсками Сибирской армии вместо Гришина-Алмазова. Это подорвало позиции самарского Комуча. Во главе армии оказался более правый и притом атаман как раз того казачьего войска, которое находилось рядом со столицей — белым Омском. Назначение Иванова-Ринова — несомненная победа военной клики, возмущавшейся в правительстве министром финансов И. Михайловым и опиравшейся в армии на Иванова-Ринова, начальника штаба армии Белова, руководителей управлений Сибирского и Семиреченского казачьих войск и на целый ряд видных военных работников и командиров. Поехал Иванов-Ринов на Дальний Восток

с целью найти на месте единомышленников для предстоящей борьбы за власть. Миссия эта удалась ему лишь в отношении Семенова, частично Хорвата, из представителей же союзников только в отношении английского генерала Нокса.

До поры до времени все эти сговоры оставались секретом для омского правительства, занятого ожесточенной борьбой с уфимской Директорией. Хотя последняя и была избрана единогласно еще 22 сентября 1918 г. и одно из решений уфимского совещания предусматривало ликвидацию всех местных самостоятельных до этого правительств, омское — громко именовавшее себя временным сибирским правительством — и не думало торопиться с передачей власти. Прошел месяц со времени избрания Директории, а омские «правители» все еще крепко держались за свои министерские кресла.

Борьба за власть все более обострялась, и в этом отношении интерес представляет шифровка Белова от 31 октября 1918 г. Иванову-Ринову. «При господствующей здесь неразберихе, — говорится в ней, — много головомки. Затрудняюсь разобраться в слагающейся обстановке. По слухам, в случае отозвания из совета министров Михайлова Директория готова распасться. Ввиду упорных слухов о возможной в этом случае диктатуре Колчака, я вчера ночью предупредил Василенко (начальник штаба Степного корпуса — того самого корпуса, которым командовал до этого Иванов-Ринов. — Г. Э.) и через него Березовского (атамана Семиреченского казачьего войска. — Г. Э.), что я лично считаю, что Колчак для этой роли не годится, что есть у нас более близкие кандидаты и что вообще, казалось бы, из-за Михайлова не стоит этого делать»*. Шифровка эта, видимо, осталась неизвестной Колчаку, иначе вряд ли бы он в марте 1919 г. назначил того же Белова командующим Южной армейской группой, а потом и командующим войсками Южной армии вместо Дутова.

Иванов-Ринов получал информацию о положении в Омске не только от Белова. Такие же шифровки посылал ему регулярно другой член группы есаул Портнов, работавший в штабе армии. Сообщая в одной из них

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 3, л. 128.

Иванову-Ринову, что после долгих пререканий решено было поручить составление списка министров Вологодскому, Портнов подчеркнул: «Группа приняла меры к проведению желательных нам лиц»*. Через несколько дней обстановка в Омске прояснилась, и Портнов тотчас же отправил своему шефу очередную информацию**. «Последние три дня, — говорится в телеграмме, — административный совет и Директория топчутся на месте***. Относительно военного министра вчера происходили совещания, на которых решили послать одну делегацию от Сибирской армии, Семиреченского и Уральского войск к главковерху генералу Болдыреву с заявлением о необходимости оставления вас на посту военного министра... Эта же делегация переговорит с Колчаком. Чувствуется определенный нажим на нас включительно до провокации убрать меня и Волкова...»****

Прошло еще несколько дней, и Портнов шлет Иванову-Ринову новую малоприятную информацию: «Результатом казачьей делегации является заявление главковерха о невозможности утверждения вас военным министром, так как за Колчака поданы голоса Директории, админсовета и блока общественных групп. Изменить это он не может. Вы утверждаетесь в должности командующего Сибирской армией. Командующим вы будете недолго. Вы снова будете военмином. В этом направлении Волков ведет переговоры с Колчаком. Ясно и полностью информировать вас об этом опасаясь даже шифром. Назначение Колчака военмином вместо вас вызвано было помимо известности его имени в России также вашим отъездом на восток, что породило сомнения в вашей решительности действовать в тяжелую минуту при появлении здесь Директории. Теперь мы действуем с Волковым одни. Лучше будет, если вы поторопитесь вернуться»*****.

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 4, л. 4.

** Там же, л. 10.

*** Споры шли по вопросу о том, какой руководящий пост оставить Роговскому.

**** Упомянутый Волков — член военной клики Иванова-Ринова, командир Сибирского казачьего войска, в качестве начальника штаба в Омске сыгравший активную роль в ночь на 19 ноября в деле о свержении Директории.

***** ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 4, л. 15.

Назначение Колчака было приурочено к переименованию омского совмина во всероссийское правительство и прежнего военного министерства — в военно-морское.

Отличными комментариями к официальной телеграмме об этом была для Иванова-Ринова посланная ему в тот же день шифровка Березовского. Сообщив, что наконец-то состоялось соглашение с Директорией, Березовский писал: «...военным министром назначается Колчак. Эта кандидатура поддерживается блоком известных тебе общественных группировок. По соображениям международных отношений мы не сочли возможным настаивать на оставлении за тобою должности военмина. Желателен твой скорый приезд сюда» *.

В эти дни произошло еще одно весьма неприятное для заговорщиков дело, оказавшее, несомненно, влияние на исход борьбы вокруг назначения военного министра. Получая пространные сообщения от своих единомышленников из Омска о том, как идет борьба за власть, и считая, что по заслугам в свержении Советов и создании белой армии именно он, а не Колчак, должен быть военным министром, Иванов-Ринов систематически посылал подробнейшие ответные телеграммы в Омск, адресуя их Белову для передачи членам клики. Особенно пространной и важной была шифровка Иванова-Ринова от 31 октября 1918 г. **, адресованная на этот раз одному из главарей группы министру финансов Михайлову.

В шифровке говорилось, что Омску угрожает много опасностей. Чехи стремятся «повести возрождение России под уклон экспериментов социализма». Гайда намерен вместе с группой приверженных ему русских офицеров объявить диктатуру. Чехи же собираются бросить фронт под предлогом, что к этому они «вынуждены нашими неурядицами», тогда как действительная причина — разложение их собственных частей. Надеясь «парализовать интриги» приехавшего Павлу ***, он прини-

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 4, л. 23.

** ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 3, лл. 152—155.

*** Павлу был в сентябре 1918 г. на съезде представителей чехословацкого корпуса избран товарищем председателя русского отделения упомянутого выше ЧНС. За особые заслуги в борьбе против Советов награжден французским правительством офицерским крестом Почетного легиона; впоследствии был уполномоченным чехословацкой республики в белой Сибири,

мает меры, чтобы склонить союзников не признавать предлогов, под которыми чехи могли бы покинуть фронт, свалив вину на русских. Сильное недовольство высказывал Иванов-Ринов по адресу Нокса, «успешного склонить Болдырева в свои не очень полезные для Омска проекты (против наступления на Вятку, Котлас для соединения с северной группировкой интервентов. — Г. Э.), особенно о сокращении армии». Резко отозвался белогвардейский генерал о Колчаке, который, «к сожалению, весьма нетактично произвел разрыв с японцами и вообще многое испортил на Востоке своей несдержанностью».

Свое назначение командующим Семиреченским фронтом Иванов-Ринов расценивал как предлог для устранения его от дел, чтобы «отдать всю армию чехам, а кадровые полки на пагубные эксперименты». Вина за это падает на Колчака и Болдырева. Все это, по мнению Иванова-Ринова, свидетельствует о «разложении верхов», и он предпочитает поэтому вообще не возвращаться в Омск. Заканчивая шифровку, Иванов-Ринов сообщил Михайлову пять своих условий*, принятие коих означало фактическое сохранение за ним его настоящего положения независимого от Омска руководителя всеми, можно сказать, вооруженными силами Сибири и Дальнего Востока.

Шифровка эта, в которой было высказано много резких суждений по адресу всех борющихся за власть групп, в особенности чехов**, оказалась перехваченной, и ее содержание стало известно всему политическому Омску, чехам и представителям союзников. Разразился крупный политический скандал. Чехи потребовали увольнения Иванова-Ринова со всех занимаемых им должностей. «Сейчас, — телеграфировал Иванову-Ринову Бетхов, — важно сохранение спокойствия... Жаль, что Ваша

* Наиболее важные из них: оставление его командармом Отдельной сибирской в составе пяти армейских и одного кавалерийского корпусов с отделением этой должности от военмина; сохранение им системы территориальных корпусных округов вместо ликвидированных им военных округов; передача ему особых полномочий для инициирования переговоров на Востоке.

** «Формировать чехами и помогать нам, — писал Иванов-Ринов французскому генералу Жанену, назначенный Парижской конференцией».

телеграмма запоздала, но и сейчас еще не все потяну»*.

Но оказалось, что Белов ошибся: дни его как начальника штаба Сибирской армии (официально на время вояжа Иванова-Ринова по Дальнему Востоку подписывавшегося «врид командарма Сибирской») были сочтены. Узнав из перехваченной шифровки многие секреты и установив, что большую роль в борьбе против них играет штаб армии в Омске, чехи приняли меры, чтобы ослабить позиции Иванова-Ринова. Произошли резкие столкновения между Гайдой и Беловым по ряду вопросов, в частности, об использовании мобилизованных и передаче частей Уральского корпуса в екатеринбургскую группу, командующим которой был назначен Гайда**. В рапорте на имя главковерха Болдырева Гайда обвинил Белова в срыве отправки на фронт вторых батальонов полков Степного корпуса, а Белов в свою очередь требовал назначения расследования и предания Гайды суду чести за клевету. Дело кончилось тем, что, как телеграфировал Портнов Иванову-Ринову, «Белов удален». Начальником штаба армии был назначен генерал Матковский — профессор академии генерального штаба, приобретший впоследствии в качестве командующего Омским военным округом известность своими зверскими расправами с красными партизанами.

Нет надобности вдаваться в более подробное рассмотрение отдельных эпизодов борьбы за власть в лагере белых, но некоторые моменты ее должны быть отмечены.

Должность военного министра рассматривалась сибирскими контрреволюционерами как первая и важнейшая ступень к креслу диктатора. Добившись снятия Гришина-Алмазова и назначения на его место Иванова-Ринова, военная клика могла отметить свой первый и крупный успех. Вся военная власть в Сибири оказалась в руках ее ставленника, выступающего сразу в трех лицах. То был, по существу, первый и притом крупный шаг Иванова-Ринова по пути к военной диктатуре, и

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 3, л. 195.

** В телеграмме от 2 ноября Иванов-Ринов писал Белову: «Категорически запрещаю смешанные чехорусские полки и передавать чехам сибирских новобранцев, как того хочет Гайда. Отступление от этого равносильно измене». (ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 2, л. 30.)

инюшне понятно, что появление в Сибири Колчака было встречено членами клики отрицательно.

Реорганизация временного сибирского правительства во всероссийское послужила поводом для обострения борьбы между конкурентами. Казалось, все шансы на стороне Иванова-Ринова. За ним имелась реальная военная сила в виде избравших его атаманом казаков и войск Сибирской армии. В политическом мире он опирался на большую группу «общественных элементов», возглавляемую министром финансов И. Михайловым и другими крайними реакционерами. За Колчаком такой силы в Сибири не было. И тем не менее чужой для нее и Дальнего Востока, не имеющий ни роду, ни племени и идущий из краев вице-адмирал сел в диктаторское кресло, которое так долго и тщательно готовилось, но совершенно не для него. Назначение Колчака военным министром расценивалось группой Иванова-Ринова как начало провала их основного плана — установления диктатуры во главе с ним. Вот почему, как только встал вопрос о назначении военного министра реорганизуемого правительства, сторонники Иванова-Ринова засыпали его просьбами и даже требованиями бросить все дела на Дальнем Востоке и немедленно возвратиться в Омск, где, как телеграфировал ему Белов, «не все еще потеряно». Возможно, что, если бы Иванов-Ринов действительно был в Омске, события приняли бы иной оборот, и еще трудно сказать, удалось ли бы Колчаку так легко и быстро справиться со своими основными конкурентами и противниками в лице того же самого Иванова-Ринова, а также Хорвата и Семенова *. Мы говорим об этом, имея в виду, что главные действующие лица переворота 18 ноября, а именно: полковник Волков, войсковой старшина Красильников и есаул Катанаев — были, по первым, членами группы Иванова-Ринова, а во-вторых, казачьими офицерами как раз того казачьего войска атаманом которого он состоял. Учитывая эти обстоятельства, а также то, что Иванова-Ринова поддер-

* Следует отметить еще одну деталь. Если верить шифровкам 18 ноября Переломов (а не верить им нет оснований), то за назначением Колчака военным министром подали голоса те самые «общественные элементы», которые через неполные три недели были арестованы и вывезены из Сибири по распоряжению своего «неблагодарного» правителя (ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 4, лл. 15 и 28.)

живали атаман Семиреченского казачьего войска, а также начальник штаба Степного сибирского корпуса, не говоря уже о начальнике штаба Белове и других сторонниках его в том же штабе, можно полагать, что борьба вряд ли бы кончилась так быстро и легко в пользу Колчака.

Как же отнеслись к омскому перевороту державы Антанты в лице их местных представителей и борющиеся за власть группировки? И, прежде всего, как отнеслись к нему широкие слои населения Сибири и Дальнего Востока?

Во второй половине дня 19 ноября состоялось первое заседание нового правительства, на котором сам верховный делал подробное сообщение о своих переговорах с находящимися в Омске представителями Англии (командиром 25-го английского полка полковником Уордом. — Г. Э.) и Франции о событиях предыдущей ночи и «о принятом наличными членами всероссийского правительства временном изменении в конструкции верховной власти». Решений по докладу Колчака не записано. Вслед за ним выступил с пространной речью министр юстиции, он же генеральный прокурор Старынкевич. Заслушав оба доклада, совет министров постановил предать Волкова, Красильникова и Катанаева «чрезвычайному военному суду по обвинению в том, что они посягнули на Верховную власть». Назначив состав суда, избрав комиссию по составлению текста обращения от имени нового правительства «к народу» по поводу событий 18 ноября, правительство закончило заседание тем, что утвердило в качестве государственного гимна известный церковный гимн «Коль славен наш...».

Нужна ли была вся эта комедия и что дала она ее постановщикам?

Как только находившийся во Владивостоке Иванов-Ринов получил из Омска постановления и указы нового правительства, он тут же послал длинную телеграмму Колчаку, в которой от имени Сибирской армии выразил чувства преданности и обещал новому верховному и его правительству полную поддержку*. Другая длиннейшая телеграмма Иванова-Ринова командирам корпусов и

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 2, лл. 219 и 220.

начальникам гарнизонов Сибири и отдельно Семенову призывала всех признать Колчака и подчиниться его распоряжениям. Изданный им приказ предписывал «войскам пресекать в зародыше всякие попытки какого бы то ни было массового неповиновения и пропаганды против верховного и совета министров, предавая виновных военно-полевому суду, а в нетерпящих отлагательства случаях — расстреливать на месте без суда и следствия; поддерживать в войсках железную дисциплину, не подчиняющихся предавать смерти»*.

По все эти драконовские меры оказались совершенно не пугными — никто и не собирався выступить в защиту Директории. «Население деревень и станиц, — сообщал Портнов Иванову-Ринову шифром 26 ноября, — относится совершенно безразлично к событиям, и единственное их желание — спокойствие, получение мануфактуры и предметов первой необходимости... Войска на фронте встретили события спокойно». Следует признать, что в целом сообщение Портнова соответствовало действительности, за исключением отдельных моментов, о которых будет сказано ниже.

Телеграмма Иванова-Ринова с изъятием полного и безоговорочного признания Колчака заканчивалась обещанием немедленно оповестить союзников, принять меры сохранить порядок на Дальнем Востоке и немедленно вернуться в Омск. На другой же день Колчак и Вологодский получили от него шифровку: «Перемены в правительстве союзниками приняты следующим образом: французы и англичанами вполне доброжелательно, американцы не одобрили, японцы недоброжелательно. Лейные элементы занимают выжидательную позицию. Хорват принимает необходимые меры...»**

В телеграмме Иванова-Ринова ничего не говорится о чехах. Между тем их отношение к событиям 18 ноября могло иметь решающее значение по ряду причин: командующим Западным фронтом был чех генерал Сыромонков, а екатеринбургской группой командовал авантюрист чех Гайда. Наиболее надежную и боеспособную часть на фронте составляли как раз чехословацкие вой-

* III АОР, ф. 162, оп. 1, д. 4, л. 112.

** III АОР, ф. 162, оп. 1, д. 2, л. 219.

ска, а отношения с ними нельзя было назвать дружественными*.

Надо признать, что у Колчака и его сторонников имелись основания опасаться противодействия со стороны чехословаков. Началось с того, что 22 ноября командующий Западным фронтом Сыровый издал явно враждебный новой власти приказ. Содержание приказа, равно как и самый факт его издания, расценивались сторонниками Колчака как исключаяющее всякие сомнения выступление чехов против омского переворота и в защиту Директории**.

Еще более тревожными были донесения контрразведки. По ночам в Челябинске в вагоне Патейдля собираются чехи и русские и совещаются до утра. Сам Сыровый приказал предоставить бежавшим из Омска членам Учредительного собрания безопасное для них помещение и приставить к ним надежную охрану из сербов. Установленная Сыровым цензура запретила печатать изданное новым правительством «Положение о временном устройстве государственной власти в России». В Уфе под защитой чехов войск бывшими членами самарского Комуча образовано правительство, которое уже обратилось ко всем правительствам Европы и Америки с протестом по поводу омского переворота и с просьбой о помощи; телеграммы пересылаются с помощью чехословаков. На 2 декабря 1918 г. в Уфе назначено совещание бывших участников сентябрьского уфимского совещания для создания федерации против Колчака. Уфимские комучовцы вступают в переговоры с Москвой с

* «Чехи готовы поддержать Директорию», — телеграфировал Белов Иванову-Ринову 24 октября 1918 г., в дни, когда борьба омского правительства с Комучем начала обостряться. Вопрос усложнялся тем, что как раз в это время прибыл в Сибирь военный министр Чехословакии член чехословацкого национального совета в Праге генерал Штефанек. Он демонстративно проехал Омск по пути на Западный фронт для инспектирования чехословацких войск, не посчитав нужным нанести «визит вежливости» новоявленному верховному. (ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 3, л. 112.)

** Сыровый действовал не на свой собственный страх и риск. Глава русского отделения чехословацкого национального совета доктор Патейдль заявил: «Чехословацкая армия, борющаяся за идеалы свободы, не сочувствует насильственному перевороту в Омске. Национальный совет считает кризис власти незаконченным и надеется на разрешение его законным путем». (ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 3, лл. 306, 308, 312—317.)

предложением создать общий фронт борьбы против Колчака*.

Но радости и надежды уфимских учредителей и сторонников Директории на поддержку со стороны чехословаков оказались весьма кратковременными. Стоило только колчаковскому правительству обратиться к Жанену, как все изданные Сыровым приказы и ограничения были, не без участия Штефанека, тотчас отменены, и членам вновь созданного уфимского правительства пришлось спасаться бегством.

Значительно более серьезным было выступление Семенова. В обширной телеграмме Вологодскому, Дутову, Хорвату и Иванову-Ринову он категорически заявил, что Колчака не признает и что в качестве командующего войсками Дальнего Востока он выставляет кандидатами Деникина, Хорвата и Дутова. Заканчивалась телеграмма ультиматумом: если в течение 24 часов не будет ответа о передаче власти одному из указанных кандидатов, он объявляет автономию Восточной Сибири.

Надо сказать, что Семенов не только грозился. Держа в своих руках Забайкалье, он тут же прекратил всякую связь Омска с Владивостоком (а следовательно, и с внешним миром, не разрешив переговоров по прямому проводу даже Жанену), задерживал идущие в Омск поезда с боеприпасами и со снаряжением и забирал из них себе все, что считал необходимым, не останавливаясь даже перед столкновением с чехословаками²⁹.

Чтобы толкнуть Иванова-Ринова на враждебные Омску действия, Семенов пустил слух, что Колчак распорядился арестовать и его. Но, начав переговоры с Хорватом о возможности остаться на Дальнем Востоке, Иванов-Ринов в свою очередь стремился использовать неодобрения своего «друга атамана», чтобы, продолжая вести игру с Омском, заработать себе политический капитал. «Мои попытки, — говорится в шифровке его от 1 октября 1918 г. на имя Колчака и Вологодского, — склонить атамана Семенова отменить принятое решение

* Решения колчаковской контрразведки были верны. Находясь в Уфе учредители действительно обратились к Ревскому. Не сфронтовавшись с такими рода предложениями, поставили свои условия. В том числе созыв Учредительного собрания, но получили

потерпели неудачу. Омск остается во власти местных переживаний и не усвоил до сих пор грозных опасностей, надвигающихся с востока.. Без связи с внешним миром, без снабжения армия наша рухнет. Мы — и грушка иноземных сил, которые Омск недостаточно учитывает. Но если мы не учтем значения Востока и этих сил, стоящих вне нас, то мы погибнем, как бы ни были велики наши подвиги и наши жертвы...» *

Мы привели выдержки из некоторых архивных документов, наиболее ярко освещающих борьбу за власть в лагере сибирской контрреволюции в период подготовки переворота 18 ноября 1918 г. и в первые недели после его осуществления. Вносят ли документы эти что-либо новое в упомянутые в начале настоящего раздела версии и можно ли в них найти ответы на поставленные нами вопросы?

Борьба за власть началась между многочисленными белогвардейскими правительствами с первых же дней их образования после падения Советов. Состоявшееся в Уфе с 8 по 23 сентября 1918 г. совещание ничего, по существу, в этом отношении не изменило. В уфимском скопище были представлены все, кто стремился к низвержению Советов, начиная от монархистов и кончая «социалистами» и «демократами» в лице эсеров и меньшевиков. Конечно, не приходится говорить о каком-то совещании даже для тех своеобразных условий и разношерстного в политическом отношении состава его участников. Более двух недель длилось позорное политическое торжище, на котором главными конкурентами выступали самарский Комуч и омское временное сибирское правительство. Естественно возникает вопрос: о чем же все это время совещались в Уфе, какие мировые проблемы решались? Меньше всего было официальных открытых заседаний. Главным полем словесных поединков были частные совещания, на которых каждый из названных нами политических китов стремился договориться с менее сильными группировками и заручиться поддержкой их. На это требовалось, конечно, немало времени — каждый стремился продать себя подороже и повыгоднее. Но, в конце концов, не это отняло времени больше всего. Основным виновником затянувшихся пере-

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 2, лл. 305—307.

говоров была Красная армия Восточного фронта, развивавшая успешное наступление от Волги к Уралу. Стоило получить в Уфе с фронта сведения о каком-либо самом незначительном успехе войск Комуча, как этот последний, превращая любую тактическую удачу в крупную победу и в «начало поражения Советов», тотчас же повышал свои требования и претензии и не шел ни на какие уступки. Но стоило получить в Уфе сведения другого порядка, донесения об оставлении частями Комуча какой-либо самой захудалой, не имеющей решительно никакого военного значения деревушки в полтора-два десятка дворов, как тут же основной конкурент Комуча, а именно омское правительство всемерно раздувало масштабы и значение понесенной войсками конкурента неудачи и в свою очередь повышало свои претензии. Действия Красных армий Восточного фронта становились объектом политической спекуляции и всевозможных политических комбинаций сборища контрреволюционеров всего Поволжья, Урала и Сибири.

Соотношение сил на совещании оказалось невыгодным для сибирских контрреволюционеров. Из пяти членов избранной Директории двое были самарскими эсерами, омское же правительство получило только одно место для кадета Вологодского. Но омские главы находили себе утешение в другом. Открытие совещания ознаменовалось падением белой Казани — все больше сокращалась подвластная Комучу территория. Омские контрреволюционеры уже предвкушали наступление дня, когда и Комучу и Директории придется искать убежище в Сибири. Так оно и получилось: ко времени переезда Директории в Омск удельный вес ее армии и территории катастрофически упал. Можно сказать, авторитет и сила Директории держались еще только на бумажных решениях сентябрьского совещания в Уфе и честном слове его участников. Высокопарные слова о том, что Директория в своих решениях и действиях никому не подотчетна и не подконтрольна, вплоть до того, как будет созвано вновь избранное Учредительное собрание, поплыли в воздухе.

Положение омского правительства было по сравнению с положением Директории блестящим. В его распоряжении находилась стотысячная армия, усиленно снабжаемая Антантой. Ему подвластной была колоссальная

территория от Урала до берегов Тихого океана с миллионным населением, богатейшими природными богатствами и готовыми материалами. В глубоком тылу его войск сосредоточивались армии интервентов, авангардные части которых были уже в пути на Уральский фронт. Вполне естественно, что в этих условиях омские главари и не собирались передать власть без борьбы своим старым противникам и конкурентам. С приездом Директории в Омск давнишняя «родовая» вражда между названными контрреволюционными группировками вспыхнула с новой силой. Трудно сказать, чем все это могло закончиться, если бы на арене борьбы за власть не появилась третья сила — военные группировки. Это не было, конечно, случайностью: каждая из борющихся за власть группировок стремилась привлечь на свою сторону и заручиться поддержкой наиболее сильных групп из состава армии, где, как уже отмечено, шла такая же борьба и грызня за лучшие места, более высокие командные посты и т. д.

Следует считать документально и безусловно установленным, что весь период с момента избрания 22 сентября 1918 г. на уфимском совещании Директории и до установления диктатуры Колчака заполнен борьбой названных двух контрреволюционных групп при все возрастающем значении для исхода борьбы военных клик, стремящихся освободиться от политической опеки и действовать как самостоятельная сила.

Показателен в этом отношении следующий факт. 15 сентября 1918 г., в самый разгар уфимского совещания, начальник гарнизона Омска упоминавшийся выше полковник Волков с помощью отрядов Красильникова и Анненкова арестовал президиум Сибирской областной думы и некоторых членов временного сибирского правительства, чтобы установить диктатуру во главе с И. Михайловым. Быстрым и решительным вмешательством чехословаков попытка была тут же ликвидирована: Волков был арестован, а Михайлов сбежал... Не прошло и месяца, как тот и другой снова появились в Омске, чтобы еще раз попытаться счастья, создав на этот раз новую, более солидную (благодаря участию

большого числа военных) группу претендентов на власть. Назначенный для разбора «дела 15 сентября» специальный суд признал Волкова невиновным, что может служить характеристикой нового соотношения борющихся сил в лагере контрреволюционеров Сибири. Фамилия Волкова неоднократно упоминается в шифровках Белова. Особого внимания заслуживают в них фразы: «Волков ведет переговоры с Колчаком... Теперь мы действуем с Волковым одни». Еще больший свет на закулисную сторону переворота 18 ноября 1918 г. проливают следующие фразы из шифровок Портнова на имя Иванова-Ринова: «...Союзники власть признают, но будто бы требуют наказания виновных в перевороте. Все приняли на себя Волков, Красильников, Катанаев. Безусловно, будут судимы... Я лично глубоко сожалею, что плодами, добытыми казачеством, из-за вашего отсутствия могут воспользоваться другие» *.

Вряд ли то были случайные фразы, и нет необходимости их пространно комментировать. Портнов спешит успокоить Иванова-Ринова, что бояться ему нечего: Волков и его подручные никого не выдадут. В то же время Портнов упрекает Иванова-Ринова в нерешительности, из-за которой организаторы и руководители переворота остались за бортом и потеряли свои позиции, а «специалист по переворотам» Волков за спиной своих друзей и единомышленников легко и быстро договорился с Колчаком и на этот раз «сработал» более удачно, чем 15 сентября.

В сохранившихся белогвардейских документах ничего не говорится о каком-либо прямом участии держав Антанты в подготовке и осуществлении переворота **. Но

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 4, лл. 15, 101, 113.

** Послом Директории в Лондоне был в то время Набоков. Он опираясь на своих воспоминаниях, что как раз к 17 ноября 1918 г. английским правительством была заготовлена телеграмма в Омск с предложением Директории признания и помощи. Не успели телеграмму подписать, как были получены сведения о свержении Директории и установлении диктатуры Колчака. И когда 19 ноября Набоков явился к министру лорду Роберту Сесилю, последний ему поручился, что с Колчаком не может произойти то, о чем * Телеграмма, естественно, осталась неподписанной. Нет, необходимости верить Набокову или лорду Роберту Сесилю на себе этот эпизод из литературного источника не проясняет тому, что говорится в подлинных архивных документах.

это имеет только формальное значение, так как: а) события 18 ноября были вызваны целым рядом объективных причин, а не одними происками империалистов; б) сами по себе происки империалистов были стремлением использовать обстановку в своих интересах.

Предыстория переворота берет свое начало с сентябрьского совещания в Уфе. Оно показало, что нет на Востоке партии или группировки, которая в состоянии единолично взять власть в свои руки или диктовать свои условия. Избрание коалиционной Директории было не результатом политических соглашений социальных сил, а простым сговором оказавшихся налицо политиканов. На это указывает и тот факт, что военный диктатор вышел не из недр совещания или Директории (как это чаще всего бывало в истории), а прибыл со стороны. Случилось так потому, что участники совещания и Директория (по своей контрреволюционной сущности) не могли овладеть пришедшими в движение массами, чтобы расширить свою социальную базу. Они сами целиком зависели от поведения многочисленных контрреволюционных вооруженных отрядов, раздираемых своими собственными противоречиями. Наконец, как показывают белогвардейские документы, среди держав Антанты также не было единодушия, какую же из имеющихся антисоветских партий и группировок признать за главную, так как этому мешали внутренние противоречия среди них самих. Таким образом, омский переворот 18 ноября 1918 г. был отражением ряда причин, приведших борющиеся за власть группировки к положению, когда выход можно было искать только в установлении власти диктатора.

Весь предыдущий многовековой опыт господства буржуазии подсказывал ей, что в борьбе против революционных масс спасение надо искать в личной военной диктатуре. К этому проверенному на опыте истории приему прибегла в 1917—1920 гг. российская контрреволюционная буржуазия, выдвигая и поддерживая власть царских генералов Деникина, Юденича, Миллера и адмирала Колчака. По ее же пути пошла и буржуазия сопредельных стран: Польша, выдвинувшей своего «коменданта» Пилсудского, Венгрия — своего Хорти, Финляндия — своего Маннергейма.

«Либо диктатура буржуазии (прикрытая пышными

серовскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и прочее), либо диктатура пролетариата. Кто не научился этому из истории всего XIX века, тот — безнадежный идиот», — говорится в написанном В. И. Лениным «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком»*.

Эсеры давно уже вошли в историю Октябрьской социалистической революции как ее злейшие враги и предатели интересов трудового народа. Шифровки Белова дополняют портрет их еще одним штрихом: подав свои голоса за назначение Колчака военным министром, они не только сами подписали себе ордер на арест, но и навсегда выставили себя перед историей теми безнадежными идиотами, о которых говорил В. И. Ленин.

3. ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОЛЧАКИИ

Знакомясь в августе 1919 г. с напечатанным в телеграммах РОСТА сообщением о выступлении военного министра Англии Уинстона Черчилля, провозгласившего поход 14 государств против Советской республики, В. И. Ленин добавил к набросанному им тут же списку государств слова «колчакия» и «деникия»**. Употребляя эти новые для того времени слова, Ленин как бы подчеркнул, что речь идет не просто о двух белогвардейских генералах, собравших контрреволюционные армии, а о нечто значительно большем. Захваченная врагами восточная окраина находилась до этого в хозяйственной зависимости и во взаимодействии с экономикой остальной России, теперь прежние связи порвались — Сибирь оказалась предоставленной своим собственным ресурсам. Колчаку и его предшественникам приходилось изыскивать средства и заниматься вопросами удовлетворения (в какой-то, хотя бы в самой минимальной степени) самых насущных нужд населения. Война с Советской республикой и необходимость содержать насчитывавшую в общей сложности свыше 600 тыс. человек армию, снабжение интервентов продовольствием и т. д. требовали

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 517.

** История гражданской войны в СССР. Т. 4. М., Госполитиздат, 1959, стр. 199.

мобилизации огромных материальных ресурсов. От решения хозяйственных задач, от финансово-экономической политики верховного зависело многое для исхода войны. Это приводит нас к вопросу о военном потенциале колчакии*.

Крестьянство составляло около 90% населения ее, незначительными были отклонения в ту или другую сторону в отдельных губерниях и областях. Обеспеченность его землей, скотом и сельскохозяйственным инвентарем была значительно выше, чем в основных земледельческих районах Европейской России³⁰. Но одни общие цифровые данные, а также отсутствие в Сибири и на Дальнем Востоке помещиков совершенно недостаточны для того, чтобы правильно раскрыть и объяснить положение крестьянства и его роль в происходящей борьбе. Прежде всего надо указать на одно общее для всей Сибири явление.

К 1897 г. население Сибири составило около 5 млн. человек. Переселенцев из Европейской России прибыло с 1896 по 1910 г. около 4 млн., т. е. за какие-нибудь 14 лет численность населения Сибири увеличилась примерно на 80% за счет только переселенцев. Таков факт крупнейшего социально-политического значения в истории Сибири. С 1910 по 1917 г. переселение в Сибирь продолжалось**, причем к обычным переселенцам прибавилось значительное число беженцев из западных областей России в связи с захватом их противником в ходе первой мировой войны. Начиная с 1916 г. к этим гонимым войной на Восток людским массам присоединился другой многотысячный и всенарастающий поток бегущих от голода в «хлебную Сибирь» жителей потребляющих губерний Европейской России. Из сказанного следует, что все более менялся классовый состав крестьянской в основном Сибири и Дальнего Востока, а удельный вес

* В соответствии с условиями того времени мы включаем в понятие «военный потенциал» все те факторы и процессы социально-экономического и политического порядка, которые оказывают влияние на войну.

** После 1910 г. переселение стало сокращаться и одновременно происходил рост числа возвращенцев на родину, достигший в 1911 г. почти 60% от прямого движения. Мы не касаемся здесь этого явления и его причин, так как в целом оно не меняло соотношения классовых сил внутри крестьянства в какой-либо существенной степени.

старожилов* все уменьшался. Переселенчество интересует нас не само по себе. Оно имеет прямое отношение к вопросу о военном потенциале колчакии.

В написанных В. И. Лениным (в связи с наступлением революционного подъема в 1912—1913 гг.) новых работах** он пришел к выводу, что, отражая крах аграрной политики самодержавия, переселенчество стало одной из существенных причин не только роста слоя бедноты на селе***. Ленин доказал, что столыпинская аграр-

* Мы здесь и в дальнейшем условно пользуемся терминами «старожил» и «новосел» по следующим мотивам: они были в ходу и самой Сибири, ими пользовался В. И. Ленин в своих исследованиях о положении крестьянства на Востоке России, они встречаются в трудах буржуазных исследователей социально-экономических вопросов дореволюционной Сибири, а также в цитируемых нами белогвардейских документах. Мы имеем также в виду, что с терминами этими тесно связано представление об антагонизме и борьбе между (созданными в процессе заселения Сибири и проводившегося паризмом землеустройства) численно крупными группами крестьянства. По из этого совершенно не следует, что все старожилы обязательно кулаки и поэтому реакционно настроены, а все новоселы боролись с самодержавием. Характерным в этом отношении является положение в Славгородском уезде, одним из первых поднявшим крупное восстание против белогвардейцев в сентябре 1918 г. В 1911 г. здесь было (в %)

	Из старожилов	Из новоселов
Бедняков	23,6	69,2
Середняков	60,6	26,9
Кулаков	15,8	3,9

** В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 74—84 «Переселенческий вопрос», т. 19, стр. 46—51 «Значение переселенческого дела»; т. 19, стр. 161—70 «Еще о переселенческом деле»; т. 19, стр. 154—170 «Вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства».

*** Царское правительство поставило своей главной целью в переселенческом вопросе — «дать выход безземельному и малоземельному крестьянству на пустующие и свободные земли Азиатской России». В соответствии с этим была развернута широкая реклама и агитация за переселение: на новых местах земли много, земля там плодородна, переселенцам предоставляются льготы и оказывается государственная помощь в устройстве. Между тем фонды удобной земли в Сибири были уже истощены. Переселенцам отводили землю в степях, без выгонов, без пашни, далеко от воды. Ссуды были высокими и продолжались до устройства. Так, в Енисейской губернии специальная приемственная комиссия установила, что из отмежеванных в 1893 по 1915 г. на заселение земель вообще не заселено ни одной, заселенных половина уже покинута. Так как переселенцы не могли прибивать, то в 1908 г. правительство вынуждено было

ная политика царизма (в ней основными мероприятиями было переселенчество в Сибирь и перевод крестьян на хутора) приводит к разорению одной полосы России за другой и, ухудшая положение широких масс крестьянства, тем самым толкает их на мысль, что выход из положения только в устранении главных препятствий: в уничтожении помещичьего землевладения, пережитков крепостничества, самого феодально-помещичьего строя царской России.

Получилось так, что царское правительство, разрешая и даже поощряя переселенчество на Восток, чтобы как-то разрешить проблему малоземелья и нехватки ее в основных земледельческих губерниях Европейской России и тем самым предотвратить аграрные беспорядки, само того не желая, «работало» на пользу социалистической революции на восточной окраине страны. Новоселы-переселенцы, оставаясь в подавляющей своей массе и в «обетованной земле» такими же эксплуатируемыми трудящимися и бедняками, какими они были на родине до переселения, не могли в ходе социальной революции не становиться на сторону Советской власти. В особенности это относится к так называемым самовольцам, которые переселялись на Восток на свой собственный счет, страх и риск. Приехав, они попадали в разряд так называемых неприписных, и положение их становилось катастрофическим*.

Можно считать установленным, что именно переселенческая беднота и революционно настроенные солдаты-фронтовики составляли основную силу крестьянских восстаний и служили главным источником пополнения рядов красных партизан. Обстоятельство это надо постоянно иметь в виду, когда речь идет о сибирском крестьянстве и его роли в борьбе против белых и интервентов.

пойти на обрз земель у старожилов. При экстенсивном хозяйстве и низкой агротехнике это привело к тому, что создавалось недовольство и у старожилов и у переселенцев. По Енисейской губернии такое приселение составило с 1906 по 1916 г. 16,1%.

* Для переселенческого ведомства они были «нарушителями порядка», заботиться о которых чиновники не были обязаны, а чтобы войти в индивидуальный порядок в существующие крестьянские общества, нужны были значительные суммы, которых, как правило, не было. Оставался один путь — в кабалу к кулаку. Перепись на 1 декабря 1909 г. показала, что в Томской губернии имеется 454 тыс. таких неприписных, а в одном Барнаульском уезде, Алтайского округа, их было 326 тыс.

Численно слабым был на захваченной врагами территории пролетариат, состоявший в основном из рабочих горнопромышленного Урала, рабочих угольных копей, приисков и рудников, а также рабочих железнодорожных мастерских и депо, речного и морского флотов³¹. К числу пролетариата на Дальнем Востоке можно лишь условно отнести свыше 100 тыс. сезонных рабочих (в подавляющем числе китайцы и корейцы), занятых на лесозаготовках и в рыбной промышленности.

Отношение рабочих к белогвардейской власти и соглашательской политике эсеров и меньшевиков показывает весьма наглядно доклад колчаковского министра труда меньшевика Шумиловского. «Сразу после переворота, — говорится в этом документе, — отношение рабочих масс к правительству было или пассивно отрицательным или открыто враждебным. Рабочие организации в большинстве своем просто игнорировали органы власти, а если вступали с ними в сношения, то обыкновенно принимали тон учреждения, призванного их судить и контролировать»*. С особенной радостью пишет соцсглашатель о том, что за последнее время рабочие «под влиянием реальных потребностей жизни» (читай: усилившейся эксплуатации и жестоких преследований) изменили тактику и участвуют в решении вопросов промышленного быта, взаимоотношений между рабочими и предпринимателями.

Истинными причинами появления доклада были, конечно, не заботы меньшевиков о нуждах пролетариата и не стремление их облегчить его тяжелое материальное и правовое положение.

К концу 1918 г. белогвардейцы развернули свирепое преследование рабочих, стремясь окончательно разгромить и уничтожить какие бы то ни было их классовые организации. Проваливались одна за другой попытки меньшевиков направить рабочее движение в русло соглашательства. Убеждаясь в том, что классовая борьба пролетариата ширится и все более обостряется, что растут влияние и авторитет большевиков, соцсглашатели предприняли еще одну попытку помочь буржуазии. Доклад Шумиловского содержит целый ряд советов и рекомендаций колчаковскому правительству, как вернее

* ИИ АОР, ф. 147, оп. 9, д. 2, л. 15.

всего разложить рабочее движение и этим путем попытаться использовать его в своих интересах. Надо решать обострившиеся классовые противоречия в рамках существующего капиталистического строя — таков основной лейтмотив причитаний Шумиловского. Чрезвычайно опасно вмешиваться в экономическую борьбу рабочих с политическими репрессиями и преследованиями со стороны власти. Надо обмануть рабочих, разрешая законом «легальные формы» их классового движения. Иначе они уйдут в подполье, где борьба примет политический характер и никакого «руководства» со стороны власти быть уже не может.

Официально колчаковское правительство по вполне понятным соображениям никогда не запрещало профсоюзы, но фактически профессиональное движение было разгромлено уже к началу 1919 г. *.

Важное значение имело отношение колчаковского правительства к национальным меньшинствам, насчитывавшим около 6 млн. человек, разбросанных по всей огромной территории колчакии³².

Особенно наглядно обнаруживается значение национальной политики контрреволюционеров при сравнении политических лозунгов и программ двух основных врагов Советской власти того времени — Колчака и Деникина.

Если по классовой сущности и по конечным целям борьбы не было никакой разницы между адмиралом Колчаком и генералом Деникиным, то в применении каждым из них лозунгов и приемов идейно-политической борьбы разница была весьма значительной. Южная контрреволюция шла напролом. Именно на Юге появился лозунг «Единая неделимая Россия» в условиях, когда вся обстановка абсолютно противоречила этому. В тот период Юг представлял «самостийную Украину», резко националистически настроенные буржуазные республи-

* «Рабочие организации, — говорится в докладе, посланном Центральному Комитету РКП(б) в Москву от имени ЦК РКП(б) Сибири о работе большевистского подполья, — удушены. Союзы разгоняются, Печать рабочих сметена, Экономические стачки (железнодорожников) подавляются вооруженной силой и расстрелами. Фабрично-заводские комитеты разгромлены. Вот факты, которые рассеяли окончательно и бесповоротно иллюзии, проводимые социалистами-революционерами и меньшевиками в среду части рабочего класса Сибири». (Партизанское движение в Западной Сибири. Сборник документов. Новосибирск, 1959, стр. 62.)

ки Закавказья (Грузия, Армения, Азербайджан), провозгласившие свои собственные конституции, создавшие свои собственные армии. Ни для одного из названных государственных образований лозунг «Единая неделимая» не был приемлем. Они мыслили свое существование или как вполне самостоятельные государства (пусть даже в качестве сателлитов капиталистических держав Запада) или в крайнем случае как равноправные члены российской конфедерации. Лозунг южнороссийской контрреволюции не привлекал, а отталкивал от нее основные массы многонационального Юга. Руками этих масс, слепо идущих еще на поводу у своей националистически настроенной контрреволюционной буржуазии, Деникин и его предшественники (Алексеев, Корнилов, Краснов) стремились свергнуть Советы. То была, можно сказать, близорукая политика, ведь речь шла не только о восстановлении эксплуатации трудового народа. Восстановление «единой неделимой России» означало возврат к прежнему национальному угнетению со стороны русской буржуазии. Перед украинскими и закавказскими националистами возникла реальная угроза потери захваченных ими в революцию экономических и социально-политических позиций в созданных ими республиках. Налицо было противоречие, разрешить которое русская буржуазия была не в состоянии. В этом отношении ничего, по существу, не могло изменить временное совпадение интересов тех и других на почве общей ненависти к Коммунистической партии и Советской власти³³.

Обстановка на Востоке для Колчака была несравнимо проще, и тем не менее он не провозглашал в своих декларациях и выступлениях лозунг «Единая неделимая». В одной из своих директив Деникину по поводу крайней нежелательности и губительности вооруженных столкновений деникинских войск с войсками Петлюры Колчак писал: «Дальнейшее промедление в деле свержения большевиков грозит полным разорением государства. Перед этой опасностью тускнеют все прочие. Поэтому я отношусь с полной терпимостью к объявлению Юденичем самостоятельности Эстонии и готов, если понадобится, временно считаться с фактической независимостью Украины, равно как с установленной границей Польши, с тем, чтобы согласовать

военные действия наших, украинских, польских и прочих антибольшевистских сил» *.

Такой же «гибкой» политики придерживался Колчак и в отношениях с нацменьшинствами на Востоке. Колчаковское правительство и не думало отказываться от проводившейся самодержавием национальной политики, но проводить ее старыми методами открыто и силой в изменившихся после революции условиях оказывалось невозможным и невыгодным. И не только по соображениям внутренней политики. Бежавший после Октября в Париж бывший председатель первого буржуазного правительства России князь Львов информировал Омск, что «впечатление от сотрудничества правительства с лояльными инородцами могло бы иметь полезные последствия для общерусского вопроса» **.

Надо сказать, что Львов послал шифровку не случайно. В дни проходившей в Париже мирной конференции держав Антанты по вопросу о заключении договора с Германией рядом с дворцом, где заседали делегации конференции, открыли свою штаб-квартиру «представители России», а именно: упомянутый князь Львов, лидер кадетов Милюков, лидер «народных социалистов» Чайковский и др. На заседание конференции их не пустили, но они делали все, чтобы использовать присутствие в Париже глав США, Англии, Франции и Италии и добиться усиления интервенции и увеличения помощи. И вдруг совершенно неожиданно для этого Русского совета (так названные контрреволюционеры себя величали, пытаясь выступить от имени России) в Париж прибыли и также пытались получить доступ на конференцию представители буржуазии национальных меньшинств. И не только из названных выше закавказских республик, но и от таких национальных групп колакии, как татары и башкиры. Ставя вопрос о том, чтобы конференция гарантировала им автономное управление, представители эти были для Англии и Франции — двух крупнейших колониальных держав того времени — желанными гостями, которые могли оказаться весьма полезными при решении вопроса о расчленении России на «сферы влияния».

* ЦГАОР, ф. 176, оп. 3, д. 31, л. 21.

** ЦГАОР, ф. 176, оп. 1, д. 22, л. 13.

Но какие бы там ни готовились махинации в кулуарах конференции, колчаковское правительство не могло, конечно, совершенно игнорировать национальные меньшинства у себя. И без подсказа со стороны князя Львова ему была ясна необходимость «сотрудничества с лояльными инородцами» хотя бы для того, чтобы использовать их для пополнения белой армии и разжиганием национальной вражды мешать объединению широких народных масс для борьбы против реставрации³⁴.

Обширные районы России от Волги до Приморья были издавна заселены казаками-колонистами, составлявшими отдельные казачьи войска: Уральское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Енисейское, Иркутское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское. Массы казачества еще крепко держались за свое положение бывшего привилегированного военного сословия царской России, классовая борьба и расслоение среди казачества еще не достигли значительной широты и глубины.

В лагерях для военнопленных первой мировой войны содержалось на территории колчакии свыше 100 тыс. бывших солдат и офицеров армий австро-германского блока. В Сибирь и на Дальний Восток хлынуло из центральных районов Советской республики свыше полумиллиона человек, бежавших из Европейской России от Советской власти*.

Таким образом, колчакия представляла собою в то время конгломерат разнообразных в классовом отношении и разнообразных в национальном отношении сил, враждебных друг другу и в то же время раздираемых каждая своими собственными внутренними противоречиями и борьбой.

Естественно встает вопрос: на кого из названных классов и слоев населения мог опереться Колчак? Какая нужна была экономическая программа, какая политическая программа и какие политические лозунги и цели нужны были для того, чтобы собрать и сколотить вокруг себя названные силы (или хотя бы наиболее крупные

* В. И. Ленин указывал: «...В Омске теперь одни насчитывают 400 тысяч буржуазии, а другие — 500 тысяч. Вся буржуазия поголовно сошлась туда, все, что было претендующего на руководство народом... все партии от меньшевиков до эсеров сошлись туда». В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 429.)

из них), спаять их так, чтобы получить возможность на них опираться и благодаря этому вести успешно военные действия против Советов? Была ли вообще такая консолидация антисоветских сил возможна?

У В. И. Ленина мы находим по этому поводу следующие указания. «Но чем он держится экономически? Он держится свободой торговли, он за нее идет, его за это поддерживают все капиталисты.

...Колчак держится тем, что, взявши богатую хлебом местность, ...он там разрешает свободу торговли хлебом и *свободу восстановления капитализма*» *.

Объявленные при Советах собственностью народа заводы, фабрики, рудники и т. д. были возвращены их бывшим владельцам уже самарским Комучем и временным сибирским правительством. В мае 1919 г. в Екатеринбурге состоялось обширное совещание директоров и управляющих казенными, общественными и частными заводами, фабриками, мастерскими и т. д. по вопросам организации военной промышленности, распределения и выполнения заказов для армии **.

Был создан военно-промышленный комитет, во главе которого оказались крупные сибирские дельцы-спекулянты. Было образовано постоянно действующее государственное экономическое совещание и работал комитет экономической политики. Был созван съезд мелкой промышленности Урала, решивший «в благоприятном смысле», как писали белогвардейские газеты, вопрос о работе на армию. Был учрежден специальный объединенный орган руководства мелкой и средней промышленностью по выполнению заказов военного ведомства. Вовлекались в работу «на оборону» также кооперативы; разрабатывался вопрос о координации их деятельности с основными задачами «общегосударственной эко-

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 331—332.

** Совещание открыл лично Колчак. Выдвинув лозунг «Возрождение России и помощь российской армии», он сам объявил повестку дня. Еще до этого колчаковское правительство рассматривало вопрос объединения горнометаллургической промышленности Урала с Кузнецким угольным бассейном и ассигновало на доработку проекта значительную сумму. (ЦГАОР, ф. 1429, оп. 1, д. 142, л. 1; ф. 1700, оп. 2, д. 17, л. 1; ф. 1700, оп. 7, д. 38, лл. 370 и 401; ф. 292, оп. 1, д. 130, лл. 1—2; ф. 176, оп. 3, д. 31, л. 174; ф. 1700, оп. 1, д. 5, л. 142.)

помической политики». Было создано особое совещание по финансированию городских и земских самоуправлений и предприятий.

В апреле 1919 г. был учрежден комитет по внешней торговле и принят закон о порядке приобретения иностранной валюты. Рассматривался вопрос о Северном морском пути, отпускались средства на изыскание и устройство портов в устьях Оби и Енисея, а также на развитие морских портов на Тихом океане. В феврале 1919 г. выехал в Вашингтон специальный уполномоченный по вопросам товарообмена и снабжения. В мае 1919 г. был издан закон о всеобщей трудовой повинности, обязывавший службой в государственных учреждениях всех лиц обоего пола (от 18 до 55 лет) «интеллигентных профессий» или имеющих техническое образование.

Особое внимание уделяло колчаковское правительство вопросу обеспечения работы железных дорог. Выступая на вышеупомянутом совещании в Екатеринбурге, Колчак заявил, что восстановлению железнодорожного транспорта он придает исключительное значение, так как «железная дорога — часть военного организма страны и ей надо уделять не меньше внимания, чем армии». На территории колчакии к январю 1919 г. оказалось около 84 тыс. товарных и около 30 тыс. пассажирских вагонов и всего 3200 паровозов, в том числе «больных» около 20 тыс. вагонов и 1200 паровозов. Этим парком подвижного состава * только и могло пользоваться колчаковское правительство для решения всех стоящих перед ним задач: подвоз всего необходимого для армии, и прежде всего из отдаленного от фронта на 4 тыс. км порта Владивостока поставляемых Антантой военных материалов, обеспечение населения городов и потребляющих районов продовольствием и т. д.

Сеть железных дорог колчакии состояла из 19 линий, являвшихся собственностью частных товариществ и компаний. Распоряжались на железных дорогах все, кроме самой железнодорожной администрации, а в особенности интервенты, занимавшие тысячи вагонов под

* В 1920/21 г. в Советской республике было всего 444,5 тыс. товарных вагонов (24% «больных»), 23,5 тыс. пассажирских вагонов (40% «больных»), 18 757 паровозов, в том числе «больных» 58,3%.

жилье. Все дороги были дефицитны (ежемесячный дефицит только трех из них — Омской, Томской и Забайкальской — достигал 4 млн. долларов) и жили за счет дотаций и субсидий правительства. Дороги к востоку от Байкала были переданы в ведение международного комитета железных дорог, составленного из представителей держав Антанты. Материалы комитета рисуют удручающую картину технического состояния дорог, подчеркивают полное отсутствие какой-либо материально-технической базы, способной обеспечить потребности в ремонте подвижного состава, пути и т. д.

Угольные копи составляли частную собственность и также нуждались в систематических субсидиях³⁵. Главный потребитель угля — железные дороги — не мог вовремя его оплачивать, а это не могло не отразиться на положении рабочих-шахтеров*.

Дороговизна душила не только рабочих-горняков. Об этом говорят цифры, взятые из официального отчета колчаковского министерства финансов. Косвенные налоги на предметы первой необходимости выросли против 1915 г. на чай в 10 раз, спички — 4 раза, табак — 2,5 раза, водочные изделия — 10 раз и т. д., причем доход от винной монополии составляет половину всех доходов. Ставки железнодорожных тарифов увеличились по пассажирским перевозкам в 2—3 раза, а по грузовым — 6—10 раз по сравнению с 1917 г. В 5 раз увеличились ставки прямых налогов, поземельные и на недвижимое имущество, в 4 раза выросли налоги промысловые и т. д. Но как ни завинчивало колчаковское правительство налоговый пресс, какие только новые виды сборов ни вводило оно — никакие поступления в казну не могли покрыть расходы. Эмиссия следовала за эмиссией. Даже КВЖД, считавшаяся собственностью колчаковского правительства, не принимала омских денежных знаков, так как ими нельзя было расплачиваться с рабочими и служащими дороги**.

* Белогвардейские сводки отмечают в районе Черемховских копей постоянные волнения рабочих — в среднем всегда бастует одна треть — и объясняют это экономическими причинами, а главное, влиянием, которым пользуются здесь, на копях, большевики, возглавляющие профсоюзы.

** Омский рубль котируется на Харбинской бирже, но его цена равнялась 2,5 цента американского доллара; за 1 тыс. омских рублей давали только 250 рублей романовских или 500 керенок.

В ходу были деньги, выпущенные областными правительствами: читинские, хабаровские, дутовские, уфимские и т. д., а также «облигации займа свободы» правительства Керенского, краткосрочные обязательства государственного казначейства старой России и т. д. Дело кончилось тем, что крестьянство вообще перестало продавать свою сельскохозяйственную продукцию на какие бы то ни было бумажные деньги. По решению Омска была предпринята денежная реформа с изъятием керенок на условиях, согласно которым половина суммы, обмениваемой на новые знаки, подлежала выдаче владельцу только в 1921 г., т. е. через два года.

В провале всей финансово-экономической политики верховного «правителя» — одна из причин отхода от него масс зажиточного сибирского крестьянства, зарабатывавшего на спекуляции продуктами сельского хозяйства мешки денег, купить на которые самые необходимые предметы оказывалось невозможным.

Каково же было военно-экономическое положение Сибири? Если добывающая промышленность еще в некоторой степени могла удовлетворить потребности армии и населения в сырье и таких материалах, как каменный уголь, металлы, лес, а сельское хозяйство давало продукты питания и сельхозсырье, то почти совершенное отсутствие обрабатывающей промышленности создавало непреодолимые трудности для контрреволюционного режима. Запасы материальных средств и вооружения, находившиеся на складах в Сибири и на Дальнем Востоке и захваченные белыми, были совершенно недостаточны для содержания армии и ведения войны. Пока в руках белых находились еще горнозаводские районы Урала, в частности Пермский пушечный и Ижевский военный³⁶ заводы, а также заводы Мотовилихи, Воткинский, белое командование могло кое-что получать из собственных источников. С потерей Урала отпала и эта последняя возможность. Не было экономических предпосылок ни для формирования массовой армии, ни для ведения войны.

Армия Колчака находилась в полной зависимости от того, что для нее доставят с западных границы империалисты Антанты. Колчак создал специальную закупочную комиссию, но

концентрировать закупки и поставить полный и точный учет всего завозимого комиссии не удалось. По далеко не полным данным, общее количество полученных Колчаком и до него другими контрреволюционными организациями и группировками на Востоке от держав Антанты военных материалов составило:

Винтовок разных систем	до 1 млн. шт.
Пулеметов разных систем	до 4 тыс. »
Орудий разных систем	до 800 »
Патронов 3-линейных	до 1 млрд. »
Снарядов артиллерийских разных	до 500 тыс. »
Обуви военного образца	до 3 млн. пар
Комплектов обмундирования	до 350 тыс. компл.

Таковы наиболее важные по значению и наиболее крупные по количеству предметов военные поставки Антанты. Как показывают белогвардейские документы, для империалистов материальная помощь белым означала прежде всего выгодный бизнес. Для оплаты всего поступающего из-за границы никаких запасов золота и серебра, конечно, не хватило бы*. Поставки финансировались заграничными банками с гарантией, в ряде случаев со стороны правительств держав Антанты³⁷. Основной же расчет был, конечно, не столько на получение от Колчака указанного запаса драгоценных металлов, как на то, что после победы белогвардейцев расплачиваться за все придется народам России³⁸.

Особо следует отметить, что империалисты использовали поставки как благоприятную возможность выгодно сбыть оставшиеся после первой мировой войны, никому сейчас уже не нужные и в техническом отношении с каждым днем стареющие остатки вооружения, снаряжения, обмундирования, так сказать, неликвиды в странах самой Антанты. Под видом срочно необходимого и важного боевого снабжения завозились иногда совершенно ненужные или имевшие весьма относительное для ведения войны значение предметы, к примеру, противогазовые маски и ручные гранаты, которые в условиях

* По данным колчаковского министерства финансов, на конец 1918 г. в распоряжении Колчака осталось еще около 40 тыс. пудов золота и около 21 500 пудов серебра в слитках и монетах. Речь идет о захваченном врагами в Казани в августе 1918 г. золотом запасе России, эвакуированном в Казань во время первой мировой войны из Петрограда. (См. Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2, М., 1961, док. № 257.)

гражданской войны находили ограниченное применение. Было завезено много конской упряжи армейского образца английской армии, а так как повозок своевременно доставлено не было, то и упряжь досталась нам добычей на складах. Кстати говоря, Англия доставила Колчаку за русское золото даже такие «предметы боевого снабжения», как полмиллиона штук самых обыкновенных конских подков.

Следует отметить еще вопрос о некомплектности поставок. Расчеты на удачу большого контрнаступления в районе Челябинска в конце июля 1919 г. высшее белогвардейское командование связывало с выдвижением на фронт нескольких свежих сформированных в тылу дивизий. По прибытии на фронт начальник одной из них донес командарму, что дивизия осталась без артиллерии. На 12 английских легких пушек прислано из Англии 4 угломера, единственная же в дивизии гаубичная батарея оказалась без прицелов. Начдив тут же добавил, что он лично несколько раз обращался к генералу Поксу еще несколько месяцев тому назад, тот обещал срочно доставить угломеры и прицелы, но на этом дело и закончилось. Все не обеспеченные приборами орудия были отправлены в тыл как ненужный груз.

По той же причине некомплектности пролежали на складах около 200 стволов к пулеметам Кольта; проиндифферентное по этому поводу по распоряжению самого Колчака следствие ни к чему не привело. При взятии Омска 5-й дважды Краснознаменной Красной армией было захвачено на складах около 1 тыс. французских минометов и пулеметов Шоша, пролежавших там долгое время без толку*.

Еще хуже обстояло дело со снабжением колчаковской армии такими видами боевой техники, как бронепоезда, танки, самолеты, а также средства технической связи. В Сибири не было ни материальной ба-

* Сейчас трудно установить истинные причины отмеченных некомплектности и задержки на складах предметов, нужных армии срочно. Возможно, в них нашла свое проявление конкретная борьба, буржуазия русским рабочим со стороны рабочих Англии и Франции. Возможно, что это дело рук подпольных партийных организаций и сочувствующих им. Не исключено также, что они являются результатом традиционных для старой русской армии белогвардейского тыла неразберихи, халатности и бюрократизма.

зы, ни специалистов для их обслуживания и ремонта, не было собственного горючего и смазочных материалов. Наиболее широкое применение из военно-технических средств того времени находила авиация. По состоявшемуся соглашению, вопросы обеспечения армии авиацией приняли на себя французы. Член французской военной миссии в Сибири полковник авиации числился официально заместителем начальника военно-воздушного флота Колчака и по приказу Колчака пользовался равными с начальником названного управления правами в вопросах формирования, обучения и даже оперативного использования авиации. Одновременно тот же француз занимал в колчаковском военном министерстве руководящую должность, ведал вопросами выдачи заказов за границу (во Францию), определением потребности и т. д. По далеко не полным данным, Франция поставила Колчаку в 1919 г. свыше 30 самолетов.

Отлично понимая, что решающая роль в происходящей борьбе принадлежит массам трудового народа, колчаковское правительство принимало все меры, чтобы привлечь их на свою сторону. Во всех своих декларациях и воззваниях Колчак и его правительство всегда подчеркивали, что их основная цель и главная задача — «довести страну до Учредительного собрания, которое и решит все вопросы»: и о будущем государственном устройстве страны, и земельный вопрос, и рабочий вопрос и т. д. Была создана «подготовительная комиссия по разработке вопросов о всероссийском представительном собрании учредительного характера». В печати периодически появлялись статьи и заметки о ее работе, а в мае 1919 г. было объявлено, что созыв Учредительного собрания назначен на 1921 г. Был издан закон о созыве государственного земского собрания, в котором основную массу депутатов должны были составить представители от «крестьянства», т. е. от кулаков и политически надежных середняков*. Подготавливался созыв в декабре 1919 г. в Иркутске всесибирского крестьянского съезда; он должен был предшествовать упомяну-

* Несомненно, заигрывание с крестьянством вызывалось ростом повстанческого и партизанского движения и было попыткой удержать на своей стороне хотя бы ту часть его, которая по своему социально-экономическому положению была ближе к белой власти,

тому совещанию земств. Было объявлено о созыве все-сибирского совещания земских и городских самоуправлений.

Особое внимание уделялось идейной обработке солдат. Был издан закон об учреждении в армии института священнослужителей всех вероисповеданий и утверждено положение об их работе*. От названных лиц требовалось воспитывать солдат в духе веры, «в духе патриотизма и сознательного отношения к воинской дисциплине, служению Родине, выполнению долга присяги». В полках создавались походные церкви с причтами, устраивались торжественные богослужения и молебны. Колчак сам подавал пример: посещения им городов сопровождались торжественными молебнами, принятием в чар «чудодейственных» икон, аудиенциями представителям духовенства и т. д.

Была учреждена комиссия правительства по вопросам формирования мусульманских добровольческих отрядов. Комиссия состояла из представителей трех мусульманских съездов — военного, всероссийского и духовенства, провозгласивших, что «священный долг мусульман» — вести войну против большевиков и оказывать моральную и материальную поддержку колчаковскому правительству.

В мае 1919 г. военным министерством были в «целях широкого распространения агитации против большевиков» мобилизованы литераторы, учреждены губернские и уездные комиссии, в задачи которых входило широкое распространение агитационной литературы. Осведомительному отделу главного штаба поручено было издать срочно в виде небольших брошюр агитационный материал на темы: русская революция 1917 г.; кто такие большевики и чего они хотят; что сейчас делается на Руси, кто верховный правитель и т. д. Издавались в армии газеты, рассылались портреты Колчака. Не отставало от военного министерства и министерство внутренних дел, выпуская воззвания и брошюры.

Правительство отпускало значительные средства на содержание своей прессы. Было создано Русское бюро печати, действовало специальное совещание по объединению культурно-просветительной работы правительствен-

ных учреждений. Издавались газеты специального назначения: «Друг деревни», «Русский Восток», «На страже свободы» и др.

Отмеченная идейно-политическая обработка и обман масс не дали решающих результатов, но все же известную пользу от них контрреволюционеры получали, и прежде всего в колеблющихся слоях населения³⁹. Создавались на пожертвования военные лазареты, устраивались лотереи в пользу армии, проводились самообложения и т. д.*. Здание в Омске, где помещалось правительство, именовалось официально Домом свободы. Иркутская городская дума отвела земельный участок для постройки Дворца рабочих. Систематически выпускались воззвания и обращения Колчака «К народу», «К солдатам и крестьянам» и т. д. 31 июля 1919 г. было опубликовано воззвание верховного к солдатам и крестьянам Советской России. В нем в грубой форме Колчак призывал к свержению большевиков-комиссаров, обещая за это «свободные выборы в Учредительное собрание» и прекращение войны. Нет, конечно, надобности доказывать, что автором такого рода политических контрреволюционных документов был не сам адмирал — строевой служака царского флота, а сотрудничавшие с ним и поддерживавшие колчакию соцсоглашатели**.

Колчаковское правительство не ограничивалось только отвлеченной агитацией, а стремилось подтвердить ее конкретными делами. Вот несколько примеров. Земельный вопрос не стоял в Сибири так остро, как в Европейской России. Тем не менее колчаковское правительство уделяло ему много внимания. Был издан закон, по которому захваченные крестьянами в революцию помещичьи и казенные земли, засеянные ими, остаются на правах аренды в их пользовании до Учредительного собрания и урожай с них принадлежит им. Сделано это было «в целях успокоения крестьянства», как совершенно открыто записано в соответствующем постановлении белого правительства. Деникину неоднократно предпи-

* Омские легковые извозчики направили Колчаку специальную делегацию для вручения 40 тыс. рублей (однодневная выручка) в качестве пожертвования на пользу армии.

** За три летних месяца 1919 г. белогвардейцы сбросили с самолетов в распоряжение войск Красной армии Восточного фронта 270 названий листовок общим тиражом около 12 млн. экземпляров.

сывалось придерживаться в земельном вопросе такой же «гибкой» политики. «Считаю недопустимой, — писал Колчак в личном письме ему осенью 1919 г., — земельную политику, которая создает в крестьянстве представление о восстановлении помещичьего землевладения. Наоборот, для устранения наиболее сильного фактора русской революции — крестьянского малоземелья — необходимы меры, укоренившие в народе доверие и доброжелательное отношение к новой власти»*. В земельном вопросе Колчак стремился быть даже более «левым», чем самарский Комуч, который летом 1918 г. проводил политику возвращения помещикам их бывших владений.

Специальные постановления были приняты колчаковским правительством для предоставления льгот солдатам и офицерам белой армии, с распространением льгот на их семьи. Предусматривалось земельное устройство всех, кто участвовал в борьбе «за возрождение России», с отпуском леса бесплатно на постройки и предоставлением ссуд на два года на приобретение сельскохозяйственного инвентаря. Устраиваться могут сами семьи, не дожидаясь возвращения солдат с войны.

Надо особо подчеркнуть, что в не меньшей степени, чем Колчак и его клика, были заинтересованы в издании «демократических» законов заправилы империалистических держав Антанты для оправдания интервенции и обмана широких масс народа в собственных странах.

«Английская военная миссия, — говорится в одном из дописаний колчаковской контрразведки, — весьма интересуется антибольшевистской пропагандой, считая ее в настоящее время более важной для союзников, чем для нас. Миссия предлагает свои услуги для распространения деятельности информации и пропаганды за границей»**. Именно таким пропагандистским шагом была телеграмма французского премьер-министра в апреле 1919 г. на имя Колчака. В ней говорилось, что французское правительство «с искренним удовольствием» осведомилось о блестящих успехах, достигнутых на Уральском фронте сибирскими армиями,

* ЦГАОР, ф. 176, оп. 3, д. 31, л. 183.

** ЦГАОР, ф. 292, оп. 1, д. 80, л. 29.

и «от имени всего французского народа приносит поздравления Франции». Заканчивалась телеграмма заверениями, что Франция будет продолжать оказывать материальную и моральную поддержку» *.

Телеграмма была колчаковцами тут же широко распространена в качестве доказательства помощи от заграницы и, несомненно, сыграла известную роль в деле обмана населения **.

Представители союзников в Сибири также не оставались перед тем, чтобы помогать контрреволюционерам обманывать народ и показать, что вместе с белогвардейцами против большевиков не только правительства, но и народы стран Антанты. Красочным примером могут служить выступления командира 25-го английского Мидльсекского полка интервентов полковника Уорда, взявшего на себя миссию бороться с Советами не только штыками своих солдат, но и своим красноречием. Наиболее ярко раскрывается истинная физиономия ярого врага Советов в речи, которую он в апреле 1919 г. произнес перед пленными красноармейцами и которая была тут же распространена в громадном количестве экземпляров по всей колчакии ***.

* ЦГАОР, ф. 222, оп. 2, д. 43, л. 161.

** В этой связи интерес представляет белогвардейское воззвание к населению Енисейской губернии: «Жители деревень мало читают, живут слухами о том, что якобы союзники бросили Сибирь, но это не так. Те, кто были в Красноярске, Ачинске, Канске, они вам скажут, что своими глазами видели тысячи итальянских солдат и полки чехословаков. В других местах Сибири стоят американские, английские и французские войска...» (ЦГАОР, ф. 222, оп. 2, д. 43, л. 161.)

*** Вот некоторые выдержки из речи «искреннего патриота, видного лидера рабочей партии Англии, старого члена рабочих союзов», как его рекомендовали в листовке ее авторы: «Я — рабочий, я приехал помогать русским друзьям... патриотам. Мы — английские рабочие, все, как один, пошли за свое правительство (Уорд говорил об участии англичан в первой мировой войне. — Г. Э.) — три миллиона рабочих пошло добровольцами, мы, рабочие, дали два миллиарда взаймы государству, а вы идете вразброд со своими интернационалистами. Мы победили, а вы идете к гибели и разорению. Ваши лидеры учили вас любить всех: немцев, турок, французов, англичан, американцев и всех чужих, незнакомых вам, а только родного брата своего — русского — они не учили вас любить. Они учили уничтожить свое отечество... Вы приняли лжеправду за правду, врагов — за друзей...» (ЦГАОР, ф. 222, оп. 2, д. 43, л. 163.)

5 ноября 1919 г. в английском парламенте выступил «по рус-

Мы не беремся сейчас писать о том, произвела ли вообще и притом какое именно впечатление речь Уорда на пленных красноармейцев, вынужденных молча выслушивать разглагольствования своего новоявленного «друга» (английского «рабочего» в мундире полковника английской королевской армии) под дулами винтовок белогвардейцев и солдат «друга»... Но несомненно одно: то была политическая речь, которую произнес видный деятель лейбористской партии, член английского парламента совсем не для того, чтобы переубедить кучку пленных красноармейцев и привлечь их на сторону белых. В такой успех не верил, конечно, и сам Уорд, и не ради него заменил он высокую трибуну английского парламента деревянными подмостками на задворках заключенного врагами России г. Пермь. Пленные красноармейцы нужны были только как статисты, чтобы придать монологу Уорда другое звучание. Расчет состоял в том, что речь принесет пользу не только главарям белогвардейцев Сибири, но найдет отклик за ее пределами, выгодна всем противникам Советов и поднимет акции самого Уорда. Посылая его во главе полка солдат-интервентов в Сибирь на помощь русским контрреволюционерам, стоящие у власти английские консерваторы не просчитались. Выступления Уорда в Сибири давали им в руки козырь, при помощи которого они могли держать в «решпекте» лейбористскую парламентскую оппозицию ее величества, как еще до сих пор именуется в Англии группа членов парламента, не являющихся членами стоящей у власти в данный момент партии.

Чтобы покончить с вопросом о том, какими мерами империалисты Англии пытались помочь белогвардейцам, следует привести еще такой факт. 16 октября 1919 г. министерство иностранных дел Колчака получило от исполняющего обязанности высокого комиссара Великобритании сэра Р. Ходжсона следующее письмо: «В дополнение к нашему сегодняшнему разговору имею честь прикрепить при сем записку с именами четырех пред-

... попросу» кроме У. Черчилля ряд «специалистов по России», ... членом Дж. Уорд. В донесении посла Колчака в Лондоне по ... поводу говорится: «Настроение парламента сильно измени- ... нашу пользу после возвращения Дж. Уорда из Сибири», ... торический архив», 1957, № 2, док. № 19.)

ставителей * уральских заводов, которые отправляются в Англию по надобностям, выясненным в переговорах». Далее в письме выражается пожелание, чтобы все формальности по выезду названных представителей за границу были выполнены срочно. Они должны убыть 18 октября 1919 г., ибо «это является весьма срочным вопросом, и я беру смелость прислать в министерство иностранных дел представителя, чтобы ему сказали, откуда он получит документы»**. В тот же день министерство распорядилось экстренно без соблюдения формальностей выдать паспорта названным лицам, так как они «отбывают завтра в Англию с генералом Джеком». Невольно возникает вопрос: что это за люди и почему такие высокие инстанции — сам высокий комиссар Великобритании и колчаковский министр иностранных дел проявляли такую спешку и заботу о выезде в Лондон лиц, не занимающих никаких официальных высоких постов и ничем до сих пор ни в Англии, ни в Сибири не прославившихся? Объясняется все очень просто. То был еще один политический трюк, на который решился английский военный министр Уинстон Черчилль. Имелось в виду представить английскому парламенту и вообще всему английскому народу «настоящих русских рабочих, не признающих власть Советов, приехавших из далекой Сибири, чтобы лично просить английский народ и его рабочих помочь русским рабочим свергнуть Советы, которых русские рабочие не хотят...». Разве не показательно, что список с фамилиями «рабочих» дал сам высокий комиссар Англии!

Бесспорно, инициатива посылки лжерабочих исходила от Лондона: Черчиллю они нужны были, чтобы укрепить свои антинародные позиции в вопросе о продолжении и усилении интервенции. Торопиться надо было потому, что Красная Армия стояла уже на Тоболе, изготовившись к решительному удару на столицу Колчака — Омск, где обман этот готовился. Вот почему сэр Ричард Ходжсон развил такую энергию — сам едет в министерство иностранных дел, сам шлет список «рабочих».

* В записке указаны следующие фамилии: Мельников Николай Петрович (Ижевский завод); Уповалов Иван Григорьевич (Воткинский завод); Струмилов Георгий Брониславович (Пермский завод) и Жандармов Яков Иванович (Уральский завод).

** ЦГАОР, ф. 1700, оп. 2, д. 8, л. 441.

сам посылает представителя миссии за документами и даже командирует в Англию своего генерала Джека в качестве сопровождающего.

Усилия белогвардейцев по созданию материальной базы для ведения войны против Советов не исчерпывались, конечно, приведенным беглым перечнем контрреволюционных законов и конкретных мер по их осуществлению. Размахнулось колчаковское правительство широко. Если бы даже не шла война, и то планы его (в большинстве своем) остались бы на бумаге, не говоря уже о таких сумасбродных его затеях, как строительство Северного морского пути, урало-кузнецкого комплекса промышленных предприятий и т. д. Фактически постановления эти служили благовидным предлогом для обогащения посредством ссуд капиталистов своих и иностранных.

Провал финансово-экономической политики и военно-экономических усилий контрреволюционеров объясняется не только отсутствием на захваченной ими территории необходимых материально-технических условий и предпосылок. Крупнейшую роль сыграла непримиримая борьба, которую по призыву и под руководством Коммунистической партии вели против врагов трудящиеся массы самой колчакии. Речь идет не о военных действиях, а о борьбе на фронтах экономическом, социальном, политическом, идеологическом и т. д.* Борьба эта никогда не прекращалась. Все контрреволюционные правительства (начиная с самарского Комуча и временного сибирского правительства) испытывали все нарастающий натиск революционных масс и принимали свои меры, одна из которых — «карательная политика». Важно отметить, что карательная политика всех контрреволюционных правительств превзошла методы и приемы, практиковавшиеся царским правительством в борьбе против революции. В этом вопросе важно обратить внимание читателей на тот исторический факт (почему-то до сих пор недостаточно подчеркиваемый в военно-исторических работах), что большинство белогвардейских карательных законов издано задолго до установления

* Крупнейшую роль тут сыграли воззвания, обращения и газеты военных большевистских организаций, отдельных штабов и отрядов. Такого рода агитационных материалов с призывом к восстанию было обнародовано около сотни на одном только Алтае.

диктатуры Колчака. Так, смертная казнь за политические преступления была введена уже 2 сентября 1918 г. постановлением временного сибирского правительства, объявившего большевиков вне закона. Военно-полевые суды были введены в августе 1918 г. постановлением того же правительства.

Если же говорить о том, как интервенты и белогвардейцы на практике преследовали всякую революционную работу и тех, кто ее проводил, то надо констатировать, что и в этом вопросе Колчаку не пришлось изобретать ничего нового. Внесудебные аресты, массовые порки, истязания, расстрелы без суда и следствия, реквизиции, грабежи и т. д. были в полном ходу задолго до него. Мы говорим об этом не для того, чтобы заниматься вопросом, кто из них совершил больше чудовищных преступлений и зверств: военный ли диктатор царский адмирал Колчак или же «борцы за свободу, равенство и братство» — соцпредатели эсеры и меньшевики. И не для того, чтобы установить между ними какую-то разницу по конечным политическим, классовым целям борьбы. Говорить об этом приходится по ряду причин. И потому, что история борьбы с интервентами и контрреволюционерами на Востоке в 1918 г. освещена до сих пор слабо. И потому, что большинство авторов военно-исторических работ допускают неправильное толкование термина «колчаковщина», однобоко называют период господства Колчака режимом кнута и виселицы, не уделяют должного внимания правильному показу роли предшественников его*.

4. РОССИЙСКАЯ АРМИЯ КОЛЧАКА

Первая попытка создания контрреволюционной Сибирской армии была предпринята в январе 1918 г. в

* «Перед нынешними зверствами, — говорится в одной из полученных эсерово-меньшевистским правительством в июне 1918 г. телеграмм, — бледнеют подвиги романовских меллер-закомельских и ренненкампов (фамилии царских генералов, прославившихся исключительными зверствами при подавлении революции 1905—1907 гг. — Г. Э.), но те хоть были уполномочены Романовым. Мы возмущались, убивали их, а кто дал право палачу Шеркунову... Никакая власть не укрепитя расстрелами...» (ЦГАОР, ф. 176, оп. 1, д. 1, л. 4.)

песыма далеких от Сибири местах. В составе Юго-Западного фронта первой мировой войны находились сибирские корпуса. Эсеры и областники Сибири ставили себе задачей использовать любовь солдат-сибиряков к родным краям, чтобы сколотить из них контрреволюционные войска. С этой целью при штабе командующего фронтом генерала Щербачева в Яссах обосновались военный комиссар сибирского правительства Кучин и главный комиссар Сибири полковник эсер Краковецкий. Но, несмотря на материальную поддержку со стороны Антанты и полное содействие Щербачева и буржуазного украинского правительства, затея провалилась. Краковецкий вернулся в Омск ни с чем. Известный интерес для нашего исследования имеет представленный им омскому эсерово-меньшевистскому правительству 7 сентября 1918 г. обширный доклад о создании армии*. По материалам доклада, мужское население Сибири и Дальнего Востока составило на 1913 г. 5,1 млн. человек. Исходя из этой цифры царской статистики и внося и нес ряд поправок (прирост, потери, удельный вес лиц призывного возраста в общей массе мужского населения и т. д.), Краковецкий доказывал, что общий контингент мужчин в возрасте от 18 до 45 лет должен составить около 1,4 млн. человек. На основании этих довольно обоснованных расчетов Краковецкий пришел к выводу, что в Сибири можно и следует создать 5 стрелковых корпусов, на что потребуется всего около 400 тыс. человек, т. е. меньше трети числа лиц призывного возраста.

По эсера Краковецкого, как и эсеровское правительство в Омске, расчетные цифры и планы о могущих быть созданными полках и дивизиях мало устраивали. Больше всего их беспокоил вопрос об отношении населения. Высказываясь против добровольчества, Краковецкий подчеркивает особо, что призывы надо проводить постепенно, ибо среди населения еще сильны большевистские настроения, еще жива вражда к офицерам, неприязнь ко всякой воинской дисциплине и муштре. Перечисляя целый ряд конкретных мер, которые, по его мнению, необходимы, чтобы подготовить население к мобилизациям и призывам, Краковецкий подчеркивает, что нужна широкая пропаганда

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 80, лл. 1—10.

(особенно среди сельского населения) под лозунгом «Защита Сибири от немцев». «Пропаганду сильно облегчило бы, — говорится в документе, — одновременное снабжение населения предметами первой необходимости (мыло, гвозди и т. д.)». Ход событий показал, что страхи эсера Краковецкого перед неизбежным сопротивлением сибирского крестьянства мобилизациям оказались обоснованными.

Над созданием контрреволюционной армии работали с не меньшим усердием эсеры самарского Комуча. Обстановка для них была более трудной: территория в десятки раз меньше территории под властью сибирских эсеров, классовый и национальный состав населения Поволжья другой, главное же в том, что фронт тут же рядом, причем то был не фронт сибирских крестьян-повстанцев, слабо вооруженных и малоорганизованных, а фронт войск Красной Армии, с каждым днем приближающих роковой конец Комуча.

В этих условиях нельзя было, конечно, задаваться далеко идущими планами формирования кадровой армии, как это собирались делать сибирские белогвардейцы. Уже 19 июня 1918 г. (дней через десять с момента захвата власти в Самаре) Комуч издал приказ, обязывавший каждый уезд немедленно выставить под его знамена полк пехоты, батарею артиллерии и сотню — эскадрон кавалерии. Не менее 10% численного состава войск должны были составлять бывшие солдаты, и прежде всего унтер-офицеры, а потом будут проведены мобилизации. В помощь добровольческим частям должны быть созданы в городах и волостях боевые дружины для несения служб конвоирования, караульной и т. д. Первый призыв новобранцев (рождения 1897—1898 гг.) был объявлен 30 июня 1918 г., а по занятии Симбирска (22 июля) и Казани (6 августа) тотчас было приступлено к формированию двух стрелковых корпусов. Как говорилось в приказе эсера полковника Галкина (управляющего военным ведомством), «для Народной армии лозунг — защита Учредительного собрания».

Было бы ошибкой считать, что если омские главари выдвинули лозунг «Защита Сибири от немцев», а самарские — лозунг «Защита Учредительного собрания», то это указывает на какие-то существенные расхождения политического характера между ними. И те и дру-

гие объявили, что армия должна быть вне политики; и те и другие ввели военно-полевые суды и смертную казнь за уклонение от явки по призыву и мобилизациям, и те и другие ставили своей задачей свержение Советской власти и восстановление власти буржуазии. Но как бы там ни было, Комучу удалось с помощью чехословаков набрать в Народную армию до 20 тыс. человек. Силы эти были разгромлены Красной Армией в боях на Волге и на путях к Уралу во второй половине 1918 г. *.

Читатель уже знает, как возникли первые войсковые части белогвардейской Сибирской армии летом 1918 г. Численно армия росла очень медленно: к августу в ней было около 35 тыс. человек, в том числе 6872 офицера и 26 075 добровольцев. Рассчитывать на дальнейший приток добровольцев не приходилось. Между тем потребность в войсках росла с каждым днем.

Первые призывы новобранцев были объявлены омским правительством в июле 1918 г. Явке подлежали все родившиеся в Сибири, а также переселившиеся и прибывшие в Сибирь (по эвакуации) до 1 января 1915 г. Надо сказать, что, отказываясь от призыва беженцев, прибывших после 1 января 1915 г., белогвардейские власти лишали себя не одного только десятка тысяч солдат. Решение это было отменено полностью только в сентябре 1919 г., когда массы беженцев оказались уже в непосредственном тылу отступающей белогвардейской армии и когда использование их надлежащим образом оказывалось уже невозможным.

В ходе подготовки к призывам и мобилизациям штабы военных округов рисовали в своих докладах военному министерству мрачные картины положения на местах: нет списков подлежащих призыву (по годам рождения), нет никакого аппарата в волостях, нет уездных военных начальников, нет унтер-офицеров и офицеров, нет обмундирования, снаряжения, нет помещения и т. д. Доклады подчеркивали, что население слабо информировано о целях призыва, а в ряде мест выступает

* После сдачи Уфы остатки Народной армии отводились в глухой тыл для переформирования и пополнения. В мае 1919 г. в состав Волжского корпуса генерала Каппеля (но уже укомплектованного уральцами и сибиряками) они приняли участие в операциях с войсками армии генерала Ханжина в районе Белебея.

решительно против*. Но такого рода факты были исключением — призывы прошли в общем довольно успешно вопреки ожиданиям самих белых. Было создано свыше 20 запасных полков для приема новобранцев, но принять всю массу явившихся оказалось невозможным⁴⁰.

Сводная таблица по одному только Омскому военному округу дает следующие цифры призванных по состоянию на 11 февраля 1919 г.: отправлено на фронт 38 тыс. человек, налицо 33 тыс. и дезертировавших около 7 тыс., что дает общую цифру явившихся около 80 тыс. человек. Правда, Омский военный округ был самым крупным, но надо иметь в виду, что призывы проводились также в Тюменском, Иркутском и Приамурском военных округах. Отрывочные отчетные данные этих военных округов дают основания заключить, что общее число новобранцев, призванных только в Сибири во второй половине 1918 г. и перешедших, таким образом, по наследству к Колчаку, составляет не менее 145—150 тыс. человек. Вместе с упомянутыми выше войсками Народной армии, войсками атамана Семенова, добровольческими и офицерскими кадрами Сибирской армии генерала Иванова-Ринова, оренбургскими и уральскими белоказаками и контрреволюционными национальными формированиями (башкирский корпус Валидова, отдельные отряды Алаш-орды и др.) общая численность собранных контрреволюционерами до Колчака в белогвардейские армии составила внушительную цифру 240—250 тыс. человек.

Конечно, вся эта масса не была еще армией в настоящем понимании слова ни по своему организационному построению, ни по обеспеченности материальными средствами борьбы, ни по своей подготовке. 3 января 1919 г. был опубликован приказ Колчака, предусматривавший реорганизацию вооруженных сил и сведение их

* «Крестьяне села Владимировка, — доносил начальник гарнизона г. Атбасар, — не дают подвод, не предоставляют помещения и не дают хлеба для новобранцев. Больше того, крестьяне сами ведут среди призывных агитацию против явки на сборный пункт и поощряют дезертиров». Уполномоченный по Акмолинской области доносил, что «большевистские агитаторы в крупных селах поставили своей задачей противодействовать призыву, для чего в некоторых селах организованы военно-революционные штабы, которые проводят свои мобилизации десятка возрастов для вооруженного восстания». (ЦГАОР, ф. 260, оп. 1, д. 4/27, л. 373.)

в 8 армейских корпусов двухдивизионного состава с созданием для каждого корпуса по одной кадровой (запасной) дивизии или бригаде. Стремясь к дальнейшему увеличению армии и чтобы не допускать уменьшения численности бойцов в действующих дивизиях (в роте 150 штыков, в дивизиях 4 полка по 16 рот) и обеспечить своевременное поступление маршевых пополнений, командующим армиями было разрешено производить мобилизации и призывы в районе подчиненных им войск*.

Во главе угла всех военно-политических мероприятий Колчака прежде всего поставлено было создание сильной во всех отношениях армии**. Об этом, как основной и главной задаче, было официально объявлено в первом же его приказе от 23 ноября 1918 г., об этом постоянно говорилось и писалось вплоть до разгрома ее в январе 1920 г.

Для правильного понимания военной политики Колчака и хода военных действий отметить надо следующее. К концу 1918 г. окончательно выяснилось, что союзники вынуждены отказаться от посылки в Россию собственных армий для свержения Советов. К этому их вынуждало международное, а также внутреннее положение и в собственных странах, прежде всего отказ солдат воюющих с русскими. Таково могучее влияние Октябрьской революции на умы трудящихся Западной Европы. Центр тяжести ведения войны против Советов перемещается с войск интервентов и белогвардейские формирования. Из подсобных, вспомогательных вооруженных сил, группирующихся вокруг иностранных войсковых частей, как вокруг основного ядра, белые армии становятся главной силой

* Особенно энергично проводил такие мобилизации и новые формирования своими собственными силами командующий Сибирской армией Гайда, благодаря чему к концу апреля 1919 г. в ней числилось 7 армейских корпусов общей численностью около 130 тыс. человек.

** Повторными мобилизациями армия к лету 1919 г. была доведена до 450 тыс. человек. Но и это было признано недостаточным. И тогда был утвержден план развертывания Российской армии до 1 млн. человек, не считая казачьи войска. Сказывалась не только необходимость вести войну с Советской республикой на большом фронте и содержать крупные гарнизоны в тыловых районах. Колчак понимал, что ему надо готовиться к предстоящей борьбе за власть со своими конкурентами, прежде всего с Деникиным.

ведения войны. Уход с фронта чехословацкого корпуса и других менее крупных частей войск Антанты, с одной стороны, и разгром Народной армии на путях от Волги к Уралу, с другой стороны, заставляют Колчака пересмотреть в корне и переоценить всю военно-политическую и стратегическую обстановку.

Принимаются совместно с представителями Антанты решения, в основу которых легли следующие соображения:

а) война без армий союзников будет тяжелой и длительной, поэтому подготовка к ней должна быть основательной, с полным использованием всех собственных ресурсов занятых территорий; материальная и политическая помощь и поддержка союзников, безусловно, необходимы;

б) для успешного ведения войны должна быть создана регулярная армия, боеспособная и надежная во всех отношениях. Это возможно лишь при условии сохранения основных кадров тех войсковых частей, которые Колчак получил по наследству от предшественников.

По основным вопросам оценки общего военно-политического положения колчакии не было никаких существенных разногласий между стоящими у власти военными. Разногласия возникли по другому вопросу: надо было не только формировать новую армию, но и одновременно вести военные действия против Советской республики. То было незнакомое, непривычное для Колчака и его генералитета (да и для генералов Антанты) дело. История давала немало примеров вооруженной борьбы восставших масс*. Опыт их подавления был в известной степени изучен и учтен буржуазной военной наукой. Но было это сделано господствующими классами под углом зрения использования его в собственных интересах в борьбе против народа и между государствами. Преувеличивая значение чисто военной стороны борьбы, русские контрреволюционные генералы

* «Жакерия» во Франции в XI в.; восстание Уота Тайлера в Англии в конце XIV в., когда восставшими была захвачена столица страны — Лондон; крестьянские войны и войны городской бедноты в Германии в XVI в.; крестьянские войны в России в XII—XVII вв.; волна крестьянских восстаний в России накануне 1861 г.; огромные по размаху народные восстания в середине XIX в. и др.

сразу же встали на путь создания регулярных армий по образцу старой русской армии. В этом деле они обладали достаточными знаниями и опытом. Главное же состояло в том, что в хорошо организованной, дисциплинированной армии они видели решающий элемент обстановки. Он мог дать им немедленный перевес и обеспечить крупные шансы на окончательную победу в борьбе с Советами, не имеющими ни практического опыта военного строительства, ни своих надежных военизированных кадров. Они были твердо уверены, что специальные знания и опыт, которыми они, как прислужники господствующего класса царской России, до этого обладали монопольно, также дадут им сразу же большие преимущества на фронтах. И в этом вопросе не было существенных разногласий в лагере колчаковцев.

Разногласия возникли по другому вопросу — по плану ведения войны против Советов. Одна из групп (генералы Дитерихс, Голицын, Каппель, Бангерский и др.) отстаивала необходимость отказа от крупных стратегических операций до того, пока Российская армия не будет вполне организована, снабжена, вооружена и обучена и пока не будут созданы такие же армии Деникиным, Юденичем и др. и не представится возможности установить какой-то общий, согласованный в основном план действий всех группировок, расположенных на разных окраинах Советской республики — вдали друг от друга. До этого (доказывали названные белогвардейские генералы в спорах с приверженцами другого плана) Колчаку следует придерживаться оборонительного характера действий, что, конечно, не исключает отдельных частных операций с ограниченной целью. Члены второй группы (наштаверх Лебедев, командующие армиями Гайда, Ханжин, Сахаров и др.) придерживались другой точки зрения: действовать надо немедленно, без поддержки и решительно, чтобы использовать отмеченные выше преимущества и неготовность советских вооруженных сил. Борьба между группами оказала решающее влияние на ход войны.

Нельзя сказать, что Колчак и его окружение не понимали социально-политического содержания гражданской войны и не делали соответствующих выводов. Прежде всего это выражалось в попытках создать свою классовую армию, а если это не удастся, то создать

внутри армии крепкое в политическом отношении ядро из классово родственных элементов населения. Организационно дело свелось к решению иметь при корпусах егерские или штурмовые бригады-полки, а в дивизиях — егерские батальоны. И в том и в другом случаях все зависело от достаточного наличия надежных для контрреволюции солдат. На их отыскание и на обработку колеблющихся элементов из числа призванного крестьянского населения и были сосредоточены усилия белогвардейского командования и привлеченных гражданских ведомств (министерства внутренних дел, просвещения, земледелия и т. д.).

Представляя 3 апреля 1919 г. колчаковскому совету министров проект закона об очередном призыве (родившихся в 1897—1898 гг.) *, военный министр генерал Степанов докладывал, что предыдущая мобилизация, предусматривавшая призыв только лиц, имеющих образование не ниже среднего, жестоко провалилась: вместо ожидавшихся по расчетам 30—40 тыс. человек было принято только 10—12 тыс. Одна из основных причин провала — призывники скрывают свое образование. Подчеркнув «полное нежелание интеллигенции и имущих классов, несмотря на свою заинтересованность в скорейшей ликвидации большевиков, пойти навстречу намерениям правительства», проект предусматривал: а) призыв городского населения в возрасте от 18 до 35 лет, имеющего образование не ниже начального или городского училища, а также «занимающихся интеллигентным трудом независимо от образовательного ценза»; б) призыв повсеместно восемнадцатилетних, занимающихся интеллигентным трудом, даже если они имеют только домашнее образование.

Высказывая уверенность, что это будет молодой, сильный и политически здоровый контингент, Степанов заявил: «Не приходится сомневаться, что новобранцы 1897 г. не заражены большевизмом. Часть из них уже исправно служит, а с приходом интеллигенции 1900—1901 гг. рождения сама армия обезопасит их против антиправительственной пропаганды» **.

* ЦГАОР, ф. 1700, оп. 5, л. 39, л. 7.

** Той же линии придерживался предшественник Степанова генерал Иванов-Ринов, предлагая в одном из своих приказов «остав-

Все последующие распоряжения Колчака о призывах и мобилизациях базировались на том же. Так, по указу от 2 сентября 1919 г., объявившему всеобщий призыв населения (в возрасте от 18 до 43 лет), явке подлежали: а) все имеющие образовательный ценз, а из не имеющих все работающие и служащие в государственных, общественных, сословных, кооперативных и торгово-промышленных предприятиях, заведениях и учреждениях, за исключением лиц, «занятых физическим трудом»⁴¹; б) лица, отвечающие определенным требованиям по своему имущественному положению*.

Освобождались от призыва: 1) рабочие и мастеровые заводов, фабрик, мастерских и ремесленных предприятий^{**}; 2) служащие, рабочие, мастеровые продовольственных организаций, путей сообщения, каменноугольной промышленности и ряда ведомств (тюремного, почты и телеграфа, милиции, лесничества и т. д.). Заканчивался указ предупреждением, что за подстрекательство к неявке и за неявку виновные отвечают по военнополовому суду вплоть до смертной казни.

Указы предусматривали, что лица нерусской национальности, ранее входившей в состав Российской империи (поляки, латыши, эстонцы и т. д.), могут быть освобождены от службы в Российской армии при условии поступления их в свои национальные войсковые ча-

лять интеллигентные силы в составе отдельных частей, но использовать их как руководителей, а не рядовых». Расчеты руководителей колчаки оказались верными. За год с лишним существования Российской армии было всего несколько мятежей (1 ноября 1918 г. в Томске; 1—2 марта 1919 г. там же; 13 марта 1919 г. новобранцев в Тюмени; восстание двух полков в июле 1919 г. в Красноярске). Все эти восстания были быстро и жестоко подавлены местными же белогвардейскими силами.

* Земледельцы, имеющие не менее 50 десятин земли своей или арендующие не менее 100 десятин; владельцы недвижимого имущества стоимостью не менее 50 тыс. рублей (по страховой оценке не ранее 1917 г.); лица, выбравшие промысловые свидетельства и вообще уплачивающие личный промысловый налог; обладающие капиталом не менее 100 тыс. рублей, даже если имущество их осталось в другом месте. Указ особо предписывал приемочным комиссиям руководствоваться не расписанием болезней и телесных недостатков, а «собственными здравыми соображениями».

** Как отмечают белогвардейские документы, многие из подлежащих призыву лиц «обзавелись справками, что они тоже рабочие, и на этом основании требуют своего освобождения, хотя известно, что они никогда рабочими не были до появления указа о призыве...». (ЦГАОР, ф. 260, оп. 2, д. 10, л. 22.)

сти, если таковые с разрешения властей формируются. Мы не останавливаемся на этих формированиях, так как, за исключением поляков, они были малочисленны и заметной роли в армии Колчака не играли*. Мы также не останавливаемся здесь на формированиях за счет привлечения военнопленных первой мировой войны, так как формирования эти не входили в состав армии Колчака, а наравне с прочими иностранными войсками подчинялись непосредственно упомянутому выше французскому генералу Жанену, официально именовавшемуся главнокомандующим союзными войсками в Сибири.

Отдельно необходимо остановиться на вопросе о казачьих войсках** колчакии, в числе которых оренбургские и уральские действовали на фронте против Красной Армии как самостоятельные армии. Говоря о последних, надо иметь в виду, что речь не идет об армиях в обычном понимании этого слова, обозначающего временное оперативное объединение общевойсковых соединений — единиц стратегического расчета под одним общим командованием. По времени своего возникновения и по мотивам своего формирования Уральская и Оренбургская отдельные казачьи армии относятся к отмеченному выше периоду, когда возникавшие в ходе борьбы на местах правительства стремились прежде всего создать свое собственное войско. Но в отношении принципов организации и классовой принадлежности личного состава названные армии имели свои особенности.

Они возникли как армии казачьи, образовавшиеся по территориальному и сословному признаку на базе бывших Оренбургского и Уральского казачьих войск. Организаторы армий полагали, что лучшая гарантия против проникновения идей Октября и классовой борьбы в массы казачества — всячески возбуждать и под-

* Особенно активно выступали украинские националисты. В конце 1918 г. на съезде в Харбине они добились принятия резолюции о вступлении в национальные формирования, о создании главного украинского штаба и т. д. Но из 850 тыс. украинцев им удалось вовлечь в авантюру только несколько тысяч человек, составивших курень имени Шевченко и полк гетмана Сагайдачного.

** По приблизительным подсчетам, численность всего казачьего населения колчакии составила около 500 тыс. человек, общая же численность казачьих войск достигала 50—60 тыс.

держивать казовый дух и былые традиции войска как военно-сословной организации, сильной и сплоченной тем, что она крепко держится за дарованные царем вольности и привилегии и благодаря этому политически замкнута и изолирована от масс окружающего его населения. Именно этим объясняется то обстоятельство, что в относящихся к 1918 г. документах с расписанием войск названных казачьих армий* наряду с перечислением полков и дивизий приводятся всегда списки самостоятельных дружин, сотен и команд, организованных по признаку отдельных казачьих станиц, отделов и округов.

Основным и общим для подавляющего большинства казаков стремлением после падения царизма было сохранить свое положение бывшего привилегированного военного сословия России. Именно это стремление, ловко использованное буржуазией и контрреволюционными верхушечными слоями казачьих войск, привело значительные массы казачества в лагерь контрреволюции⁴². Процесс революционизирования и классового расслоения в казачьих войсках еще не достиг той степени остроты, чтобы привести к открытой классовой борьбе внутри названных армий и тем самым к окончательному разложению их как антисоветской вооруженной силы.

Казачьи войска занимали в стане контрреволюции особое положение. Проводившиеся Колчаком и его предшественниками мобилизации не распространялись на казаков. Не касалась их также коренная реорганизация вооруженных сил, предпринятая Колчаком в декабре 1918 г. Он ограничился тем, что утвердил обрешование (по ранее принятому самим войсковым кругом Оренбургского казачьего войска решению) Оренбургского военного округа. Аналогичное решение было проведено в отношении Уральского казачьего войска с переименованием созданной им армии в Отдельную.

На фронтах казачьи войска подчинялись Колчаку и его командованию. На этом власть его фактически кончалась, так как во всех прочих отношениях и, в частности, в военно-административных вопросах действи-

* Боевой состав Юго-Западного фронта (составленного из частей Уральской и Оренбургской казачьих армий) насчитывал на 1 января 1919 г. штыков 11 157 и сабель 21 313 (пулеметов 409, рублей 89).

тельная власть была в руках войскового атамана и войскового круга. Они по своему собственному усмотрению производили мобилизации, формирования, назначения командного состава и т. д. В этом основная причина того, что Колчаку не удавалось создать крупные кавгруппы; за редким исключением, казаки действовали отдельными полками и бригадами. Колчак вынужден был до поры до времени отказаться от всякой попытки вмешиваться в эти вопросы, зная заранее, что любое его такого рода распоряжение будет расценено войсковым кругом как посягательство на казачью автономию⁴³, и не будучи уверенным, что приказ будет выполнен, а также не имея ни сил, ни возможностей заставить круг выполнить его.

Особое внимание Колчака привлекала задача устранения острой нехватки офицеров и унтер-офицеров. В Российской армии офицеры делились на кадровых (производства до 1915 г. включительно) и офицеров военного времени. Из документов видно, что к июлю 1919 г. кадровых офицеров насчитывалось всего около 1 тысячи. Таким образом, основную массу командного состава — в среднем 16—17 тыс. — составляли офицеры производства 1916 г. и более позднего времени. То были люди без достаточной теоретической подготовки и почти совершенно без практического опыта допериодического периода первой мировой войны. Дивизиями и корпусами командовали не боевые генералы старой армии, а офицеры, пришедшие в белую армию в чинах не выше полковника и произведенные в следующие чины приказами Колчака и его предшественников*.

Для подготовки офицеров службы генштаба начали функционировать ускоренные курсы, организованные при военной академии генерального штаба. Некомплект офицеров в Российской армии составлял на начало 1919 г. около 10 тыс. человек. Для подготовки

* Из генералов старой армии видные командные посты занимали генерал-лейтенант артиллерии Ханжин (командарм Западной, затем недолго военный министр) и генерального штаба генерал-лейтенант Дитерихс — бывший генерал-квартирмейстер ставки Духонина, назначенный в октябре 1918 г. начальником штаба белогвардейского Западного фронта, а в июле 1919 г. командующим войсками 3-й белой армии и одновременно командующий белогвардейским фронтом,

офицеров и унтер-офицеров были призваны семнадцатилетние юнцы школьники и открыт ряд инструкторских школ и военных училищ. Такие же школы ускоренной подготовки командного состава открывались при отдельных полевых армиях*.

Но, несмотря на все это, Колчаку не удалось ликвидировать нехватку командных кадров армии, что весьма отрицательно влияло на подготовку и действия войск. Не раз предпринимались попытки завербовать в Российскую армию офицеров из армий других белогвардейских группировок, но существенных результатов достичь не удалось**. Не прибыли также обещанные Деникиным два офицерских батальона (2 тыс. человек) для Уральской казачьей армии, где недостаток опытных офицеров был особенно велик.

Но как бы там ни было, к весне 1919 г. Российская армия только на советском Восточном фронте насчитывала свыше 140 тыс. чистых штыков и сабель — сила грозная по одной своей численности. Правда, колчаковские полки состояли сплошь из молодых новобранцев, наспех обученных, еще не обстрелянных. Но молодой, не уставший, крепкий во всех отношениях солдат-сибиряк под командованием контрреволюционных унтер-офицеров и офицеров был серьезным противником. Отлично обутое, одетое по сезону, полки Колчака напоминали чем-то первоочередные полки царской армии — большая часть времени их подготовки была затрачена на муштровку. Они были «гвардейцами» по сравнению с тем, как были одеты и обуты наши бойцы. Но больше всего поражала в солдатах Колчака их полная аполитичность. Они были поистине политическими младенцами. Они не только не разбирались в политических программах и партиях. Они не могли ответить на самые простые вопросы: что происходит в России, для чего их призвали в армию, когда с немцами война давно кончена, с кем

* Подготовка офицеров особо занимался Нокс. За счет отпускаемых Англией средств было создано военное училище на Русском острове (около Владивостока); списки преподавателей и программу подготовки просмотрел и утвердил Нокс сам.

** Были восстановлены льготы и преимущества для офицеров-фронтовиков согласно законоположениям царской армии (сокращенные сроки производства в следующий чин и т. д.). Широко практиковалось награждение офицеров орденами старой армии. Был учрежден Сибирский орден.

они, сибиряки, идут воевать и за что? В этом отношении они были младенцами в полном смысле слова, но младенцами страшными для нас в то время потому, что физически сильные, отлично снабженные и вооруженные, обеспеченные лучше нас продовольствием и т. д., они были на деле слепыми, безгласными солдатами армии контрреволюции.

Удивляться политической безграмотности этих деревенских парней особенно нечего. Зеленая молодежь 18—20 лет, уроженцы глухих сибирских сел и деревень, медвежьих углов, которых военные и политические события 1914—1918 гг. с их разрухой, развалом всей хозяйственной жизни страны, с перенесенной на улицы и площади городов революционной, классовой борьбой, совершенно еще не коснулись, а если и коснулись, то стороной, больше понаслышке и рассказам бывших фронтовиков первой мировой войны. Наконец, то ведь были в большинстве своем отпрыски патриархальных сибирских семей, может быть, и не богатых по сибирским понятиям и масштабам того времени, но всегда крепких и хозяйственных мужичков», крепких не только в работе и в своем хозяйстве, но крепких и не менее цепких во всем, что касалось обычаев, уклада жизни, веры, отношения к начальству и т. д.

Таков был основной контингент солдат колчаковской армии зимой—весной 1918/19 годов. В руках контрреволюционного офицерства и под влиянием идейной обработки социал-предателей он мог стать подлинной армией контрреволюции⁴⁴. Не допустить этого было одной из основных задач сибирского большевистского подполья.

5. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В КОЛЧАКИИ ЗИМОЙ 1918/19 г.

Первые тревожные донесения белогвардейского губернского комиссара Енисейской губернии * от 12 нояб-

* Население губернии насчитывало около 1,2 млн. человек, в том числе городского и поселкового около 135 тыс. Кроме русских здесь проживало около 200 тыс. человек других национальностей, в том числе украинцев 47 тыс., белорусов 29 тыс., татар 14 тыс., латышей 15 тыс., поляков 12 тыс., эстонцев 9 тыс., хакасов 44 тыс. и т. д. Из 192 тыс. крестьянских хозяйств было: беспосевных 14%,

ря 1918 г. указывали, что в с. Дубенское, Тигришкой волости, Минусинского уезда, восставшие крестьяне численностью до 400 человек напали на милицию и разгромили ее. К восставшим присоединились крестьяне Сагайской и Ермаковской волостей. Создан комитет повстанцев, от имени которого рассылается по уезду воззвание с призывом к свержению омского правительства. Общая численность восставших определяется в 5 тыс. человек; штаб восстания в с. Сагайское. Восстание разрасталось, и через несколько дней повстанцы обложили уездный город Минусинск с трех сторон. Город (весь его гарнизон насчитывал 50 человек) объявлен на осадном положении, производится мобилизация всех «надежных граждан». Выступившие было на помощь властям 200 казаков станицы Карат разгромлены, и станица пала.

Напуганный размахом восстания, штаб Сибирской армии затребовал срочных разъяснений о характере беспорядков. Район восстаний входил в территорию 4-го стрелкового корпуса, штаб которого находился в Иркутске. «Взыскание податей, — говорится в ответе штаб-корпуса, — поимка дезертиров, а также уничтожение самогонных заводов вызвали крестьянские волнения, дошедшие до вооруженных столкновений» *. Для ликвидации посланы сотня казаков из Красноярска, а из других мест еще одна сотня и три роты с одним орудием под командой генерала Шильникова. В последующих донесениях штаб корпуса определяет численность повстанцев в 8 тыс. человек, но из них вооруженных не более 2 тыс., все же остальные наступают с кольями, дубинками и железными пиками **.

Минусинское восстание заслуживает внимания по многим причинам. В июне 1918 г., всего пять месяцев

без рабочего скота 10,8%, без коров 10,2%. В среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось 5,9 души и по 4,5 десятины пахотной земли. Различного рода промыслами на месте занимались около 22,3% сельского населения. С 1893 по 1917 г. в губернию прибыло около 410 тыс. переселенцев, из них 60% после 1905 г. Наибольший процент их осел в Канском, Ачинском и Минусинском уездах.

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 73, л. 2.

** Отряд Шильникова нанес повстанцам несколько чувствительных ударов в районе с. Городок и под Минусинском, и они отступили.

назад, крестьяне ряда волостей уезда оказывали активную помощь чехам и белым при свержении Советов. Сейчас они выступают против тех и других. Тогда, в июне, дело было в стихийной вспышке, вызванной разными причинами, в том числе провокациями и нажимом со стороны чехов и кулачества. Сейчас речь идет о вполне сознательном, заранее продуманном и организованном выступлении. Об этом недвусмысленно говорят выдвинутые повстанцами политические требования. Первое из них — немедленно созвать VIII уездный крестьянский съезд, так как предыдущий, VII, такой же съезд постановил в свое время (при Советах), что мобилизации в армию могут производиться только с ведома и разрешения уездного съезда. Второе требование — уничтожить казачество как привилегированное сословие, немедленно уравнивая его со всем крестьянством в отношении земельных наделов.

Ноябрьское восстание послужило толчком к тому, что в первой половине декабря 1918 г. в бассейне р. Мана началось явно выраженное антиколчаковское крестьянское движение, которому суждено было сыграть в дальнейшем крупную роль. По поводу восстания на Мане белогвардейский губернский комиссар доносил, что район восстания всегда представлял «скопление наиболее беспокойных элементов — латышей, живущих хуторами, и переселенцев, привыкших жить за счет казаков и субсидий... Там после разгрома большевиков чехами во время свержения Советов скрывались остатки красных отрядов, и туда же уходили дезертиры» *.

22 декабря 1918 г. повстанцы разгромили идущий в с. Степной Баджей отряд войск, потерявший 9 офицеров и солдат, 2 пулемета и вынужденный спешно отступить. Успех послужил сигналом к восстанию во всем Канском уезде. Войскам удалось отбросить красных в горы, но 27 декабря произошло восстание в самом Канске, где на сторону красных перешла рота гарнизона. Восставшие арестовали милицию, заняли железнодорожную станцию и прервали движение поездов. Ока-

* Самыми опасными белогвардеец считал волости Перовскую, Вершино-Рыбинскую и Семеновскую, «где особенно много латышских хуторов и переселенческих поселков и давно велась пропаганда и подготовка». (ЦГАОР, ф. 149, оп. 1, д. 33, лл. 19—20.)

завшаяся в городе офицерская рота разбила повстанцев и расстреляла 19 человек без суда и следствия. Почти одновременно произошло восстание на ст. Иланская: красные приостановили движение поездов на целые сутки*.

Энергично взялся за «успокоение» новый управляющий губернией Троицкий. Личное письмо его от 26 февраля 1919 г. заместителю министра внутренних дел В. Пепеляеву, одному из руководителей кадетов в Сибири, заслуживает того, чтобы быть приведенным в основных своих положениях**.

За исключением Минусинского уезда, пережившего в ноябре 1918 г. восстание, теперь идет вооруженная борьба во всех остальных уездах губернии. Участвует до 6 тыс. штыков и сабель правительственных войск и значительно большее число красных. Борьба ведется в четырех основных районах. Под Ачинском и в северных районах его уезда отряды Щетинкина совершают налеты на станицы и села, убивают милиционеров и противников Советов. Всякая нормальная организация власти к северу от железной дороги прекратила свою деятельность. Охраняют город дружины самообороны и рота чехов. Есть гарнизон, но он вызывает опасения. В 30 км от города стоит правительственный отряд (500 солдат), но значительная часть в нем новобранцы как раз из тех деревень, где власть в руках Щетинкина и которые дали ему немало добровольцев. Для активных действий отряд непригоден. По приказу Щетинкина крестьяне прекратили подвоз продуктов для населения Ачинска и его гарнизона.

Второй очаг восстаний — Тасеевский район, Канского уезда. Здесь стоял отряд полковника Красильникова и был гарнизон в 1 тыс. штыков и сабель с 4 орудиями. Против него действовало не менее 3 тыс. красных, вооруженных только охотничьими ружьями и дробо-

* Канское и Иланское восстания были частью готовившегося Сибирским подпольным областным комитетом РКП(б) Всесибирского восстания. Они должны были начаться одновременно с восстанием в Омске, но запоздали и не получили развития; попытка восставших рабочих ст. Иланская связаться с Канском не удалась. Первая попытка всеобщего восстания кончилась неудачно. Опыт следовало изучить и учесть в будущем, но из документов обкома этого не видно.

** ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 103, лл. 1—8.

виками с самодельными пулями. Бой 17 февраля кончился неудачей для войск. Потеряв около 150 человек и пулемет, Красильников поспешно отошел на 60 км. Ведя преследование, повстанцы начали распространяться на соседние районы.

Третий очаг восстаний — район станций Клюквенная, Камарчага. Был он первоначальным, а теперь стал главным. Красных здесь до 10 тыс. человек. На участке станций Клюквенная, Могинское они подошли к железной дороге на 5—10 км, а местами еще ближе. Это дает им возможность легко и часто совершать налеты на станции, мосты, портить путь, рвать телеграфные провода и т. д. Им удалось даже спустить с рельсов бронепоезд. «Их сила, — говорит Троицкий, — в том, что они имеют лыжные отряды из прекрасных местных стрелков, прошедших школу на войне, чего нет или почти нет в правительственных отрядах»*.

Четвертый очаг восстаний — район г. Енисейск. По последним данным, город уже окружен правительственными войсками. Красных здесь до 600 человек, главным образом коряков. Началось бегство повстанцев маленькими группами по таежным тропам и проселкам.

Особенное беспокойство причиняло врагам положение в Красноярске**. Белогвардейцы отдавали себе

* Заслуживает внимания данная Троицким характеристика белогвардейских сил: «Отряды сборные, составлены из случайно набранных частей: тут и школа шоферов, отряд гусар из Новониколаевска, какие-то моряки и т. п. Есть даже части, составленные из пленных красноармейцев Самарского фронта и дезертиров. Железную дорогу охраняет батальон солдат, набранных тут же и совершенно не обученных. После двухнедельного обучения их разбросали по 5—6 человек на охрану мостов и других железнодорожных сооружений. Ясно, что такая охрана проблематична, нередко мосты пустуют, а куда делась охрана — неизвестно». (ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 103, лл. 1—8.)

** Читатель уже знает, что в 1917 г. Красноярск стал одним из важнейших партийных и революционных центров Сибири. Здесь находились крупные железнодорожные мастерские и депо, насчитывавшие свыше 4 тыс. рабочих — около половины всех рабочих города. О большом влиянии, которым пользовались среди населения города (и прежнего сорокатысячного гарнизона его) большевики, свидетельствуют цифры избравшихся в Советы и на съезды коммунистов, а также многочисленные красные отряды, выступавшие на помощь другим районам Сибири, в частности против Семенова.

полный отчет в том, что захват (с помощью интервентов) власти в городе абсолютно не означает разгрома руководимых большевиками революционных сил. В городской тюрьме находилось около 1200 партийных и советских работников губернии, арестованных в дни переворота. Но победа не радовала белых. Им удалось установить, что ушедшие в подполье большевики успешно ведут подготовку к освобождению заключенных и захвату города. «Напряженное состояние вокруг этого вопроса, — писал Троицкий в том же письме от 26.2 1919 г., — вызывает у русских и союзных военных властей мысль о необходимости скорейшей ликвидации заключенных советских работников вплоть до мысли отдать тюрьму на волю минут на 30». Под угрозой нападения извне и изнутри город объявлен на осадном положении, и охрану его взяли на себя 1500 солдат итальянцев и 1000 чехословаков. Собственный русский гарнизон малочислен и ненадежен: в частях его ведется большевистская агитация, уже раскрыт в одном из полков заговор. Все это привело к еще большей напряженности.

Таковы основные моменты конфиденциального письма, в котором такой крупный колчаковский администратор, как управляющий одной из самых беспокойных и обширных по территории губерний, высказывается вполне откровенно по самым «больным вопросам устройства и жизни тыла». Многое из того, о чем пишет Троицкий, характерно для большинства колчаковских губерний. Все более наглюющие интервенты-оккупанты своим хозяйничанием вызывают протесты и недовольство не только широких кругов трудящегося населения, но и видных чиновников колчаковской администрации. Собственные гарнизоны ненадежны, большинство городов охраняется интервентами. В бессильной злобе ввиду невозможности подавить восстание войсковые начальники все чаще и шире прибегают к звер-

После захвата власти чехобелыми был создан в июле 1918 г. подпольный горком РКП(б). Надо также подчеркнуть, что здесь же под Красноярском имелась самая сильная в Сибири подпольная большевистская организация военнопленных мадьяр, насчитывавшая в январе 1919 г. уже 31 члена и в течение семи месяцев ведущая без провалов большую работу среди восьмидесятичного контингента лагеря бывших военнопленных. Группа эта имела тесную связь с горкомом, а также с партизанскими отрядами района.

ским расправам с населением, не разбираясь, кто участник восстания и кто нет. Такая карательная политика приводит к обратным для власти результатам: растут районы восстаний, растет число повстанцев и партизан.

Одним из результатов тревожных донесений была поездка самого Пепеляева по ряду губерний. «Енисейская губерния, — говорится в его докладе, — надолго выбита из нормальной колеи, огромные площади ее находятся в руках большевиков, к которым относятся враждебно старожилы, а помогают активно новоселы». Силы красных Пепеляев определил всего в 3 тыс. вооруженных, так как очень много невооруженных и просто приставших в ходе борьбы к большевикам. Причиной частых неудач правительственных войск он считает малочисленность их и милиции, комплектование войск из уроженцев районов восстаний, совершенно случайный состав правительственных отрядов, бездорожье и отсутствие надежных проводников. Общий вывод Пепеляева — положение не такое уж безнадежное, но требуется скорейшая присылка хотя бы одной хорошей войсковой части — «хотя бы одной тысячи итальянцев» *.

Значение поездки Пепеляева состоит не в том, что он сам на месте убедился в скверном положении вещей и подтвердил омскому правительству обоснованность и правильность донесений местных белогвардейских администраторов. Он мог похвастаться более важным достижением: чехи обещали не только оказывать помощь оружием при защите городов и железной дороги, но и принимать участие в экспедициях против красных в сельских районах. Был еще один результат поездки. Убедившись, что положение с каждым днем все более ухудшается, а от военного министра из Омска последовал ответ, что на усиление правительственных отрядов регулярными войсками рассчитывать не приходится, а будут даже забраны все формирующиеся части, министерство внутренних дел по согласованию со ставкой прибегло к новым способам увеличения сил. В марте 1919 г. было объявлено «постановление уполномоченного по охране государственного порядка и

* ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 16, л. 335.

обеспечению общественного спокойствия» следующего содержания: «Ввиду появления в Енисейской губернии разбойничьих банд, которые *под видом большевистских властей* (курсив наш. — Г. Э.) нападают на селения, разгромяют и разграбляют правительственные и общественные учреждения и отдельных жителей, нахожу необходимым организацию дружин самоохраны... как это разрешено постановлением командующего войсками Иркутского военного округа от 10 февраля 1919 г.»*. Далее в постановлении говорилось, что дружины находятся в ведении комиссий, состоящих из начальника милиции (или лица по особому назначению) и членов от волостной земской управы, избранных населением на волостных сходах.

Приведенный документ служит еще одним доказательством ухищрений и обмана, к которым вынуждены были прибегать колчаковские власти. Во-первых, в постановлении говорится не о борьбе против большевиков, а о борьбе с бандами, которые действуют «под видом большевиков». Во-вторых, дружины поступают не в распоряжение военных властей, а комиссий, избираемых самим населением на основе широкой «демократии волостных сходов». Контрреволюционеры отлично уяснили себе: никакой сход крестьян не будет избирать и создавать дружину для борьбы с большевиками. А так как в губернии орудовали и банды грабителей, то под флагом организации борьбы против них и делается попытка создать отряды самообороны. Главную силу в них составят кулаки, и командовать ими будут такие же избранные на сходах сторонники Колчака**.

Характеризуя обстановку в районе Енисейска, контрразведывательный отдел главного штаба писал, что красные контролируют все дороги, ведущие к названному городу. Общие их силы — три-четыре сотни лыжников, но они очень подвижны, устраивают заса-

* ЦГАОР, ф. 149, оп. 1, д. 17, лл. 9, 35, 65.

** 27 июня 1919 г. колчаковский совет министров постановил, что все лица в возрасте от 21 года до 45 лет должны быть привлечены к занятиям по обращению с оружием для самоохраны и несения второстепенной караульной службы. В целом затея провалилась, но в ряде мест (Минусинский уезд, Кузбасс, Иркутская губ. и др.) дружины временами оказывали реальную помощь властям.

ды, налеты. Часто красные совершают налеты на золотые прииски, но не столько с целью захвата золота, сколько для того, чтобы заполучить динамит, нужный им для устройства взрывов на железных дорогах.

Поступающих с мест материалов и донесений о беспорядках было так много, что особый отдел колчаковского МВД установил специальную пятибалльную систему их классификации, а для упрощения учета завел специальную таблицу⁴⁵.

Попытки белогвардейцев представить происходящую на всей обширной территории колчакии ожесточенную классовую борьбу в виде колонок сухих цифр, равно как и попытка спрятать за этими цифрами все неисчерпаемое многообразие форм и проявлений ее, не выдерживают, конечно, критики. Но в целом белогвардейская таблица дает известное представление об общем положении в колчакии за первые четыре месяца 1919 г. Надо только постоянно иметь в виду, что за каждой цифрой таблицы скрываются события большого социального и военного значения, свидетельствующие о всенародной борьбе против интервентов и белогвардейцев*.

Белогвардейцы были настолько напуганы массовыми вооруженными восстаниями крестьян Кустанайского и Атбассарского уездов весной 1919 г., что Колчак поручил подавление их своей ставке, назначив упомянутого выше генерала Волкова командующим войсками. Расправа с восставшими была исключительно зверской. Так, в одной из оперативных сводок от 13 мая 1919 г.** штаб Волкова писал: «Селение Мариинское уничтожено. Потери красных — 940 человек

* Вот один пример. 7 апреля 1919 г. начальник Илийского края доносил омскому правительству: «Кустанайский уезд считаю опасным. Почти в каждом селении имеется большевистская организация. Для подавления большевизма в уезде приняты следующие меры: а) из каждого ненадежного населенного пункта взяты заложники в числе от 5 до 20 человек с предупреждением, что при попытке восстания их общества они будут расстреляны; б) посланы три карательных отряда с артиллерией и пулеметами. В Кустанае работает военный-полевой суд, казнено пока 8 человек. Из разных сел казаки взяли 74 большевика, из коих 11 приговорены к смертной казни, 24 — к каторге». В таблице все эти зверства карателей спрятаны за одну цифру «3» за первую неделю апреля 1919 г. (ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 11, л. 38.)

** ЦГАОР, ф. 1447, оп. 3, д. 12, л. 1 и 9; ф. 147, оп. 8, д. 13-а, л. 6.

расстрелянными и убитыми, не считая утонувших в Ишиме. Наши потери — 2 легкораненых». Поголовное истребление всех, кто попадался на пути карательных отрядов, белогвардейские палачи пытаются представить в своих реляциях как разгром войск повстанцев в открытом бою — иначе ведь невозможно объяснить слова сводок «потери красных... наши потери...» *

Вкратце следует остановиться на положении в Омске — столице белой Сибири. Читатель уже знает, что до чехословацкого мятежа Омск был центром Советской власти в Западной Сибири. Здесь обосновался Западно-Сибирский областной исполнительный комитет Советов, здесь проходили съезды, конференции и совещания, в частности первый съезд западносибирских большевистских организаций. Однако Омск не стал партийным центром края. Состоявшееся в июле 1918 г. в Тюмени совещание представителей большевиков Сибири и Урала избрало Сибирское организационное бюро с местом пребывания его в Томске. Не касаясь причин и соображений, в силу которых выбор пал на Томск, следует отметить, что к указанному времени резиденцией белогвардейского временного сибирского правительства стал уже Омск. Было поэтому вполне естественно, что состоявшаяся в Томске в августе 1918 г. 1-я Сибирская подпольная конференция приняла решение о переезде избранного на конференции Сибирского областного комитета РКП(б) в Омск. О состоянии и работе комитета и всей омской подпольной большевистской партийной организации опубликовано уже много документов, материалов и воспоминаний, в том числе и белогвардейских. Однако нельзя считать

* Особенную ярость вызвало у карателей то обстоятельство, что в выступлениях крестьян принимали участие женщины. В одном из приказов карателя Томашевского говорится: «Считаю совершенно неприменимым и слишком почетным расстреляние и повешение такого рода преступниц, а посему предупреждаю, что в отношении означенных лиц будут применяться мною исключительно роли, вплоть до засечения виновных. Более чем уверен, что это домашнее средство произведет надлежащее воздействие на эту слабую среду, которая по праву своего назначения исключительно займется горшком, кухней и воспитанием детей будущего, более лучшего поколения, а не политикой, абсолютно чуждой ее пониманию...» (См. Л. Спирин. Разгром армии Колчака. М., 1957, стр. 141.)

историю героической борьбы омских большевиков уже полностью исследованной и правильно освещенной*.

1-я подпольная городская конференция омских большевиков состоялась в августе 1918 г. Присутствовало на ней 40 членов партии — представители 25 подпольных групп и ячеек города. Конференция положила начало организации и объединению подпольщиков, избрала горком партии. Город был разбит на пять районов, считая в том числе белогвардейский гарнизон как самостоятельный район работы.

Важнейшей задачей в это время было освобождение содержащихся в омской тюрьме захваченных врагами в дни переворота партийных и советских работников. Подпольному горкому удалось в этом деле добиться крупных результатов. Были найдены пути и возможности изготовить не вызывавшие никаких подозрений белогвардейцев пропуска, по которым вышло «на законном основании» из омского концентрационного лагеря в разное время около 200 человек, в том числе такие видные местные работники, как П. Вавилов, А. Я. Масленников (в дальнейшем руководители подпольного областного комитета партии) и др.**.

2-я городская подпольная конференция состоялась в сентябре 1918 г. Присутствовало 35 делегатов, представлявших уже около 600 членов партии. Столь быстрый рост находящейся в подполье и жестоко преследовавшейся врагами партийной организации говорит о мно-

* Большую роль в воссоздании Омской большевистской партийной организации сыграл питерский большевик А. Я. Валек, вернувшийся в Омск в июле 1918 г. из Тюмени, где получил от Уральского областного комитета партии указания и средства на организацию партийной работы в тылу врагов; в группу А. Валека в это время входили большевики П. Г. Крынкин, Пучкарев и Волкова. Видную роль в организации большевистского подполья сыграли кроме названных А. Вагжанов, А. Бушуев, Х. Суудер, М. Русаков, М. Байков и др.

** Крупное значение этой операции становится особенно понятным, если вспомнить, что в эти же дни был расстрелян каждый десятый заключенный из так называемого комиссарского барака лагеря в результате провала работы по проведению подкопа из барака на волю. Тогда же удалось бежать из концлагеря большой группе венгров, в том числе большевикам Э. Радо, Шмидек; вместе с венгром Шомоди им удалось к декабрю 1918 г. организовать крупную подпольную вооруженную группу, насчитывавшую к лету 1919 г. около 300 бывших военнопленных.

гом, прежде всего о росте ее авторитета, росте доверия к ней, правильности избранного ею пути и эффективности методов работы по вовлечению революционно настроенных рабочих в борьбу за восстановление власти Советов. И когда в ноябре того же года, ко времени колчаковского переворота, были в том же Омске проведены районные партийные конференции подпольщиков, всем было ясно, что омская большевистская партийная организация является самой сильной, а по составу своего руководства и самой опытной организацией партии во всей Сибири. Возможно, что именно в этих обстоятельствах кроется причина того, что до сих пор она подвергается больше всего критике, в частности, в связи с неудачей вооруженных восстаний, и прежде всего декабрьского восстания 1918 г. Между тем весьма существенные обстоятельства этого восстания остались до сих пор не выясненными, на что указывают ранее не публиковавшиеся белогвардейские документы.

Уже задолго до рассматриваемых событий, в дни первой русской революции 1905—1907 гг., большевики приобрели богатейший опыт организации и руководства вооруженными восстаниями рабочих в городах. Анализируя причины поражения Московского декабрьского восстания 1905 г., В. И. Ленин подчеркивал, что одна из главнейших причин была в том, что войска—армия—не поддержали восставших рабочих. Самоотверженность и героизм рабочей Москвы не могли дать победы. Таков главный урок не одного только Московского восстания. На него указывают ход и исход рабочих вооруженных восстаний также в других городах, в том числе и в 1917 г. Об этом же говорил собственный опыт сибирских большевиков и рабочих во время восстаний в Чите и Красноярске в 1905 г.

Как же обстояло в этом отношении дело в омском декабрьском восстании? Сказалась ли на неудачном исходе его только нерешительность руководства, отменившего в последний момент (после ареста руководителей двух городских районов восстания) общее выступление? А может быть, не меньшую роль сыграло то обстоятельство, что не произошло восстания солдат гарнизона, чьи обещания выступить против Колчака играли большую роль в планах свержения власти белых? Не может при этом не возникнуть и такой вопрос: имелась

ли и притом какая взаимозависимость между этими двумя факторами?

Омские организаторы восстания отлично понимали роль, которую придется играть гарнизону города. Ведь недаром они выделили его в самостоятельный район для подготовки восстания. Все опубликованные до сих пор документы да и критики не отрицают, что работа среди солдат была проделана большая: имелись подпольные организации в ротах, батальонах и полках. Был даже гарнизонный солдатский штаб восстания, заверявший не раз Центральный большевистский штаб, что основная масса солдат гарнизона за восстание и к нему примкнет.

Резкая критика и высказывания по поводу неудачи этого восстания встречаются в нашей исторической литературе постоянно. Обоснованность и правдивость их никогда ни у кого не вызывает сомнений, тем более что в подтверждение приводятся цитаты из документов белогвардейской охраны. Но как нередко бывает в такого рода вопросах истории, кем-то когда-то раз выдвинутые первые предположения — рабочие гипотезы, если так можно выразиться, — не будучи в дальнейшем подвергнуты перекрестной критической проверке, быстро превращаются в своего рода догмы, принимаемые всеми на веру и без проверки как аксиомы, не требующие уже доказательств. И лишь потом выясняется, что в эти версии и концепции должны быть внесены весьма существенные поправки. Так случилось и в данном вопросе. Краткости ради мы ограничиваемся здесь только одним белогвардейским документом — рапортом начальника штаба Степного сибирского корпуса, на командира которого ставкой Колчака была возложена задача подавления восстания*.

Из рапорта видно, что в распоряжении белогвардейского командования находились такие политически для него безусловно надежные части, как отряды известных сибирских карателей Красильникова и Анненкова. Важно подчеркнуть, что в материалах советской стороны упоминания о них не встречаются. Видимо, отряды эти

* См. В борьбе с контрреволюцией. Сборник документальных материалов за 1918—1919 гг. Омск, 1959; ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 75, лл. 130—131.

прибыли в Омск в последнюю минуту и присутствие их держалось в строгом секрете*.

В одном из донесений Центральному Комитету партии М. Рабинович (один из руководителей Сибирского областного комитета РКП(б) и организаторов рассматриваемого восстания) писал, что «чехословаки и англичане держали нейтралитет»**. Из того же рапорта наштакора видно, что дело было не совсем так. При первых же сведениях о начале восстания штаб корпуса связался с чехословаками и английским отрядом солдат полка пресловутого полковника Уорда. Чешские патрули тут же приняли участие на стороне белых в первых уличных столкновениях, а через несколько часов 1-й резервный чехословацкий полк принял на себя охрану лагеря военнопленных***. То был весьма значительный со стороны интервентов шаг в пользу белых, так как освобождение военнопленных и их немедленное использование против колчаковцев составляли важный элемент плана восстания. Англичанам выступить не пришлось потому, что в этом надобности не было. Предупрежденные о начавшемся восстании, они усилили обычное охранение места расположения отряда выдвижением нескольких пулеметов. Это дало повод авантюристу Уорду впоследствии хвастливо писать, что его пулеметы держали на прицеле все подступы к ставке Колчака, хотя фактически ей никто и не угрожал.

Отмеченные новые факты вносят весьма существенные коррективы в господствующие в литературе версии о событиях в ночь восстания. Нет оснований брать содержащиеся в рапорте сведения под сомнение. Речь идет не о докладах или сводках белогвардейской контрразведки, состряпанных, как правило, на основании лживых выдумок агентов и провокаторов или на основании материалов, добытых пытками в колчаковских стенах. Контрразведчикам важно было в своих до-

* В этой связи следует напомнить имеющиеся в архивных материалах косвенные указания на то, что о готовившемся восстании ставка Колчака была осведомлена, а начальник ее генерал Лебедев докладывал Колчаку о принимаемых им контрмерах.

** См. Партизанское движение в Западной Сибири. Новосибирск, 1959, док. № 29 (стр. 107).

*** В нем было около 11 тыс. военнопленных венгров и чехословаков и активно работала упомянутая выше подпольная группа большевиков-венгров.

кладах продемонстрировать свою «работу», свою полную осведомленность о том, что делается в большевистском подполье, чтобы выслужиться, а заодно и припугнуть высокое начальство и тем получить еще большую свободу действий. В этом отношении возможности командования корпуса были очень ограничены: не могло же оно доносить ставке явные небылицы о том, какие были в его распоряжении части, что делали чехи *, как вели себя англичане и т. д., ибо в этих вопросах генералы ставки (сидя в Омске) были сами достаточно осведомлены помимо штаба корпуса. Что же происходило фактически в войсках гарнизона в ту декабрьскую роковую для восставших ночь 1918 г.?

Почти три месяца спустя, а именно на 3-й подпольной конференции в марте 1919 г., представитель омского подполья говорил, что к моменту восстания в городе имелось около 9 тыс. на три четверти уже вооруженных новобранцев; руководители восстания были уверены, что им удастся из этих насильно мобилизованных солдат привлечь на свою сторону до 5 тыс. человек. То не был расчет на авось — ведь читатель уже знает, какую большую подготовительную работу в войсках гарнизона проделали омские большевики.

Осуществить план не удалось. По укоренившейся привычке безоговорочно принимать на веру версии, если они более или менее правдоподобны, существуют уже давно и никем не опровергнуты — авторы многих советских работ о неудаче рассматриваемого омского восстания сводят весь вопрос все к той же единственной причине: отмене восстания, когда сделать это было уже нельзя.

Вот что происходило в частях гарнизона. В 4 часа утра были подняты по боевой тревоге унтер-офицерская школа, рота сербов, 1-й казачий конный полк и упоминавшиеся уже отряды Красильникова и Анненкова. Общая численность названных наиболее надежных войск

* В нашей литературе встречаются почерпнутые из воспоминаний участников данного восстания указания, что якобы в ту же ночь в ходе борьбы были разоружены два отряда чехословаков (по 400 человек каждый) — один в Куломзине, а другой в самом Омске. В материалах самих чехословаков, а также колчаковцев сведений об этом не имеется. Очевидно, вопрос требует дальнейшего исследования.

достигала 1500 человек — кулак, достаточно сильный для маневрирования и нанесения серьезных ударов. На-по, однако, сказать, что собран он был с большим опозданием, на что указывают два любопытных эпизода. В 3 часа утра в казарму 57-го полка явился в офицерской форме неизвестный и, назвав себя вновь назначенным командиром роты, приказал тут же построить солдат, однако успеха не добился. Большинство солдат, несмотря на усилия унтер-офицеров и члена подпольной ротной группы фельдфебеля роты, отказались выполнить приказ, ссылаясь на то, что накануне им была сделана противотифозная прививка и они вставать не могут. Трудно сказать, была ли это простая случайность, о которой организаторы восстания не были своевременно поставлены в известность, или же то был хитрый ход колчаковцев, правильно рассчитавших, что сильная доза противотифозной вакцины — самое надежное средство вывести на время из строя наиболее подозрительные для них роты.

Блестящий пример смелости и находчивости дают нам действия небольшой группы солдат, активно выступивших на стороне рабочих. Под видом пришедшей на смену караула части они без боя проникли в тюрьму, овладели ею и выставили везде свои караулы. Обеспокоенное перерывом связи с тюрьмой, белогвардейское командование спешно направило туда часть унтер-офицерской школы. Занявшие тюрьму восставшие солдаты отлично разыграли перед юнкерами роль настоящих первых власти колчаковцев. Убедившись, что в тюрьме и вокруг нее все спокойно, юнкера повернули назад. Повернул псевдокараулу также прискакавший из штаба корпуса капитан, а адъютанта начальника гарнизона они пропустили в тюрьму и там обезвредили. Хитрость раскрылась только значительно позднее, когда смешанные чехобелогвардейские патрули стали в городе задерживать бегущих из тюрьмы политических заключенных. После короткого, но ожесточенного боя ударный кулак колчаковцев отбил тюрьму, и, как сказано в белогвардейском документе, части есаула Анненкова «наводят в ней порядок».

Операция против восставших рабочих Куломзина *,

* Основную силу восставших составляли рабочие мельницы Рогово-Копыловка, грузчики и рабочие чугунолитейного завода «Азия».

присоединившихся к ним полуроты охраны железнодорожного моста через Иртыш и части эшелона возвращающихся из германского плена солдат была начата только в 8 часов утра 21 декабря, т. е. после того как в Омске все уже было кончено. Задача была возложена на небольшой отряд (2 роты пехоты, сотня казаков и 75 головорезов отряда чехословацкого контрразведчика Зайчека), усиленный в тот же день еще двумя ротами кадрового полка с одним орудием. Согласованным концентрическим ударом обложивших поселок со всех сторон перечисленных частей красное Куломзино после сильного боя пало. Белогвардейские документы подчеркивают героическое сопротивление восставших рабочих и проявление ими большого умения вести упорные уличные бои.

Главная причина поражения омского и большинства остальных рабочих восстаний против Колчака в том, что в момент восстания недостаточными оказались усилия вовлечь в открытую вооруженную борьбу войска гарнизона, часть которых занимала выжидательную позицию, часть колебалась. Таков основной и главный урок из опыта городских восстаний в тылу Колчака *. Причин недостаточности борьбы за войско было в каждом данном случае много и самого разнообразного характера, но в числе их нигде не были недопонимание или недооценка роли и значения вовлечения в восстание частей гарнизона. Так было и в омском декабрьском восстании, где арест 40 организаторов восстания двух районов города сыграл крупную роль.

Есть еще одно обстоятельство, которому наши исследователи почему-то до сих пор не уделили должного внимания, хотя оно также сыграло большую роль. Подготовка к восстанию в Омске шла настолько успешно, что руководители большевистского подполья признали возможным начать его уже в ноябре. Верные своей принципиальной позиции отказа от отдельных изолированных восстаний и твердо держа курс на всесибирское, они предложили томским большевикам начать выступ-

* Из воспоминаний участников этого восстания видно, что в самом городе в ночь восстания выступили: а) часть солдат только одного 8-го полка; б) саперная и комендантская команды и связисты 2-го полка. Для девятитысячного гарнизона это была только капля в море.

ление с ними одновременно, но получили отказ. Томская большевистская подпольная организация насчитывала около 150 человек и как раз в это время заканчивала подготовку восстания политических заключенных (большевиков и советских работников) томской тюрьмы. Получив отказ, омские руководители отложили начало своего восстания на 20 декабря 1918 г. Дальнейший ход событий показал, что то была потеря почти целого месяца чрезвычайно драгоценного времени: реальные силы и период отсрочки увеличились мало, зато она дала провокаторам и агентам контрразведки лишнее время и возможности делать свое черное дело. Нельзя также забывать, что в ноябре 1918 г. обстановка в Омске, как и по всей белой Сибири, была другой, чем в конце декабря. Читатель уже знает, что октябрь — ноябрь были исполнены ожесточенной внутренней борьбой за власть в лагере белых, а это, несомненно, ослабляло позиции пригов и могло оказаться прежде всего благоприятным для восстания в Омске. Намереваясь начать восстание в ноябре, Сибирский областной подпольный комитет большевиков, видимо, имел в виду отмеченное обстоятельство, но воспользоваться им ему не удалось.

«После событий 20—21 декабря, — доносил колчаковский контрразведчик 28 января 1919 г., — в Омске в рабочей массе настроение приподнятое и учащенно бьется пульс их партийной деятельности...» *

Еще раз оправдались слова Ленина о том, что из каждой схватки с врагами большевики и руководимые ими революционные массы выходят еще более сплоченные, еще более сильные духом, еще более уверенные в своей окончательной победе.

Выводы

В многочисленных выступлениях в годы гражданской войны В. И. Ленин полностью разоблачил истинные контрреволюционные замыслы и цели империалистов Антанты. Полностью и до конца им разоблачены империалисты не только как смертельные враги социалистической революции, но и как величайшие лицемеры, выступавшие с заведомо лживыми декларациями о «благородных» намерениях и целях вторжения их войск на территорию Советской республики.

* ЦГАОР, ф. 147, оп. 9, д. 2, л. 11.

во всяком случае, служить источником формирования белогвардейской армии. Изучение вопроса позволяет установить несколько важных положений.

В дни мятежа подпольные контрреволюционные организации выступили в ряде городов (Новониколаевск, Томск, Красноярск, Барнаул и др.). О выступлениях их в это же время на селе сведений почти нет. Мы говорим об этом для того, чтобы подчеркнуть, что возглавлявшие восстание контрреволюционные организации, в том числе эсеры и меньшевики, заслуживающей внимания силы на селе в Сибири не имели. Были, конечно, волости, где кулаки создали свои вооруженные отряды и с приближением чехов и белых свергали Советы, но таких фактов отмечено мало. Безусловно и бесспорно следует признать, что отдельные враждебные Советам выступления крестьян нигде в это время не вылились в массовые восстания, как это имело место по всей Сибири, когда у власти стояли белые.

Вот почему общий вывод состоит в том, что в свержении Советов в Сибири в мае — июле 1918 г. ни кулачество, ни середняк активной роли не сыграли. Во-первых, потому, что в первый период мятежа основные военные действия ограничивались борьбой за города и железные дороги и закончились быстро, не успев даже распространиться на сельские районы и вовлечь в борьбу широкие массы крестьянства. Во-вторых, потому, что кулачество не было организовано и вообще подготовлено к участию в боях с советскими гарнизонами в городах и на железной дороге. Было бы абсурдно считать, что середняк должен был по собственной инициативе организоваться и выступить против интервентов и белых в защиту Советов в то время, как твердая продовольственная политика последних, затрагивая хозяйственные интересы середняка, вызывала его недовольство и недоверие.

Здесь главенствовала другая историческая закономерность: в политической (как и вооруженной) борьбе успех класса зависит от наличия у него политической партии, от активности и организованности последней. Такой партии в то время у основной массы сибирского крестьянства (середняка) не было. Его собственный небольшой тогда еще политический опыт толкал его на занятие выжидательной позиции в развертывавшейся

между двумя основными противниками — пролетариатом и буржуазией — борьбе.

Боевое расписание белогвардейских войск, их дислокация и оперативные сводки позволяют констатировать: а) малочисленность сил белых и их крайнюю разбросанность*; б) наступление (после первых успехов) некоторого затишья, характеризующегося отсутствием карательных экспедиций и вообще военных действий в Сибири. Понесшие тяжелые потери, партийные, советские руководящие органы еще не восстановились в условиях подполья, и потребовалось немало времени на организацию повстанческих и партизанских центров под руководством подпольных большевистских организаций.

Перечисляя основные общественно-политические уклады, имеющиеся налицо в России в то время, В. И. Ленин указывал, что «в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия; большинство, и громадное большинство, помещальцев — мелкие товарные производители»**.

Зажиточное сибирское крестьянство отлично еще помнило, как все предшествующие новой омской власти и сменявшие друг друга (начиная с февраля 1917 г.) правительства России, каждое по-своему и не спрашивая его, усиленно занимались его, крестьянина, «священной собственностью» — его хлебом. Хлеборазверстка и твердые цены — эти новые в жизни крестьянина понятия и слова крепко засели в его голове как проклятое наследие последних, военных лет царствования Николая II⁴⁷. Пришедшее к власти в феврале 1917 г. буржуазное правительство сразу же создало общегосударственный продовольственный комитет (с аппаратом на местах вплоть до волости), а 25 марта 1917 г. был издан закон о хлебной монополии, предусматривавший сдачу хлеба по твердым ценам. Фактически закон этот остался на бумаге по ряду причин. С установлением власти Советов в октябре 1917 г. вопрос был уже не в цене на заготавливаемый государством хлеб, как это было во времена керенщины. Оказывая отчаянное сопротивление объявленной Сове-

* Западно-Сибирская армия насчитывала на 4 июля 1918 г. около 21 тыс. бойцов, из которых активные военные действия на многочисленных фронтах вели 14 тыс., остальные же составляли гарнизоны городов и несли охрану железных дорог.

** В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 303.

тами хлебной монополии, основной держатель хлебных излишков — кулачество ставило себе по науськиванию эсеров задачей вынудить Советы отказаться от проведения социалистических мероприятий, задушить революционный народ костлявой рукой голода. «Кажется, — писал В. И. Ленин, — что это борьба только за хлеб; на самом деле это — борьба за социализм» *.

Отменив введенную Советами хлебную монополию и разрешая вольную продажу хлеба, эсерово-меньшевистское омское правительство рассчитывало этим путем привлечь на свою сторону основную массу сибирского крестьянства. В основе решения лежали не заботы о крестьянстве, а чисто политическая контрреволюционная авантюра, рассчитанная исключительно на обман его. Омские главари отлично понимали, что колоссальные товарные запасы хлеба не найдут в Сибири покупателей, а экспортировать его за границу или в голодающие районы Европейской России нет никакой возможности **. Идя навстречу требованиям кулачества и разжигая его аппетиты к наживе на спекуляции хлебом, Омск и не надеялся, что ему удастся этим решением закрепить за собою навсегда поддержку всего сибирского крестьянства. Власть не была в состоянии восстановить рыночные условия капиталистического строя: предложение крестьянства на продажу сельхозпродукции росло, а спрос того же крестьянства на предметы первой необходимости (керосин, гвозди, сахар, чай и т. п.) власти удовлетворить не могли.

Но еще задолго до того как начали давать себя чувствовать противоречия и затруднения в экономике белой Сибири, в дело вступили факторы социально-политического порядка. Бесспорно, установленным следует считать, что в Сибири восстания крестьян начались еще до Колчака и до первых рабочих восстаний в городах. Прямыми конкретными поводами восстаний были: призывы новобранцев, взыскание старых податей и введение новых налогов, запрещение порубки леса и т. д. Вопрос, конечно, не в том, называть ли упомянутые действия белой власти причинами или поводом для вос-

* В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 433.

** В 1918 г. остаток товарного хлеба у крестьян Западной Сибири составил свыше 130 млн. пудов, а масла около 1,5 млн. пудов.

станий. Суть вопроса в том, что все эти меры и действия контрреволюционеров были вынужденными. Без армии не только добиться свержения Советов во всей России, но даже удерживать власть за собою в Сибири невозможно, создать же армию из добровольцев не удастся. Следовательно, остается только единственный путь — призывы новобранцев и мобилизация. Против этого выступает большинство крестьян, что приводит к открытой борьбе. Вопрос о том, кто и как осуществлял решения власти, имел, конечно, практически большое значение. И в этом вопросе эсеров-меньшевистским захватчикам другого выбора не было, как повторить коалиционную политику периода керенщины: привлечь к осуществлению своих законов царское офицерство, чиновников и капиталистов.

Если причины — поводы для крестьянских восстаний были в первый период господства эсеров-меньшевиков везде одни и те же, то в самой борьбе крестьянства ярко еще проявляются разнородность, стихийность, изолированность действий. Было бы неверно пытаться объяснить это явление только распыленностью и малоорганизованностью населения деревень, отсутствием единого плана действий и руководящего центра и тому подобными фактами. Решающее значение имели другие обстоятельства. В белогвардейских документах речь не идет о крестьянстве вообще, о крестьянстве в целом, а постоянно подчеркивается, что очаги крестьянских восстаний были там, где преобладающую массу населения составляли переселенцы-новоселы.

Исследование показывает, что фактически надо говорить о новом содержании старого термина «новоселы», интуитивно перенесенного белогвардейцами в новую обстановку. Ведь в ходе первой мировой войны в Сибири появились массы новоселов другого происхождения и нового типа, а после Октябрьской революции в этот поток влились так называемые возвращенцы* и бегу-

* Речь идет в основном о крестьянах, которые, работая на заводах и фабриках, не порвали окончательно с деревней. Их тяга к земле — росла по мере того, как в экономике старой России стали в ходе войны и революции сказываться кризисы, и прежде всего сокращение, а потом и полное почти прекращение работы обрабатывающей промышленности. Декрет Советской власти о земле открыл им широкий путь назад — в деревню, где (как

щие от Советской власти буржуазия и контрреволюционеры.

В земледельческих районах Европейской России количественное соотношение кулаков и бедняков в каком-либо определенном районе устанавливалось десятилетиями. То был процесс длительный и сложный, поскольку крестьянство никогда не было неподвижной однородной массой, а обладало большой изменчивостью и подвижностью в результате социально-органических (разделы и соединения хозяйств) процессов и экономической эволюции.

Наплыв в Сибирь в 1916—1918 гг. больших людских масс привел к невиданной концентрации в определенных районах хозяйственно не устроенных и материально не обеспеченных людей, в основном трудящихся. Предложение рабочей силы превышало спрос на нее, а уходить на заработки было некуда. Война и революция, усугубившие классовую дифференциацию деревни вообще, разрушили внеземледельческие промыслы также и в Сибири.

Антагонизм между кулаками и бедняками в сибирской деревне не отличался, конечно, по своей классовой сущности от такого же классового антагонизма между различными слоями крестьянства в Европейской России, но в Сибири (в отмеченных условиях) он принял другие, более крупные и ярче выраженные формы в пространстве и во времени.

Преобладание в данном районе новоселов объективно приводило к усилению классового антагонизма. С началом Октябрьской революции, а затем интервенции и гражданской войны он не мог не обостриться и не перерасти в следующую высшую ступень своего развития. Так в сибирском крестьянстве классовый антагонизм в условиях того времени превращался в объективный фактор обстановки, создавал благоприятную ситуацию и множество поводов — причин к выступлению кулаков на стороне контрреволюции, а новоселов — на стороне большевиков и Советской власти.

известно) в то время проводился закон о социализации земли, а величина выделяемого для каждой крестьянской семьи участка определялась исходя из числа едоков и работников: к этому уравнительному переделу и спешили возвращенцы,

Расширять и углублять этот процесс, придавать ему явно выраженный социально-классовый характер борьбы против эксплуататоров и народно-патриотический характер борьбы против иностранного нашествия, быть организаторами и руководителями малоопытных и колеблющихся в политическом отношении широких крестьянских масс — эти задачи выпали на долю тех большевиков, советских работников и всех советски настроенных людей, кому после захвата врагами городов и других административно-политических центров пришлось уйти в подполье — часто даже на село. В этом вторая из основных причин кажущейся стихийности и распыленности первых крестьянских восстаний. Бесспорно, следует считать установленным, что там, где оказались скрывающиеся большевики-подпольщики и советские работники, крестьянские восстания имели место гораздо чаще, носили более упорный и организованный характер, а самое главное, борьба проводилась под лозунгом классовых политических требований. Примером сказанного могут служить цитированные постановления собрания обществ Люблинской волости и др.

Большими были сложность и трудность борьбы для сибирского трудового крестьянства. Вести ее ему пришлось сразу на два фронта: против интервентов и эсеров-меньшевистского правительства и против находящихся тут же рядом, в родном селе, классового врага — кулака и объединяющихся с ним новоселов из числа антисоветски настроенных переселенцев отмеченных новых категорий. В этом еще одна из основных причин нестроты крестьянских восстаний в первый период как в отношении географическом, так и в отношении социального состава участвовавших в движении масс. В этом же причина тех отрицательных явлений, которые встречаются в партизанском и повстанческом движении в Сибири в те годы.

Омскому перевороту предшествовал длительный период борьбы за власть в стане контрреволюции. Челябинское, а затем уфимское совещания были попыткой достичь договоренности между антисоветскими контрреволюционными группировками, но это оказалось неразрешимой задачей. И хотя эсеры имели на совещании подавляющее численное превосходство (76 человек из 100), они вынуждены были пойти на уступки, получив

в Директории фактически только одно место (Авксентьев), но усилив свои позиции тем, что два заместителя отсутствующих членов Директории были также эсерами (Зензинов и Аргунов). В Омске эсеровская часть Директории оказалась на положении бедных родственников: подвластная ей территория (Поволжье) утеряна, армия разгромлена. Возможно, что, если бы эсеры из Директории не переехали в Омск, а остались бы в районе расположения своей Народной армии и поддерживавших их чехословаков (скажем, в Челябинске), они бы продержались у власти еще некоторое время. Но это не меняет существа дела: соглашательская политика привела эсеров и меньшевиков еще раз к поражению и облегчила захват власти военщиной и крупной буржуазией. Победа Красной Армии осенью 1918 г. на Поволжском фронте и работа большевистского подполья в тылу врагов сыграли при этом решающую роль.

Колчак прибыл в Омск как раз в тот момент, когда судьба Директории была уже предрешена. «Чехи, по-видимому, готовы поддержать Директорию. Часть же совмина хочет порвать соглашение с нежелательной им Директорией из-за любой детали» *, — в этих словах одной из шифровок Белова отражается новое соотношение сил между борющимися группировками. Вряд ли кто-либо возьмется доказывать, что причиной тому был приезд Колчака. «Герой» неудавшегося переворота 15 сентября 1918 г. И. Михайлов вернулся к своей старой роли. Сейчас он может действовать более смело: он стоит во главе объединенных сил гражданских и военных сторонников установления военной диктатуры. Он состоит в прямом сговоре с Ивановым-Риновым, в чьих руках сосредоточена вся военная власть и реальная военная сила Сибири, и не только официальная.

«Я лично глубоко сожалею, что плодами, добытыми казачеством, из-за вашего отсутствия могут воспользоваться другие», — в этих словах из шифровки члена клики заговорщиков Портнова на имя Иванова-Ринова ключ к раскрытию закулисной стороны переворота.

Мы не считаем нужным входить в рассмотрение во-

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 3, л. 112.

проса о том, почему Иванов-Ринов не вернулся*. Из всех материалов можно сделать только один вывод: Иванов-Ринов сам провалил расчеты своих единомышленников по заговору, имеющему целью свержение Директории и установление военной диктатуры возглавляемой им клики. «С таким нерешительным диктатором дело обречено на провал, надо делать ставку на другого», — это раньше других поняли И. Михайлов и Волков. Чтобы окончательно скомпрометировать Иванова-Ринова, Михайлов предал гласности шифровку незадачливого генерала, а Волков тут же связался с Колчаком и вступил с ним в переговоры.

Нетрудно догадаться, о чем в течение двух с лишним недель до 18 ноября 1918 г. мог вести переговоры Волков, второй раз взявшись за «устройство» переворота. Надо ли доказывать, что вряд ли бы Колчак стал вести столь длительные и секретные переговоры, если бы Волков был только казачьим полковником, а не одним из заправил и главарей подготовленного переворота. В этих условиях им оставалось договориться только о деталях. К числу их надо отнести факт, что уже через пять дней после установления диктатуры Волков был произведен в генералы и назначен командующим отдельной армией.

Несколько сложнее обстоит дело с вопросом о роли интервентов в омском перевороте. Если летом 1918 г. чехословаки сыграли решающую роль в свержении Советов и установлении власти белых в Сибири и на Дальнем Востоке, то в омском перевороте они участия не принимали и даже открыто выразили свое отрицательное отношение к нему.

* Вот еще несколько характерных цитат в дополнение к вышеприведенным. «Политическая обстановка безотлагательно требует нашего возвращения в Омск, ибо всякое промедление пагубно отразится на дальнейшем ходе событий. Ждем срочного выезда», — говорится в шифровке от 25 октября, т. е. за три недели до переворота. «Группа общественных деятелей казачества и все лица, работавшие с вами, находят, что вы в данный момент более чем когда-либо нужны здесь», — говорится в другой шифровке. «Будущий атаманом, вы, безусловно, будете играть большую роль в политических событиях и особенно в Москве при определении образа правления государством, при объединении его в целом», — сказано в шифровке от 28 ноября. (ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 4, лл. 15, 23, 78, 62, 67, 96, 98, 113.)

Нет оснований считать, что Колчак находился в сговоре с японскими империалистами. По этому поводу можно было бы (в дополнение к приведенным выше цитатам) привести ряд интересных документов. «Японский генштаб, — говорится в шифровке Иванова-Ринова от 13 ноября 1918 г., — начинает муссировать в Японии якобы нашу неблагодарность в ответ на искреннее желание Японии помочь нам и сблизиться с нами, муссирует враждебное наше отношение к Японии и в особенности раздувает назначение адмирала Колчака на пост военного министра как акт, явно враждебный» *. Несомненно, такого рода выступления японских милитаристов надо рассматривать как отражение закулисной борьбы, что шла как внутри японских правящих кругов, так и между державами Антанты. Но как бы там ни было, выступая против Колчака, японские милитаристы сами пропагандировали его как человека западной ориентации и тем самым (может быть, даже против своей воли) усиливали его шансы на кресло диктатора.

Генерал Жанен прибыл во Владивосток 16 ноября 1918 г. в роли уполномоченного Союзническим советом в Париже «командовать чехами и помогать нам». Показательно, что на устроенном Ивановым-Риновым в честь Жанена банкете отсутствовали чехословаки, «оскорбленные в своих лучших чувствах» назначением француза и расценивая его как выражение недоверия к ним со стороны союзников. Отъезд Жанена в Омск был назначен на 19 ноября, полученные в последнюю минуту сообщения о перевороте заставили его отложить выезд. Но если Жанена и не было в Омске в эти дни, то тем не менее ему пришлось сыграть большую роль в благополучном для Колчака исходе «операции» **.

Не исключено, что чехословаки решительно выступили бы в защиту эсеровской Директории, т. е. против переворота 18 ноября, появившись Жанен в Сибири позднее,

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 1, л. 220.

** «Жанен, — говорится в шифровке Иванова-Ринова от 22 ноября Семенову, — второй день по прямому проводу ведет переговоры с чехами, стремясь их успокоить. Перерыв сообщений в Чите нарушает работу Жанена на пользу России. Во имя спасения Родины откройте телеграфное сообщение для переговоров Жанена», (ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 2, л. 286.)

не будь он указом чехословацкого правительства назначен их главкомом и не имей он за собой мандата Парижской конференции союзников.

Прямые и ясные следы ведут к англичанам. Нокс был первым на месте в Сибири почти за месяц до прибытия Жанена. На первой же встрече с Ивановым-Риновым, официальным представителем омской власти, Нокс от лица Англии «проявил горячую готовность помочь» и тут же обещал снабдить, вооружить стотысячную армию контрреволюции, затребовать канадцев и даже гвардию из Лондона. Ошарашенный такими неожиданными предложениями (когда не приходится выпрашивать помощь, а ее навязывают, притом в широких масштабах), Иванов-Ринов тут же в восторженных выражениях донес об этом главковерху Болдыреву. Прошло еще дней десять, и в Омск полетело его новое донесение: «От всех стремление всучить нам помощь. Обстановку считаю для нас весьма благоприятной» *.

Но радость Иванова-Ринова и Болдырева оказалась преждевременной. В крупной игре мирового значения, которая шла между державами Антанты по «русскому вопросу», оба названных контрреволюционеры оказались слишком мелкими, незначительными пешками. С вопросами мировой политики переплетались вопросы личной карьеры **.

На политическом и военном горизонте контрреволюционной Сибири в этот момент самой крупной фигурой оказался Колчак — царский вице-адмирал, уже летом 1917 г. имевший конфиденциальные переговоры в Лондоне с главнокомандующим английским военным флотом адмиралом Джеллико и принятый на службу в этот флот после возвращения из Америки, где он также имел встречи с высокими военными и политическими деятелями.

* ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 1, л. 355.

** «По сведениям, полученным от чинов английской службы, — сообщал Портнов своему шефу Иванову-Ринову уже 25 октября, — Болдырев ведет игру с Ноксом. Нокс старается оттянуть наше со-
единение с северной группой англичан, он укрепляет Болдырева, и последний со временем должен укрепить положение Нокса и тем самым вытеснить чрезвычайно популярного в русских государ-
ственно мыслящих кругах на севере Пуля, к положению которого Нокс относится, кажется, с завистью». (ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 4, л. 28)

Спекуляцию на известности своего имени и на важных своих связях с заграницей поддерживал Колчак сам. «Колчак долго не соглашался принять пост военного министра и принял только по настойчивой просьбе Директории, адмсовета и блока. Есть уверенность, что при первой возможности он передаст эту должность другому лицу» — эти слова из шифровки Портнова от 25 октября 1918 г. служат косвенным подтверждением сказанного.

Ниже своего достоинства считал метящий в диктаторы адмирал заседать за одним столом на равных правах с такими министрами, как преподаватель провинциального барнаульского реального училища министр труда меньшевик Шумиловский, спекулянт министр снабжения и продовольствия Зефаров и т. д.

Мы привели, конечно, далеко не все имеющиеся по этому поводу архивные документы, но и сказанного более чем достаточно, чтобы получить общее представление о том, что происходило за кулисами официальной истории в то время в Сибири и на Дальнем Востоке. «Обстановка мексиканская» — эти слова лидера сибирских кадетов Жордецкого, сказанные на сибирском съезде кадетов в Омске, дают меткую, исчерпывающую характеристику обстановке. Разница была только в одном: дрались за свои интересы не грубые мексиканские ковбои в сомбреро и с кольтами на боку, открыто и прямо стреляя друг в друга. Вышколенные и благовоспитанные джентльмены в дипломатических фраках и генералы в мундирах армий всех стран Антанты шли путями подкупа, обмана, интриг и предательства к одной цели — восстановить власть капиталистов, не забывая при этом и себя. Закон классовых интересов, на который указывал Ленин, подкреплялся здесь другим таким же законом капиталистического общества — человек человеку — волк.

КРУШЕНИЕ ПЛАНОВ КОЛЧАКА ПРОРВАТЬСЯ ИЗ СИБИРИ И ПЕРЕНЕСТИ ВОЙНУ В ЦЕНТРАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1. ВЕРХОВНЫЙ И ЕГО САТЕЛЛИТЫ

В дни омского переворота начальником штаба верховного временно стал прибывший от Деникина подполковник Лебедев. Сообщая об этом радостном для него событии своему бывшему шефу, Лебедев особо отметил, что Колчак заявил о своем решении работать с Деникиным рука об руку и поэтому он может считать себя единственным начальником дел Запада и Юга России *. Прошло немного времени, и Колчак лично послал Деникину пространную телеграмму с сообщением, что в Омске во главе с ним сформировано правительство и что он принял на себя также верховное главнокомандование всеми вооруженными силами Сибири, казачьих областей Оренбурга и Уральска и всей территории Урала. Он высказал пожелание сноситься с Деникиным по делам военным и государственным для согласования действий **. Ни слова не сказано в телеграмме о том, что верховный — все равно правитель ли, главнокомандующий ли — требует от генерала Деникина подчинения себе. И даже в перечне территорий колчакии ничего не говорится о каких-либо других районах России, кроме посточных. Ничего не говорится и в других омских телеграммах о желательности признания Деникиным омского правительства в качестве всероссийского, а самого Колчака — в качестве верховного. Но если такого рода вопросы и не были затронуты, то сам по себе факт

* ЦГАОР, ф. 176, оп. 3, д. 31, л. 141.

** Там же.

появления в Сибири военного диктатора с такими громкими титулами не мог не заставить главарей южной контрреволюции высказать свое отношение к нему.

16 января 1919 г. в белогвардейских газетах Юга был опубликован текст двух телеграмм Деникина. Первая из них адресована просто «адмиралу Колчаку». В ней говорится, что генерал Деникин принимает на себя высшее командование всеми вооруженными силами Юга России, рассматривая это как «драгоценный залог успеха патриотической идеи, проводимой на Востоке адмиралом Колчаком, а на Юге генералом Деникиным» *. Вторая телеграмма адресована находящемуся в Париже бывшему царскому министру иностранных дел Сазонову, подвизавшемуся в столицах капиталистических государств Европы в качестве некоего представителя контрреволюционных группировок России. В этой телеграмме, которую Деникин просил официально вручить правительствам союзных держав, говорилось, что он — генерал Деникин, как главнокомандующий вооруженными силами на Юге, «вполне согласен с адмиралом Колчаком в признании чрезвычайного значения сочетания действий армий Востока и Юга России в их усилиях достижения общей цели» **.

Прошло два месяца со дня провозглашения диктатуры верховного, а ни на йоту не продвинулось решение вопроса о взаимоотношениях между названными двумя главными претендентами на всероссийскую власть. Такая игра в прятки по важнейшему для контрреволюции вопросу объединения сил не могла, конечно, продолжаться без конца. Поэтому было вполне естественно появление в тех же южнорусских белогвардейских газетах заявления за подписью начальника политической канцелярии Деникина генерала Чайковского. После довольно пространных рассуждений общего характера заявление это заканчивалось следующими словами: «...из всего приведенного следует, что подчиненной зависимости между генералом Деникиным и адмиралом Колчаком не существует. Между высшим командованием армий Юга России и правительством адмирала Колчака расхождений быть не может. В са-

* ЦГАОР, ф. 176, оп. 3, д. 31, л. 141.

** Там же.

мом тесном содружестве Юга и Востока России залог воскрешения общей Родины»*.

И чтобы окончательно поставить, как говорится, все точки над «и», на следующий же день в тех же газетах было опубликовано еще одно «извещение во избежание различных толков». В нем тот же Чайковский писал, что, по имеющимся сведениям, адмирал Колчак разделяет необходимость объединения с южным русским правительством и его армией. Ввиду этого, а также исходя из общего стремления к борьбе с большевиками за восстановление единой неделимой России, «главнокомандующий генерал Деникин признал адмирала Колчака носителем верховной власти в Сибири и на Дальневосточной окраине».

Нет надобности комментировать приведенные документы. Деникин и стоявшие за его спиной контрреволюционные силы совершенно недвусмысленно, четко и ясно заявили: «Вы, адмирал Колчак, признаете генерала Деникина главнокомандующим и носителем высшей власти на Юге России... Мы — носители этой самой признаваемой вами в нашем лице высшей власти на Юге — признаем и вас носителем высшей власти, но только там у вас — в Сибири и на Дальневосточной окраине». Если так можно выразиться, первый раунд соперников закончился вничью.

Второй период отношений между ними характеризуется все возрастающим обменом разного рода информацией, посланиями, письмами и т. д. Связь по радио поддерживается через Иркутск, Шанхай, Константинополь с регулярной передачей информационных сводок Омска. Раз в месяц Омск направляет Деникину своих офицеров для связи. Они везут с собою всевозможные материалы о политическом и военном положении на Востоке, копии приказов и распоряжений колчаковского военного ведомства, газеты и пр. Деникин проявляет меньшую активность. Прибытие в феврале 1919 г. в Омск брата Деникина с личным письмом на имя Колчака следует прежде всего расценивать как продолжение главноком Юга своей старой дипломатической линии: признавая «важность сочетания действий армий Востока и Юга России в их усилиях достижения общей

* ЦГАОР, ф. 176, оп. 3, л. 31, л. 141.

цели», в то же время сохранить полностью за собою свободу действий.

Так оно продолжалось вплоть до конца мая 1919 г., когда был опубликован приказ Деникина за № 45, начинающийся высокопарными словами о том, что «Юг России освобожден и русская армия неудержимо движется к сердцу России». Добавив еще несколько обычных лживых фраз о любви к родине и необходимости жертв для ее спасения, Деникин закончил приказ заявлением: исходя из главного убеждения, что спасение в единой верховной власти и нераздельно с нею в едином верховном командовании, он подчиняется Колчаку как верховному правителю русского государства и верховному главнокомандующему русскими армиями *. 20 июня 1919 г. приказ был опубликован в колчакии, а еще через несколько дней последовал указ Колчака о назначении Деникина заместителем верховного.

Понадобилось почти семь месяцев на бесконечные закулисные переговоры, на повторные нажимы со стороны Антанты, на придумывание всевозможных политических и военных комбинаций — словом, на то, чтобы наконец произошел взаимный обмен любезностями: генерал признает верховное командование адмирала, а за это адмирал назначает генерала своим заместителем. Не преувеличивая практического значения упомянутых документов и не вдаваясь в подробности борьбы, которая шла столько времени вокруг вопроса признания Деникиным Колчака, мы приводим эти впервые публикуемые архивные материалы в обоснование следующего выдвигаемого нами тезиса. К началу наступления Колчака к Волге, т. е. к марту 1919 г., не могло быть и речи о том, что Колчак и его ставка могут просто послать Деникину оперативный приказ или даже общую военнo-стратегическую директиву с изложением конкретного плана, в котором Деникину предписывалось бы выполнить определенные, установленные для него верховным задачи.

Вторым участником первого комбинированного похода обычно называют генерала Юденича. О положении его накануне похода можно судить по докладу, послан-

* ЦГАОР, ф. 267, оп. 1, д. 38, л. 10.

ному им Колчаку 21 января 1919 г. *. «Открывается возможность, — говорится в этом документе, — образования нового фронта для действий против большевиков, базируясь на Финляндию и Прибалтийские губернии. Реальная сила, которой располагаю в настоящее время: Северный корпус (3 тыс.) и 3—4 тыс. офицеров, находящихся в Финляндии и Скандинавии. Я рассчитываю также на некоторое число — до 30 тыс. — военнопленных офицеров и солдат. Без помощи Антанты обойтись нельзя, и в этом смысле я вел переговоры с союзниками, но положительного ответа не имеется. Необходима помощь вооружением, снаряжением, техническими средствами, финансами и продовольствием не только на армию, но и на Петроград. Благоволите поддержать мое ходатайство перед Антантой» **.

Надо подчеркнуть: тон доклада Юденича существенно отличается от заявлений Деникина. В то время как Деникин держит себя независимо и твердо отстаивает свою позицию, Юденич просит Колчака поддержать его перед союзниками. Тем самым он безоговорочно признает авторитет омского верховного не только для себя, но и перед Антантой. «Покорность» Юденича объясняется весьма просто: не было у него своей надежной территории для мобилизации и формирования армии, не было у него необходимых для этого материальных средств, нет даже хлеба. «Необходимо, — говорится в том же докладе, — воздействие союзников на Финляндию, дабы она не препятствовала нашим начинаниям и вновь открыла границы русским беженцам, главным образом офицерам» ***. То же в отношении Эстонии и Латвии ⁴⁸.

* Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов. Т. 1. М., 1960, док. № 93.

** 14 декабря 1918 г. Юденич вручил послу США в Стокгольме меморандум, в котором доказывал, что «лучший плацдарм» для подготовки к уничтожению большевиков — Прибалтика и Финляндия. Ввиду слабости собственных сил белогвардейский генерал считал, что «важнейшие порты и города прибалтийских провинций должны быть заняты войсками Антанты». Сейчас для оккупации хватит 50 тыс. солдат, а потом может потребоваться значительно больше. В остальном меморандум (посланный в копии Лондону и Парижу) повторял основные мысли доклада Колчаку от 21 января 1919 г. (Там же, т. 1, док. № 83.)

*** 2 февраля 1919 г. Омск сообщил своему представителю в Париже краткое содержание доклада Юденича и поручил просить

В общем кольцо окружавших в то время молодую Советскую республику фронтов армия Юденича занимала весьма важный участок. Она угрожала непосредственно Петрограду и находилась ближе к Москве, чем все остальные белогвардейские группировки. В несравнимо более выгодных условиях, чем Колчак, Деникин и др., находился Юденич в деле снабжения его Антантой всем необходимым: военные корабли ее господствовали на Балтийском море, морские пути открывали неограниченные возможности надежного и быстрого подвоза. Юденич мог стать весьма серьезным и опасным противником, но сделать этого Антанте не удалось. Из опубликованных уже документов известно, что в апреле 1919 г., т. е. в момент, когда наступление армий Колчака от Урала к Волге достигло своей кульминационной точки, армия Юденича насчитывала всего около 5 тыс. человек, увеличившись, таким образом, с января 1919 г. всего на 2 тыс. солдат.

Решающую роль в провале антантовских планов создания в непосредственной близости от важнейших жизненных центров Советской республики сильной боепособной белой армии играла мудрая ленинская внешняя и национальная политика. Она сорвала все усилия Антанты на вовлечение в общий фронт против Советской страны населения Финляндии и буржуазных в то время прибалтийских государств.

Была еще одна белогвардейская группировка — армия генерала Миллера, базирующаяся на район городов Мурманск, Архангельск. Высшее белогвардейское командование доколчаковского периода всегда считало, что главная задача этой армии (совместно с находящимися в том же районе войсками интервентов) нанести решительный удар с севера на города Котлас, Вологду — на встречу наступающим с Урала на Пермь, Вятку войскам сибирской контрреволюции. Об этом совершенно ясно говорится в приведенных выше белогвардейских документах. Установление взаимодействия северной и во-

союзников оказать соответствующее давление на Финляндию. Заканчивалось письмо Омска словами: «Желательно отметить выгодную для нас (т. е. правительства Колчака. — Г. Э.) сторону обращения Юденича: в глазах союзников оно должно служить доказательством объединения всех антибольшевистских движений». (Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 1, док. № 93.)

сточной групп интервентов и белых в районе Котлас, Вологда сулило врагам крупные успехи. Сибирские белые армии могли бы снабжаться не через порты Тихого океана, а через Архангельск, Мурманск, что во много раз ускоряло и облегчало бы их снабжение Антантой. Могла быть образована одна мощная группировка северных и восточных контрреволюционных армий в относительной близости от Москвы для нанесения прямого удара на нее и занятия других жизненных центров Советской республики. Возможность такого соединения признавалась вполне реальной и притом весьма опасной также командованием Красной Армии *.

Содержавшиеся в документах указания такого рода привели к тому, что была создана и получила широкое распространение концепция, утверждавшая приоритет северного направления (Пермь, Вятка и далее на Котлас или Вологду) в качестве основного, главного, раз и навсегда данного для белых армий Урала и Сибири как при Колчаке, так и до него. Нам придется еще вернуться к этой концепции; здесь же нас занимает только вопрос о положении и значении группы Миллера весной 1919 г.

В дни наибольших успехов наступления армий Колчака в апреле 1919 г. начальник ставки его генерал Лебедев послал срочную телеграмму командующему Сибирской армией, действующей как раз на северном направлении. Лебедев сообщал, что на телеграмму его от 13 апреля о том, что для согласования действий армий Восточного фронта и войск архангельского командования необходимо поставить целью войскам этого командования очищение Северной Двины до Котласа для установления сообщения с Архангельском туда и обратно, генерал Миллер из Архангельска 23 апреля ответил, что «союзный главнокомандующий округом генерал Айрнсайд разрабатывает операцию, дабы со вскрытием

* Так, в приказе командующего северо-восточным участком обороны Республики М. С. Кедрова от 12 августа 1918 г. говорится: «На вверенный мне участок возложена задача действовать против неприятеля, наступающего с севера, и решительно противодействовать ему в стремлении соединиться с неприятелем, действующим против Восточного фронта, а также удерживать важнейшие пункты участка Вятка, Глазов и Вятка, Котлас». (ЦГАСА, ф. 106, оп. 2, д. 4, л. 118.)

рек главный удар направить на Котлас по Двине вверх» *.

Вместо собственных комментариев к этому важному историческому документу, показывающему, что за год с лишним своего пребывания на захваченном ими Советском Севере интервенты все еще не были готовы к решительным действиям на решающем (как его называют многие наши исследователи) направлении, мы предоставляем слово посланному к Миллеру представителю ставки Колчака.

«Я делаю все усилия, — говорится в одном из донесений его, — чтобы побудить командование Северного фронта действовать активнее. Но, с одной стороны, фактическое командование в руках англичан, а с другой стороны, слабая рачительность русского командования и неуверенность в своих силах, обилие и бюрократизм штабов и худосочие отрядов и частей (на 3000 человек войска имеется целый штаб корпуса)... обрекают фронт на пассивное состояние. Если не последует коренная реорганизация штаба русских войск и если не будет заменен командующий армией генерал Марушевский другим лицом, как не понимающий и недооценивающий противника и не лишенный сепаратизма, — не только помощи от северного фронта ожидать нельзя, но и само существование Архангельска станет проблематичным» **.

* Только 6 июня 1919 г. Айрнсайд послал военному министру Англии У. Черчиллю доклад с изложением плана операции, начать которую он сможет только в первых числах июля. Вопрос дважды рассматривался кабинетом министров Англии (18 и 27 июня 1919 г.). Так как к этому времени колчаковский фронт под ударами Красной Армии отошел к предгорьям Урала и рассчитывать на соединение с ним северной группировки уже нельзя было, то широко задуманная операция начата не была. Из большой переписки, которая велась вокруг этого вопроса, отметить следует два момента: а) «Я собираюсь, — писал Айрнсайд Черчиллю 19 июня 1919 г., — использовать войска таким образом, при котором основная часть работы падает на русских, которым придется фактически драться без всякой поддержки...» Комментарии к этому заявлению не нужны, конечно; б) 6 июля 1919 г. вошла часть солдат одного из батальонов «славяно-британского легиона»: перебив 10 офицеров, ушло около 100 солдат. (Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 2, док. № 652, 653, 656, 657.)

** ЦГАОР, ф. 292, оп. 1, д. 70, л. 7.

Если к сказанному добавить, что численность войск сильно растянутого белого Северного фронта составила на главном — котласском — направлении максимально 20 тыс. человек, а против него действовали 6-я и часть 7-й Красных армий*, то вряд ли требуются еще какие-либо доказательства того, что и армия Миллера не была той силой, которая могла играть какую-то важную роль в качестве участника комбинированного похода в начале 1919 г.

Телеграмма Лебедева интересна еще и другим. Даже на прямое предложение ставки Колчака начать действовать в дни, когда для колчаковских армий назревал кризис и удар на Котлас с севера мог иметь, безусловно, если не большое практическое военное, то, во всяком случае, крупное агитационное и моральное значение, — Миллер и Айрнсайд не нашли ничего лучшего, как только через десять дней ответить: «Операция такая разрабатывается и будет начата со вскрытием рек». А это означало, что фактически она переносится на июль. Внимания заслуживает и то, что наштаверх Лебедев спохватился только в средних числах апреля, что за помощью следует обратиться к Миллеру.

На основании цитат и вышесказанного можно сделать только один вывод: подтверждается правильность оценки состояния сил и намерений наших противников, которую главнокомандующий Красной Армией И. И. Вацетис дал в своем докладе от 22 февраля 1919 г. на имя В. И. Ленина. «Если, — говорится в этом документе, — в настоящее время мы одерживаем крупные успехи на всех фронтах протяжением в 8000 верст с теми ничтожными силами, которые имеем, то это происходит оттого, что против нас действует разрозненный материально и духовно противник, не объединенный под одним

* На 1 апреля 1919 г. числилось:

	в 6-й армии	в 7-й армии
штыков и сабель	17,8 тыс.	24,2 тыс.
орудий	111 "	192 "
пулеметов	447 "	615 "
бронесамобилей	— "	11 "
бронепоездов	2 "	3 "
самолетов	26 "	29 "

началом и который, как на востоке, так и на юге и западе, еще не успел сорганизоваться и вырасти в регулярную армию» *.

В числе материалов, имеющих прямое отношение к рассматриваемому вопросу, следует в первую очередь назвать предложение, направленное 15 февраля 1919 г. У. Черчиллем Совету десяти в Париже. То была, можно сказать, первая проба пера старого врага Советов в его новом амплуа военного министра Англии. Черчилль предлагал «создать соответствующий орган для обсуждения вопроса о возможности соединенных военных действий держав союзной коалиции (Антанты. — Г. Э.), независимых лимитрофных государств (имеются в виду прибалтийские буржуазные республики Латвия, Эстония, Литва. — Г. Э.) и дружественных союзникам правительств России (белогвардейцев. — Г. Э.)» **. Задача нового органа — опросить всех, в какой степени они готовы оказать военную помощь, и на основании этого подготовить план наилучшего использования всех соединенных ресурсов. Внимания заслуживает ряд моментов.

Почти год назад, а именно в марте 1918 г., на совещании руководителей держав Антанты в Лондоне было решено Брестский мир не признавать и развернуть широкую вооруженную интервенцию. То было, по существу, утверждение заправилами империалистов решений, ранее принятых на многочисленных совещаниях с участием менее ответственных представителей в Яссах, Париже и т. д. Плачевные для империалистов итоги истекшего первого года борьбы с Советами и вынудили Черчилля внести предложение о создании единого центра координации, но предложение его принято не было. Собственно говоря, ничего оригинального в предложении Черчилля и не содержалось: необходимость координации признавалась всеми, вопрос об этом поднимался уже ноябрьским совещанием в Яссах в 1917 г., потом генеральным штабом верховного командования Антанты в ноябре и декабре 1918 г. и в январе

* ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 222, лл. 24—34.

** Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 1, док. № 94.

1919 г., французским правительством в августе 1918 г. и т. д.

18 января 1919 г. генеральный штаб верховного командования армий Антанты представил обстоятельную записку о необходимости интервенции*, ее целях, конкретных задачах, потребных силах и планах действий. Признавая, что «для держав Антанты жизненной необходимостью является уничтожить большевистский режим как можно скорее», авторы записки считали главной задачей: «а) сдерживать большевистские армии на всех фронтах, где они действуют, и завершить их окружение, парализовать их продвижение, прервать всякую связь между ними и внешним миром, закрыть для них доступ к главным центрам промышленной и сельскохозяйственной продукции; б) оказать русским национальным силам мощную материальную и моральную поддержку и организовать для них мощную исходную базу». Окружение большевизма, по мнению авторов записки, уже началось: на севере — благодаря оккупации портов; на востоке — благодаря созданному русско-чешскому фронту; на юге — действиями армий Деникина и Краснова и оккупацией портов Черного моря. Необходимо закончить окружение на юго-востоке путем движения из района Каспийского моря с целью соединения армий Деникина и Краснова с урало-сибирскими белыми армиями. «Это, — говорится в записке, — главная операция, именно от нее зависит возможность объединить действия двух руководителей (речь идет о Колчаке и Деникине, хотя они не названы. — Г. Э.) и двух главных групп России, верных нашему делу**». Задача «соединения вооруженных сил Сибири с армиями Деникина и Краснова» была возложена на Англию. Авторы записки отмечали, что, собственно говоря, задача эта была принята Англией на себя уже на секретном совещании 23 декабря 1917 г. и что ею уже сосредото-

* Из истории гражданской войны в СССР, Сборник документов, т. 1, док. № 89.

** На Западе окружение может быть достигнуто путем восстановления прочной Польши, в военном отношении способной играть роль буфера между Россией и Германией; сюда же относится «в случае необходимости оккупация Петрограда, моральное значение которой было бы значительно, или по крайней мере блокада Балтийского побережья».

точиваются вокруг Каспия силы, перебрасываемые из Салоник и Азиатской Турции.

Таким образом, выполнявший фактически функции координирующего интервенцию центра генеральный штаб главного командования армий Антанты предусматривал в начале 1919 г. лишь одну крупного стратегического масштаба операцию: установить взаимодействие южных и сибирских белых войск. Другими словами, главный удар должен быть нанесен с юга, и притом силами только одного из участников интервенции — Англии. Всем остальным находящимся уже в России группам войск интервентов, в том числе и северной, активных задач не поставлено*.

Хотя в записке и говорилось, что скорейшее уничтожение большевизма является жизненно важной необходимостью для Антанты, план выполнения задачи пронизан пассивными решениями, о координации же действий белогвардейских войск в записке вообще нет ни слова.

Прошло около полутора месяцев, и на свет появился 6 марта 1919 г. новый документ — доклад главного командования армий Антанты**. Без обиняков доклад начинается на этот раз с категорического заявления, что «задача Антанты в России состоит в первую очередь в военных действиях...». Остановиться на этом документе надо еще и потому, что авторы третьего и четвертого томов «Истории гражданской войны в СССР» именно на нем построили свою концепцию о первом комбинированном походе Антанты и притом допускают целый ряд неточностей.

* Особое внимание в записке уделялось оккупации Украины. «Усилия союзников, — говорится по этому поводу, — должны быть сосредоточены на юге, чтобы на украинской базе создать основную массу русских национальных сил для наступления на Москву». Ядро ее должны составить армии Деникина и Краснова, усиленные возвращающимися из германского плена через Балканы солдатами бывшей русской армии. Выполнение задачи возлагается на Восточную армию союзников под командованием генерала Бертело в составе французских, румынских, греческих войск и одной итальянской дивизии; но их надо сперва собрать, чтобы двинуть на Украину.

** См. Из истории гражданской войны в СССР, Сборник документов, т. 2, док. № 4.

Доклад от 6 марта 1919 г. уделяет много внимания состоянию и боеспособности всех белогвардейских армий. Вот вкратце характеристика их, как она записана в названном документе.

Северная группировка: налицо 34 690 солдат и офицеров, из них интервентов 22 920. Состояние войск и обстановка таковы, что «никакие серьезные действия не могут быть предприняты с Севера с помощью русских сил. Антанта должна ограничиться там сохранением достигнутого положения». Вопреки этому, не допускающему никаких кривотолков выводу главного командования Антанты, авторы четвертого тома, ссылаясь на этот же документ, записали (стр. 16): «Войска интервентов, действовавшие от Мурманска, должны были соединиться с фронтом Юденича и белоэстонцами под Петроградом».

Восточная Россия и Сибирь: «фронт в Западной Сибири пока оборонительный фронт, на котором не может быть предпринято никаких серьезных усилий и где союзники должны ограничиться сохранением достигнутого положения». Вопреки приведенному заключению из доклада, авторы четвертого тома на стр. 16 записали: «Главный удар по Советской республике Антанта предполагала нанести силами армии Колчака». В докладе ничего не говорится о начавшемся 4 марта решительном наступлении Колчака от Урала к Волге, несмотря на то что соответствующие директивы были Колчаком отданы — первая уже 6 января 1919 г., повторная 15 февраля того же года, т. е. за полтора — два месяца до составления доклада. Каковы бы ни были причины этого факта, сам по себе он является еще одним подтверждением того, что координирующий (фактически) центр интервенции сам не был в курсе происходящего.

Добровольческая армия Деникина. Назвав ее «довольно сложным военно-политическим организмом», авторы доклада подчеркивают, что положение и боеспособность ее «сомнительны»: нет у нее собственных ресурсов, правительство Юга не способно ее обеспечить, в народе она непопулярна. Касаясь Донской казачьей армии, антантовские генералы записали, что она небоеспособна и «мало оснований для того, чтобы

на нее полагаться при действиях в России». Отрицательная оценка южнорусских белогвардейских сил со стороны верховного командования Антанты не привлекла внимания авторов четвертого тома. Ссылаясь на этот же доклад, они пишут, что Антанта рассчитывала на то, что в результате «встречного наступления армий Колчака и Деникина к Волге» произойдет объединение сибирской и южной контрреволюций и Деникин получит возможность «ударить по центру Советской республики с юга».

Мы не приводим аналогичного сопоставления данных о Юдениче, Польше и др., так как и в отношении их боеспособности и роли в комбинированном походе авторы четвертого тома находятся в таком же противоречии с заключениями и выводами того же доклада. Противоречия эти заслуживали бы самого пристального внимания и самого тщательного исследования, если бы авторы четвертого тома в подтверждение своих выводов и концепций приводили другие документы, указывали бы на определенные новые архивные или литературные источники. Но этого нет. Из сказанного, конечно, не следует, что опубликованные в названных сборниках белогвардейские документы должны быть приняты на веру безоговорочно и некритически. Не может не вызывать подозрений факт, что антантовский генштаб дал всем без исключения белогвардейским группировкам самую отрицательную аттестацию и считает, что не только сейчас ни одна из них не боеспособна, но нет уверенности, что они вообще когда-либо будут в состоянии выполнить стоящие перед ними задачи «возрождения своей страны». Исследование этого вопроса выходит за пределы нашего труда. Мы стремились лишь показать, что, несмотря на все попытки, империалистам не удалось создать единый всеми признаваемый центр планирования и руководства действиями отдельных группировок как войск интервентов, так и белогвардейцев. Умалает ли такого рода вывод контрреволюционную, агрессивную роль Антанты? Конечно нет, и ни в малейшей степени. Наиболее наглядно и легко убедиться в этом на примере Англии.

Читатель уже знает, что войска и представители английских империалистов были первыми на месте и на Севере, и на Востоке, и в районе Каспия, и в Прибалтике. Но, как свидетельствует цитированное выступление

Черчилля 15 февраля 1919 г. в Высшем военном совете, результаты интервенции их не удовлетворяли. Крупнейшую роль тут играло внутреннее положение Англии, и прежде всего выступление трудящихся и солдат против интервенции *. В марте 1919 г. Англия объявила о решении эвакуировать войска с русского Севера. То был лишь очередной трюк консерваторов, рассчитанный на успокоение внутри страны и нажим на своих союзников-единомышленников, отвергших предложение Черчилля объединить средства и силы и руководство ими в одном органе. Никакой эвакуации не было произведено, а в мае последовала официальная отмена мартовского решения: успехи колчаковцев в период большого весеннего наступления от Урала к Волге вселили новые надежды в английских империалистов. Как-никак благодаря трюку с объявлением эвакуации им удалось «пережить» наиболее сильную волну недовольства интервенцией и дожидаться лучших времен, когда победные реляции об успехах колчаковцев можно использовать для прикрытия возобновления интервенции в больших масштабах **. На этот раз английское правительство решило взять дело в свои руки, а Черчилль, Нокс и командующий объединенными силами на Севере английский генерал Айрнсайд развернули чрезвычайную активность. Совершенно неожиданностью для французских империалистов было сообщение их представителя в Сибири генерала Жанена от 9 мая 1919 г. о том, что Нокс вручил Колчаку ноту Черчилля «О военных действиях в России», где имперский (английский) генеральный штаб рекомендует объединенное наступление английских сил

* 21 января 1919 г. на заседании Совета десяти в Париже английский премьер-министр Ллойд Джордж сообщил о прогрессирующем «разложении антибольшевистских правительств» и о таком же процессе в собственных войсках. Канада уже решила вывести свои войска, так как солдаты не согласны остаться и воевать против русских. Такого же рода «затруднения» и у других. «Если Великобритания, — закончил Ллойд Джордж, — попытается послать новые войска в Россию, они восстанут». (Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 1, док. № 90.)

** Для усиления северной группировки в Англии были сформированы две бригады добровольцев общей численностью 8 тыс. человек. Первая бригада прибыла в Архангельск 26 мая, а вторая — 5 июня. Была создана в Архангельске сильная речная военная флотилия для действий на Северной Двине.

из Архангельска в направлении Котласа и правого фланга сибирских армий на Вятку*. «Демарш по крайней мере неловкий» — смысл этой резолюции французского премьер-министра Клемансо на шифровке Жанена не требует комментариев. Французы считали, что «высшие и прочные преимущества» в операциях 1919 г. может дать только наступление в районе Черного моря и на юге России и что именно в этом лежит «главная цель всех операций нынешнего года». Француз Жанен, имевший в кармане мандат от имени всех держав Антанты, что именно он является союзным главнокомандующим на Востоке, оказался обойденным своим коллегой англичанином Ноксом и его шефом военным министром Англии Черчиллем. Протест Жанена и нота французского правительства были оставлены английским правительством без последствий. Приведенный эпизод является, по нашему убеждению, еще одним доказательством необоснованности и шаткости позиции рьяных сторонников концепции о комбинированном объединенном походе Антанты во что бы то ни стало.

Из сказанного вывод может быть сделан лишь один: Антанта делала все, чтобы организовать и осуществить координированный натиск на Советскую республику и своими собственными силами и с помощью белогвардейских группировок, но из этого ничего не получилось. Основными причинами провала их стремлений и многочисленных прожектов была мудрая ленинская внешняя и национальная политика и активная наступательная указанная Лениным революционная стратегия Красной Армии. Оба указанных ленинских принципа ведения войны против натиска внутренних и внешних врагов не оставляли последним ни времени, ни пространства для сколачивания сил, для разработки и согласования планов.

В вопросах стратегии и тактики, как в области политики, так и в вооруженной борьбе, полководческий гений Ленина был неизмеримо выше и сильнее — он подчинил себе волю врагов. Внутренние противоречия и борьба в лагере империалистов, все возрастающий под влиянием Октябрьской революции натиск трудящихся

* См. Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 2, док. № 22, 24.

масс стран Антанты на их собственную буржуазию, выступления масс против интервенции довершили дело поражения врагов *. Факты и документы интервенции показывают, что неверно говорить обезличенно в общем и целом об Антанте, как таковой. Только тщательно исследуя действия каждого из участников интервенции, историк может дать обоснованную, объективную оценку и показать истинную роль Англии, США, Франции, Японии и других.

2. ПЕРМСКАЯ И УФИМСКАЯ ОПЕРАЦИИ КОЛЧАКА

«В общий план мы посвящены не были. Чего именно хотела Ставка — до сих пор не знаю... Видимо, общей определенной идеи не было...»

Эти слова, взятые из книги воспоминаний белогвардейца П. П. Петрова **, могут быть поставлены эпиграфом настоящего раздела.

20 ноября 1918 г., через день после омского переворота, Колчак отдал командующему Сибирской армией генералу Иванову-Ринову свой первый оперативный приказ: «Обстановка требует того, чтобы, не дожидаясь весны, наша армия развила решительные действия против Европейской России. Приказываю Вам в кратчайший срок изготовить все имеющиеся формирования к отправлению на фронт» ***.

* Характерна в этом отношении телеграмма, посланная белогвардейским послом в Лондоне Набоковым в Омск 28 декабря 1918 г. о росте протеста английских трудящихся против интервенции. Между прочим, в телеграмме говорится: «На выборах в парламент широкое большинство кандидатов сталкивается с резко выраженным настроением против посылки войск в Россию». (Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 1, док. № 87.)

** Белогвардейский офицер Петров начал с должности генкварма в штабе Народной армии самарского Комуча, был начальником штаба корпуса в армии Ханжина, занимал ряд видных должностей в белогвардейских войсках на Дальнем Востоке в 1920—1922 гг. Его книга «От Волги до Тихого океана» издана в Риге в 1930 г.

*** ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 3, л. 290.

В дни отдачи приказа объединенные силы чехословаков и белогвардейцев выполняли задачу, поставленную им предшественником Колчака главкомом Директории генералом Болдыревым еще 9 октября 1918 г. Приказ Болдырева требовал вести борьбу на выигрыш времени до прибытия союзных войск с востока, подготавливая главный удар на Пермь и сдерживая наступление красных на Поволжском фронте. Эту же задачу Болдырев подтвердил еще раз три недели позднее в директиве от 2 ноября 1918 г.

По существу, речь шла о задаче, которую командир чехословацкого корпуса генерал Шокоров поставил войскам уже 8 августа 1918 г., а именно овладеть Пермью, закрепиться и ждать прибытия войск северной группы интервентов, которая должна наступать из района Архангельск, Мурманск на Котлас, Вологду. Вызванная целым рядом обстоятельств разброска чехословацких и белогвардейских войск от Байкала до Урала не дала тогда возможности сосредоточить достаточно сил для выполнения приказа. Большую отрицательную роль сыграла в этом деле отмеченная выше борьба за власть между белогвардейскими генералами и чехами.

В ноябре 1918 г. наступление на Пермь вела группа Гайды, имея против себя 3-ю Красную армию. Южнее войск Гайды действовала Камская группа генерала Люпова в направлении Сарапул, Мензелинск, с. Николо-Березовка (на Каме) против 2-й Красной армии под командованием В. И. Шорина. Обстановка для войск Шорина была сложной и трудной в связи с крупным антисоветским выступлением в бассейне Средней Камы, вошедшим в историю гражданской войны под названием Ижевско-Воткинского контрреволюционного мятежа⁴⁹.

Ижевско-Воткинская контрреволюционная армия представляла собою серьезную опасность не только по своей численности, организованности и вооружению. Находясь в непосредственном тылу советского фронта на стыке 3-й и 2-й Красных армий, она разъединяла их, угрожая их флангам и тылам. Если бы приказ генерала Шокорова от 8 августа о занятии Перми был бы своевременно выполнен, ижевско-воткинские белогвардейцы сыграли бы еще более значительную роль. Произошло бы соединение мятежников с чешскими и сибирскими

белыми, что позволило бы врагам начать серьезные действия от Перми на Котлас, Вологду навстречу северным интервентам уже в августе — сентябре 1918 г.

В. И. Ленин придавал немедленной ликвидации мятежа важное значение. Задача была возложена на 2-ю Красную армию, усиленную из тыла за счет войск 3-й Красной армии. В средних числах ноября 1918 г. мятежники были разгромлены *. То была важная победа, в особенности потому, что, как уже знает читатель, Болдырев как раз в октябре — ноябре наносил главный удар на пермском направлении, рассчитывая на помощь со стороны мятежников. Операция противника была сорвана не только благодаря успешным действиям армии В. И. Шорина. Не меньшее значение имели героические действия войск 3-й Красной армии, сдерживавшей натиск группы Гайды на своем главном направлении Екатеринбург, Пермь.

Основное ядро группы Гайды ** составляли регулярные войска чехословацкого корпуса, насчитывавшие около 10 тыс. штыков и сабель, 36 орудий и 248 пулеметов. По боевой подготовке, вооружению, снаряжению, наличию опытного командного состава и штабов, средств технической связи и т. д. чехи намного превосходили молодые советские полки и соединения 3-й Красной армии, создававшиеся на месте — на полях боев под огнем.

Хорошо развитая сеть железных дорог (в том числе узкоколеек) горнопромышленного Урала в полосе наступления Гайды позволила ему производить быстрые перегруппировки и переброски для создания ударных

* Небольшим силам мятежников удалось прорваться, и они составили ядро известной Ижевской бригады генерала Молчанова.

** Соотношение сил здесь по состоянию на 1 декабря 1918 г. было следующим:

	красные	белые
штыков и сабель	34 396	36 271
орудий	118	78
пулеметов	638	450
бронепоездов	4	3
бронепоездов	8	3
самолетов	20	3
бомбометов	—	4

кулаков то на одном, то на другом из семи имевшихся направлений. Отмеченные обстоятельства и удерживание инициативы давали противнику большие преимущества. Войска 3-й Красной армии вынуждены были на всем фронте постепенно переходить к оборонительным действиям с контратаками накоротке.

Захватив Пермь 25 декабря 1918 г., противник отбросил на западный берег Камы части названной советской армии, понесшие значительные потери. Как теперь можно считать установленным, основными причинами успеха врага были следующие обстоятельства.

Еще за несколько месяцев до падения Перми из доносений высокоответственных лиц (командарм Берзин и член РВСР Антонов-Овсенко) было известно, что противник ведет крупную операцию на пермском направлении и что разразится катастрофа, если не будут с нашей стороны срочно приняты контрмеры, в частности, выброшены на фронт обещанные главкомом резервы.

В связи с тяжелым положением на других фронтах советское высшее командование оказалось вынужденным снимать в самом спешном порядке возможно больше войск с Восточного фронта, что привело к сильному ослаблению его в целом и к временной дезорганизации на отдельных направлениях. С левого крыла фронта было снято около 15 тыс. бойцов, сотни пулеметов, десятки орудий, как раз накануне начала решительного наступления противника на Пермь. Сняв с Восточного фронта всего до 25 тыс. штыков и сабель, высшее командование Красной Армии продолжало требовать выполнения прежних задач. В свою очередь, командование Восточного фронта ничего не сделало, чтобы привести задачи отдельным армиям фронта в соответствие с новыми условиями обстановки.

Неустанно следя за ходом военных действий, В. И. Ленин за две недели до падения Перми дал указания главкому Вацетису усилить пермское направление, но распоряжение своевременно выполнено не было.

Вместе взятые обстоятельства эти резко ухудшили для нас обстановку на левом крыле фронта, облегчив противнику захват Перми. «Общее состояние частей армии с моральной и численной точек зрения определено

скверное... Имеющимися людскими средствами сохранить положение не представляется возможным... необходима срочная присылка свежих частей» * — эти слова из доклада командования 3-й армии на имя Реввоенсовета Восточного фронта показывают, что противнику удалось добиться серьезных успехов⁵⁰.

Положение 3-й армии было обследовано Реввоенсоветом фронта и комиссией Центрального Комитета партии в составе Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина. Выводы их, посланные В. И. Ленину и главкому, подчеркивали, что создалась также серьезная угроза потери г. Вятка. 3-я армия не была в состоянии надежно обеспечить это направление. В ходе оживленного обмена шифровкой между советским главным командованием и командованием Восточного фронта был выработан план действий: войска 2, 3 и левого фланга 5-й Красных армий получили задачу в ближайшее время (после прибытия резервов и пополнений) начать решительную операцию по разгрому армии Гайды, имея конечной целью выход на рубеж Челябинск, Екатеринбург.

В силу ряда причин контрнаступление красных могло начаться только 19—21 января 1919 г. Уже через десять дней оно заглохло, не достигнув цели. Ни одна из поставленных командующим фронтом задач выполнена не была. Пермский район остался в руках противника, и о продолжении операции по овладению районом Екатеринбурга, Челябинск думать уже не приходилось. В наступление были брошены крупные силы, собранные с большим трудом, достигнуть же удалось весьма скромных результатов.

По замыслу советского командования контрнаступление должно было дать большой оперативный успех не только на левом крыле, но резко изменить в нашу пользу обстановку на всем Восточном фронте. Этого не произошло. Более чем скромные (по сравнению с брошенными в наступление силами) результаты были только тактическими успехами, которые не могли быть развиты в успех оперативный. Ничего в этом отношении не могли исправить тяжелые бои, продолжавшиеся на фронте трех названных армий почти в течение еще целого месяца с переменным успехом на разных участках.

* ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 25, лл. 34—37.

Отмеченные события известны в истории гражданской войны как пермская катастрофа, и, хотя о них опубликовано много трудов, тем не менее приходится с сожалением констатировать, что до сих пор нет еще исследования, которое давало бы документально обоснованное освещение операции.

Мы уже отметили, что левое крыло советского фронта было ослаблено в результате переброски крупных сил на другие фронты. Обстоятельство это не ускользнуло, конечно, от внимания разведывательных органов Колчака. Оно послужило одним из оснований принятия и осуществления белогвардейским высшим командованием ряда решений, имевших крупнейшее значение для дальнейшего хода войны. Мы имеем в виду:

1) отдачу Колчаком 6 января 1919 г. директивы № 779, предписывавшей закрепиться в пермском районе и наступления на Глазов, Вятку не продолжать;

2) ослабление армии Гайды снятием с ее фронта в декабре — феврале 1918—1919 гг. целиком 7, 11 и 12-й пехотных дивизий, Ижевской пехотной бригады и 2-й дивизии чехословацкого корпуса, а всего 20 пехотных полков с артиллерией.

В документах советского командования об этих решениях и действиях противника ничего не говорится: то ли о них не знали, то ли не считали заслуживающими внимания и ставили под сомнение их достоверность. Иначе ведь трудно объяснить многие недочеты, допущенные при подготовке и проведении контрнаступления, к примеру: спешка с началом его, приведшая к полнейшему разному во времени и во взаимодействии войск всех трех участвующих в операции Красных армий.

Читатель уже знает, что решение о нанесении главного удара на пермском направлении было принято белыми за несколько месяцев до прихода к власти Колчака. То был не его план, а план его предшественников. Осуществление плана дало белым сразу же крупные успехи: 1) красные войска отброшены на несколько сот километров на запад и понесли тяжелые потери; 2) захвачен весь горнопромышленный район Среднего Урала; 3) обе основные дивизии 3-й армии (29-я и 30-я) разбиты, боеспособность их утеряна в значительной степени, сопротивление их все более слабеет; 4) в тылу откры-

того левого фланга 3-й армии в ряде волостей Верхтуринского уезда действуют белопартизанские части, установившие связь с районами Ижевского и Воткинского заводов, где только недавно был подавлен крупный контрреволюционный мятеж и еще действовали подпольные антисоветские группы.

И в этот момент, когда всякому элементарно грамотному в военном отношении человеку ясно, что надо стремиться во что бы то ни стало использовать достигнутые успехи и напрячь все силы для продолжения энергичного наступления на вятском направлении и далее (как это предусматривалось в упомянутых директивах Болдырева) для соединения с северной группой союзников, Колчак отдал директиву — наступление приостановить. Естественно, немедленно встает вопрос: что же побудило Колчака отказаться от пермского направления, несмотря на достигнутые успехи и многообещающие перспективы их развития?

В предыдущей главе мы уже сказали, что в конце 1918 г. центр тяжести ведения войны против Советов переместился с войск интервентов на белогвардейские формирования. Главным ударным кулаком, давшим противнику крупный успех в Пермской операции, были части 2-й чехословацкой дивизии, но их пришлось снять с фронта и отвести в тыл. Уход с фронта чехов и других менее крупных частей войск Антанты⁵¹, с одной стороны, и разгром Народной армии на путях от Волги к Уралу — с другой, заставили Колчака пересмотреть в корне и переоценить военно-политическое положение колчакии и стратегическую обстановку. Положение на фронте было для Колчака достаточно ясным:

1) успех против наших 2-й и 3-й армий расценивался как их полный разгром, позволяющий считать пермское направление обеспеченным от угрозы крупного наступления красных в ближайшее время; ход дальнейших событий показал, что так оно и было на самом деле;

2) успешное наступление центра и правого крыла красных создавало реальную угрозу не только потери Среднего и Южного Урала — богатейших источников средств и сил для войны, но и выхода Красной Армии в глубокий тыл левого крыла белого фронта с проникновением ее в Туркестан и Западную Сибирь.

В условиях, когда с фронта армии Гайды пришлось убрать и отправить в тыл наиболее боеспособную 2-ю дивизию чехословаков, когда с падением Уфы и ввиду разгрома Народной армии открывался путь советским войскам через Урал на Златоуст, Челябинск и далее в Сибирь, когда морально-политическое состояние Оренбургской и Уральской казачьих армий угрожало полным развалом их и потерей боеспособности еще дерущихся казачьих полков, — в этих условиях Колчаку только и оставалось, как перейти к обороне и попытаться удержать занимаемую территорию, пока не удастся создать свою боеспособную армию⁵².

Директива Колчака от 6 января 1919 г. означала приостановку приказа Болдырева о прорыве на соединение с северной группировкой интервентов, т. е. отказ от основной и главной цели всех планов Директории. Отменен был также приказ Болдырева о наступлении на Ташкент и на Гурьев и о наступлении Уральской армии для связи с Доном и армией генерала Алексеева.

Фактически директива привела к тому, что на два месяца белые приостановили какие бы то ни было активные операции на всем Восточном фронте. И даже тогда, когда на левом крыле создалось для них катастрофическое положение (потеря Южного Урала до Оренбурга включительно, разобщение Оренбургской и Уральской казачьих армий, развал в этих армиях, переход башкирского корпуса на сторону красных), Колчак не дал ни одного войскового соединения ни на помощь Дутову, ни на помощь Ханжину за счет тыловых формирований.

Активная оборона с основной и единственной главной задачей — удержать занимаемые районы — характеризует действия армии Колчака с конца декабря 1918 г. по начало марта 1919 г. И если понадобилось два с лишним месяца упорной работы белогвардейского командования, чтобы наконец можно было 4 марта 1919 г. приступить к выполнению директивы от 6 января, то это служит прямым доказательством того, в каком тяжелом, критическом положении находились белые к концу 1918 г. на Восточном фронте в результате наших побед в Приволжье на участке 1, 4 и 5-й армий.

Эти же первые два месяца 1919 г. прошли в беско-

нечных попытках нашего командования добиться оперативных успехов в центре и на левом крыле фронта. Несмотря на явный провал январского контрнаступления, командование пытается оживить и продолжить его. Но так как основные причины неудачи (отсутствие взаимодействия между армиями, разрозненность и разнородность действий в самих армиях) не устранены, то снова нет успеха. Более того, разбитой оказалась теперь и 2-я Красная армия. Полной неудачей кончаются попытки подтолкнуть 5-ю армию для овладения аша-балашевским оперативно-тактическим ключом Среднего Урала (восточнее Уфы).

Результаты попыток механически продолжить (без глубокого анализа и серьезной переоценки обстановки и перегруппировки сил) старые операции были для красных войск прямо губительны. Главные силы фронта — 2, 3 и 5-я армии — оказались вконец измотанными, численно ослабленными, с подорванным моральным духом. Трудно установить, на что, собственно, рассчитывало командование, стремясь упорно и невзирая ни на что продолжать неоспоримо проигранные, по его же вине, операции. Нет лишь сомнений в одном: предоставленный главкомом Вацетисом самому себе, Реввоенсовет Восточного фронта ничего не предпринял, чтобы подготовить войска к весне — к началу решительных операций. Можно было бы говорить об известном оправдании такого руководства армиями, если бы в результате бесконечного подталкивания войск в наступление был сорван основной план Колчака — реорганизация белых войск — и если бы нам удалось помешать созданию Западной (ударной) армии Ханжина.

Добиться этого советское командование не сумело, благодаря чему весной 1919 г. на стороне Колчака оказались крупные стратегические и оперативные преимущества. Использование их предопределило в основном успехи его армий в начале Уфимской операции: теснейшая связь и взаимозависимость между нею и результатом наступления врагов на Пермь не вызывает уже никаких сомнений.

Уфимская операция противника и ее результаты подробно освещены*. Мы ограничиваемся здесь лишь

* См. Г. Х. Эйхе. Уфимская авантюра Колчака. Воениздат, 1960.

напоминанием читателю некоторых основных общих моментов и выводов.

Положение белогвардейских группировок к весне 1919 г. нигде не было таковым, чтобы можно было начать столь крупную операцию в марте 1919 г.: ни один из участников комбинированного похода фактически не был готов. Обстановка на самом Восточном фронте также не торопила Колчака.

Из его телеграммы от 20 ноября 1918 г. видно, что к решительным операциям он собирался приступить «не дожидаясь весны». Мысль эта не сохранена в директивах от 6 января и 15 февраля 1919 г. Последняя начинается словами: «К началу апреля армиям занять выгодное исходное положение для развития с наступлением весны решительных операций против большевиков» *. Следовательно, речь шла только о подготовке к выполнению какого-то общего плана войны с Советской республикой.

Директива требовала от Ханжина выполнения трех задач: 1) разбить 5-ю Красную армию; 2) выдвинуться к р. Ик и 3) оказать помощь Дутову ударом на юг в тыл 1-й Красной армии. Из задач этих была выполнена, и то с опозданием, только одна — выход к р. Ик.

Надо признать, что со всех точек зрения задача выйти к началу апреля к р. Ик была целесообразна и даже необходима. Выполнение ее позволяло армии Ханжина преодолеть до начала распутицы район (между западными отрогами Урала и р. Ик), который с наступлением весны становился для крупных сил войск надолго практически непроходимым. Выравнивался фронт армий Гайды и Ханжина, и создавался в непосредственном тылу армии последнего достаточно большой плацдарм для сосредоточения сил и подготовки всего необходимого для стремительного удара от Ика к Волге. Создавалась отличная возможность использовать в полной мере чисто военные преимущества Ханжина над 5-й Красной армией, а именно: 1) пятикратное почти превосходство сил; 2) слабость открытого ничем не обеспеченного левого фланга при наличии шестидесятиверстного разрыва между ним и соседней 2-й армией; 3) полное отсутствие оперативных резервов; 4) страшная усталость, измотанность и полная материальная необеспеченность

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 5, л. 2.

войск 5-й армии, прошедших без отдыха и смены с боями путь от Казани до предгорий Урала в течение предыдущих шести месяцев.

Соседом 5-й Красной армии справа была 1-я армия. Главные силы ее находились на восточных склонах Южного Урала, фронт ее был сильно растянут, маневрирование вдоль фронта в горах без дорог фактически исключалось, оперативных резервов не имелось. Занятие противником района Уфа, Стерлитамак угрожало гибелью этой нашей армии, так как левый фланг ее и тыл оказались ничем не обеспеченными против ударов войск Ханжина от Уфы на юг вдоль тракта Уфа — Оренбург.

Пока выполнялась задача выхода к р. Ик, никаких серьезных разногласий среди высшего колчаковского генералитета не обнаруживалось: необходимость и целесообразность занятия исходного рубежа признавались единодушно всеми. 18 апреля по согласованию со ставкой командующий Западной армией Ханжин отдал приказ: на Ике не задерживаться, стремительное наступление продолжать, имея задачей в кратчайший срок захватить переправы на Волге от Симбирска до Самары. Приказ тут же вызвал резкие возражения, приведшие к открытым столкновениям. Потребовалось даже личное вмешательство самого верховного.

Командиры дивизий и корпусов настаивали на приостановке наступления на Ике, для того чтобы пополнить и привести войска в порядок, подтянуть тылы и дожидаться прибытия глубоких резервов из Сибири. Только после этого, дней через 10—12, когда кончится распутица, следует начать новую операцию захвата волжских переправ. Ставка и командарм категорически отвергли предложения и требовали безоговорочного, срочного и точного выполнения приказа.

Речь не идет о столь обычной в белых армиях грызне между отдельными генералами и штабами: на этот раз борьба велась по действительно важному вопросу*.

* Будучи вынужденными подчиниться, войсковые начальники не отказались от борьбы: началось формальное выполнение распоряжений, скрытое сопротивление, продвижение войск затормозилось. Усиливавшаяся распутица и половодье давали достаточно благоприятных и веских мотивов к оправданию замедленного наступления частей.

Длившаяся почти полтора месяца Уфимская операция страшно измотала силы Западной армии, а потери убитыми и ранеными (свыше 10 тыс. солдат и офицеров) нанесли боеспособности ее непоправимый удар. Об этом говорилось резко в донесениях и докладах всех войсковых начальников. Оспаривать факты Ханжин и генералы ставки не могли, конечно. Они были достаточно опытными командирами, чтобы понимать необходимость предоставления частям хотя бы кратковременной передышки. Нельзя также считать, что требование безостановочного наступления к Волге было своего рода реакцией на неожиданный для армии конец победоносно развивавшейся Пермской операции в декабре 1918 г. И тогда находились противники директивы Колчака о приостановке наступления на Вятку. Но им пришлось подчиниться: слишком уж ясно было, что общая военная обстановка на фронте не благоприятствует такой операции. В самом деле, что могло дать для выигрыша войны даже занятие Вятки в январе 1919 г.? Войска Айрнсайда, Миллера отсиживались далеко на берегах Северной Двины: пока можно было только мечтать о встрече с ними не ранее июля. Развивать наступление от Перми на Вятку, оставляя южнее Камы две слабые казачьи армии против трех активно действующих Красных армий, было чистым безумием. Сказал об этом в начале января достаточно ясно Ханжин в одной из своих телеграмм Колчаку: пока Гайда будет идти к Вятке, красные прорвутся через Урал в Сибирь. Это не только угроза тылу Гайды. С потерей Сибири, как основной базы, гибель всего белого дела на Востоке неизбежна.

Сейчас — в апреле 1919 г. — обстановка на фронте выглядела для белых блестяще. Успешно развивалось наступление армии Гайды севернее Камы. Южнее (в полосе шириною свыше 350 км) вышли на рубеж Ика 38 тыс. штыков и сабель Западной армии Ханжина, имея перед собою вконец измотанные за полтора месяца Уфимского сражения 7—8 тыс. штыков и сабель 5-й Красной армии. Никаких резервов у Восточного фронта нет. Исход борьбы не вызывал у врагов никаких сомнений. Еще одно последнее напряжение сил, еще один стремительный натиск — и победоносная армия верховного шагнет через Волгу, соединится с армией

пидущего с юга Деникина, а дальше прямой путь на Москву.

Нельзя считать эти соображения и перспективные планы абсолютно беспочвенными. Если бы война шла только между двумя враждебными армиями, колчаковские генералы, пожалуй, оказались бы победителями. Роковая ошибка их состояла в том, что они преувеличивали значение чисто военной стороны борьбы и в то же время недооценивали, даже игнорировали факторы социально-политического порядка. Решающее значение в гражданской войне принадлежало именно последним — этого не понимало или не хотело признавать колчаковское высшее командование. Между тем факторы эти давали себя знать все чаще, и притом в нарастающих масштабах.

Переход в феврале 1919 г. башкирского корпуса на сторону Советов был первым серьезным признаком начинающегося в белой армии перелома отношений к борьбе вовлеченных в нее масс трудового населения. Дутову не удавалось остановить разложение своей кавалерийской армии. С каждым днем теряла она свою боеспособность. И когда в апреле — мае 1919 г. надо было обеспечить левый открытый фланг Ханжина и овладеть Оренбургом, дутовские казаки провалили все дело. Не выполнили своей задачи также уральские казаки. Приказы Колчака действовать крупными конными массами в обход Уральска и Оренбурга в тыл теснимым с фронта войскам 1-й и 5-й Красных армий остались на бумаге.

Классовое содержание гражданской войны оказало свое действие не только в казачьих армиях. В двадцатых числах апреля 1919 г. во время боев на р. Салмыш перешло на сторону Красной Армии около 1,5 тыс. мобилизованных недавно крестьян Троицкого уезда Челябинской губернии. Прямым результатом перехода было серьезное поражение корпуса генерала Бакича, потерявшего за один день свыше 2000 человек, 20 пулеметов и всю артиллерию. Двумя неделями позднее перешло на сторону красных в районе г. Белебей свыше 1 тыс. солдат-украинцев из куреня имени Т. Шевченко. К этого же рода проявлениям происходящих в белой армии процессов и классовой борьбы следует отнести символичный уход с фронта Ижевской бригады в сред-

них числах апреля 1919 г. на симбирском направлении.

Отмеченные факты не были, конечно, случайными, а для высшего белогвардейского командования даже неожиданными *. Сводки внутренних фронтов и донесения контрразведок давно уже указывали на нарастающее недовольство и обострение борьбы в тылу. Теперь волна революционного подъема хлынула из Сибири на фронт в виде маршевых пополнений и новых формирований. Они внесли глубокие изменения в морально-политическое состояние действующей армии, снижали резко ее боеспособность. Но самое убийственное для колчаковского командования было в другом. История войн говорила, что крепко держать армию в руках было всегда трудно в периоды больших отступлений и неудач. Тут могло быть всякое. Но та же история учила, что всякое большое наступление с яркими и большими политическими и военными целями всегда поднимало дух войск, благоприятно отражалось на их действиях. А тут получается наоборот: армия разлагается в ходе «победоносного» наступления!

Было бы искажением истории писать, что руководители колчакии не понимали угрозы. Ход событий на фронте и в тылу поставил перед ними четко и ясно простой вопрос: где искать решения задачи? Браться ли сперва за наведение спокойствия и порядка в тылу и в армии, а потом уже думать о крупных решающих стратегических операциях, или же попытаться уйти от настигающей действующую армию революционной волны немедленным и решительным продолжением наступления во что бы то ни стало? Второй вариант был признан более перспективным. Победы на фронте могли

* Так, о существовании в украинских частях подпольных большевистских организаций давно уже доносила контрразведка. Было сменено командование, а сам курень переведен из Омска в Челябинск. И когда ничто не помогло, было решено отправить его на фронт. Белое командование надеялось сразу убить двух зайцев: подкрепить фронт свежими частями и вырвать курень из-под влияния челябинских подпольщиков. Документально установлено, что решающую роль в подготовке солдат куреня к переходу на сторону Советов сыграла Челябинская подпольная большевистская организация. Переход солдат Бакича был также одним из результатов работы этой организации.

использовать не только настроения в тылу и в армии. Они открывали большие возможности захвата новых крупных источников сил и средств, не оставляли врагам белой власти в самой колчакии времени взорвать ее изнутри. В расчет принимались еще два важнейших обстоятельства. Выступления и действия руководителей Антанты не оставляли никаких сомнений, что с каждым километром сокращения отделяющего белых от Москвы расстояния пропорционально возрастают шансы Колчака на признание его союзниками и на усиление помощи с их стороны*. Весьма тревожные для белых сведения поступали из Советской республики. По призыву Коммунистической партии дружно, решительно и быстро поднялись советские люди на помощь Восточному фронту. Десятки тысяч добровольцев — большевиков, революционных рабочих, комсомольцев — двинулись на восток, опережая мобилизованных по декретам Совнаркома.

Таковы были вкратце наиболее важные моменты обстановки, в условиях которой Колчаку и его иностранным советчикам и руководителям приходилось в апреле 1919 г. принять решение о дальнейших действиях. В них ключ к пониманию того упорства, с которым и ставка, и Ханжин, и Гайда требовали наступления во что бы то ни стало, категорически отказываясь принимать во внимание какие бы то ни было возражения войсковых начальников**.

Чтобы правильно понять ход дальнейшей борьбы,

* Буржуазная пресса Лондона, Парижа, Нью-Йорка невероятно преувеличивала значение успехов Колчака, доказывая неизбежное скорое падение Москвы и гибель Советской власти. Президент США сорвал ведущиеся Совнаркомом переговоры с миссией Буллита. Правительство Франции официально поздравляло Колчака с успехами и обещало ему усилить помощь.

** Белогвардейское высшее командование допустило еще и целый ряд чисто военных ошибок: наступление от Ика к Волге было плохо организовано и облегчило красным разгром противника по частям; исключительно плохо был использован выброшенный из глубокого тыла под Белебеем корпус Каппеля, что вынудило поспешно поставить вопрос об освобождении его от командования; ставка Колчака отказала Ханжину в просьбе разрешить ему после отхода Белебея начать сразу же отход за Белую для сохранения позиций и выигрыша времени на восстановление боеспособности армии.

недостаточно, конечно, знать только указанные факты и явления. Важнейшее значение имеет уяснение вопросов: знало ли и учитывало ли советское командование положение в колчакии и состояние ее армии? Сумело ли оно и в какой именно форме использовать слабости противника? Слабости эти — производные от столкновения большого числа сил и факторов экономических, социальных, политических, военных и т. д. На их максимальное развитие с целью ослабления врагов и была по указаниям Центрального Комитета партии и лично В. И. Ленина направлена вся работа большевистского подполья по ту сторону фронта.

Весной 1919 г. Восточный фронт впервые ощутил результаты ее, и не только в виде роста числа перебежчиков-одиночек из белой армии. Несравнимо более важное значение имело падение боеспособности колчаковских войск, наиболее ярко проявившееся в фактах невыполнения целыми соединениями оперативных приказов командования, а также перехода на сторону красных. В этих условиях вопрос свелся к тому, чтобы использовать с наибольшим эффектом чисто военные слабости врага. Классическим образцом служат решения и действия командующего Южной группой войск Восточного фронта М. В. Фрунзе в апреле 1919 г. Для создания ударной группировки против наиболее опасной Западной армии Ханжина М. В. Фрунзе повернул главные свои силы тылом к Уральской и Оренбургской казачьим армиям и решительно двинул повернутые силы в новом направлении против нового противника (Ханжина), поручив сковать казаков на пятисоткилометровом фронте несколькими стрелковым и конным бригадам. Маневр блестяще удался, и ему Восточный фронт обязан своими победами над Колчаком в Поволжье летом 1919 г. Только глубокое марксистско-ленинское понимание того, как революционное классовое содержание гражданской войны влияет на ход операций, только глубокое знание противника, блестящее использование его слабостей и такое же блестящее использование сочувствия и революционных настроений рабочих масс городов Оренбурга и Уральска в первую очередь для увеличения своих сил дало М. В. Фрунзе основание принять и твердо до конца провести план действий, на который вряд ли решился бы в тех условиях кто-либо из

старых военных специалистов. Гарнизоны названных городов (состоявшие в основном из местных рабочих) не только защитили их от захвата противником. Они сковали главные силы казачьих армий, оказав тем самым решающее влияние на всю оперативную обстановку Восточного фронта, и прежде всего в районе Южной группы его войск.

3. РОСТ И ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ

В ТЫЛУ КОЛЧАКА

(весна — лето 1919 г.)

Енисейская губерния

Борьба между военными и гражданскими властями все более обострялась, непрерывно рос поток жалоб управляющего губернией Троицкого и уездных комиссаров Омску на медлительность и нерешительность военных властей. Во всей губернии идет энергичная агитация большевиков против власти, действует немало красных отрядов *, а военные со своей задачей их уничтожения не справляются. Дело не в общем недостатке сил. Красные отряды малочисленны (по 10—30 человек в каждом), их необходимо уничтожить, пока они еще не разрослись. Но это не удастся потому, что военные действуют несогласованно, не знают истинного положения, чаще всего нерешительны, а нередко и неосмотрительны. Губерния разбита на четыре самостоятельных военных района, что усиливает несогласованность и разноречивость действий войск. Необходимы солидные силы и другое энергичное командование, чтобы все ликвидировать до наступления тепла. В противном случае движение выльется в широкое восстание и потребуются целые полки и батареи.

* Деятельность большевистских подпольных организаций не сводилась, конечно, только к организации вооруженных восстаний и партизанских отрядов в непосредственном тылу белой армии. Она проявлялась в самых различных областях жизни, в самых разнообразных формах и приемах, преследуя одну главную цель: привлечь на свою сторону непролетарские массы трудящихся, дезорганизовать тыл Колчака. Здесь мы говорим только о событиях и фактах, которые, по нашему мнению, сыграли роль и являются наиболее характерными и типичными для каждого данного района и рассматриваемый период.

Жалобы и просьбы колчаковских администраторов Енисейской губернии интересны тем, что они не голословны, а подкрепляются фактами и документами, показывающими героическую борьбу руководимых большевиками масс. Вот несколько наиболее характерных фактов. В Минусинском уезде внешне все обстоит спокойно, но контрразведка имеет достоверные сведения, что среди рабочих медных рудников, угольных копей и заводов идет усиленная большевистская агитация, приведшая уже к ряду враждебных власти выступлений. В ночь на 1 февраля 1919 г. группа большевиков во главе части подготовленного ими гарнизона заняла г. Енисейск, захватила оружие, освободила из тюрьмы арестованных. Сил для подавления восстания нет *. В Канском уезде дела резко ухудшились вследствие поражения правительственного отряда в районе Кияй и вынужденного отступления другого отряда войск из с. Тасеевка. Панику в Красноярске вызвал смелый налет Кравченко на железнодорожный мост у с. Маганское — всего в 35 км от города. В Ачинском уезде силы Щеткина растут. К нему присоединяется отряд Лубкова из Томской губернии, «а военные бездействуют».

Напоминая в одном из докладов о событиях прошлого года (восстания и бои в районе ст. Камарчага, ст. Иланская, г. Канск, с. Тасеевка и др.), Троицкий констатирует, что все это части одного общего плана большевиков. Сюда же следует, по его словам, отнести забастовки железнодорожников и печатников в самом Красноярске **. «Трудно распутать дело, — жалуется белогвардеец, — так как военные власти уничтожают всех участников движения, а материалы полевых судов недоступны, или их нет вовсе».

Весьма показательно, что на многочисленные просьбы и жалобы Троицкого колчаковское министерство внутренних дел почти ничего по существу не отвечает.

* Город находился в руках восставших 22 дня. После ожесточенного боя красные 28 февраля 1919 г. отступили в тайгу.

** «Здесь совершается главная работа по борьбе против власти. Отсюда идет агитация и развивается по всей губернии» — таков общий вывод Троицкого. (ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 16, л. 77.) Подпольный горком большевистской партийной организации был создан уже в июле 1918 г. В него вошли В. Ф. Матушевский (оставленный в городе с этой целью при отступлении красных 18.6 1918 г.), А. И. Исаев, Рухлов, Попов и др.

В Омске было не до этого: полным ходом готовились силы для весеннего наступления от Урала к Волге. Омские главари считали, что важнее прежде всего добиться решительных успехов на фронте против Красной Армии, а тыл должен обходиться своими собственными силами и на помощь привлекать интервентов в первую голову.

По требованию Троицкого в Красноярск прибыл генерал Афанасьев — командующий обороной железной дороги к востоку от Красноярска. Результаты состоявшегося совещания были таковы, что Троицкий тут же послал в Омск очередную жалобу. Афанасьев предлагал до прибытия достаточных сил засесть в городах и заслониться на железной дороге, отказываясь от всяких активных действий в уездах. Две недели тянул Афанасьев с посылкой помощи окруженным в Тасеевке войскам, а когда наконец был послан слабый отряд, красные по дороге его разгромили. Против красных у Камарчаги посылались пачками всевозможные сборные команды, и результат один: полная неудача, паника, деморализация и два случая перехода солдат на сторону красных. Такого рода действия привели к тому, что вся губерния отдана во власть красным. Из 40 волостей Канского уезда на мирном положении всего только 10. В Ачинском уезде все наиболее населенные районы в руках красных; хотя их штаб всего в 25 км от штаба генерала Афанасьева, последний ничего не делает для их уничтожения. «В течение двух месяцев, — пишет в заключение Троицкий, — не было ни одного случая успешной работы войск и ни на одном фронте не сделано ничего положительного» *. Воспользовавшись тем, что посланный Афанасьевым отряд потерпел под дер. Маклаково поражение (убито 5 офицеров и 12 казаков) и в эти же дни красные приостановили движение поездов на участке между станциями Красноярск и Камарчага, Троицкий потребовал немедленной замены неудачного генерала. Положение осложнилось тем, что и начальник гарнизона Красноярска генерал Шерпантье «думает запереться в городе и в уезд сил не посылает. Так большевики скоро заберут всю губернию и провинцию» **.

* ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 16, л. 233.

** Там же, л. 184.

Рост повстанческого движения и активности партизан, участвовавшие поражения отрядов войск и обострившаяся борьба между гражданскими и военными властями заставили срочно приехать в Красноярск генерала Артемьева — командующего войсками Иркутского военного округа, в состав которого входила губерния. Но не повезло Троицкому и с этим генералом. Оказалось, что Афанасьев и Шерпантье действуют по прямым распоряжениям Артемьева. Командование округа поставлено в невозможные условия. От него требуют постоянных маршевых пополнений на фронт, и в то же время приходится посылать карательные отряды против повстанцев. На это наряжаются подготовленные солдаты, в основном те самые кадры, которые собраны для того, чтобы готовить новобранцев. В результате получается плохо и на фронте, где необученные солдаты губят все дело, и в тылу, где в боях с повстанцами и партизанами истребляется ценный кадровый состав войск. Обстоятельства эти и вынуждают командование округом действовать по определенному плану. Смысл его — «бить только наверняка». Солдат не хватает и не хватает. Надо собрать то, что есть, на железной дороге, чтобы обеспечить ее работу, и в крупных городах, а всю остальную территорию губернии предоставить населению. Надо дать возможность красным собраться в свои армии и затем уж разбить их наголову в районах, где они обосновались. А до этого отдельные отряды войск в районы не посылать. Выдвигает Артемьев и другой план: беспощадное истребление селений в районе восстания.

Ни тот ни другой план не устраивал управляющего губерниями: «Тыл будет еще больше усиливаться обездоленными и разоренными, а следовательно, озлобленными гражданами; тактика генерала Артемьева — лишний толчок к усилению кадров красных и хороший материал для агитации большевиков».

Результаты разногласий и споров с военными оказались для Троицкого неожиданными и мало приятными. Убедившись, что положение в губернии с каждым днем все более ухудшается, а местные власти не в состоянии ликвидировать народное движение, Колчак назначил генерала Розанова «особо уполномоченным верховного правителя с правами генерал-губернатора Енисейского

края». Назначение Розанова не было случайным. В правящих кругах Омска ему ставилось в вину то, что он в 1918 г. служил в войсках уфимской Директории, занимавший важный пост начальника штаба ставки главнокомандующего генерала Болдырева. В дни омского переворота Розанов был отстранен от должности и с тех пор находился не у дел. Назначая его генерал-губернатором края и командующим войсками самого беспокойного и вместе с тем самого опасного для Омска района, Колчак как бы предоставлял ему возможность «искупить свою вину», показать свою искреннюю преданность верховному. Розанов взялся за дело с исключительным рвением. То, о чем Артемьев, Афанасьев и другие белогвардейские командиры до него только мечтали и говорили, теперь стало проводиться с нечеловеческой жестокостью и как система.

Подводя итоги, Троицкий в одном из докладов в мае 1919 г. писал, что положение на железной дороге катастрофическое, администрация терроризована красными и произволом войск, путь и телеграф портятся непрерывно, часты крушения, поезда часто обстреливаются, красные открыто подходят к пути даже с развернутыми красными знаменами, на некоторых участках поезда могут ходить только днем, при налетах на станции и разъезды красные портят стрелки, водокачки, уносят инструмент и аппараты, уводят служащих-специалистов и т. д. Чехи взяли охрану дороги на себя, но это им плохо удастся. Розанов «принял решительные меры»: все политические арестованные в тюрьмах были объявлены заложниками, и за каждое нападение на железную дорогу должны быть из них расстреляны от 3 до 20 человек; ответственность за исправное состояние дороги возлагалась на жителей окрестных населенных пунктов с преданием всей деревни полемому суду, если порученный ей участок будет испорчен красными. Распоряжения Розанова начали выполняться: на многих участках железной дороги неделями висели на телеграфных столбах десятки повешенных белыми железнодорожными служащими и заложников. «Но, — вынужден был писать в своем докладе Троицкий, — положение от этого несколько не улучшилось, а в ответ на террор красные усилили наступление» *. Приказ полковника Красильникова

* ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 16, лл. 413—414.

(единственной мерой наказания приказ устанавливал расстрел без суда и следствия с конфискацией имущества. — Г. Э.) и обязательные постановления Розанова «окончательно отдают население на произвол разнузданного и пьяного офицерства, и без того попирающего права граждан и сводящего свои личные мелкие счета с отдельными лицами». «При наличии таких актов, как упомянутые постановления и приказ, гражданским властям ничего не остается делать, как прекратить свою работу, а население скорее примкнет к большевикам» — таким обвинением по адресу военных заканчивается один из докладов Троицкого в Омск.

Нет, конечно, надобности доказывать, что донесения и доклады, содержащие довольно подробное и откровенное описание зверств и беззаконий, чинимых на местах военными, составлялись и посылались в Омск не потому, что их авторы были чем-то лучше и человечнее тех, на кого они писали жалобы. Делалось это не из чувства сострадания к народу и не в целях действительного прекращения произвола и насилий. Мотивы были другие. Во-первых, спасение собственной шкуры и, во-вторых, борьба за власть. Военные власти и карательные отряды не подчинялись гражданским колчаковским чиновникам и не признавали их. Этим обстоятельством и пользовались наиболее ловкие пройдохи из числа всевозможных «управляющих» губерниями и уездами, а также начальники милиции, начальники контрразведывательных отделов и т. д., чтобы свалить вину и ответственность за «беспорядки» и рост повстанческого движения на карателей. Значение имело и то обстоятельство, что колчаковские гражданские администраторы состояли из людей, в политическом отношении более искушенных и опытных, отлично понимающих, что всю Сибирь не переарестовать и не перестрелять, а надо пытаться привлечь население, и прежде всего крестьянство, на свою сторону любыми мерами и обещаниями. Тот же Троицкий в личном письме министру доказывает, что нужны средства для ведения агитации и правительственной пропаганды в противовес большевикам. «Наши красные, — говорится в этом документе, — умнее нас, и активнее, и щедрее: нет у них типографии — они жарят на пишущих машинках свои газеты и листовки...» *.

* ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 16, л. 425.

Прожженный политикан и ревностный служака Троицкий прекрасно понимал, что нельзя все время посылать начальству жалобы и доносы на военных, рисовать положение в мрачных красках. Ведь все это может обернуться против него самого, как управляющего губернией. Поэтому он систематически стремится порадовать Омск и «хорошими вестями» *. Но отдельные благоприятные для врагов факты тонули в массе сообщений о восстаниях крестьян и налетах партизан. Как раз в дни контрнаступлений Южной группы войск Восточного фронта в мае 1919 г. их поступало так много, что ставка ввела составление оперативных сводок внутренних фронтов.

Особо подробные сведения дают сводки о самой большой из карательных операций, проводившейся в мае 1919 г. с целью очищения от красных Красноярского и Канского уездов южнее железнодорожной магистрали. К операции были привлечены наличные силы белогвардейцев, итальянские и чехословацкие войска, и проводилась она под непосредственным командованием самого Розанова⁵³. Расправа с населением восставшего района была настолько зверской, что даже Троицкий в особом докладе прямо обвинял военное командование в «излишних жестокостях» **.

* Вот два характерных сообщения такого рода. «Чешская разведка добыла очень ценные сведения, по которым ликвидирован тайный Красноярский Совдеп и часть боевой дружины: арестовано 30 человек, захвачены важные данные, дающие освещение многому». В Ачинском уезде из обязанных явке 3100 человек пришло фактически 2875, призыв прошел тихо, «даже пьяных было мало». Хорошо прошел призыв в Красноярском уезде. (ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 16, л. 149.)

** В Старо-Баджейской волости были сожжены все без исключения селения. Осталось лишь несколько зданий, которые уцелели только потому, что были заняты под квартиры карателей. Все, кто только могли, бежали за р. Мана к красным. Уничтожены были даже больница и церковь. Трудности лишь с эвакуацией церковного имущества — духовенство все исчезло, а без него некому соблюдать необходимые обряды при вывозе икон и т. д. Заманский район выжжен полностью. Во всей Кияйской волости осталось всего 57 домов и то лишь для расквартирования войск. Особенно бесчинствовали итальянцы, забирая у крестьян самовары, швейные машины и другой скраб. В дер. Сосновка они сломали в школе шкаф и увезли книги, карандаши, скрипку учителя и т. д. «Сжигание сел. — пишет Троицкий, — стало системой, хотя генерал Розанов обещал мне этого не допустить». (ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 16, л. 1508.)

Следует отметить, что операция проводилась в соответствии с отмеченным выше общим планом борьбы с красными, а именно дать повстанцам и партизанам собраться и устроиться в отдельных районах, ослабить их внимание, дать им возможность начать заниматься своими гражданскими и личными делами, а потом в известный момент обрушиться превосходящими силами и уничтожить. Но, несмотря на привлечение шести колонн иностранных и белогвардейских войск, операция не дала ожидаемых белыми результатов. Троицкий с сожалением докладывает в Омск, что основная живая сила Щетинкина ушла, и тут же прямо заявляет, что это вина Розанова, не принявшего необходимых мер, чтобы перехватить путь отступления красных горными тропами в Минусинский уезд, а оттуда в Урянхай.

«Вооруженные восстания не прекращаются» — эта фраза заполняет все оперативные сводки за июль и август 1919 г. о положении в Енисейской губернии.

Алтайская губерния

По сравнению с положением в Енисейской губернии обстановка для белых была здесь более благоприятна. Появлялись только небольшие отряды красных. Для борьбы с ними уезды патрулировались небольшими группами войск (30—50 солдат) и самоохраной (из кулаков, офицеров и т. п. «надежных» для власти элементов). И хотя управляющий губернией Стрельман все время заверял омское начальство, что в политическом отношении у него все благополучно, он должен был в конце июня признать, что «в связи с отступлением фронта (к Уралу. — Г. Э.) большевики расширяют деятельность, придавая движению социально-политический характер»*. Признание белогвардейца заслуживает внимания как доказательство того, что подпольщики — большевики Алтая — зорко следили за событиями на фронтах и умело использовали неудачи колчаковской армии для усиления своей агитации и борьбы в глубоком тылу.

Усиленно заработали в это время многочисленные органы политического сыска Колчака. Так, в Бийске аре-

* ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 1-6, л. 68.

стована группа в 15 человек большевиков-подпольщиков, преданных полемому суду; в Змеиногорском уезде раскрыта подпольная организация большевиков численностью в 200 человек, уже приговорено к расстрелу 27 человек. По агентурным данным, у Рогова около 300 хорошо вооруженных бойцов и к нему 5 июля присоединился отряд Лубкова, насчитывающий 200 человек, из рабочих кольчугинских угольных копей. Часты обстрелы поездов на участке Новониколаевск, Барнаул. Затрудняют успешную борьбу с красными условия местности. За дер. Жуланиха начинается непроходимая тайга — по-местному, «чернь» — с массой лесничьих избушек, заселков, заимок и т. д., и поэтому без помощи со стороны населения красных не поймать. На почве призыва новобранцев имели место беспорядки в селах Легоставское и Большая Речка (Барнаульский уезд). Все это дело рук большевиков. В «усмирении беспорядков среди призывников» принимали участие также чехи. Приступлено к формированию отрядов самообороны согласно постановлению правительства от 27 июня 1919 г.

Из сказанного видно, что борьба трудящихся Алтайской губернии в период большого весеннего наступления Колчака от Урала к Волге, а затем и в период его отступления на Урал ограничивалась действиями чисто местного масштаба и значения. Некоторое оживление действий отмечается в конце июля — начале августа. Появились отряды в окрестностях Барнаула и в Каменском уезде, железная дорога из Барнаула в Семипалатинск часто портится*. Отмечаются случаи разбрасывания прокламаций большевиков в самом Барнауле; в одной из них говорится: «Бедные, готовьтесь к хлебу, а богатые — к гробам...»**

* В первых числах августа началось восстание в с. Зимино, в течение нескольких дней распространившееся от Алтайской железной дороги до р. Обь, а к югу до Горного Алтая. 5 августа повстанцами взята ст. Алейская, а 6 августа — ст. Топчиха. В начале августа повстанцы Каменского уезда и партизаны захватили на сутки г. Камень, отбитый прибывшими из Новониколаевска польскими частями. В том же Каменском уезде началось 13 августа восстание в Усть-Мосихе и в присоединившихся селах Куликово и Мамарово. Все эти восстания были быстро ликвидированы местными белогвардейскими силами, не успев оказать влияние на общее положение.

** ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 1-6, л. 78.

Общий вывод колчаковского администратора: на-строение в сельской местности продолжает быть враждебным правительству. Степень враждебности увеличивается с каждым вновь появляющимся агитатором, ибо «на местах нет власти, которая бы препятствовала проявлению злосй воли таких лиц» *. Благонадежные живут под страхом, что вот-вот появятся красные. Такая же уверенность у железнодорожных рабочих, а рабочие главных железнодорожных мастерских ст. Барнаул открыто грозят приближением Красной Армии (в эти дни войска Восточного фронта сбросили белогвардейцев с Уральских перевалов, а 5-я армия вела бои уже на дальних подступах к воротам Сибири — Челябинску. — Г. Э.). Крестьяне скопляются на железной дороге, чтобы узнавать свежие новости от беженцев и возвращающихся из германского плена солдат старой армии, а под видом последних большевистские агенты едут куда хотят, так как милиция боится их трогать. Быстрое отступление фронта усиливает и без того беспокойное настроение населения. Бродячие отряды дезертиров распространяют самые невероятные слухи.

Прошло еще несколько недель. Разгромив колчаковцев в семидневном Челябинском сражении, части 5-й Краснознаменной и 3-й Красных армий вели стремительное преследование отбрасываемых к Тоболу белогвардейских войск. И эти события на фронте тут же находят отклик среди трудящихся в тылу. «Большинство населения, — говорится в донесении контрразведки от 10 августа, — ликует, ожидая прибытия большевиков... Открыто говорят: «Наши идут...» **

Встревоженное омское начальство затребовало срочных объяснений от начальника особого отдела губернии. Его доклад дает подробное освещение обстановки. В Барнаульском и Каменском уездах положение было острым, но с прибытием подкреплений командование получило возможность перейти от оборонительной тактики к тактике наступательной — положение смягчалось уже. Отряды красных сами по себе немногочисленны, но слухами о повсеместных победах Красной Армии склоняют крестьян присоединиться к себе. Отряды вооруже-

* ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 1-6, л. 78.

** Там же, л. 92.

ны смешанным оружием, крестьяне же кто чем: охотничьими ружьями, пиками и вилами. 20 июля восставлено дневное движение поездов на участке Ново-николаевск — Барнаул, а также по Бийской ветке. От Барнаула на Семипалатинск идут только воинские поезда, и то лишь до 275-й версты, так как дальше путь в руках красных. На захваченном участке красные сожгли 10 мостов, масса рельсов изогнута, заменить трудно. 24 августа отряд Рогова в бою под Салаирским рудником разбил отряд поручика Шелобанова и взял два пулемета, винтовки и другие трофеи.

Большую помощь оказал колчаковской контрразведке в августе 1919 г. «комиссар» одного из повстанческих фронтов некий Дмитрий Павлович Палкин, уроженец Барнаула, эсер и бывший вахмистр старой армии. Предатель раскрыл белым большие участки алтайского подполья, назвал сотни фамилий, указал месторасположение подпольных штабов и т. д. *. Пораженный грандиозностью раскрывшейся перед ним из показаний предателя картины работы большевистского подполья Алтая производивший допрос колчаковец записал в протоколе: «Организация подполья была великолепной... Из всего видно, насколько обстоятельно и насколько хорошо организованы наши внутренние большевики. Они проникли во все слои общества, раскинули свою сеть во всех направлениях Сибири. Аппарат Советов был уже готов... Подготовка на селе велась долго и довольно открыто...» **

«Где же была наша контрразведка!» — эта запись в протоколе допроса характеризует интенсивность и мас-

* ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 1-6, лл. 131—138.

** Во время героического рейда отряда Сухова были созданы в деревнях подпольные большевистские ячейки на всем пути движения отряда, в том числе в Серебренниково, Боровское, Савинское (Олунгородского уезда). К осени 1918 г. было 11 подпольных групп в Бийском уезде. В феврале 1919 г. в с. Глядена (в 80 км от Барнаула) состоялась 3-я подпольная Алтайская губернская конференция большевиков. Был образован Военно-революционный штаб и принято решение: усилить связь с крестьянством путем создания подпольных групп, усилить связь с партизанами, а также энергично повести работу среди колчаковских войск. Прочные подпольные связи установились с селами Зимино, Бобровское, Раскориха, Павловское и др. Надо отметить активную роль, сыгранную подпольной группой большевиков-венгров (из бывших военнопленных), насчитывавшей до 100 человек и активно участвовавшей в вопросах организации и материальной помощи партизанам,

штабы работы алтайских подпольщиков-коммунистов и одновременно является свидетельством врага об их особых заслугах в деле подготовки массового повстанческого и партизанского движения.

Но как ни свирепствовали колчаковские власти и каких бы отдельных успехов в борьбе они иногда и ни добивались, всех арестовать и расстрелять им было не под силу. Именно так ставит вопрос начальник Бийской уездной милиции в докладе от 25 августа 1919 г.: «Вообще настроение сельского населения к существующему строю крайне враждебное. Масса не заслуживает ни малейшего доверия. Аресты не достигают желаемых результатов, и на место одного арестованного остаются несколько новых врагов — брат, сват, кум, сосед и прочие...» *

Томская губерния и Кузбасс ⁵⁴

Основным районом действий партизан губернии ** стала Причулымская тайга (Боготольское лесничество) ⁵⁵. Здесь в начале мая 1919 г. произошло объединение отрядов рабочего-коммуниста И. М. Зубова-Буркова с отрядом бывшего фронтовика М. Х. Перевалова; в числе 150 бойцов сводного отряда под командованием Пе-

* ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 1-6, лл. 161—164.

** Численность населения (без выделенных в самостоятельную Новониколаевскую губернию уездов) составляла около 1,08 млн человек, в том числе городского около 181 тыс. Нацменьшинств насчитывалось свыше 160 тыс. человек, в том числе татар около 87 тыс., украинцев около 32 тыс., северных народностей около 10 тыс., мордвы около 9 тыс. и т. д. По данным на 1917 г., примерно из 167 тыс. крестьянских хозяйств было (в %): без посевов — 17,1, без рабочего скота — 12,7, без коров — 11,2. В среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось 5,9 души и по 3,4 десятины посевов. Промыслами занято было около 20,9% населения. Численность населения Новониколаевской губернии составляла около 1,3 млн. человек: в том числе городского около 131 тыс. Нацменьшинств насчитывалось свыше 156 тыс., в том числе украинцев около 104 тыс., киргизов около 14 тыс., татар около 13 тыс. и т. д. По данным на 1917 г., примерно из 217 тыс. крестьянских хозяйств было (в %): без посевов — 12,2, без рабочего скота — 11,5, без коров — 10,7. На одно крестьянское хозяйство приходилось 6 душ и по 5,4 десятины посевов. Промыслами занято было около 11,9% населения деревень,

ревалова ядро составляли рабочие и коммунисты Итата. После неудачного боя в начале июня 1919 г. отряд отошел в с. Поваренкино, ставшее его базой вплоть до конца сентября 1919 г., когда отряд (до 500 человек) разделился на 4 самостоятельные группы, каждая из которых действовала на свой страх и риск. В мае же 1919 г. произошли еще два объединения: отряд рабочего Гончарова-Толкунова слился с отрядом фронтовика И. Лубкова, несколько позднее отряд рабочего Крылова объединился с отрядом крестьянина А. Сергеева.

Белые занимали небольшими гарнизонами важные крупные населенные пункты, налеты на которые и составляли главную военную задачу партизан. Через район томских партизан пролегла Сибирская железнодорожная магистраль, но за все время красные совершили только несколько налетов, причем излюбленным участком нападения был перегон между станциями Ижморская, Иверка. Сводки белогвардейцев за первую половину 1919 г. отмечают, что «в целом в губернии спокойно». Кое-где были «беспорядки», но все это на почве истребления налогов за старое время, а также из-за самовольной порубки леса, пользования казенными угодьями, отбирания одежды казенного образца. Этим умело пользуются большевики, имеющие свои подпольные организации в целом ряде населенных пунктов, причем наиболее многочисленная организация в Кольчугине насчитывает несколько сот человек. Успех большевиков находится в тесной связи с забастовками и выступлениями рабочих, начавшимися уже в июле 1918 г. Располагали белые также сведениями о готовящемся все-сибирском восстании. Случай помог им раскрыть нити восстания на Кемеровском руднике и химзаводе, что привело к провалу как в самом Кемерово, так и в Томске. Но, несмотря на это, в начале апреля 1919 г. красные захватили власть в Кемерово, обезоружив дежурные части гарнизона в то время, когда свободные от нарядов офицеры и солдаты веселились на вечере, устроенном в пользу армии. Продержались восставшие 22 часа, но помощи из других пунктов не получили, и прибывший из Томска отряд полковника Буланцева заставил их отступить. Выступление это не могло, конечно, оказать какое-то влияние на ход Уфимского сражения, как раз

в эти дни принявшего критический характер. Оно не успело также сказаться на положении в Томской губернии. Но тем не менее восстание рабочих Кузбасса сыграло большую роль, послужив сильным толчком к развитию партизанского движения. К июлю 1919 г. здесь действовало уже около 20 партизанских отрядов (Гончарова-Толкунова, Крылова, Шевелева-Лубкова, Перевалова, Иванова-Шувалова, Сергеева и др.). На примере их действий ярко видно руководство движением со стороны большевистского подполья. Так, при налете на дом П. Лубкова белые захватили письмо Анжерского подпольного комитета большевиков на его имя и прокламации с призывом к восстанию. Комитет предлагал Лубкову усилить работу по вовлечению населения в борьбу. Указания эти Лубков и другие партизанские командиры выполняли энергично и весьма умело. Белогвардейские документы подробно описывают, как это делается. Заняв какую-нибудь деревню, партизаны созывают сход, объявляют, что подчиняться омскому правительству не нужно, налоги платить ему также не следует, рассказывают о целях ведущейся партизанами борьбы, просят общество поддержать их, объявляют прием добровольцев и записавшихся тут же обмундировывают и вооружают. На кулаков накладывают контрибуции и приказывают немедленно выплатить солдатам пособие за призванных в армию мужей. Другой видный партизан, В. И. Шевелев, действовавший в Кузнецком, Щегловском и Мариинском уездах, применял и такой метод. Он рассылал свои приказы сельским белогвардейским старостам, предлагая «именем Совнаркома» немедленно созвать сельские собрания, избрать из бедноты Совет крестьянских депутатов, сдать ему все дела и власть, сжечь все документы по окладным сборам и призывные списки, отобрать у всех оружие и вручить его бедноте, сформировать из нее советские вооруженные отряды, арестовать тех, кто поддерживал белых и т. д. и т. п. Так устная и письменная агитация и призывы к борьбе против белогвардейцев подкреплялись конкретными действиями большевиков и партизан, что оказывало исключительно сильное влияние на развертывание классовой борьбы на селе, усиление активности и организованности бедноты, увеличение численности активных борцов за Советы.

Колчаковцы придавали Кузбассу крупнейшее значение, как основному поставщику каменного угля для железных дорог Сибири*, и держали в нем сильные части милиции и войск, в том числе интервентов. Это обстоятельство, а также ряд других (мало населенных пунктов, кругом горы и непроходимая тайга отрогов Саяна) не благоприятствовали развитию широкого повстанческого и партизанского движения. Долго держаться здесь было трудно, и поэтому для действий партизан района характерно то, что они несколько раз уходили на Алтай, а потом, как только положение менялось, возвращались обратно**.

Иркутская губерния***

На 3-й Сибирской подпольной конференции большевиков в марте 1919 г. представитель Иркутской организации обрисовал малоутешительную картину положения, подчеркнув полное «безлюдье и безденежье». С августа 1918 г., когда в Иркутске и Черемхове побывал представитель Сибирского оргбюро партии Ф. Суховерхов, больше ни одного представителя центра не прибыло, а первая денежная помощь получена только в марте 1919 г. В городе 10 подпольных групп, есть общегородской коллектив (из трех человек), но из-за отсутствия постоянного руководства работа сильно хромала.

* Копи Кузбасса дали угля (в млн. пудов): в 1917 г. — 55, в 1918 г. — 44, в 1919 г. — 36.

** Мы уже отметили, что первым ушел из Кузбасса на Алтай отряд П. Сухова еще в мае 1918 г. В 1919 г. в районе Кольчугин, Щегловск оперировали отряды Шевелева-Лубкова, Новоселова, Кученцова. Попытки объединиться с партизанами Минусинского уезда не удалось, что и вынудило их в конце июня временно отойти на Алтай.

*** Численность населения губернии (без данных по уездам Сеченскому, Киренскому и Бодайбо) составляла около 678 тыс. человек, в том числе городского около 166 тыс. Нацменьшинств насчитывалось свыше 120 тыс. человек, в том числе около 92 тыс. бурят монголов, около 10 тыс. северных народностей, около 9 тыс. татар и т. д. По данным на 1917 г., примерно из 64 тыс. крестьянских хозяйств было (в %): без посевов — 16,2, без рабочего скота — 10,6, без коров — 16,7. На одно крестьянское хозяйство приходилось 6,7 души и по 4 десятины посевов. Промыслами занято было 24,4% населения. В Иркутске находился штаб военного округа, в котором на 15 октября 1919 г. числилось около 40 тыс. солдат и офицеров. Здесь же был центр вербовки и формирования добровольцев.

Сильная организация имеется в предместье Глазково, где создана боевая рабочая дружина в 50—60 человек, а на ст. Иннокентьевская (ныне Иркутск-2. — Г. Э.) подпольная организация насчитывает 11 человек.

Несмотря на трудности, подпольные организации быстро росли, и к маю 1919 г. они имелись почти на всех крупнейших железнодорожных станциях (Зима, Байкал, Тайшет, Слюдянка, Половина, а в июне также на станциях Тулун и Нижнеудинск), на судоверфи, на расположенных на территории губернии копях, рудниках и промышленных предприятиях (Черемхово, Бодайбо, Балаганск, Усть-Кута, Нижне-Илимск, Никольский металлургический завод и т. д.). Подпольная организация в с. Александрово имела тесную связь с группой в колчаковской охране знаменитого еще со времен царизма Александровского централа. Многие названные железнодорожные подпольные организации создали и непосредственно руководили небольшими партизанскими отрядами вблизи железной дороги от ст. Тайшет до ст. Байкал. В глубинных (от железных дорог) районах действовало несколько самостоятельно возникших партизанских отрядов (Бурлова, Новокшенова, Бич-Тажного, братьев Уваровых, Карнаухова и др.).

Иркутск издавна был центром не только административной и экономической, но и политической жизни Сибири: его окружали известные царские каторги и места ссылки (Нерчинская, Акатуй, Зерентуй, Александровский централ, Якутская ссылка и т. д.) и все они давали ему видных революционных деятелей. И ныне (доносила охранка) Иркутск — убежище крупных политических деятелей Сибири. Съехались они сюда, чтобы не быть в Омске на глазах у властей, а дальше проехать на восток бояться, чтобы не попасть в руки Семенова. Полно в Иркутске представителей Комуча, коим запрещено проживание в Омске. С первых же дней чехословацкого восстания в Иркутске все захватили эсеры: помощник командующего войсками военного округа поручик Калашников — эсер и бывший политкаторжанин; начальник милиции, комендант города — эсеры. Управляющий губернией — эсер Яковлев, городской голова и председатель земской управы тоже эсеры. Все они окружили себя своими же эсерами и делают все в интересах своей партии. Существует в Иркутске монархическое общест-

но, к нему примкнули все духовенство губернии и военные круги, настроенные на реставрацию. Их группа связана с Деникиным и в постоянной связи с Семеновым, переправляя к нему офицеров, бегущих с фронта.

Март и апрель, когда Колчак рвался к Волге, никакими важными событиями в губернии не отмечались. Были отдельные попытки восстания (район Черемхова и Шейский уезд), но все ликвидировано быстро и без привлечения значительных сил, причем в некоторых уездах и волостях «крестьянские вспышки обусловлены крайне бестактными, часто вызывающе дерзкими действиями и поведением уездной милиции». Общий вывод Мокшалева: «Нет партии, настолько сильной, чтобы она могла стать базисом нового правительства. Во всех партиях и группах или недоверие или озлобленное настроение против правительства растет, и на их поддержку правительству рассчитывать не следует»*.

Но если официальный Иркутск жил политическими интересами и борьбой всевозможных антисоветских групп, группочек и организаций, то западные районы губернии оказывались вовлеченными в повстанческое и партизанское движение под влиянием большого размаха его в сопредельных районах Енисейской губернии. Подтверждением сказанного может служить разговор по прямому проводу коменданта Нижнеудинска со штабом Иркутского военного округа в первых числах мая 1919 г. **. «Положение тревожное, — докладывал комендант, — успехи красных развиваются». Пути разбираются красными ежедневно, причем незначительные повреждения сменились на дистанциях от полуверсты до версты. Сегодня разобран путь по обоим направлениям от ст. Нижнеудинск на расстоянии 450 саженей (около 900 метров. — Г. Э.), рельсы и шпалы сброшены с семисаженной насыпи, балласт перекопан. Всякие работы по восстановлению путей и разрушений приостановлены за бесцельностью, так как отсутствие путевой охраны делает работы только тратой материалов. Движение совершенно приостановлено не меньше чем на два дня. Телеграф потребует исправления не менее недели, так как срезаны столбы и расхищены провода и изоля-

* ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 49, лл. 62—74.

** ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 79, лл. 1—4.

торы. Действия красных сосредоточены пока в районе ст. Тайшет по ту и другую сторону, но ожидается набег на город и станцию. Штаб округа ответил: «Снесемся немедленно с чехоштабом». Из дальнейших переговоров выясняется, что весь гарнизон Нижнеудинска состоит из 20 человек милиции, двух рот чехов и 320 солдат белых, но всех этих сил хватает только на два суточных наряда караулов и патрулей да человек 50—60 на разведку окрестностей, красных же насчитывается около тысячи. Разговор закончился тем, что штаб округа обещал прислать пулемет, «взятый взаимоотносно в английской военной миссии». Другой пулемет штаб надеется получить у французской военной миссии, так как собственную пулеметную команду трогать из Иркутска «неудобно», вернее говоря, опасно для самого Иркутска.

В целом следует констатировать, что до октября 1919 г. повстанческое и партизанское движение в губернии не получило значительного развития и не могло оказывать заметного влияния на успех наступления Красной Армии в Сибири.

Тобольская губерния *

Сводка за 28 апреля 1919 г. отмечает, что в селах Всесвятское, Сорочинское и в некоторых соседних собираются отряды красных общей численностью до 500 человек. Посланный карательный отряд разогнал их, расстреляно 70 человек. Крестьяне выступают против милиции и лесной стражи в связи с взысканием податей, недоимок, а также запрещением порубок леса. Сводки за вторую половину мая отмечают, что в губернии спокойно. То же сказано в сводках за июнь, за исключением Тарского уезда, где отмечается активность красных. Тюрьма в Тобольске переполнена — в ней свыше 3 тыс. арестованных по политическим делам.

* Численность населения губернии составляла 1,1 млн. человек, в том числе городского около 96 тыс. Нацменьшинств насчитывалось свыше 110 тыс. человек, в том числе татар около 56 тыс., украинцев около 22 тыс., зырян около 13 тыс. и т. д. Примерно из 186 тыс. крестьянских хозяйств было (в %): беспосевных — 8,4, без рабочего скота — 10,8, без коров — 7,7. На одно крестьянское хозяйство приходилось 5,7 души (всех членов семьи) и по 4,5 десятины посевов. Промыслами занято было 16,5% сельского населения, грамотных — 20%.

Центром партизанского движения в Тарском уезде было село Ново-Михайловское, где еще в конце 1918 г. большевиком А. И. Избышевым (бывшим председателем Сидельниковского волостного исполкома Совета) была создана подпольная большевистская организация и сформирована небольшая группа вооруженных. Совершив удачный налет на милицию села и захватив 15 винтовок, красные отошли в урман. В марте — апреле 1919 г. сюда прибыл представитель омского подполья большевик Г. Ф. Захарченко, привезший директивы об организации партизанских отрядов и вооруженных восстаний. Было создано несколько небольших групп. Близость района к Омску — белой столице Колчака — была причиной того, что в течение мая район трижды подвергался нашествию карательных экспедиций. Один из карательных отрядов был 17 мая 1919 г. под дер. Сухимка разбит, но присланный из Омска сильный новый отряд вынудил партизан отступить. Не добившись решительного успеха, белые оставили в нескольких пунктах небольшие гарнизоны и вернулись в Омск. Ни одна из сторон активных действий не предпринимала, и в таком положении они находились до 12 июля 1919 г., когда под Верхней Бакланкой красные разбили небольшой белогвардейский отряд, захватив оружие, боеприпасы, обмундирование и т. д.

Развивая успех, красные взяли 18 июля 1919 г. с боем центр белых сил района — волостное село Сидельниково, что послужило сигналом для восстания, охватившего более десяти волостей Тарского и Татарского уездов с центром в с. Кыштовка. Слабое вооружение и недостаток боеприпасов были основными причинами того, что 27 июля 1919 г. в бою в районе Унарского моста

* Численность населения губернии составляла около 1,3 млн. человек, в том числе городского около 180 тыс. Нацменьшинств насчитывалось свыше 330 тыс. человек, в том числе украинцев около 168 тыс., киргизов около 58 тыс., немцев около 40 тыс., татар около 19 тыс., зырян около 18 тыс. и т. д. По данным на 1917 г., примерно из 259 тыс. крестьянских хозяйств было (в %): беспосевных — 11,2, без рабочего скота — 12,3, без коров — 8,7. В среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось 6,1 души (всех членов семьи) и по 7,7 десятины посевов. Промыслами были заняты около 12,1%; грамотных числилось всего 22% населения.

красные потерпели поражение и вынуждены были отступить. Гибель организатора и руководителя движения Избышева сказалась весьма отрицательно на дальнейшей борьбе. Партизаны отступили в урман, где по ряду причин образовалось два самостоятельных отряда: Северный, созданный из партизан Тарского уезда, и добровольный партизанский Кыштовско-восточный.

В дальнейшем никаких крупных активных действий в названных трех уездах Омской губернии не отмечалось. Только с конца сентября 1919 г. начались выступления партизан, но это было уже тогда, когда фронт Красной Армии подошел почти к р. Ишим.

Интервенты

На начало мая 1919 г. колчаковской ставкой был составлен специальный «военный обзор», отмечающий как общий вывод деятельность иностранных войск «в общем незначительной». На внутренних фронтах Сибири конкретную помощь оказывают лишь чехословаки и итальянцы, и то, как правило, только в районе железных дорог*.

Наибольшую помощь войсками оказывала, по признаниям колчаковцев, Япония, ведя широкие военные действия против красных в Приморье и в Амурской области. Отмечаются многочисленные факты снабжения японцами белогвардейских войск оружием, боеприпасами и т. д. Как и американцы, англичане не принимают активного участия в борьбе с красными в тылу, взяв

* Большое внимание уделяется в сводках и докладах сообщениям командующего войсками на Дальнем Востоке, рассказывающего, что «американские солдаты и офицеры принимают участие в большевистских выступлениях». Так, при попытке взорвать железнодорожный мост были задержаны два американских солдата; в Приамурской области среди пленных красных оказались два американских офицера генерального штаба. Эти и тому подобные «факты» приводились колчаковцами в доказательство «неверности этой союзницы». Им были, конечно, отлично известны истинные цели американцев завязать сношения с красными повстанцами края. Выступая в роли «друзей России», американцы стремились использовать резко враждебное отношение населения к японцам, чтобы найти для себя «атаманов», после того как попытки Христианского союза молодых людей Америки вовлечь в свои сети население полностью провалились. (ЦГАОР, ф. 292, оп. 1, д. 80, л. 47.)

ли себя охрану небольших участков железной дороги к потоку от оз. Байкал.

Хотя части чехословацкого корпуса были окончательно сняты с фронта еще в январе 1919 г., вопрос о возможности их использования для борьбы с Красной Армией никогда не сходил со страниц белогвардейских газет, докладов и сводок. По мнению их авторов, чехословацкие руководители не отказались принципиально от плана убийства корпуса на родину через Советскую Россию путем наступления на северном направлении (конкретно назывался Петроград. — Г. Э.) совместно с польскими войсками, формирующимися в Сибири и насчитывавшими к лету 1919 г. около 10 тыс. солдат. Окончательное решение начать операцию зависело от положения на фронтах и общей политической обстановки в Европе⁵⁶.

Колчаковские контрразведывательные органы делили чехословаков в Сибири на две группы в зависимости от их отношения к большевизму, а именно: 1) солдаты, поступившие добровольцами в корпус до его мятежа в мае 1918 г., все настроены против большевиков, «хотя во многом и сходятся с ними», ибо все они без исключения социалисты-масарикивцы (то есть сторонники политики Масарика. — Г. Э.); 2) чехословаки из бывших военнопленных, мобилизованные в Сибири после майского переворота 1918 г. и зачисленные в корпус, очень ненадежны, в связи с чем давно уже прекращен их дальнейший призыв и набор. Но и без того число недоукомплектованных солдат в корпусе большое, и они, «не имея никаких идеалов», всякое свое трудное или невыгодное положение тотчас же подвергают далеко идущей критике, хотя и ведут себя сдержанно, ибо знают, что «в Чехословацкой республике с большевиками не будут церемониться». Агитация в чехословацких частях идет против их же военных и политических руководителей, против офицеров и буржуазии вообще. Какое положение займет, в конце концов, корпус — сейчас сказать трудно.

Среди солдат корпуса упорно распространяются слухи, что большевики согласны пропустить их через фронт при условии сдачи оружия. В частях корпуса, расположенных в Иркутской губернии, серьезное недовольство на почве плохого питания и обмундирования, низкого

жалованья*. В 3-м полку имеют место столкновения между офицерами и солдатами из-за вмешательства солдатских хозяйственных комитетов в дела командования и в связи с тем, что принятые в свое время на съезде представителей⁵⁷ в Екатеринбурге решения и постановления не выполняются**.

4. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ИЮНЕ 1919 г. И ЗАДАЧИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

24 июня 1919 г. главнокомандующий войсками Красной Армии И. И. Вацетис представил обширный доклад о положении на фронтах***.

За последние два месяца война достигла наивысшего напряжения, можно предположить, что «мы приближаемся к решительному моменту борьбы за целостность республики». По-прежнему пассивен один лишь фронт 6-й Красной армии. Развитие операций на остальных фронтах потребовало крайнего напряжения сил и ресурсов страны.

Отметив ряд проведенных мер военно-политического и организационного характера, главком представил цифровые данные о силах Красной Армии и ее противников, сведенные нами в таблицу (стр. 235).

Дав анализ соотношения сил, Вацетис подчеркнул, что «никаких резервов в республике у нас нет и резервами могут служить лишь войска одного фронта для другого. Сравнительно с данными на 1 мая 1919 г. численность штыков и сабель, несмотря на ряд

* Так, пешая разведка 3-го чехословацкого полка на ст. Тайшет (в ней было 140 солдат. — Г. Э.), не дождавшись обещанной смены, самовольно уехала с продовольственным эшелоном, отцепив и оставив на станции вагон с офицерами команды. Были посланы две роты 1-го чехословацкого полка, которым пришлось команду разоружить.

** На ст. Тайшет состоялись два тайных собрания, одно из них в кино, куда даже не пустили обслуживающий кино персонал из русских. Избрана делегация для поездки в Омск с требованием об отправке на родину. Постановлено, что в случае отказа солдаты полка прекращают враждебные действия против большевиков и при содействии последних должны «привести упомянутое требование в исполнение».

*** ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 54, лл. 61—72.

Фронты	Красная Армия			Противники			
	штыки, сабли, тыс.	пулеметы	орудия	штыки, сабли, тыс.	пулеметы	орудия	танки
6-я армия	15	358	136	39	773	125	—
Западный фронт	139	2857	797	378	2721	932	—
12-я армия							
Южный фронт	77	1591	433	110	1206	384	14
Восточный фронт	125	2248	445	128	1250	330	—
Итого:	356	7054	1811	655	5950	1771	14

сверхплановых мобилизаций (коммунистов, рабочих, профсоюзов и т. д.), увеличилась всего на 27 тыс. человек, но зато уменьшилось число пулеметов на 546 и орудий на 432».

Обстановка на отдельных фронтах характеризовалась в докладе следующим образом.

Северный фронт (6-я Красная армия). В мае наступило затишье, и «нет оснований ждать крупных операций в настоящее время». Задача советских войск — оборона, что, конечно, не исключает демонстраций для отпугивания сил.

Западный фронт. Положение неблагоприятное. Противник вынудил нас к отходу на линию Красная Горка, Ораниенбаум, Красное Село, Гатчина и занял 20 апреля Вильно, 26 апреля — Псков, а 22 мая пала Красная Рига. За последнее время наступило некоторое затишье. Центральный Комитет партии признал Петроградский фронт важнейшим, требующим чрезвычайного сосредоточения сил и исключительных мероприятий по силованию частей и закреплению положения. Уже прибыли 27 полков с Восточного фронта, еще перебрасывается с того же фронта две бригады, что даст всего около 32 тыс. штыков и сабель. Из занаряженного маршевого пополнения в 21 тыс. солдат прибыло пока только 13 тыс. У противника на двух главных направлениях — Выборгском и Нарвском — около 40 тыс. штыков и сабель. Необходимо в ближайшее время перебросить по крайней мере еще две боеспособные дивизии, что даст известную стойкость войскам.

12-я армия (бывший Украинский фронт). При соотношении сил не в нашу пользу (красных 49 тыс. штыков и сабель, белых 87 тыс.) армии ставились задачи: а) оборонять границу с Румынией; б) прикрывать направление на Киев ввиду сосредоточивания поляками и Петлюрой крупных сил.

Южный фронт. Соотношение сил таково:

	Западный участок*				Восточный участок**			
	штыки, тыс.	сабли, тыс.	пулеметы	орудия	штыки, тыс.	сабли, тыс.	пулеметы	орудия
Красные	43,0	7,5	1960	425	16,2	7,0	849	206
Белые	33,5	41,8	833	156	8,0	17,5	264	60

* Имеется в виду направление Таганрог, Новочеркасск.

** Имеется в виду направление Ростов-на-Дону, Тихорецкая, Благодарненское.

В двадцатых числах мая противник ввел в дело глубокие резервы, что создало двойное превосходство его сил на важнейших для нас направлениях. Наши армии таяли, противник же усиливался восставшими казаками. Задача фронта — прикрывать направления на Царицын, Харьков, Воронеж. Положение угрожающее ввиду нестойкости наших частей, огромного превосходства кавалерии противника, действующего крупными конными массами и глубокими обходами. На помощь из внутренних округов, Восточного и Украинского фронтов уже прибыло около 40 тыс. бойцов и 84 орудия. Прибыло также 35 тыс. пополнения из занаряженных 150 тыс. человек. «Но наше пополнение не вполне боеспособно, и поэтому для прикрытия важнейших направлений пришлось прибегнуть к героическим мерам». Была спешно снята опять с того же Восточного фронта бригада 2-й дивизии (брошенная под Царицын), и снимаются еще части одной стрелковой дивизии (7-й или 31-й), втянутые еще в серьезные бои.

11-я армия (бывший Каспийско-Кавказский фронт). Готовилась операция по занятию Петровска, Грозного и Владикавказа. Задачу пришлось сократить

инду переброски в апреле на помощь Восточному фронту частей 33-й стрелковой и 7-й кавалерийской дивизий. На Каспийском море сейчас господствует противник. Армия расформируется: боеспособные войска ее передаются в 10-ю Красную армию, остальные будут использованы на формирования в районе Астрахани.

Восточному фронту в докладе уделено много внимания. Преследуя Колчака, мы подошли к Каме от устья р. Вятки до г. Оханск (50 км южнее Перми) и местами уже форсировали ее. На этом направлении красных 56 тыс. штыков и сабель против 36 тыс. штыков и сабель противника. Южнее Камы наши части форсировали Белую и местами р. Уфа, но сопротивление противника все сильнее и сильнее, чему способствуют горная местность, умелое его маневрирование, а также соотношение сил: 48 тыс. наших против 53 тыс. штыков и сабель противника. На правом фланге фронта казаки начали действовать активно и оказали давление на Средней Волге у Самары, а при успешном развитии операции Деникиным на Царицын установят с ним непосредственную связь. Соотношение сил на этом участке: 10 тыс. штыков и сабель наших против 14 тыс. противника. После поражений под Бугурусланом и Бугульмой и севернее Камы противник организованно и систематично отступает за Белую и Каму, оказывая незначительное сопротивление.

Для упрочения положения на Восточном фронте командованию его указано создать укрепленный район по линии рек Белой и Камы, с тем чтобы он мог послужить прочной базой для дальнейшего движения на восток. «Однако, — пишет главком, — надо признать, что главная задача Восточного фронта — разбить армию Колчака — далеко еще не решена полностью. Армии Колчака, хотя и с потерями, быстро вышли из-под наших ударов в Уральские горы, где они приобретают все выгоды обороны и выигрыш времени. Для окончательного уничтожения его сил предстоит начать новую кампанию в Уральских горах и преодолеть весь хребет». При серьезном сопротивлении противника горная война может затянуться надолго — до глубокой осени — и прикует значительные силы. Восточный фронт в настоящее время является единственным, на котором мы имеем численное превосходство над противником, а так-

же большие успехи, и «на него приходится смотреть как на единственный источник резервов для восстановления положения на Южном фронте и в Петроградском районе. Поэтому продвижение на Восточном фронте через Уральский хребет можно допустить лишь условно, насколько это не помешает, в случае необходимости, выделению из него части войск на другие фронты».

Более категорически эта же мысль о необходимости отказаться от немедленного развития достигнутых против Колчака успехов высказана в общем заключении по докладу в целом. Главком еще раз подчеркивает, что «задачу нельзя считать решенной: противника на Восточном фронте можно считать побитым, но не разбитым». Преодоление Уральского хребта потребует не менее 2—3 месяцев, и сделать это не так просто. Главное в том, что «продвижение в Уральские горы возможно будет постольку, поскольку это не помешает выделению нужного числа резервов» для прикрытия центра Республики от Деникина и для восстановления положения в Петроградско-Псковском районе. В связи с этим задачи на всех остальных фронтах придется, может быть, ограничить минимумом, и в частности на Восточном фронте перейти к активной обороне, помня, что на Южном фронте настолько угрожающее положение, что «там дорог каждый солдат и дорога каждая минута». Доклад подписан кроме главкома И. И. Вацетиса членом Реввоенсовета Республики С. И. Гусевым и начальником полевого штаба Ф. Ф. Костяевым.

Подробное рассмотрение доклада выходит за пределы нашего исследования. Да и вообще, есть ли надобность подвергать критическому разбору документ, в котором все обосновано на общеизвестных фактах, все подкреплено цифрами и расчетами, в котором вывод и умозаключения убедительны и заслуживают доверия так же, как его заслуживают лица, составившие доклад, и лица, подписавшие его? С какими бы дополнительными материалами и критериями мы не подходили к содержанию доклада, двух мнений быть не может: военное положение Республики очень тяжелое и весьма серьезное. Это бесспорно.

Можно было бы, конечно, поставить целый ряд вопросов, к примеру: 1) почему при общей численности Красной Армии в 1 582 тыс. человек имеется на фронтах всего 356 тыс. штыков и сабель, в то время как согласно указаниям Реввоенсовета Республики число их не должно быть менее 50% численного состава полков и соединений? 2) В одном из своих докладов Вацетис писал: «Появления Деникина мы давно ждали, знали даже его состав и все это учитывали». А что произошло на самом деле? За четыре месяца наступления армий Южного фронта (с линии Острогожск, Борисоглебск, Поворино, Елань, Царицын, Сарепта) наши войска к концу апреля — началу мая заняли почти весь Донбасс, всю хлебную область Войска Донского, грозили перервать Владикавказскую железную дорогу (на которую базировался Деникин) и подошли на 80 км к Таганрогу, на 40 км к Ростову-на-Дону (с востока), выдвинулись на 25—50 км к югу от р. Маныч и подошли к верховьям р. Кума. Вот тут только и появились войска Деникина. (Он начал в первых числах мая ударом от р. Маныч на Царицын, а в двадцатых числах мая прорвал наш фронт в районе Юзовки и стал быстро развивать успех. Обоснованность слов Вацетиса «ждали, знали и все учитывали» вызывает большие сомнения; 3) дух пессимизма доклада более чем очевиден: на всех фронтах (кроме Восточного и 6-й армии) мы потеряли инициативу, и ею владеет противник; кроме тех же Восточного и 6-й армии, заколебались сразу все фронты. «Никаких резервов в Республике у нас нет», — эпически повествует главком и даже не говорит, нужно ли их создавать и как это можно сделать, если до этого не все было сделано.

В ноябре 1918 г. тот же Вацетис дал приказ о переброске с Восточного на другие фронты до 40 тыс. бойцов, хотя и ушло только 25 тыс.; вызванное переброской ослабление наших сил было одной из основных причин успехов Колчака. С тех пор прошло больше полугода, и в поисках сил главком опять вынужден обращаться к тому же Восточному фронту. Он даже называет его единственным источником резервов для восстановления положения на Южном фронте и в Петроградском районе.

Тогда, в конце 1918 г., главком И. И. Вацетис и

командующий Восточным фронтом С. С. Каменев, ослабив силы левого крыла, категорически требовали выполнить прежние, старые задачи, игнорируя происшедшие в соотношении сил изменения не в нашу пользу.

Теперь, в июне 1919 г., главком, учтя предыдущий опыт, приказывает в связи с ослаблением фронта из-за переброски частей на Юг и под Петроград прекратить наступление, перейти к обороне, создать укрепленные районы.

Но теперь пассивное решение оказывалось неверным, и прежде всего потому, что оно противоречило указаниям В. И. Ленина и решениям Пленума Центрального Комитета РКП(б) от 15 июня 1919 г., подтверждающим абсолютную необходимость продолжать наступление.

Несмотря на это, главком Вацетис продолжал упорствовать. Имея полную поддержку со стороны тогдашнего председателя Реввоенсовета Республики Троцкого, он пытался обойти указания Центрального Комитета и проводить в жизнь свой план. Как известно, дело закончилось тем, что вопрос рассматривался еще раз на Пленуме ЦК РКП(б) 3 июля 1919 г., который подтвердил свое прежнее решение о необходимости продолжать наступление и одновременно освободил Вацетиса от командования, назначив главкомом С. С. Каменева.

Не вдаваясь в подробности вопроса, следует остановиться на происходящей вокруг него борьбе, так как в некоторых советских изданиях допущены по этому поводу ошибочные толкования. Дело освещается таким образом, что в решительный момент, когда осуществление плана разгрома Колчака подходило к концу, Троцкий и Вацетис предложили командованию Восточного фронта перебросить значительную часть войск на Южный фронт; для этого надо было приостановить наступление, что дало бы Колчаку возможность восстановить свою армию. Понадобилось вмешательство В. И. Ленина. Он потребовал освободить Урал обязательно до зимы. ЦК отклонил предложение Троцкого и дал директиву Реввоенсовету Восточного фронта продолжать наступление. Красные войска на всем Восточном фронте перешли в наступление. К лету 1919 г. опасность со стороны Кол-

чка, как главная, перестала существовать, хотя его армия не была еще окончательно уничтожена. Вкратце, неточности и ошибки подобных утверждений таковы:

1) их авторы называют только один Южный фронт и ни слова не говорят об угрожающем положении под Петроградом. «Для спасения Питера, — телеграфировал в ночь на 9 июня 1919 г. В. И. Ленину из Петрограда чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны И. В. Сталин, — необходимо тотчас же, не медля ни минуты, три крепких полка» *.

В ту же ночь В. И. Ленин послал два распоряжения: 1) через зампреда РВСР Э. Склянского начальнику Подпольного штаба Республики: «Помочь Питеру необходимо с Восточного фронта» ** и 2) Реввоенсовету Восточного фронта: «Сильное ухудшение под Питером и прорыв на юге заставляют нас еще и еще брать войска с Вашего фронта. Иначе нельзя» ***. 11 июня В. И. Ленин еще раз телеграфировал тому же РВС Востфронта о необходимости тщательно проверить политико-моральное состояние отправляемых на помощь Питеру войск.

Выводы очевидны: переброска войск с Восточного фронта была необходима и производилась по решению и указаниям ЦК и лично В. И. Ленина. Явная ошибка приписывать это решение Троцкому и Вацетису и создавать у читателя впечатление, что переброска не была необходима;

2) назвав ошибочным решение о переброске войск с Восточного на другие фронты, авторы эти утверждают, что для этого надо было приостановить наступление, что дало бы Колчаку возможность восстановить свою армию. Еще одно глубоко ошибочное утверждение. Гениальность ленинского плана в том-то и состояла, что он: 1) приказал снять с Восточного фронта возможно максимальное количество войск для немедленной переброски на другие фронты; 2) одновременно приказал наступление ни в коем случае не приостанавливать, а продолжить его с нарастающей силой ****. Таконо и было сделано;

* Ленинский сборник XXXIV, стр. 167.

** Там же, стр. 168.

*** В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М., 1943, стр. 16.

**** См. В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 402—419.

3) в трудах ряда авторов встречается утверждение, что красные войска на всем Восточном фронте перешли в наступление, чем создается впечатление, будто бы наступление было приостановлено. Это абсолютно неверно. В том-то и дело, что Реввоенсовет Востфронта на этот раз категорически выступил против директивы Вацетиса, Троцкого и никаких приказов войскам фронта приостановить наступление не дал. Ни на один день не было приостановлено наступление войск фронта из-за борьбы, которую Вацетис и Троцкий начали против решения ЦК и В. И. Ленина;

4) ошибочно также утверждение авторов о том, что опасность со стороны Колчака перестала существовать. Утверждение это находится в противоречии с оценкой, данной В. И. Лениным в его историческом «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком».

Вацетис и Каменев были едины в оценке Колчака как серьезного и опасного противника. Первый категорически заявлял, что Колчак не разбит, а только побит, и поэтому опасно продолжать наступление на Урал ослабленными силами. Того же мнения о силе Колчака придерживался Реввоенсовет Востфронта, но решение задачи он видел в другом. «Я ручаюсь,—говорится в телеграмме Каменева Вацетису от 22 июня*,— что если мы остановимся, то поражение нас неизбежно».

«Ошибка» Вацетиса начинается там и тогда, когда он, не считаясь ни с чем, видит только один выход из положения (перейти к обороне) и пытается проводить в жизнь свое решение в обход указаний ЦК. Мы взяли слово «ошибка» в кавычки потому, что дело тут не в Вацетисе лично, а речь идет о значительно более важном — о несостоятельности буржуазного военного искусства, в плену которого целиком оказались на этот раз Вацетис и его ближайшие сотрудники.

Кольцо фронтов окружало со всех сторон Советскую республику. Красная Армия вынуждена была действовать по внутренним операционным линиям, испытывая в то же время острый недостаток сил и средств. История войн учит, и буржуазная теория военного

* ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 87, лл. 453—459.

искусства на этом создала и обосновала свой тезис: в аналогичных условиях нельзя вести решительные наступательные операции сразу и одновременно на всех фронтах, а надо умело сочетать оборону на одном (или нескольких) фронте и участке с решительными операциями на другом (или других) участке и фронте.

Критиковать Вацетиса приходится не за то, что он верил в непреложность и спасительную силу этой «академической истины». Речь идет о другом. Почти целый год работал уже Вацетис в должности главнокомандующего войсками Красной Армии, и за этот год он десятки и десятки раз получал от В. И. Ленина и Центрального Комитета РКП(б) устно и письменно решения, указания, напоминания и советы по всем основным вопросам военного строительства и ведения войны. И надо сказать — он стремился проводить их в жизнь добросовестно. Беда Вацетиса, если так можно выразиться, состояла в том, что для него гражданская война была прежде всего «войной», такой же, как те — русско-японская и первая мировая, в которых ему приходилось принимать участие. Как военный специалист, он видел только один путь в победе на войне — путь правильного военного решения возникающих в ходе борьбы задач на основе тех «принципов» и положений, которым он был обучен и применение которых он видел собственными глазами в предыдущих войнах. Он недопонимал или недооценивал зависимости и взаимодействия между социально-политическим содержанием войны, с одной стороны, и силами, средствами и методами — приемами ведения ее — с другой. Беда Вацетиса состояла еще и в том, что он не извлек уроков из опыта истекшего года войны *, не хотел считаться даже со своим собственным опытом в этой войне. Дважды за истекший период старые военные специалисты оказывались бессильными перед сложившимся положением: летом 1918 г., когда чехи захватили Среднюю Волгу, и в апреле 1919 г., когда Западная армия генерала Ханжина была на подступах к Волжской реке. И оба раза мы одержали победу только потому, что ЦК партии во главе с Лениным взяли

* Мы имеем, в частности, в виду действия М. В. Фрунзе при сосредоточении сил Южной группы (см. стр. 212).

непосредственно за организацию отпора натиску врагов и по их призыву двинулись на фронт десятки тысяч добровольцев — большевиков, революционных рабочих, комсомольцев.

Не видеть и не понимать этого Вацетис не мог. Как поставленный партией во главе командования войсками Красной Армии военный специалист, он поступил совершенно правильно, представив подробный доклад о тяжелом положении Республики и дав свои соображения и предложения о дальнейших планах наших действий. Ему была предоставлена возможность отстаивать свои взгляды и доказывать целесообразность и эффективность предлагаемых им мер. Решение же зависело не от него, а от того, что скажет Центральный Комитет во главе с В. И. Лениным, а для них он был лишь одним из исполнителей принятого решения. Таков был выработанный на практике порядок, и за год своего командования Красной Армией Вацетис всегда его соблюдал и ему подчинялся. И если в данном случае он поступил иначе, то это было отражением влияния привходящих обстоятельств, в том числе и личного порядка, останавливаться на которых нет никакой надобности.

Но ставить на этом точку нельзя. Было бы абсолютно неверно, как это делают одни наши исследователи, усматривать в приведенном факте лишь эпизод из деятельности советского главного командования. Или же, как это делают другие, свести весь вопрос к трафаретному положению: главком ошибался, ЦК его поправил, а когда это не помогло, Вацетис был заменен, ибо никакого «двоевластия» тут быть не могло. Третьи рассуждают не менее убедительно: дальнейший ход событий полностью подтвердил правильность решений ЦК во главе с Лениным, а раз оно так, то о чем же вообще может еще идти разговор по этому поводу?!

Спору нет, каждая из названных групп исследователей права, но только по-своему. История советского военного искусства, к сожалению, еще не написана. Когда это будет сделано, рассматриваемый «эпизод» займет в ней одно из первых мест.

Борьба вокруг вопроса о том, продолжать ли наступление или перейти на Восточном фронте к обороне, была прежде всего отражением борьбы между старым и новым пониманием содержания и целей войны. На про-

жении всей истории войн и военного искусства хорошая стратегия утверждала свой примат и, добиваясь победы, вступала в борьбу с плохой политикой. Так считали одни военные практики и теоретики, и примеров у них было немало. А другие в то же время писали, что хорошая политика нередко давала победы при плохой стратегии, — убедительные примеры находились и у них.

То был извечный вопрос всей истории войн, отражающий антагонистическую сущность классового общества. Эпиграфом этого раздела военной истории и военного искусства могут быть поставлены слова Наполеона, сказанные им незадолго до его падения: «Довольно быть императором — пора снова стать генералом». В одной высокопарной фразе слились и горечь признания гибельности плохой политики того класса, чьи интересы он защищал, и навеянные воспоминаниями о прошлых победоносных войнах надежды, и не менее гибельная самоуверенность, что «хорошая стратегия» в его руках спасет французскую буржуазию и его самого. Наполеон не понял или не хотел понять, что победы его зиждились не на «лучшей, чем у противника», стратегии, а на прогрессивном содержании войн (уничтожавших в Европе феодальные политические и экономические формы отжившего средневековья) и что сама «его» стратегия обязана своим происхождением и развитием именно новому прогрессивному социально-экономическому содержанию тех войн.

Основы советской науки о войне и военном искусстве родились в работах Ленина и решениях Коммунистической партии задолго до гражданской войны 1917—1922 гг. Они прошли испытание в огне первой русской революции и обогащенные ее опытом привели пролетариат и его союзника к победе в Октябре 1917 г. Они незыблемы в той же степени, как незыблемо учение марксизма-ленинизма, на котором они построены. Применение их на практике в сложных условиях гражданской войны приводило очень часто к противоречиям, спорам, нередко даже к резким столкновениям. Разве не об этом говорят такие общеизвестные факты: а) как борьба, вести которую пришлось командующему Южной группой войск Востфронта М. В. Фрунзе в ходе подготовки и проведения нашего контрнаступления в апреле — мае

1919 г.; б) как борьба вокруг вопроса о главном направлении удара группы В. И. Шорина осенью 1919 г.; в) как борьба между командзапом М. Н. Тухачевским и командюжем А. Е. Егоровым летом 1920 г. — борьба, столь дорого обошедшаяся Советской республике и весьма поучительно и метко выраженная в самом названии книги Егорова «Львов или Варшава?». «Случай» с Вацетисом относится к этой же категории «эпизодов».

К сожалению, нет еще труда, который бы попытался обобщить такого рода факты, исследовать их, извлечь уроки, установить закономерности. Советская военная наука и военное искусство развивались и укреплялись в годы гражданской войны не только в борьбе с интервентами и белогвардейцами. В подготовке и разработке важнейших военно-политических, военно-стратегических вопросов и решений участвовали сотни людей, десятки инстанций. Сплошь да рядом почти невозможно найти «автора» стратегических, даже оперативно-тактических, идей и замыслов, если, конечно, не свести все дело к чисто формальному признаку — кем данный документ подписан. Дело не в том, что тогда не было еще единоначалия и, принимая решение, командир должен был считаться с мнением и взглядами политических комиссаров, членов Реввоенсовета и т. д. Невозможно найти ни одного случая, когда бы данная командная инстанция не обменивалась бы предварительно с вышестоящими и нижестоящими командованием и штабом оценками обстановки, взглядами на предстоящие задачи и т. д. Многие авторы уклонялись от раскрытия сложнейших процессов выработки и принятия решения, характеризующих в те годы Красную Армию. Их не интересовали система и методы работы советского командования, наших штабов. Они свели все дело к одному человеку и еще десятку лиц из признанного им «антуража» и тем нанесли большой ущерб истории развития советской военно-научной мысли.

В. И. Ленин неоднократно указывал Реввоенсовету Востфронта не допускать ослабления фронта* в связи с перебросками. «...Напрягите все силы; следите внима-

* С середины мая по конец июня 1919 г. с Восточного фронта были направлены под Петроград, на Западный и Южный фронты: 2, 31 и 33-я стрелковые дивизии, четыре стрелковые и две кавале-

тельно за подкреплениями; мобилизуйте поголовно прифронтовое население; следите за политработой; еженедельно шифром телеграфируйте мне итоги», — говорится в его исторической телеграмме от 25 мая 1919 г. *, начинающейся словами: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной...» В другой его телеграмме тому же Реввоенсовету говорится: «Вам надо перейти к более революционной военной работе, разрывая привычное. Мобилизуйте в прифронтовой полосе поголовно от 18 до 45 лет, ставьте им задачей взятие ближайших больших заводов вроде Мотовилихи, Миньяра, обещая отпустить, когда возьмут их. Ставя по два и по три человека на одну винтовку, призывая выгнать Колчака с Урала, мобилизуйте 75 процентов членов партии и профсоюзов. Иного выхода нет, надо перейти к работе по-революционному» **.

Главком Вацетис доказывал, что для овладения Уралом необходимо «начать новую кампанию» и что на это потребуется, вероятнее всего, не менее 2—3 месяцев. Соображения и расчеты его оказались неверными. Численно ослабленные ***, совершившие в течение предыдущих полутора месяцев с непрерывными боями почти 400-километровое контрнаступление от Волги к Уралу, армии фронта нашли в себе достаточно сил, чтобы выполнить поставленную вождем задачу досрочно. И здесь — в предгорьях Урала и на его плоскогорьях — снова дала себя знать борьба, которую массы трудящихся вели в тылу белых под руководством большевиков.

Не оставалось почти ни одного уральского завода, отряды рабочих которого не выступили бы активно с оружием в руках против белогвардейцев. Работа руководимых Центральным Комитетом партии большевиков

рийские бригады и другие более мелкие подразделения. По ориентировочным подсчетам, это составляло не менее 40—45 тыс. штыков и сабель, свыше 500 пулеметов и сотни орудий.

* В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). Воениздат, 1956, стр. 132—133.

** Там же, стр. 147.

*** С 14 июня по 12 июля (когда белые были сброшены с Уральских перевалов) армии фронта получили из тыла всего 11,2 тыс. человек маршевого пополнения. Прибытие не покрывало даже половины убыли от переброски, не говоря уже о восполнении потерь убитыми, ранеными и т. д.

подпольщиков Урала дала блестящие результаты. Десятки рабочих отрядов возникали как из-под земли при первых же признаках приближения Красной Армии. Они умело сочетали свои действия с операциями советских войск, нападали на штабы и обозы, рвали связь, разрушали железные дороги и т. д., сыграв крупную роль в боях за Златоуст.

Можно сказать, что в истории Восточного фронта июнь, июль 1919 г. дают нам впервые примечательные факты широко организованного массового вооруженного выступления трудящихся по ту сторону фронта против общего врага. Успех выступления объясняется тем, что оно было заранее подготовлено большевистским подпольем, что оно происходило на театре военных действий в непосредственном тылу теснимого с фронта противника и что восставшие рабочие отряды стремились прежде всего увязать свои действия с действиями войск Красной Армии.

Слова В. И. Ленина «надо перейти к работе по-революционному» прозвучали на весь Урал. В них проявлялись не только глубокая вера в силу трудового народа и призыв к действию. Вождь революции бросил клич не как революционную фразу, а как точный приказ, приводящий в действие силы, над созданием которых давно уже по его указаниям работали коммунисты-подпольщики всей колчакии.

5. О ЧЕЛЯБИНСКОМ СРАЖЕНИИ

План Колчака задержать и разбить войска Восточного фронта в горных проходах Среднего Урала потерпел неудачу, ближайшей целью им поставлен был выход на рубеж Челябинск, Екатеринбург. Главный удар наносила 5-я армия на Челябинск — крупный железнодорожный узел, с потерей которого белые лишались важнейшей для них рокадной железной дороги Челябинск — Екатеринбург. Отсюда же из Челябинска уходила на юг железная дорога Троицк — Кустанай, на которой базировалась Южная армия генерала Белова, удерживавшая Южный Урал и преграждавшая советским войскам дорогу в Туркестан. Крупные железнодорожные мастерские Челябинска и расположенные в этом же

районе каменноугольные копи увеличивали военно-экономическое значение его.

Не меньшее значение имел Челябинск в морально-политическом отношении: он — ворота в Сибирь. Потеря его белыми должна была всколыхнуть массы враждебно настроенного к Колчаку трудового населения Сибири и Дальнего Востока. Было ясно, что враги не отдадут Челябинска без серьезных боев. Но кроме этих, можно сказать, чисто «сибирских мотивов» значение имело положение на остальных фронтах Советской республики.

Ко времени Челябинского сражения (конец июля 1919 г.) войска Деникина вышли на линию Царицын, ст. Балашов, г. Острогожск, Белгород, то есть подошли почти на 600 км к Москве и продолжали энергичное наступление. 3 июля 1919 г. Деникин подписал в Царицыне «московскую директиву», возвестив о начале решительных операций по овладению столицей Советской республики.

Весьма серьезной была угроза со стороны Юденича и помогавших ему белоэстонских и белофинских войск. Для отпора врагам были собраны значительные силы, но исход нашего контрнаступления предвидеть было трудно. Факт оставался фактом: враг подошел к воротам колыбели Октябрьской революции и напрягал все свои силы для овладения ею⁵⁸.

Грозной была обстановка на Западном фронте. Сорокатысячная немецко-баронская армия германского генерала фон дер Гольца и местные белогвардейские формирования захватили всю территорию Советской Латвии. На западных границах белополякам удалось к июлю 1919 г. оттеснить красные войска (на линию западнее г. Полоцк, ст. Молодечно и далее к югу на рубеж восточнее ст. Барановичи, г. Пинск, г. Мозырь). Успех врагов объяснялся в основном тем, что силы Красной Армии были отвлечены на другие фронты, а польская Польша успела сконцентрировать шесть свежих дивизий армии Галлера*. На этом направлении до столицы Советов оставалось около 800 км.

Наконец, Советский Север все еще занимали интер-

* Формировавшиеся во Франции польские войска под командованием генерала Галлера находились на попечении Франции и в полном распоряжении французского верховного командования.

венты и белогвардейские войска генерала Миллера, а в июне 1919 г. из Англии прибыли две новые бригады*.

Обзор показывает всю серьезность положения. Речь шла уже не об отдельном «наскоке», а о крайне опасном одновременном приближении превосходящих сил врагов к жизненным центрам Советской республики. Натиск их на внешних фронтах был тесно связан с кулацкими восстаниями и крупными контрреволюционными заговорами в тылу Красной Армии, особенно серьезными и мощными в тылу Южного фронта и на Северном Кавказе.

В этих условиях задача Колчака была вполне ясна: продержаться еще хотя бы месяц-другой, пока не скажутся результаты натиска на Москву с юга и севера, с запада и из Прибалтики. Не теряли колчаковцы надежды и на то, что империалисты Антанты найдут еще пути и возможности возобновить прямое вторжение собственными армиями, хотя бы под флагом «добровольческих отрядов», как это уже широко практиковали англичане, немцы, белофинны и пр.

Нельзя сказать, что надежды эти были абсолютно беспочвенны. Еще в конце мая 1919 г., когда, казалось бы, с вопросом о направлении союзниками в Россию собственных армий давно уже и навсегда покончено, колчаковская контрразведка раздобыла весьма важные сведения.

Вернувшийся из Лондона член английской военной миссии в Сибири лейтенант Тернер сообщил о состоявшемся в Лондоне перед его отъездом секретном совещании президента США Вильсона, английского премьер-министра Ллойд Джорджа и премьер-министра Франции Клемансо по «русскому вопросу». В качестве «эксперта»** был приглашен капитан 2 ранга англичанин

* Командующий интервентскими войсками английский генерал Айрнсайд не делал секрета из агрессивных планов Антанты и на пресс-конференции заявил корреспондентам, что этим летом будет осуществлено соединение с Колчаком и будет взят Петроград, а «потом уже возьмемся за остальную Россию». (См. Г. Е. Мырин. Американские империалисты вдохновители и организаторы военной интервенции на Севере. Архангельск, 1953.)

** ЦГАОР, ф. 292, оп. 1, д. 80, л. 29. Ярый враг Советов Локкер-Лампсон в конце 1919 г. был назначен «высоким комиссаром Англии» вместо сэра Эллиота, но «спасти» Колчака ему не удалось.

Р. О. Локкер-Лампсон — член английского парламента, командовавший в течение почти двух лет в первую мировую войну бронедивизионом на русском фронте, имевший большие знакомства и связи среди русских политических и военных деятелей до Октября. Клемансо и Ллойд Джордж поддерживали заключение Локкера-Лампсона о «необходимости самой энергичной, открытой, решительной помощи России...» и о признании Колчака. Контрразведка отмечает с сожалением, что соглашение не достигнуто из-за разногласий. Но как бы там ни было, сам по себе факт, что еще в мае 1919 г. заправили империалистических держав Антанты устраивали секретнейшие совещания, продолжая искать возможности помочь Колчаку, и, по существу, были едины в своих стремлениях свергнуть Советы вооруженной силой, — сам по себе такой факт не мог не вселить новые надежды в колчаковцев.

Приведенный факт — не исключение. В эти же майские дни 1919 г. осведомительный отдел ставки Колчака обрадовал омское высокое начальство еще одним важным сообщением. Работающий в японской военной миссии в Омске тайный агент привел в своем донесении высказывания члена миссии полковника Фукуда о состоявшемся недавно обмене мнениями между правительством Японии и правительством США по тому же вопросу — о более активной поддержке колчаковского правительства. По словам Фукуда, Япония настаивала на оказании помощи военной силой в широких масштабах, американское же правительство стоит за ограничение поддержки действиями только в полосе Сибирской железной дороги. Все же японцы полагают, что они сумеют настоять на своем, считая политику Вашингтона «предательством» *.

Но какие бы ни шли сговоры и совещания среди держав Антанты, решающее значение для Колчака имела обстановка на фронте и в тылу. После потери Урала и его распоряжении еще оставалась колоссальная территория до Тихого океана. Свыше 100 тыс. интервентов охраняли его тыл и тем самым высвобождали значительные силы российской армии для борьбы против Красной Армии. Если в ноябре 1918 г. приход к власти Колчака

* ЦГАОР, ф. 292, оп. 1, д. 80, л. 29.

привел к перемене ориентации контрреволюции с востока на запад, то теперь, летом 1919 г., намечался поворот в сторону сближения с Японией: велись конкретные переговоры о поставках японцами военных материалов, усилился обмен представителями — военными и дипломатическими. В Омск приехал чрезвычайный посол Японии маркиз Като, про которого белогвардейские газеты писали, что он имеет особые и личные полномочия от японского императора. Словом, все указывало на то, что не исключена, а, наоборот, становится реальной надежда, что на этот раз удастся быстро и легко договориться.

Таким образом, все сводилось для Колчака к одному — выигрышу времени. Время нужно было ему, чтобы продержаться до результатов натиска Деникина, Юденича и белой Польши. Оно нужно было ему, чтобы успеть договориться с Японией, если Антанта все еще будет медлить. Время нужно было ему, чтобы привести в порядок побитые армии, собрать в Сибири новые силы. Не было споров по этому вопросу среди главарей колчакии. Было им также ясно, что решить основную задачу — выиграть время — нельзя, действуя пассивно — отступлением все дальше на восток, где в глубоком тылу шла спешная работа по созданию новых пехотных соединений. В общем плане колчаковской ставки суть Челябинской операции была в том, что задачу выигрыша времени Колчак совместил с задачей остановить вступление Красной Армии в Сибирь (в основную его базу) и с задачей оказать помощь Деникину и Юденичу сковыванием сил Красной Армии на Востоке — на большее готовых сил не было.

В июне действия противника носили в целом характер активной обороны: сперва на крупных речных рубежах (Камы, Белой и Уфы), а потом на уральских горных перевалах. Сейчас расчет состоял в том, что будет нанесен сокрушительный удар по наиболее выдвинувшейся вперед наступающей на кратчайшем железнодорожном направлении Челябинск, Омск 5-й Красной армии*.

* Вот как оценивал это направление командующий Восточным фронтом М. В. Фрунзе в телеграмме от 15 июля 1919 г. на имя командования армии: «Реввоенсовет фронта поздравляет красные полки 5-й армии с достигнутыми успехами (занятием Златоуста. — Г. Э.)

На оперативных картах колчаковской ставки дело выглядело не так уж плохо. Части левофланговой Уральской казачьей армии подошли на 65 км к Волге по самарскому направлению: реальной становилась надежда, что уральцы соединятся с деникинцами, захватившими 30 июня Царицын. Окружив г. Уральск и оставив его у себя в тылу, другая часть уральских казаков выдвинулась без серьезного сопротивления на 150-180 км прямо на север и создала серьезную угрозу Самаро-Златоустовской железной дороге — основному пути сообщений центра и правого крыла Восточного фронта с тылом. Если уральцы будут развивать активные военные действия массированными конными частями, они без большого труда захватят узловые станции Кротовка и Кинель и смогут беспрепятственно совершать весьма опасные рейды по глубоким тылам 1-й и переманившей через Урал 5-й Красных армий. Беда в отношении Уральской казачьей армии состояла для колчаковских генералов в том, что нельзя было твердо рассчитывать двинуть ее, куда понадобится: она воюет только на территории своего войска, защищает свои станицы и не идет на широкие маневренные операции для «спасения России».

Из Оренбургской казачьей армии Дутова и южной армейской группы Белова в мае 1919 г. была создана новая южная армия под командованием того же Белова. Она успешно сдерживала противостоящую ей 1-ю Красную армию. Численно слабая, занимая сильно растянутый фронт (Илецкий городок, Оренбург, Sterлитамак, Ир-Табынск, Белорецкий завод, г. Верхне-Уральск), оставшаяся наша армия выполняла пассивную задачу: прочно удерживая занимаемую территорию, готовиться к операции по восстановлению связи с Туркестаном путем нанесения удара на фронте Актюбинск, Илецк.

Почти целых два месяца простояла 1-я Красная армия в этом положении, и только 13 августа началось

отступление направления фронта. Передайте красноармейским командирам и комиссарам нашу искреннюю благодарность за проявленные ими героические деяния и твердую уверенность в том, что красные части 5-й армии оправдают надежды, возлагаемые на них Советской властью». Челябинское сражение было первой такой серьезной проверкой боевых качеств армии на ее готовность и способность оправдать надежды, о которых говорит в своей речи М. В. Фрунзе.

ее наступление для выполнения указанных задач. Весьма показательно, что и генерал Белов в эти два месяца также не предпринимал никаких решительных действий. Получился так, что обе стороны на колоссальном участке фронта ждали решения своей судьбы, а решалась она на главном направлении в Челябинском сражении.

Как же обстояло дело на левом крыле Восточного фронта? Пермь была взята частями 3-й Красной армии 1 июля 1919 г. Это значит, что войска армии находились далеко позади своего соседа справа — 2-й Красной армии, освободившей 1 июля после серьезных боев Кунгур (101 км юго-восточнее Перми). Из разговоров врид командарма 3 М. И. Алафузо с начальником штаба фронта П. П. Лебедевым * видно, что в то время, как 2-я Красная армия своим центром подошла уже на 70 км к Екатеринбург, главные силы 3-й армии находились еще в 240 км от него. Учитывая, что перед фронтом 3-й армии противник отходит, прикрываясь только слабыми арьергардами, командование фронта потребовало, чтобы войска ее форсировали движение и в дальнейшем шли бы уступом вперед, а не уступом назад (по отношению к фронту соседней 2-й армии. — Г. Э.), как это было фактически. В приказе от 12 июля командующий 3-й армией констатирует, что на всем фронте армии противник отступает, отказавшись, по разведывательным данным, от обороны района Екатеринбурга. Поспешный отход белых и повторные подталкивания сверху привели к тому, что войска 3-й армии подтянулись и вышли в район севернее Екатеринбурга. Занятие названного города на другой день после захвата 13 июля 1919 г. войсками 5-й армии Златоуста было расценено советским главным командованием как успех, позволяющий тут же отдать приказ приступить к ранее запланированной переброске всей 2-й армии с Восточного фронта на фронт против Деникина. В связи с этим 3-я армия получила задачу овладеть рубежом ст. Синарская, г. Ирбит, г. Туринск и дальше двигаться уступом вперед, но теперь уже в отношении фронта 5-й армии с целью оказать ей содействие при наступлении вдоль железнодорожной магистрали Златоуст —

* ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 10, л. 405.

Челябинск — Омск. К сожалению, 3-я армия не сумела выполнить задачу двигаться уступом вперед.

Сказанное позволяет сделать вполне обоснованный вывод: оперативная обстановка на фронте была для Колчака далеко не плохой. Если бы ему удалось разгромить в районе Челябинска 5-ю Красную Армию и тем самым создать перелом в центре — на главном операционном направлении, — шансы его на выполнение указанных выше основных задач возросли бы во много раз.

Конкретно план колчаковской ставки предусматривал создание двух ударных групп. Пять пехотных и одна кавалерийская дивизии сосредоточились северо-западнее Челябинска с задачей обрушиться на открытый левый фланг 5-й Красной армии, отбросить его на юг, перехватить в тылу его единственную железную дорогу (на которой армия базировалась) и, отрезав пути отхода, прижать к Уралу и уничтожить. Одновременно вторая сильная ударная группа в составе трех пехотных дивизий и кавалерийской бригады должна была наносить удар по открытому правому флангу 5-й армии с юга на северо-запад с захватом района ст. Полетаево. Два таких согласованных удара в оба фланга одной оторвавшейся от соседей советской армии, уже с марта ведущей непрерывные бои, прошедшей с боями от Урала к Волге, затем без отдыха и передышки наступавшей от Волги к р. Белая, форсировавшей ее с ходу, затем форсировавшей р. Уфа, разгромившей в семидневных боях на Уфимском плоскогорье резервный корпус белых и без остановки стремительным натиском в труднейших условиях горной войны овладевшей уральскими перевалами, — два таких удара в оба открытых фланга малочисленной и уставшей армии обещали полный успех *. Уверенность в успехе была тем большей, что в операции должны были принять участие две вновь сформированные пехотные дивизии белых, насчитывающие около 16 тыс. штыков и сабель.

Важно отметить, что колчаковское высшее командование при разработке и подготовке Челябинской опера-

* Благочинное командование имело точные сведения, что 2-я армия снимается с фронта и уходит на юг, благодаря чему 5-я армия рассчитывать на быструю и энергичную помощь соседних красных войск не может.

ции не принимало совершенно в расчет какие бы то ни было действия Южной армии генерала Белова. Между тем положение этой армии нельзя было считать надежным. С каждым шагом соседней колчаковской (3-й армии под командованием генерала Сахарова. — Г. Э.) армии назад — на восток — открывался фланг и тыл Белова. По вопросу о взаимодействии Южной и 3-й белых армий шли обширные и длительные дискуссии как между командующими названными армиями непосредственно, так и с участием ставки. Белов все время подчеркивает одну и ту же мысль: необходимо прикрывать его базу, расположенную на железной дороге (Челябинск — Троицк — Кустанай), идущей параллельно линии фронта и всего в 150—180 км в тылу его. Он считает направление Стерлитамак, Верхне-Уральск для себя наиболее опасным и поэтому предлагает ставке дать именно сюда из тыла свежую 11-ю Сибирскую дивизию. Командарм Сахаров придерживается другого мнения. «Центр тяжести Восточного фронта, — писал он в одном из своих ответов Белову, — падает на стык между Сибирской и Западной армиями, то есть лежит севернее Челябинска» *. Из сказанного видно, что каждый из белогвардейских командармов тянул в свою сторону, в то время как стык между их армиями составлял около 50 км, «которые даже не наблюдаются».

Убедившись, что рассчитывать на Сахарова нечего и что ставка тоже ему не помогает, Белов берется сам за дело. В шифровке ** на имя ставки он предлагает направить все свои силы и резервы на Верхне-Уральск с целью удержания его и нанесения красным частичного поражения. Удар может иметь положительные последствия, если он совпадет с решительными действиями Западной армии в районе западнее и юго-западнее Челябинска. Без этого даже частичный успех Южной армии не будет иметь значения, и притом будет истрачена большая часть ее сил. «При этом, — писал Белов, — противник в районе Троицка отрежет меня от Западной армии, чем заставит спешно бросить ныне занимаемый армией район с целью прибытия на р. Тобол, что осу-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 2, д. 7, л. 98.

** Там же, лл. 143—144.

шествию только с распадом значительной части армии».

Надо сказать, что с военной точки зрения соображения Белова были верны. Какое уж там прикрытие от красных Южного Урала и дороги в Туркестан, если весь район Челябинск, Троицк будет в руках красных! Но как же все-таки быть конкретно? Если решать вопрос по военному и просто дать приказ отводить войска к Тоболу, чтобы примкнуть к главным силам Колчака, погоришь всю армию: оренбургские казаки воюют только вокруг своих станиц — они ярко продемонстрировали это в дни весеннего наступления от Урала к Волге.

И тут Белов сообщает ставке второй вариант возможных своих действий: продолжая прикрывать южную часть Башкирии и Оренбургской области, он займет фланговую позицию по отношению к красным, наступающим в Сибирь, чтобы отвлечь часть сил на себя. Если не удастся нанести красным поражение в районе Верхне-Уральска и они отрежут его от Западной армии и базы (Троицка), он начнет перегруппировку сил к левому флангу для активных действий в районе Оренбурга, свой же правый фланг под давлением противника будет осаживать к югу, стремясь удерживать такое положение возможно дольше. «В случае невозможности сделать это дальше, — говорится в шифровке, — мне придется с остатками армии отходить через Орск вдоль Южной Сибирской железной дороги, если разведка выяснит наличие в этом районе продовольствия и воды. В обратном случае буду отходить на запад — к Уральской казачьей армии, а если к тому времени стратегическая обстановка не позволит и этого, то буду пробиваться в Туркестан».

Шифровки Белова представляют большой исторический интерес. Каких только вариантов не предлагает Белов ставке: то отступать на восток к Тоболу, то есть в глубь Сибири, то прорываться на юго-восток — в Туркестан, то уходить вперед — на запад к уральским казачкам. Невольно возникает вопрос: в чем же дело? Отчего так мечется в своих решениях Белов? Может быть, это генерал-недоучка, и поэтому он не знает, что ему делать. Или он растерялся, потерял ориентировку? Ответ, по-нашему, совершенно ясен, и его надо искать не в учебниках царской военной академии генерального

штаба, которую с успехом когда-то окончил Белов, а в классовом содержании происходящей вооруженной борьбы.

И есть у генерала Белова армия — и нет у него армии! Она у него есть, пока она стоит на месте и дерется за свои станицы. Ее нет — она распадается, если дать ей приказ идти на восток, на запад, словом, куда нужно, словом, если командовать ею как обычной армией, солдатам которой не положено рассуждать, куда наступать или отступать.

Вот в чем ключ к пониманию дальнейшего хода событий на фронте Южной колчаковской армии *. Никакого ответа от ставки Белов на все свои многочисленные запросы и предложения так и не получил. Омск был целиком поглощен подготовкой Челябинской операции, которая по его замыслу должна была одним ударом на главном направлении решить все. Ставка Колчака еще раз повторила свою старую ошибку, которая так дорого обошлась белым весной 1919 г.: игнорируя вопрос о взаимодействии соседних армий, добиться решительных успехов без казаков.

Провал Челябинской операции Колчака может быть в значительной степени объяснен военными и политическими ошибками белых, а ошибки эти были отражением борьбы, которая шла внутри лагеря интервентов и среди контрреволюционеров Сибири. Речь идет о целом комплексе противоречий и враждебных в своей сущности друг другу отношений.

С одной стороны, они были отражением борьбы между империалистическими державами Антанты **, каждая из которых имела в лагере белых своих сторонников и приверженцев, пыталась через них проводить свои дела, влиять на решения и т. д. Грызня внутри Антанты сказывалась на взаимоотношениях белогвардейских клик и группочек. С другой стороны, вражда белых между собой была отражением борьбы за власть, за

* Опасения Белова оказались правильными. Как только в сентябре 1919 г. белоказачьи вынуждены были под давлением 1-й Красной армии отходить, главная масса их сдалась нам без боя, и только несколько тысяч кадровиков прорвались в Сибирь.

** Характерным примером может служить отмеченный нами демарш Нокса, вызвавший резкое обострение между Англией и Францией.

лучшие места, должности, доходы и т. д. Конкретно она шла между старым генералитетом и новым, производством Директории и Колчака. На фронте дивизиями и корпусами, даже армиями командовали не старые генералы царского времени с опытом командования соединениями в первую мировую войну, а молодежь в служебном отношении. Все эти каппели, гайды, дутовы, войцеховские и т. д. вступили в белую армию в чинах обер-офицеров, во всяком случае не выше полковника военного времени.

Когда в мае 1919 г. начались на фронте неудачи*, тыловые генштабисты и генералы составили своего рода заговор против фронтовиков. Обвиняя во всех неудачах молодых «выскочек», они выработали свой план, как «спасти отечество», и в первую очередь белую Сибирь. Высшее фронтовое белогвардейское командование (командармы Ханжин, Гайда, Белов, комфронт Дитерихс) знало, что в тылу заканчивается формирование нескольких новых стрелковых дивизий, и просило неоднократно, чтобы таковые были переданы ему. Но на этот раз ставка и Колчак оставались непоколебимыми в своем первоначальном решении. Печальный опыт с корпусом Каппеля, который формировался почти 4 месяца с большой затратой средств и сил, но, будучи выброшен на фронт в мае 1919 г., был растаскан по частям и не оказал никакого влияния на ход борьбы; такой же печальный опыт с ударным корпусом Гайды, который также оказался разгромленным, не успев даже развернуться в районе 5-й Красной армии, — эти и некоторые более мелкие факты давали ставке и тыловым воякам колчаковской армии основания требовать полного карт-бланша в использовании вновь сформированных дивизий.

Основная особенность Челябинской операции в том и состоит, что была она операцией, разработанной во всех деталях ставкой, ею подготовленной и ею прово-

* Генералы-фронтовики дрались не только с генералами и штабистами, засевшими в тыловых учреждениях и штабах. Не менее резкая борьба шла и на фронте между вновь испеченными генералами, и Колчаку приходилось не раз выступать в роли уговорающего, мирить, например, комкора Голицына с командармом Колюшиным, командира дивизии Косьмина с комкором Войцеховским и т. д.

дившейся. Ни командармы, ни командующий фронтом Дитерихс к разработке ее привлечены не были. Между тем опыта у тыловых генералов ставки, главного штаба и военного министерства было меньше, чем у того же Ханжина или Каппеля и др., которые вот уже свыше года, — плохо ли, хорошо ли — но все же воевали и какой-то опыт вождения войск в условиях гражданской войны приобрели. Спешно выброшенные из глубокого тыла сырые, несколоченные и необстрелянные новые дивизии оказались совершенно непригодными для действий в качестве ударного кулака *, а старые дивизии были слишком малочисленны ⁵⁹.

Но были еще и другие ошибки авторов операции белых. Район сосредоточения ударного кулака и направление его наступления были избраны крайне неудачно: местность сильно пересеченная (мелколесье и озера, то есть ни обстрела, ни обзора, ни маневра), а направление удара выводило «кулак» в стык между 35-й и 27-й нашими дивизиями, которые не были скованы с фронта. Это позволило красным дивизиям взять рыхлые белогвардейские полки в «клещи» и бить их сосредоточенными ударами **.

В целом по замыслу (и схеме) Челябинская операция Колчака была как бы повторением предыдущих операций: в декабре 1918 г. против 3-й Красной армии на пермском направлении и в марте 1919 г. против 5-й Красной армии в районе Уфы. В обоих случаях белые добились значительных успехов, сосредоточив ударные кулаки против открытого левого фланга Красных

* Одними пленными белые потеряли около 15 тыс. солдат. В донесении командира корпуса Войцеховского дается подробный анализ причин поражения, и в частности о новой 11-й Сибирской дивизии сказано: выдвинутый на обеспечение фланга полк (2700 штыков) разбежался, остальные полки стремились назад без причин и главным образом по инициативе своих командиров, не было связи ни между полками, ни со штадивом. Полки не имели определенных задач или ими не руководствовались.

** Для двух сибирских дивизий в ходе Челябинского сражения создалась обстановка, аналогичная той, в которой очутился в конце мая 1919 г. на южном берегу Белой ударный корпус Гайды, тоже с ходу вошедший в промежуток между теми же двумя нашими дивизиями, попавший сразу же под сосредоточенные удары с трех сторон, пришедший в расстройство и отброшенный с большими потерями назад за реку.

армий и нанося удар с севера на юг и юго-запад. Тогда маневры удались, так как ни у 3-й армии, ни у 5-й армии не было соседей, которые могли бы прийти на помощь и создать угрозу белогвардейским ударным силам при выполнении ими маневра, заставляющего их открывать свои собственные фланги и тыл. Под Челябинском обстановка для белых сложилась и в этом отношении неблагоприятно: за семь дней, пока шло сражение, успели подойти к атакованному флангу 5-й армии войска соседней 3-й армии, имевшей до шести стрелковых бригад в резерве. Это значит, что даже в случае успеха на первом этапе операции белогвардейские дивизии не смогли бы развить его на значительную глубину на юг и юго-запад, так как по тылу их нанесли бы сильнейший удар упомянутые шесть бригад 3-й армии. Другими словами, в оперативном отношении обстановка для всей затеи белых была невыгодна и чревата поражением.

Была еще одна крупная ошибка омских стратегов. И первые же дни выяснилось, что свой главный удар белые наносят северо-западнее города — в 15—20 км от него по левому флангу сильно растянутого фронта 4-й нашей дивизии. Армейского резерва у красных не было, дивизии приходилось самой изыскивать силы и возможности для укрепления (путем перегруппировки) повергнувшегося сильному удару участка. Теоретически решить такую задачу — дело простое, но практически в тех условиях то было несравнимо труднее: в дивизии всего около 8 тыс. штыков, а фронт ее — 45 км.

И тут произошло то, чего менее всего ожидали белые и что было главной причиной провала их операции. Появления нами Челябинска и с первого же дня наступления противника стали появляться на улицах города сотни и сотни вооруженных рабочих, число их быстро росло и вскоре достигло 6 тыс. человек. То был резерв, который и решил благоприятный для нас исход сражения. Рабочие отряды усилили и заняли некоторые участки обороны правого фланга и центра 27-й дивизии, вынудив регулярные полки для нанесения контрударов северо-западнее города. Появление столь крупных масс вооруженных рабочих не было, конечно, случайностью. Челябинская подпольная организация большевиков — одна из сильнейших организаций Сибири — до этого уже

не раз наносила контрреволюционерам сокрушительные удары.

Если бы омские стратеги поняли классовый характер гражданской войны и его влияние на ход военных действий, если бы они учли наличие в районе Челябинска крупных революционно настроенных масс рабочего населения, организованного и руководимого сильной подпольной большевистской организацией, — они вряд ли избрали бы этот район для проведения столь важной для них операции, и притом с нанесением главного удара в наименее выгодном для себя направлении.

Сегодня, когда в нашем распоряжении имеются новые документы о Челябинском сражении, можно с полным основанием утверждать, что его выиграли бойцы 5-й Красной армии совместно с революционными рабочими названного района.

Выводы

Главари белогвардейских военных группировок и их советчики-контролеры в лице генералов Антанты отдавали себе полностью отчет в необходимости и первостепенной важности установления взаимодействия между окружавшими Советскую республику со всех сторон войсками интервентов, а также белогвардейскими армиями. Доказывать подобные истины нет, конечно, никакой необходимости. Но в планах и усилиях руководителей Антанты и белогвардейских главарей доминирующей была не идея чисто военно-оперативного взаимодействия. Читатель уже знает, что антантовский генштаб дал всем без исключения белогвардейским группировкам самую отрицательную аттестацию и считал, что не только весной 1919 г. ни одна из них не способна на крупные операции, но что даже нет уверенности, будут ли они вообще когда-либо в состоянии выполнить стоящие перед ними задачи. Вот почему ни в Записке генерального штаба от 18 января 1919 г., ни в докладе командования армий Антанты от 6 марта 1919 г. не ставится никаких военных задач ни одной из белогвардейских группировок, а речь идет прежде всего и только о создании для этих антисоветских сил материальной базы, и в частности об обеспечении для них необходимой территории. Важно отметить, что к чисто военному взаимодействию не стре-

миллись и сами главари белых. Об этом ясно говорится в телеграмме У. Черчилля генералу Айрнсайду от 22 мая 1919 г.: «Колчак считает, что открыть пути на Двине будет достаточно, чтобы не зависеть от Сибирской железной дороги в летние месяцы. Соединение с Деникиным не является столь важным»*. Сам Айрнсайд также считал (как видно из приведенной выше цитаты), что первоочередная задача — перебазирование армии Колчака из Сибири на северные порты. В этой связи приходится остановиться на истории с прословутым перехваченным письмом Деникина Колчаку, поскольку от него берет свое начало концепция о комбинированном походе. Письмо, как известно, вообще не попало к Колчаку, да и написано оно было почти через два месяца после начала наступления колчаковских армий, а именно в конце апреля 1919 г., когда Колчак достиг наибольших территориальных успехов выходом на дальние подступы к Волге. Вез письмо упомянутый выше Гришин-Алмазов, срочно возвращавшийся в Сибирь с группой завербованных на юге для колчаковской армии офицеров. Многие южнорусские контрреволюционеры воспользовались оказией для связи с единомышленниками в Сибири. Деникин, как главнокомандующий Южной белой армией, не мог не послать от себя что-либо верховному, тем более что возвращался в Сибирь видный военный чин. Со стороны Деникина то был простой жест, так как случайный характер содержания письма не вызывает никаких сомнений, а военное значение его ничтожно. Ставка Колчака знала о фактическом положении на фронтах и возможном содействии со стороны Юденича и Деникина гораздо больше, чем сказал общими словами в нескольких фразах последний. Остальное мог, конечно, дополнить Гришин-Алмазов и находясь с ним офицеры, сам же Деникин большего сказать не мог и не считал нужным. Первый комбинированный поход шел уже два месяца, никакой согласованности в действиях армий Колчака и его партнеров не было и в помине, а сам он — Деникин — отлично знал и понимал, что и его армия также еще не скоро сможет (даже при самом искреннем желании) помочь верховному. Вот по-

* Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 1, док. № 164.

чему Деникин кивает на Юденича и поляков, а на себя никаких обязательств (нанести вспомогательный удар или хотя бы сковать силы Красной Армии на своем фронте и тем помешать переброске их против Колчака и т. д. и т. п.) не берет ⁶⁰.

Во всех своих выступлениях В. И. Ленин всегда подчеркивал, что главную роль в развязывании и ведении войны против Советской республики играли империалистические державы Антанты и США. Ленин указывал, что в ходе борьбы империалисты, терпя одно поражение за другим, вынуждены были изыскивать новые области и средства борьбы, менять методы ее, находить новые силы, стремясь выполнить свою основную задачу — задушить Октябрьскую социалистическую революцию, уничтожить первое в мире государство трудящихся.

Выступая 2 декабря 1919 г. на VIII Всероссийской конференции РКП(б) с политическим докладом от имени Центрального Комитета *, В. И. Ленин говорил: «Мы должны прежде всего установить наличие в этой войне двух, коренным образом расходящихся по приему деятельности Антанты, периодов или двух основных методов ее военных действий против России. ...И первый период гражданской войны в России характеризуется тем, что попытка Антанты своими собственными войсками сломить Советскую республику потерпела крушение. ...Второй прием Антанты, вторая система ее борьбы состояла в том, чтобы использовать против нас маленькие государства. ...Антанта сделала все усилия, чтобы добиться этой помощи, и тем не менее она потерпела крах».

Аналогичные мысли высказывал В. И. Ленин неоднократно: и в докладе 22 ноября 1919 г. на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока **, и в докладе 5 декабря 1919 г. на VII Всероссийском съезде Советов ***, и в марте 1920 г. в докладе на I Всероссийском съезде трудовых казаков ****, и в других своих выступлениях.

* В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 149—153.

** См. В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 130—137.

*** См. там же, стр. 187—203.

**** См. там же, стр. 355—374.

Естественно возникает вопрос: почему Ленин, стоявший во главе обороны Советского государства и решавший все военно-политические и стратегические вопросы гражданской войны, не делит ее на походы Антанты, а члeт свою, совершенно другую периодизацию борьбы?

Вооруженная интервенция австро-германского блока началась 18 февраля 1918 г. Несколькими неделями позже на территорию Советской республики вторглись войска Антанты. Выступление иностранных войск послужило своего рода катализатором в деле создания белогвардейских армий и активизации их военных действий.

От указанных событий, положивших начало открытой вооруженной интервенции, и до начала первого комбинированного похода Антанты в марте 1919 г. прошло около года. Он богат крупнейшими событиями: наступление казаков Краснова на Царицын с целью установления связи с казаками Дутова и уральцами; захват объединенными силами чехобелых Сибири и Дальнего Востока, а также ряда крупных волжских городов с реальной угрозой Москве; разгром первого натиска объединенных сил чехословаков и белых, создавший перелом на Восточном фронте; крах попыток северной группировки интервентов и белых нанести удар на Волгу, Котлас для соединения с сибирскими контрреволюционерами; вынужденный отказ Антанты вести войну против Советов своими собственными армиями; уход немецких оккупантов; пермская катастрофа; освобождение от врагов Поволжья и т. д.

Таким образом, как бы на второй план отодвинулся первый год вооруженной борьбы против интервентов и белогвардейцев, и притом первый и самый трудный во всех отношениях год, когда на полях сражений дрались лицом к лицу первые советские полки с регулярными войсками империалистов и громили их и когда имели место указанные крупнейшие военно-политические события. () нем мало подробных исследований, ему не приписали никакого названия, его значение умалили тем, что историю гражданской войны разделили на походы и начали счет им с марта 1919 г. Разве события «затерянного» года не были таким же походом, и притом даже двух империалистических блоков? Разве одержанные советскими войсками в том же 1918 г. победы

не обусловили дальнейший ход гражданской войны, и в частности того самого первого похода, с которого начинают счет?

Важно также помнить, что концепция походов появилась на свет совсем не в результате глубокого исторического исследования И. В. Сталиным документов, фактов и процессов. Более того, даже сама мысль о комбинированном походе не принадлежит И. В. Сталину. Она была выражена еще задолго до его статей «К военному положению на Юге» и «Новый поход Антанты на Россию».

«Враги рабочих и крестьян России, — говорится в приказе Реввоенсовета Республики от 18 марта 1919 г., — долго готовились к весеннему походу против нас. Англичане и французы предполагали двинуться с севера — из Архангельска — на Вологду и Москву. Колчак рассчитывал из Перми двинуться на Вятку и Вологду, из Уфы на Симбирск и Самару. С юга им должен был помочь старый царский генерал Деникин, а с запада петлюровцы, то есть украинские помещики и кулаки, и польские шляхтичи, то есть дворяне-помещики, а также немецкие белогвардейцы, не желающие уходить из русских крепостей» *.

Цитата показывает, что приказ этот уже в марте 1919 г. дает обстоятельный набросок комбинированного похода. «В руки Советского правительства, — говорится в том же документе, — попало много телеграмм и других документов, из которых план становится совершенно ясным». В пояснение этой мысли автор документа указывает, что враги подготовили и назначили на начало марта во многих пунктах страны восстания, что им удалось проникнуть в некоторые части Красной Армии и даже кое-где спровоцировать враждебные выступления и бунты и что «одновременно с этим чужестранные империалисты должны были ворваться в нашу страну через четверо ворот — на севере, востоке, юге и западе».

Несомненно, приказ РВСР и статьи И. В. Сталина о комбинированном походе Антанты были известны В. И. Ленину, но он в своих выступлениях и работах

* ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 203, л. 6.

ничего не меняет в вопросе о периодизации истории интервенции и гражданской войны.

Есть немало и других фактов. За все годы гражданской войны нет ни одного решения Центрального Комитета партии, ни одного постановления Советского правительства, ни одной директивы Реввоенсовета Республики, ни одного обращения Коммунистической партии и Советского правительства к трудящимся России, ни одного воззвания, листовки и т. д. — словом, нет никаких документов того времени, где бы руководящие партийные, советские и военные органы говорили об отдельных походах Антанты. Принципиально неверно делить войну на кампании, походы, операции, исходя из планов и намерений противника. Ведь в этом случае отодвигаются назад собственные военно-политические цели и планы, военно-стратегические решения и как бы признается подчинение воле неприятеля. Бесспорно, с этой точки зрения деление гражданской войны на отдельные походы находится в противоречии со всей титанической работой Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным по организации революционных масс и руководству ими.

Марксизм-ленинизм категорически отвергает всякого рода дипломатические и военные «истории» войн и требует прежде всего установить их социально-экономическое содержание и цели. Цели и содержание гражданской войны оставались все время одни и те же. Менялись только силы, средства и способы их использования и ее ведения. Но и в этих вопросах решающая роль принадлежала не узко специфическим военным знаниям и силам, а классовому содержанию борьбы. Именно оно заставило Антанту прекратить отправку в Россию своих собственных армий, во всех же прочих отношениях (материальная и моральная поддержка белогвардейцев, блокада Советской России, отказ признать ее, подрывная работа внутри Республики и т. д.) империалисты никогда не прекращали борьбы за свержение Советов.

Также следует считать бесспорно установленным, что основные группировки врагов (Колчак, Деникин, Юденич и Миллер) не были готовы к проведению в течение первых четырех-пяти месяцев 1919 г. более или менее согласованного одновременного натиска на Советскую республику. Ослабление врагов из-за вынужденного

снятия с фронта иностранных войск заставило их форсировать поиски новых сил для возмещения убыли. Мудрая ленинская внешняя и национальная политика Коммунистической партии сорвала все попытки империалистов втянуть в борьбу против Советов сопредельные государственные образования Прибалтики. Отвечающие чаяниям и нуждам трудящихся России решения и деятельность Коммунистической партии сыграли аналогичную роль в попытках привлечения врагом на свою сторону не искушенных в политике широких масс среднего крестьянства и нацменьшинств. Сорванными оказались усилия контрреволюционеров расширить свою социальную базу с помощью отмеченных выше законов, агитации и пропаганды, равно как и увеличить численность белой армии и создать в ней надежное в классовом отношении контрреволюционное ядро.

История не дает ни документов, ни фактов, для того чтобы свести враждебную Советам политику Антанты только к военным действиям, а эти действия низвести до отдельных походов, умаляя тем самым ее агрессивную контрреволюционную роль в целом.

Концепция о походах не может заменить научно обоснованную периодизацию истории Советского государства в первые годы его существования.

Много противоречивого в освещении вопроса о так называемом «главном направлении» действий Колчака; в частности, это относится к четвертому тому «Истории гражданской войны в СССР» *.

Северное направление было избрано в качестве главного задолго до Колчака, сделано это было по настоянию англичан, а главное, в силу создавшейся обстановки. И когда обстановка изменилась (чехословацкий корпус и другие части интервентов сняты с фронта, Народная армия разгромлена, казачьи армии левого крыла фронта временно потеряли боеспособность и задач не выполняют), тотчас же было принято новое стратегическое решение⁶¹. Переговоры генерала Дитерихса с Гайдой и генерала Щепихина со ставкой являются ценными комментариями к приказам белых и к их действиям. Нет у нас оснований не верить директивам Кол-

* См. История гражданской войны в СССР. Т. 4, Госполитиздат, 1959.

чика и Ханжина и высказываниям названных белогвардейских генералов. Это не мемуары и не записки, написанные много лет спустя бежавшими за границу белыми, а подлинные документы врагов, захваченные войсками 5-й Краснознаменной Красной армии зимой — весной 1919—1920 гг. Исследование военных действий противника подтверждает, что проводились в жизнь именно эти директивы.

Что бы там ни писали в своих мемуарах Деникин, Гинс, Будберг, бывший управляющий колчаковским министерством иностранных дел Сукин и другие белогвардейские «историки», наивно полагать, что в создавшихся к концу 1918 г. в центре и на правом фланге Восточного фронта и отмеченных выше условиях можно было начать и с успехом проводить решительную операцию севернее Камы. Не было также у Колчака в то время никаких оснований рассчитывать, что северная группировка интервентов и войска генерала Миллера ударят (в общем направлении) на Котлас, Вологду, а Юденич на Петроград и тем выполнят свою часть «плана похода».

Некритически приняв многое из написанного названными белогвардейцами, авторы четвертого тома создали картину, которая не выдерживает критики. Вот несколько примеров, показывающих серьезность допущенных ошибок.

На стр. 53 четвертого тома «Истории гражданской войны в СССР» напечатано: «Как видно, колчаковская ставка, придерживаясь северного, как основного, стратегического направления... возлагала нанесение главного удара на Западную армию. В соответствии с этим было приказано усилить Западную армию за счет пополнений из районов Сибирской армии. Однако это не оказало сколько-нибудь заметного влияния на группировку войск».

Из Сибирской армии были переданы в армию Ханжина названные выше три пехотные дивизии и одна отдельная пехотная бригада, т. е. 14 пехотных полков с артиллерией. Одно дело прибытие на фронт сколоченных и обстрелянных дивизий и полков и совершенно другое — прибытие пополнений отдельными маршевыми ротами и батальонами. Ошибочно также утверждение авторов, что «пополнения» шли к Ханжину из района армии Гайды. Документы показывают, что шли они только из запасных полков Сибири.

Боевой состав названных белых армий накануне перехода их в наступление был следующий*:

Сибирская армия Гайды				Западная армия Ханжина			
штыки	сабли	пулеметы	орудия	штыки	сабли	пулеметы	орудия
32 001	3707	399	81	40 660	6782	570	100

Несерьезно, конечно, как это делают авторы, закрывать глаза на разницу в 8559 штыков и 3075 сабель между боевыми составами армий. Ошибочно также утверждение авторов в отношении группировки. Армия Гайды занимала участок фронта от верховьев р. Иньва до завода Бикбардинского (около 400 км). Против нее действовали 2-я и 3-я советские армии, насчитывавшие 41 500 штыков и сабель, 684 пулемета и 122 орудия. Следовательно, здесь перевес сил и огневых средств был на стороне красных. Совершенно по-другому обстояло дело южнее. Войска Ханжина имели против себя только одну 5-ю Красную армию на фронте 200 км. Общее же численное превосходство белых составляло на этом направлении 29 тыс. штыков, 6400 сабель, 312 пулеметов и 45 орудий.

Приведенные цифры в корне опровергают рассуждения и выводы авторов о группировке и соотношении сил сторон.

Неверно и следующее утверждение авторов: «Однако, как только Западная армия, не выполнив своей задачи, стала терпеть поражение, северное направление снова выдвинулось на первый план»**. Утверждение это находится в противоречии с тем, что сами авторы написали на стр. 115 того же тома. В конце мая 1919 г. войска 5-й Красной армии действительно разгромили в районе Байсарова ударный корпус белых, но то были

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 2, д. 32, л. 13.

** Документально установлено, что занятие Глазова 3 июня 1919 г. должно было сыграть роль удара, отвлекающего силы красных с фронта терпящей поражение армии Ханжина. Затея белых провалилась — 13 июня 1919 г. Глазов снова стал советским. Положение восстановила сама 3-я Красная армия.

войска не Ханжина, а Гайды. Десять дней позднее главные силы 5-й армии первыми форсировали Белую в районе Бирска, вышли к разбитому левому флангу Гайды, создав реальную угрозу его тылу. Новая оперативная обстановка вынудила ставку Колчака отказаться от обороны Камы и поспешно отводить войска Гайды на восток. Положение на стыке белых армий было настолько грозным, что уже 22 июня 1919 г. последовал приказ начать срочную эвакуацию Перми и Кунгура. Только закрывая глаза на факты и документы истории, можно писать, что северное направление снова было признано главным после провала наступления Ханжина к Волге *.

* 28 июня 1919 г. Гайда приказал начальнику штаба своей армии: «Нужно отводить армию на линию, которая была до зимней кампании, — другого выхода нет». Фактически этот план и провалился в жизнь, но существенной пользы белые от него не получили. (ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 81, л. 67.)

ОСВОБОЖДЕНИЕ СИБИРИ

1. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛЫ В БЕЛОЙ СИБИРИ

Крестьянские восстания начались в Сибири вскоре после вероломного нападения и захвата власти интервентами и контрреволюционерами. До установления диктатуры Колчака в ноябре 1918 г. восстаний этих было, пожалуй, не меньше, чем при нем. Крестьянство Сибири, отдавшее в ноябре 1917 г. при выборах в Учредительное собрание эсерам 75% своих голосов, выступило против тех же эсеров и созданной ими с представителями свергнутых эксплуататорских классов коалиции в лице временного сибирского правительства. В первое время восстания не шли под ярко и четко сформулированными политическими лозунгами, но они лучше всяких избирательных бюллетеней показали, какой большой отрезок пути прошло сибирское крестьянство по дороге социальной революции за полгода, истекшие со времени голосования в «учредилку». Поводы к восстаниям были самые что ни на есть обыденные: отказ давать новобранцев, отказ платить подати и налоги, и прежде всего за старое время, самовольная порубка леса, захваты земли и т. д. и т. п. Нетрудно понять, что истинным содержанием крестьянских восстаний такого рода была борьба за осуществление провозглашенных большевиками в лозунгах Октября целей и задач революции. Своими декретами о мире, о земле, о власти на местах и т. д. Советское правительство превратило их из программных тезисов в государственные законы. Больше того, оно доверило и поручило самому народу проведение их в жизнь. Затрагивая коренные интересы трудового крестьянства, они были близки и

понятны ему, и оно не могло не выступить в их защиту. Белогвардейцы могли на захваченной ими территории отменить советские декреты. Но они были бессильны «запретить» социалистическую революцию, приостановить ускоренный ею процесс классового расслоения и борьбы в рядах основной массы населения Сибири, на использовании политической темноты, неорганизованности и малоопытности которого строили свои расчеты контрреволюционеры. Задача сибирских большевиков-подпольщиков состояла в том, чтобы возглавить и с помощью рабочего класса Сибири завершить «работу социалистической революции» в массах трудового крестьянства края.

Но к военно-политическому союзу с пролетариатом сибирское крестьянство пришло не сразу, и путь его был другим, чем в Европейской России. В. И. Ленин указывал, что отсталость России своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков, что партия с этого начала в октябре 1917 г. и что победа не была бы тогда такой легкой, «если бы... не начали с этого»*.

Общеизвестно, что помещиков в Сибири не было. К сожалению, исследователи гражданской войны на востоке ограничиваются простой констатацией самого факта, между тем как именно в нем лежит ключ к пониманию позиции основной массы крестьянства Сибири в различные периоды борьбы с контрреволюцией и интервентами. В европейской части России крестьянство в целом вело начиная с марта 1917 г. настоящую истребительную войну против помещиков, принявшую особый размах после июльских событий того же года. Оно не только захватывало землю у помещиков (и всех вообще частновладельцев) и распределяло ее между собой. Оно громило поместья и усадьбы, захватывало скот, забирало себе сельскохозяйственный инвентарь, машины. В такого рода фактах нашло свое выражение не одно лишь стремление крестьян отплатить за вековое угнетение и перенесенные обиды или просто пожинаться. Истинное содержание этих действий крестьянства — борьба за уничтожение эксплуатации, за уничтожение остатков крепостничества, стремление перерас-

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 284.

пределить орудия производства, изменить производственные отношения на селе. Сибирскому крестьянству не приходилось решать такие вопросы. Не было поэтому в развитии революционного движения в сибирской деревне такой «раскачки» крестьянства, такой важной фазы борьбы до начала интервенции и гражданской войны, как это имело место в европейской части Республики.

Вероломное нападение интервентов и установление власти белых в Сибири и на Дальнем Востоке отрезали колоссальные массы крестьянства восточной окраины Республики и не давали партии и Советскому правительству проводить здесь в жизнь все те решения и меры, которые сыграли крупнейшую роль в деле привлечения на сторону социалистической революции трудового крестьянства в европейской части Республики. В этом одна из основных причин того, что, как только заходила речь о сибирском крестьянстве, Ленин всегда подчеркивал одну и ту же основную свою мысль: мы не могли помочь крестьянским массам (имеется в виду Сибирь. — Г. Э.) так, как помогли всем русским крестьянам*. В короткой фразе заключено больше жизненной правды, чем в некоторых «исследованиях».

Фраза о помощи сибирскому крестьянству взята из доклада В. И. Ленина 5 декабря 1919 г. на VIII Всероссийском съезде Советов. Выступление его относится ко времени, когда сомнений в победе над Колчаком уже быть не могло и Ленин подводил итоги происходившей борьбе, говорил об источниках нашей победы. Тем большего внимания заслуживает совершенно ясно выраженная им мысль: победа одержана, хотя мы не могли оказать сибирскому крестьянству такой помощи, какую получили крестьяне Европейской России. Возникают вопросы: почему не могли оказать помощь и как же все-таки победили, несмотря на это?

С августа 1918 г. по март 1919 г. в Сибири были проведены следующие подпольные партийные конференции большевиков: 18—22 августа 1918 г. в Томске 1-я Сибирская областная; 23 ноября 1918 г. там же 2-я Сибирская областная, она же 1-я Всесибирская; 20—21 марта 1919 г. в Омске 2-я Всесибирская. Относящиеся к этим конференциям документы и материалы, а также другие

* См. В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 155.

партийные документы * подпольных организаций Сибири позволяют установить основные моменты, имеющие важное значение для всестороннего освещения рассматриваемого вопроса.

В основе всех принятых конференциями решений лежит одна мысль, которую можно выразить вкратце словами: «Освобождение Сибири есть прежде всего дело самих сибиряков» **. Пути и средства достижения цели — вооруженная борьба, как основной и главный прием тактики. 1-я Сибирская конференция отвергла сепаратные восстания. Жизнь внесла в ее решение существенную поправку, нашедшую свое выражение в решениях 2-й подпольной конференции. Отметив, что по Сибири прокатилась волна крестьянских восстаний, вспыхивавших стихийно, и что наблюдается резкий поворот в настроении середняка и беднейшего крестьянства, конференция тем не менее еще раз подтвердила, что «основной задачей партии остается подготовить в Сибири планомерное всеобщее восстание рабочего класса в целях нанести единый удар буржуазной диктатуре». И лишь в виде уступки реальным фактам из жизни и борьбы трудящихся масс села было записано: «ЦК Сибири организует также в целях восстановления Советской власти и тем самым расширения базы социалистической революции восстание, охватывающее

* Мы имеем в виду следующие документы: 1) Доклад ЦК РКП(б) Сибири Центральному Комитету партии в Москве от марта 1919 г.; 2) Доклад членов Сибирского областного комитета РКП(б) Масленникова и Рабиновича, посланный из Омска ЦК РКП(б) в Москву 21 марта 1919 г.; 3) Доклад представителя Западно-Сибирского центра подпольных организаций РКП(б) в Сиббюро ЦК РКП(б) о работе подпольных организаций с августа 1918 г. по ноябрь 1919 г. (См. Партизанское движение в Западной Сибири. Сборник документов. Новосибирск, 1959, док. № 13, 20, 22, 29, 41, 60, 61, 69, 76.)

** Об этом же говорится в Докладе сибирского ЦК от марта 1919 г. Речь не шла, конечно, о каком-то сепаратизме. Ясно представляя себе тяжелое положение Советской республики, вынужденной вести борьбу на многочисленных фронтах и с кулацкими восстаниями в тылу в условиях хозяйственной разрухи и голода, руководители сибирских подпольных большевистских организаций вполне правильно решили, что революционные силы Сибири не должны ждать помощи со стороны, а немедленно включиться в общую борьбу и тем самым оказать помощь Республике в целом, и Красной армии Восточного фронта в частности и прежде всего.

более или менее крупные районы при наличии особо благоприятных условий».

3-я конференция пошла в вопросе о восстаниях еще дальше навстречу реальным явлениям и процессам, определявшим фактическое положение в Сибири, и признала, что главный метод борьбы — организованные вооруженные восстания не только рабочих, но и крестьянских и солдатских масс с целью установить в обширных районах и, если возможно, во всей Сибири Советскую власть. Ближайшими задачами определено было все-сторонне поддержать стихийно начинающиеся восстания и стремиться ввести их в организационное русло для возможно большего расширения базы восстаний.

«Эволюция» в решениях конференций очевидна, но здесь сейчас нас занимает не эта сторона дела. Ведь как бы ни ставился конференциями вопрос (всеобщее ли планомерное единовременное восстание, сепаратные ли восстания, или же те и другие в сочетании и т. д.), по существу, речь идет об одном и том же, а именно: о чисто военном решении стоявших перед партией в Сибири задач. Центр тяжести именно в этом: и в тылу врагов все решать должна вооруженная борьба*.

Без долгих рассуждений ясно, что, для того чтобы выполнить задачу этим путем, нужна прежде всего вооруженная сила, и притом немалая. Ведь у контрреволюции были весьма значительные силы: свыше 100 тыс. войск интервентов, почти полумиллионная белая армия (в том числе свыше 40 тыс. офицеров и добровольцев), почти целиком все казачество, бесспорно, все кулачество, вся бежавшая из Европейской России от Советов буржуазия и т. д. Нельзя также забывать о целом ряде весьма важных преимуществ, что были на стороне врагов в виде готового на местах аппарата гражданской и военной власти, аппарата связи, наличия путей и средств сообщения, позволяющих быстро сосредоточить превосходящие силы к угрожающим пунктам и т. д. и т. п.

Были ли в Сибири в те дни, когда конференции принимали решения о восстаниях, организованные воору-

* Примечательно, что решения 1-й и 2-й конференций говорят только об организации восстаний «рабочего класса» и лишь 3-я конференция впервые прямо говорит также о крестьянских и солдатских восстаниях.

женные революционные силы, которые могли брать на себя задачу разгрома столь крупных масс войск врагов? А ведь именно такого разгрома требовали решения всех конференций. Ответ на поставленный вопрос ясен: такой силы налицо не было, ее надо было только еще создавать и организовывать. Спорить в этом вопросе не о чем. Да и сама первая подпольная конференция дала на него точный ответ: борьба за восстановление в Сибири власти Советов должна пройти три этапа: а) накопление и организация сил рабочего класса во главе с партией коммунистов; б) организация широких масс для борьбы с реакцией; в) вооруженная борьба как завершающий этап*. Конференция ясно представляла себе трудности, весьма трезво оценивала положение, не строила никаких иллюзий и объективно судила о пути восстановления власти Советов. Бесспорно, не найдется объективного исследователя, который стал бы обвинять ее в необдуманном и легковесном подходе к решению главной задачи, возражал бы против обоснованности постепенности подготовки вооруженной борьбы и сил для нее.

Но в отмеченной позиции конференции есть один слабый, вернее, неясный пункт: как же авторы решений мыслили себе конкретно найти массы для создания армии восстания? Решения всех конференций и тут как будто единодушны. Отметив, что контрреволюция в Сибири, начавшись мелкобуржуазными лозунгами, должна неизбежно прийти к военной диктатуре, 1-я подпольная конференция утверждала, что «в этом процессе развития мелкая буржуазия и крестьянство должны уйти от крупной буржуазии и стать на сторону с рабочим классом и пойти на борьбу за лозунги рабочего класса, за Советскую власть. Отход мелкой буржуазии и крестьянства изолирует контрреволюцию и дает больше шансов победы в руки восставшего рабочего класса»**.

Эта же мысль весьма ясно выражена в решениях и 2-й конференции. Перечислив основные факты, характеризующие положение в белой Сибири (террор, уси-

* См. Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Документы и материалы, стр. 48.

** Там же, стр. 49.

ление эксплуатации, отмена всех завоеваний социалистической революции и т. д.), конференция записала в своем решении: «Эти факты окончательно также рассеяли иллюзии относительно демократии приспешников буржуазии среди сибирского крестьянства и резко толкают мелкую буржуазию Сибири к пролетариату, в сторону Советской власти» *. Та же мысль высказывается еще и в других местах посланного Центральному Комитету в марте 1919 г. доклада о работе 2-й конференции большевистского подполья в Сибири, а также в решениях 3-й подпольной конференции.

Таким образом, получается, что ни одна из всех трех подпольных большевистских конференций Сибири не ставила партийным организациям четко и конкретно задачи вести борьбу за отвоевание масс у врагов революции, за привлечение этих масс на свою сторону. Говорилось лишь о том, что крупная буржуазия и военная диктатура своими решениями и действиями сами отталкивают от себя мелкую буржуазию и крестьянство.

Очевидно, решения конференций зависели во многом от того, что участникам их было известно, где и какие сохранились большевистские группы и организации, группы сочувствующих, а также каково в данном районе настроение и классовый состав населения, связь с ним и т. д. Делегаты конференций — представители большевистских организаций городов и промышленных районов, — видимо, мало что могли сказать о партийных силах на селе. Можно с полным основанием считать, что решения конференций отражали положение сибирских организаций партии в первые несколько месяцев после вероломного нападения интервентов и захвата власти контрреволюционерами, когда партия понесла тяжелые жертвы, когда оказались порванными прежние связи между отдельными организациями и нужно было время на собирание сил и восстановление связей в условиях жестокого террора и преследования всего, что было большевистского и советского.

Резюмируя содержащиеся в решениях конференций характеристики и оценки обстановки в Сибири за пер-

* Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Документы и материалы, стр. 63.

ные десять месяцев со дня установления власти интервентов и белогвардейцев, следует констатировать:

а) подпольные партийные организации численно слабы, связь между ними установлена, главным образом, только в Западной Сибири, острый недостаток опытных работников, нехватка денег, часты провалы. Но, несмотря на все многочисленные недостатки и трудности, авторитет и влияние большевиков в массах огромны и растут*;

б) рабочий класс численно слаб; ведущий отряд его (железнодорожники) разбросан вдоль всей железнодорожной магистрали; другой сильный отряд — горняки — сконцентрирован в добывающей промышленности вдали от городов и к тому же разбросан по отдельным копам, рудникам. Не вся еще миллионная масса трудящихся освободилась из-под влияния соцсоглашателей и решительно еще не встала на позиции диктатуры пролетариата;

в) масса непролетарских трудящихся города и деревни, и прежде всего трудовое крестьянство в лице середняка, еще не изжила иллюзии демократии и Учредительного собрания; отталкиваемая крупной буржуазией и антинародной политикой военной диктатуры, она еще не пришла в лагерь сил социалистической революции и местами ведет вооруженную борьбу с белогвардейской властью за свои местные интересы и по своему собственному разумению.

Невольно возникают вопросы: чем же реально располагали подпольные организации большевиков и какие вообще возможны были в той обстановке решения о путях, средствах и приемах борьбы за восстановление Советов? Пытаясь дать ответ, мы должны исходить не

* В посланном Центральному Комитету документе, касающемся работы 3-й конференции, говорится: «Партийные организации, периодически разбиваемые провалами, немногочисленны, но влияние их в массах огромно; они регулируют и организуют восстание». В другом сообщении говорится: партийные организации имеются во всех крупных центрах Сибири, некоторые из них охватывают обширные вне городов районы заводов, копей, рудников и деревень; связь и объединение организаций достигнуты главным образом в Западной Сибири, но парткомы «крайне бедны активными опытными работниками. Работа по организации восстаний тормозится в сильной мере отсутствием не только людей, но и денежных средств». (Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Документы и материалы, стр. 60, 68.)

из того, что нам сегодня известно по рассматриваемой теме и чего не знали тогда ни участники конференций, ни в своей массе подпольные организации партии на местах. Равно мы не имеем права судить и оценивать решения и действия конференций исходя из наших сегодняшних знаний и умения организовать революционные массы и руководить ими.

Установление в Сибири власти белогвардейцев летом 1918 г. не было результатом изменения соотношения классовых сил, а прямым результатом вероломного нападения интервентов. Основная масса сибирского крестьянства — середняк — не выступала прямо в роли врагов Советов и никогда не была (как пишут некоторые авторы) «социальной базой Колчака». Это такой же выдуманный некоторыми исследователями миф, как то, что «кулак повел за собою середняка в лагерь контрреволюции», и как то, что омское правительство опасалось призывать в армию бывших фронтовиков.

Основной и главный недостаток решений всех конференций состоит в том, что положение в сибирской деревне освещалось односторонне. Полностью игнорируется героическая работа оставшихся на местах (после захвата врагами власти) и ушедших в подполье членов партии и советских работников. Сибирская деревня рассматривается без разделения крестьянства на основные социальные группы, как того требует учение марксизма-ленинизма. Ничего абсолютно не сказано о классовой борьбе в самой деревне. Все вопросы о сибирском крестьянстве рассматриваются и решаются исключительно под одним углом зрения — использования его после отхода от буржуазии для проведения вооруженных восстаний, в которых могут участвовать все, кто им сочувствует.

Много внимания уделяется в документах конференций рабочему классу*. Так, 2-я конференция особо констатировала «слабость сибирского пролетариата и слабость организованности его»**, но отметила наступление

* Материалы конференций говорят о «рабочем классе» в целом, т. е. о всей насчитывавшей свыше 1 млн. человек массе работающих по найму, из которой к промышленному пролетариату относилось не более одной трети.

** Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Документы и материалы, стр. 61—63.

перелома в его настроении как результат изжития им иллюзий демократии соцсоглашателей и понимания им неизбежности восстаний. Аналогичные мысли высказаны в решениях 3-й конференции *. Повторяя тезисы предыдущей конференции о слабости и немногочисленности пролетариата, о слабой населенности Сибири при громадном пространстве, об отсутствии промышленности, конференция констатировала, что сибирский пролетариат, лишившись своих организаций, союзов, печати, вполне изжил социал-патриотические иллюзии, потерял окончательно веру в демократизм и в Учредительное собрание и «стал уже активной революционной силой в борьбе за возврат пролетарской диктатуры».

К сожалению, до сих пор вопрос о борьбе пролетариата Сибири и Дальнего Востока и о роли его в повстанческом и партизанском движении не получил надлежащего освещения. В некоторых исследованиях рабочему классу колчакии уделяется мало внимания и решающая роль отводится крестьянству. В других, наоборот, сторонники «чистоты схемы» даже не считают нужным разобраться в том, что в действительности происходило в тылу врагов. Они утверждают, что в Сибири действовал в полной мере общий закон: гегемоном революции являлся рабочий класс, а поэтому борьба сибирского крестьянства не могла не возглавляться прямо и непосредственно сибирским рабочим классом. Классовая борьба в сибирской деревне и вне городов только способствовала борьбе с контрреволюционерами, которую вели рабочие Сибири.

Первая мировая война создала большой спрос на сибирские уголь, руду, золото и другие горные богатства. Началась хищническая эксплуатация их. Резкий рост добычи не привел к такому же значительному росту рабочих, так как капиталисты добились права на эксплуатацию дешевого труда военнопленных, численность которых здесь превышала несколько сот тысяч человек.

Если не считать китайских и корейских сезонных рабочих (около 200 тыс. человек в год) и военнопленных,

* См. Партизанское движение в Западной Сибири (1919—1920 гг.). Документы и материалы, стр. 74—75.

то общая численность рабочих (включая и железнодорожников) достигала максимально 300—350 тыс. человек. Численность населения рассматриваемой окраины не превышала 8—9 млн. человек (из них мужчин около 48%), а это значит, что по своей численности рабочий класс Сибири был не так уж безнадежно слаб.

Однако к 1918 г. в рабочей массе произошли большие изменения. Отлив мужчин на войну привел к деформации рабочей силы вследствие привлечения труда женщин и подростков. К тому же крупнейшие горно-промышленные районы стали убежищем от призыва в армию и посылки на фронт сынков кулаков, чиновников, купцов и т. д. Так, к примеру, на Анжерских копях к 1917 г. было (из 5 тыс. рабочих) кадровиков — старых рабочих — всего 1 тыс. человек, остальные полукрестьяне, не порвавшие еще с деревней*, и военнопленные. Это весьма важное обстоятельство почему-то упускается из виду историками, когда они пишут об участии рабочего класса в борьбе в тылу врагов.

Разбросанность рабочих по всей огромной территории к востоку от Урала стала, что называется, притчей во языцех. Сплошь и рядом рудники, шахты, прииски находились на десятки, а то и сотни верст друг от друга. Таков факт, но расценивать его только как абсолютно отрицательный фактор обстановки будет неверно. Та же разбросанность была причиной того, что во всех важнейших в военно-экономическом отношении районах Сибири, и прежде всего вдоль всей Сибирской железнодорожной магистрали, были расположены значительные массы (по масштабам Сибири того времени) рабочих. Лучшей дислокации революционного пролетариата для того: а) чтобы постоянно держать белогвардейские власти и силы пунктов и районов военно-стратегического и экономического значения под угрозой восстания рабочих и захвата ими этих пунктов; б) чтобы вовлечь в борьбу крестьянские массы прилегающих районов и возглавить ее — трудно даже себе представить. Ко времени вероломного нападения чехословаков не было во всей Сибири ни одного рудника,

* В этом главная причина того, что эсеры долгое время сохраняли сильные позиции в ряде промышленных районов Урала и Сибири.

ни одной шахты без профессиональных союзов, как не было ни одного горнозаводского района без большевистской партийной организации.

До падения власти Советов в мае — июле 1918 г. сибирские рабочие вели здесь такую же активную борьбу и ее укрепление, как их товарищи в Европейской России. Они формировали красногвардейские отряды, поступали добровольцами в первые красноармейские полки, в железнодорожную и приисковую милицию, шли в продовольственные отряды по заготовке хлеба и т. д.*.

Временная утеря власти поставила перед рабочими Сибири трудные и сложные вопросы борьбы за восстановление диктатуры пролетариата и о защите завоеваний Октября. Начались выступления профсоюзных организаций, от имени рабочих масс Сибири протестовавших против переворота, требовавших прекращения преследований большевиков и т. д. Понадобилось не так уж много времени, чтобы рабочие Сибири и Дальнего Востока убедились в полнейшей безнадежности добиться своих классовых целей с помощью только легальных форм борьбы через профессиональные союзы. Старые связи между рабочими массами и ушедшими в подполье большевиками приняли новые формы, а в изменившихся условиях обстановки надо было указать новые задачи, пути и методы борьбы. Как уже знает читатель, сибирские подпольные конференции партии стояли в этом вопросе на одинаковых позициях — все они ставили перед рабочим классом одну задачу: вооруженное восстание как главный и единственный путь восстановления власти Советов. Особенно подробно вопросы организации городских восстаний, руководства повстанческим и партизанским движением, а также организации других форм борьбы в тылу были разработаны в документах, содержавших решения 3-й подпольной

* Так, в сентябре 1917 г. в революционных рабочих батальонах Черемхова насчитывалось около 10 тыс. человек, но оружия не было. В ноябре 1917 г. черемховцы разоружили милицию и гарнизон района, что дало им около 1500 винтовок. В декабре 1917 г. черемховские шахтеры послали на помощь Иркутску 2 тыс. своих вооруженных бойцов. Несколько рабочих отрядов отправлял на подавление кулацких восстаний Кузбасс, в частности на фронт против Семенова,

конференции 20—21 марта 1919 г.*. В своей совокупности принятые меры представляют тщательно разработанный организационный план, предусматривавший покрытие всей территории колчакии сетью подпольных штабов, десятков, групп и организаций. Пожалуй, кроме Сибири, нигде такого плана работы в тылу врагов за все годы гражданской войны составлено и принято не было. Можно было бы, конечно, найти в нем недостатки и неточности. Но бесспорно одно: сибирские руководящие подпольные круги партии проделали громадную работу по организационному обеспечению подготовки восстания как в Сибири в целом, так и в отдельных ее районах, не только выработав общие тезисы, но указав местам конкретные меры, как и что, кем и когда должно быть сделано.

С конца мая 1918 г. и по март 1920 г. (когда Сибирь была окончательно освобождена от интервентов и белых) имел место ряд восстаний рабочих. Одни из них терпели неудачи, другие увенчались полным успехом. Доискиваясь причин этого, приходится констатировать, что успех венчал те рабочие восстания, которые по условиям военной обстановки были (во времени и в пространстве) связаны с действиями Красной Армии. К ним следует отнести вооруженные выступления рабочих уральских заводов летом 1919 г., рабочих Челябинского района в июле того же года, рабочих Томска, Барнаула, Семипалатинска, ст. Тайга в декабре 1919 г., рабочих Красноярска в январе 1920 г. и другие, менее значительные.

Но в тех случаях, когда такой связи между восстаниями рабочих и действиями Красной Армии не было, восстания успеха не имели. Сказанное относится к Томскому восстанию в ночь на 2.11 1918 г., к Омско-Куломзинскому, Канскому и Иланскому восстаниям в декабре 1918 г., ко второму Омскому восстанию в начале февраля 1919 г., к Енисейскому восстанию 6.2 1919 г., к по-

* Речь идет о следующих документах: а) решение по текущему моменту; б) решение по вопросам тактики; в) Устав РКП(б) для Сибири и Урала; г) план военных организаций РКП(б) для Сибири; д) Инструкция партийным комитетам и штабам по организации партизанских отрядов; е) Инструкция для революционно-партизанских и повстанческих отрядов; ж) Инструкция по организации деревенских комитетов, крестьянских штабов и отрядов.

пытке восстания в Томске в начале марта 1919 г., к восстанию в Тюмени 13.3 1919 г., к восстанию в Кольчугинских рудниках 5—6 апреля 1919 г., к восстанию рабочих в Бодайбо в январе того же года и некоторым другим, более мелким *. Кроме главной причины провала городских восстаний (в критический момент войска гарнизона решительно и энергично не выступили на поддержку рабочих, как это было обещано) в сибирских рабочих городских восстаниях сказывался еще ряд причин неудач: изолированность — замкнутость в себе пунктов восстаний — и колоссальный перевес сил врагов в них; созданные господствующим положением белогвардейцев преимущества (связь, быстрота концентрации сил со стороны, лучшая осведомленность и т. д.); непривлечение к восстанию повстанческих и партизанских отрядов, не говоря уже об организационных неполадках. Опыт таких восстаний показывает, что, если бы даже и удалось восставшим захватить власть, скажем, в Омске, вряд ли бы они сумели ее удержать и развить успех за пределы города, стать центром восстания в больших районах **.

Но абсолютно неверно и даже вредно ставить вопрос так, что, раз обстановка в целом и в частности военная не благоприятствовала, нечего было вообще начинать. Надо со всей решительностью подчеркнуть,

* В сентябре — октябре 1918 г. были сделаны попытки восстания против белых в Усть-Каменогорске, Канске, Нижнеудинске, Минусинске, Кузнецке, но заметных успехов достичь не удалось.

** В одном из докладов Центральному Комитету руководители Омской подпольной организации писали, что в случае захвата власти в городе имелось в виду создать двадцатитысячную армию, «открыть три фронта», мобилизовать крестьянство и повести наступление в сторону Новониколаевска, чтобы прорваться в Кузнецкий бассейн и здесь создать основную базу. Шансов на выполнение такого плана, можно сказать, не было никаких: создание армии и движение в полосе железной дороги, чтобы достигнуть лежащего от Омска за 800—850 км Кузбасса, требовали много времени. В районе Новосибирск, Канск находилось свыше 12—15 тыс. войск интервентов и кадровые бригады белых, что давало им возможность быстро сосредоточить превосходящие силы на пути наступавших и в то же время атаковать их тыл снятыми с внешнего фронта частями — резервами войск генерала Сырового. Кроме того, Кузбасс не был в состоянии принять, разместить такую массу войска, обеспечить его, словом, стать базой для развития успеха. (См. Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Сборник документов и материалов, стр. 107.)

что политическая обстановка в Сибири и на Дальнем Востоке настоятельно требовала вооруженных выступлений рабочих, как ведущей силы социалистической революции, и они сыграли историческую роль.

В условиях господства интервентов и белогвардейцев и в силу малочисленности рабочего класса в Сибири были найдены еще и другие пути и возможности создания единого фронта рабочих и трудового крестьянства против общего врага при условии сохранения руководящей роли пролетариата и его авангарда и руководителя — партии большевиков. Сибирские рабочие уходили к партизанам и повстанцам, составляли там основное, наиболее сознательное и боевое во всех отношениях ядро*. Рабочие Сибири оказывали повстанцам и партизанам большую помощь в самых разнообразных формах: приобретение и доставка оружия, передача инструментов и материалов для патронных заводов, мастерских по ремонту оружия и т. д. Если по условиям обстановки здесь и не могло быть массового движения пролетариата на помощь крестьянской бедноте в борьбе ее против кулаков и на фронты вооруженной борьбы, как это происходило в годы гражданской войны там, где у власти были Советы, то это привело лишь к изменению масштабов и форм и не влияло на сущность явления — создание военно-политического союза рабочих и трудового крестьянства под руководством пролетариата.

2. НАРОДНЫЕ МАССЫ СИБИРИ В ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЕ В ТЫЛУ ВРАГОВ

Борьба народных масс Сибири против интервентов и белогвардейцев прошла несколько этапов — фаз своего развития. Вначале ее вели уцелевшие после первых поражений отдельные красногвардейские и красноармейские отряды, продолжавшие героически сражаться, несмотря на полную (с военной точки зрения) бесперспективность на победу. Затем борьба приняла форму вос-

* Особо наглядно это видно на партизанском и повстанческом движении в Томской губернии. Организаторами и командирами целого ряда красных отрядов были рабочие (Гончаров-Толкунов, Зубов-Бурков, Г. Шувалов, Крылов и др.), а в отдельных отрядах рабочие составляли половину числа людей.

станий крестьян против законов и распоряжений новой власти. Характерным для последующей фазы были партизанские действия небольшими отрядами, совершающими налеты и нападения на милицию, органы местной власти и т. д. Между двумя последними фазами борьбы существовала самая тесная зависимость и взаимодействие: в одних случаях именно партизанские отряды поднимали крестьян на восстания, составляли ядро восставших, а в других — закончившееся неудачей восстание было причиной ухода части восставших в партизаны.

Наиболее распространенным способом — формой борьбы были восстания отдельных сел, деревень, районов, иногда целых уездов. Связаны они были вначале между собою слабо — не было единого политического и военного центра, способного организовать и руководить выступлениями на более или менее значительной территории. Не было на первом этапе восстаний и четко сформулированных и ясно выраженных политических лозунгов. Движение носило ярко выраженный стихийный характер, и участвовало в нем почти все население данного населенного пункта. Начиналось, как правило, восстание с того, что крестьяне оказывали сопротивление представителям колчаковской власти и защищались — оборонялись — в районе своих деревень от нападения правительственных отрядов. К активным действиям за пределами села, деревни восставшие переходили тогда, когда в первых столкновениях им (или же их соседям) удавалось добиться успехов. В этих случаях объектами нападений были: а) ближайшие уездные города и б) ближайшие казачьи станицы, реже станции железной дороги. Белогвардейские администраторы представляли Омску следующие объяснения: на города крестьяне нападают потому, что там есть что пограбить и чем «пожизиться»; крестьяне всегда завидовали казакам, как привилегированному сословию, от которого они немало натерпелись в прошлом и рассчитаться с которым им теперь, по их мнению, представляется благоприятная возможность.

Уездные города давали, конечно, восставшим возможность «пожизиться», но главное было не в этом. Красной нитью через всю историю крестьянских восстаний всех времен и народов проходят сообщения о

захвате восставшими прежде всего ближайших городов как административных и политических центров; в антагонистическом классовом обществе то было вполне закономерное проявление борьбы противоположностей между городом и деревней. Об этом же говорят восстания крестьян в Сибири.

Многочисленные жалобы иркутских, енисейских, иртышских и семиреченских казаков показывают, что нападения крестьян на казачьи станицы преследовали одну основную цель — захват земли, которой у казаков было больше и притом более удобной*.

Самый переход от одной фазы к другой носил в разных областях и губерниях Сибири в разное время характер длительного, постепенного изменения сил, объектов и приемов борьбы.

Вооруженные восстания крестьян уже не возникают стихийно то там, то здесь, а как бы сосредоточиваются в определенных районах (Степной Баджей, Тасеево, Славгородский уезд и др.). Обозначились уже вполне отчетливо основные очаги повстанческого и партизанского движения, сохранившие свое первостепенное значение до окончательной ликвидации Колчака и изгнания интервентов. Борьба трудящегося крестьянства ведется уже под определенными политическими или патриотическими лозунгами: против власти контрреволюционеров и против насилий иностранных захватчиков.

Вместе с тем для рассматриваемой фазы характерно то, что основная масса сельского населения (средняк) еще не везде сделала окончательный выбор и стремилась держаться золотой середины, быть нейтральной. Этим именно объясняется наступление уже отмеченного нами некоего затишья, характеризующего переходный период от первой фазы ко второй. Активно действующие против белогвардейцев и интервентов вооруженные силы численно не увеличиваются, в большинстве районов действуют только мелкие отряды, создающие в тылу дезорганизацию и напряженное положение. Борьбу с ними ведут почти исключительно команды и небольшие

* Борьба крестьянства с казаками в глубоком тылу врагов не только ослабляла и дезорганизовывала его. Она лишала белых возможности использовать всю силу казачьих войск как на внешних фронтах, так и для борьбы с партизанами: значительные отряды казаков приходилось оставлять на защиту собственных станиц.

отряды милиции, кое-где отряды самоохраны (из кулаков) и разъезжающие по уездам небольшие команды войск, состоящие почти целиком из офицеров и казаков. Крупных и серьезных операций против красных в этот период почти нет, да и сами красные не дают повода к такого рода действиям войск.

Третий и последний этап борьбы в тылу врагов наступил примерно со второй половины 1919 г. Он характеризуется двумя основными чертами: а) расширением старых и появлением новых районов действий повстанцев-партизан и б) массовостью выступлений и ростом активности красных.

Отмеченное — результат целого ряда обстоятельств и причин, среди которых главными были следующие: освобождение Красной Армией Урала и вступление ее в Западную Сибирь — основную базу Колчака; героическая работа и борьба подпольных организаций большевиков в тылу противника. За истекший год они выросли численно, укрепились организационно, несмотря на многочисленные провалы и тяжелые потери среди руководящих кадров. Большевики-подпольщики сумели овладеть и подчинить своему влиянию и руководству повстанческое и партизанское движение в целом, придать ему классовый социально-политический характер. Важную роль сыграли указания Центрального Комитета партии, лично В. И. Ленина, что помогло сибирским подпольным организациям преодолеть допущенные вначале ошибки и недостатки, чтобы направить усилия борющихся в тылу масс трудящихся на выполнение наиболее важных военных задач. Роль указанных обстоятельств увеличивалась особенно в силу провалов всей внутренней экономической и финансовой политики верховного, ставших одним из самых сильно действующих против него факторов обстановки.

Рассматривая борьбу в тылу врагов в целом, следует установить, что по ряду причин образовалось два основных и притом обособленных театра военных действий *. Енисейская губерния и сопредельные западные уезды Иркутской губернии составили первый из них. Западные уезды Алтайской губернии, а также часть южных

* В соответствии с задачами нашего исследования мы не касаемся положения в колчакии восточнее оз. Байкал.

уездов Акмолинской области образовали второй основной сибирский театр военных действий в тылу Колчака. Каждый из театров вел борьбу изолированно от другого на собственный страх и риск. В отношении сил, способов их использования, объектов действий и т. д. между названными основными районами существовала большая разница.

Угнетенное положение трудящихся масс в белой Сибири обуславливало и предопределяло способы и формы борьбы в основном. В первое время речь шла о том, какую принять систему сопротивления. Практическое решение задачи зависело от целого ряда обстоятельств и соображений. К числу их относились прежде всего объективные условия обстановки: размеры и рельеф местности, на которой велись военные действия (тайга, реки, горы, наличие путей сообщения и т. д.); наличие экономических и административно-политических центров и районов; классовый и национальный состав населения, характер его хозяйственной деятельности, его отношение к происходящим событиям и т. д. К числу факторов, оказавших влияние на выработку военного искусства красных, следует, безусловно, отнести также наличие в данном районе войск интервентов и белогвардейцев, их численность, боеспособность, основные способы-приемы их оперативных и тактических действий.

В целом можно установить три основных оперативно-тактических приема действий красных. Первый из них состоял в занятии и удержании за собою удобных во всех отношениях районов местности.

Повстанческо-партизанские войска Тасеевского фронта имели в тылу у себя таежный, трудно доступный для войск белых обширный район, где фактическая власть Омска (до Колчака и во время его диктатуры) никогда установлена не была. Проникнуть в этот район и его оккупировать белые были не в состоянии прежде всего из-за недостатка сил. Отдаленность его от железной дороги и важных административно-политических центров делала такую операцию вообще мало целесообразной и даже ненужной.

Красные отряды Тасеевского фронта умело пользовались отмеченным обстоятельством и действовали исключительно энергично и смело, чувствуя за спиной надежную для себя во всех отношениях территорию. Бе-

логвардейцы не раз признавали, что Тасеевский фронт был для них одним из самых трудных внутренних фронтов. И хотя здесь действовал самый надежный и боеспособный белогвардейский карательный отряд — егерская бригада Краси́льников — и часто ему на помощь приходили войска интервентов, врагам не удалось до самого конца их власти добиться решительных успехов.

Действия красных повстанческих и партизанских отрядов упомянутого района под умелым военным и политическим руководством большевиков В. Г. Яковенко, П. И. Денисова, И. З. Новгорода и др. служат блестящим примером умелого использования условий местности как в оперативном, так и в тактическом отношении.

Степно-Баджейский фронт может быть лишь условно отнесен к такого рода районам действий красных. Длительное время район находился в руках красных, но объясняется это весьма отличными от Тасеевского района причинами. Действовавшие здесь отряды П. Е. Шетинкина и А. Д. Кравченко не уступали по численности и боеспособности тасеевским. Самое уязвимое для врагов место — Сибирская железнодорожная магистраль находилась буквально рядом. Держать ее под обстрелом, портить пути, устраивать крушения, прерывать надолго телеграфную связь — эти и тому подобные активные военные действия проводить отрядам названных командиров не могло составить большого труда. Мы уже приводили цитаты из белогвардейских документов, показывающие, каких важнейших успехов добивались здесь относительно легко красные, срывая железнодорожные перевозки в дни большого военного наступления Колчака от Урала к Волге в марте — апреле 1919 г. В оперативно-тактическом отношении местность была для красных также благоприятна. Самая крупная из всех колчаковских карательных операций с привлечением больших сил интервентов, предпринятая в рассматриваемом районе в мае 1919 г., позорно провалилась.

И все же, несмотря на отмеченные обстоятельства, приходится констатировать, что Степно-Баджейский фронт не сыграл той роли, которую он мог и должен был играть. Белым удалось здесь провести в жизнь

почти полностью предложенный генералом Артемьевым план: дать красным собраться в своих районах, дать им перейти к мирным делам и вопросам гражданского строительства, усыплять их бдительность тем, что до поры до времени не предпринимать против них никаких серьезных действий, а потом, в удобный момент, нагрянуть, захватить врасплох и одним ударом уничтожить. Дело не в том, что в мае 1919 г. основные кадры красных отрядов сумели горными тропами и скотопрогонными дорогами спастись — ведь произошло это только благодаря промахам и ошибкам генерала Розанова. Дело в том, что в течение шести с лишним месяцев (с конца 1918 г. и до середины мая 1919 г.) на этом наиболее угрожаемом для врагов участке железной дороги установилось как бы с обоюдного молчаливого согласия своего рода миролюбивое сосуществование. За исключением отмеченного выше короткого периода ежедневных нападений на железную дорогу, отряды Щетинкина, Кравченко никаких попыток провести серьезные операции не предпринимали, давая тем самым врагам возможность сосредоточивать свои находящиеся в Енисейской губернии силы против Тасеевского фронта.

В непосредственной близости от Степного Баджея — военного и политического центра красных южнее железной дороги — стоял долгое время штаб командующего белогвардейскими войсками генерала Афанасьева на ст. Клюквенная, а затем штаб чехословацкого полка на ст. Камарчага. И тот и другой штабы прикрывались со стороны Степного Баджея только разведывательными отрядами и дружинами самоохранны. То были вызывающие, нахальные действия интервентов и белых, на которые, к сожалению, Щетинкин и Кравченко никак не реагировали: нет документов, что красные хотя бы один раз пытались совершить лихой, истинно партизанский ночной налет на упомянутые штабы, захватить и уничтожить их или хотя бы спугнуть и заставить убраться подальше и тем нарушить и затруднить управление войсками всего прилегающего к магистрали обширного района.

Нельзя, конечно, сказать, что руководители Степно-Баджейской республики не занимались военными вопросами. «Освобожденная территория, — сказано по этому

поводу в «Истории гражданской войны в СССР», — была превращена в военный лагерь, где все было подчинено интересам вооруженной борьбы. Создавались новые партизанские формирования, возводились оборонительные сооружения, наводились мосты, строились паромы. ...Кустарным способом изготовляли порох... делали патроны и ремонтировали оружие»*.

Бесспорно, речь идет о нужной и важной работе. Без нее войска Щетинкина и Кравченко не могли ни существовать, ни сражаться. Дальнейший ход событий показал, что и в этом вопросе были допущены серьезные просчеты и ненужные излишества: фортификационные и строительные работы никакой роли не сыграли при защите республики, а центр «военного лагеря» — село Степной Баджей — был сдан без боя; не оказали красные серьезного сопротивления также на подступах к нему. Но дело не в этом.

Военное руководство красных, видимо, недопонимало, что центр тяжести борьбы лежит не в пассивной обороне занимаемой территории, а в активных действиях и что все усилия должны быть направлены прежде всего на разгром и изгнание врагов. В этом основа всех просчетов восставших, в том числе переоценка своих сил и тактических условий местности и недооценка сил противника. Не было у красных опытных штабов и специалистов, которые были бы в состоянии с помощью агентурной разведки расшифровать планы противника, попытаться координировать действия с тасеевцами, держать инициативу в своих руках и все время наносить врагу удары, срывая его планы.

Мы вынуждены подвергнуть руководителей Степно-Баджейского фронта суровой критике потому, что они не использовали все предоставленные им обстановкой (и пятью месяцами относительного затишья прежде всего) возможности, чтобы энергичными действиями против Сибирской железнодорожной магистрали сорвать, во всяком случае, дезорганизовать ее работу и тем самым оказать ощутимую помощь Красной Армии в решающем 1919 г.

Вторым из основных применявшихся красными спо-

* История гражданской войны в СССР, т. 4, стр. 140.

собою борьбы в тылу врагов были так называемые «кочующие фронты». Состоял способ в том, что на известных направлениях, по которым вели наступление войска противника, красные пытались преградить им путь, встречали их активными действиями, которые, однако, как правило, не выходили за пределы пути движения войск и занятых ими населенных пунктов. Широкие маневренные действия красных отрядов на флангах противника встречались редко. Очень редкими были операции окружения отдельных отрядов врага на марше, нанесения им сокрушительных ударов с тыла с одновременной демонстрацией (для отвлечения внимания и сил) с фронта или на флангах.

Выполняя операцию прочесывания известного района или же занятия определенных населенных пунктов, белогвардейские войска двигались, как правило, отдельными колоннами, по рубежам, согласовывая свои действия во времени и по направлениям. Система марш-маневров белых и была основной причиной появления упомянутых «кочующих фронтов». Не сумев сковать противника и не выдержав натиска его, действующий в данном районе красный отряд легко и умело уходил из-под ударов. Обычно уход сводился к отступлению в сторону своей базы или же в сторону от предполагаемого или намечающегося пути наступления противника. Почти совершенно не практиковался в таких случаях прием — расступиться и пропустить врага вперед, а самому в это время двинуться не назад, а вперед, то есть в тыл наступающей колонне противника, заставить его менять фронт или даже направление наступления. Сказанным не исчерпывается, конечно, все разнообразие приемов и возможностей оперативного маневрирования для партизанских отрядов. Приходится констатировать, что использовались возможности эти слабо по причинам, о которых сказано дальше.

Последний из наиболее часто и широко применявшихся типичных способов действия красных — набег-налеты на отдельные небольшие гарнизоны врага, засады и налеты на находящиеся на марше небольшие отряды войск, перехват обозов и тому подобные действия, имеющие ограниченное тактическое значение.

Длительное время основной формой организации повстанцев и партизан был отряд. Численность и внутрен-

нии структура отряда не подвергались регулированию и соответствии с какой-либо научно разработанной и обоснованной теорией организации партизанских и повстанческих войск в прежних войнах. Все зависело от наличия людей, вооружения, опыта и знаний его организатора-командира. Объективные условия обстановки (территория — район его формирования и действий, отношение местного населения, материальная база для существования, расположение и силы противника, характер его действий и т. д.) играли при этом часто решающую роль*.

В самом начале движения все казалось очень простым, и в создании импровизированных отрядов было найдено наиболее подходящее решение возникавших тактических, оперативных и административно-хозяйственных задач. Но по мере роста численности бойцов и расширения районов действий неотложной и важнейшей задачей дня становились выработка и принятие определенных общих организационных принципов.

В июле 1919 г., когда Красная Армия Восточного фронта, освободив Урал, подошла к границам Сибири, Центральный Комитет РКП(б) принял по вопросу о сибирских партизанах следующие решения:

1) в протоколе Оргбюро ЦК от 18 июля 1919 г. записано: «Предложить Сибирскому бюро оказывать отрядам материальную помощь через сибирские партийные организации. Вопрос о директивах для партизанских отрядов переносится в Политбюро;

2) в протоколе состоявшегося 19 июля 1919 г. объединенного заседания Политического и Организационного бюро ЦК записано: «а) в области финансовой поддержки утвердить постановление Оргбюро; б) постановить и довести до сведения партизанских отрядов Сибири, что сибирские партизанские отряды должны немедленно установить между собою постоянную связь,

* Следует особо отметить, что в Сибирь не было направлено ни Советской республики ни одного отряда или группы опытных командиров Красной Армии, которые могли бы оказать сибирякам помощь. Между тем РВСР еще 28.4 1919 г. обязал Реввоенсовет Восточного фронта создавать партизанские отряды и направлять их в тыл противника. Уместно напомнить, что такие войсковые партизанские отряды действовали в Отечественную войну 1812 г. и при этом этот разрушения тыла врага применялся уже президентом США Линкольном в гражданскую войну 1861—1864 гг.

координировать свои действия и переход к централизованному командованию; поручить политработникам Восточного фронта выработать тезисы обращения Совнаркома к партизанам Сибири с целью установления связи с местными политическими организациями о координации военных действий, с тем чтобы заранее приняты были меры обезвреживания отрицательных сторон партизанщины» *.

Указания ЦК стали осуществляться партизанами Сибири с августа 1919 г. Но реорганизация оказалась весьма сложным, длительным и, мы бы сказали, болезненно протекавшим процессом, продолжавшимся вплоть до января 1920 г., когда в результате освобождения Сибири победоносно наступавшей Красной Армией войска повстанцев и партизан были расформированы.

На примере крестьянской народной Красной армии Алтайской губернии наиболее легко и наглядно проследить отдельные моменты реорганизации и установить, что дала она ⁶².

«Согласно постановлению командного состава армии от 7 октября 1919 г., — говорится в приказе главнокомандующего партизан от 9 октября, — вся наша армия сводится в корпус с разделением на две дивизии. Все отряды сводятся в полки» **. По ряду признаков новая войсковая организация повстанцев-партизан напоминала структуру старой армии, что дало повод некоторым советским авторам не только писать о партизанских армиях, но также утверждать, что созданы армии эти были «на принципах строительства регулярной Красной Армии».

Утверждение необоснованное, в чем легко убедиться на следующих примерах. Красная Армия комплектовалась строго по классовому принципу в порядке мобилизации. Повстанческие и партизанские отряды

* Уместно вспомнить слова В. И. Ленина о том, что партизанщина причинила нам больше вреда, чем все измены военных специалистов, а таких измен было много. (См. В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 413.)

** Пехотный полк должен состоять из 15 рот строевых и одной нестроевой (численностью по 120 человек в каждой) и команды конных разведчиков (100—150 человек). Не предусматривалось создание команд пеших разведчиков, связи, пулеметной, саперной. Ничего не говорится о формировании артиллерии. Объясняются «пробелы» отсутствием материальной части, раздобыть которую можно было лишь в бою.

позиции в районе боевых действий, когда командир-организатор сам подбирал себе бойцов из добровольцев. В редких случаях проведения мобилизаций явке подлежали все, кроме активных врагов, чем подчеркивался всенародный характер борьбы, когда от тягот войны никто не должен быть освобожден.

В Красной Армии весь без исключения командный состав назначался по приказам сверху. Комплектование это шло в основном за счет двух источников: а) мобилизованных специалистов старой армии и б) краскомов, т. е. лиц, получивших военную подготовку в советских военно-учебных заведениях или на курсах. Основным костяком командного состава красных отрядов в тылу врагов состоял из тех, кто сам создавал отряды. Господствовал принцип выборности, причем решающее значение имели не теоретическая подготовленность и не бывшие чины и звания, а проявленные данным лицом на деле организаторские и командирские способности, его популярность среди бойцов и т. д. Правом выбора, а также смещения обладали в зависимости от обстановки в одних случаях общие собрания бойцов отрядов и т. д., а в других — съезды представителей повстанцев-партизан, выборные штабы.

Комиссары имелись в красных отрядах в тылу Колчака лишь в виде исключения, и сплошь да рядом они не были членами РКП(б), что объясняется в основном малочисленностью подпольных большевистских партийных организаций и многими другими условиями обстановки.

Таковыми же редкими исключениями были в повстанческих и партизанских отрядах партийные организации большевиков и органы для ведения политической агитационно-пропагандистской работы. Не было в красных отрядах, как правило, и таких важнейших органов, как военные трибуналы, особые отделы, несущие наравне с институтом комиссаров и политическими отделами ответственность за поддержание высоких боевых качеств полков и соединений Красной Армии.

Таким образом, если говорить только об отмеченных выше основных «китах», на которых зиждилось строительство Красной Армии, то приходится констатировать, что ничего похожего в деле создания красных отрядов в тылу врагов не было. Все это не могло не сказаться

на морально-политическом состоянии, а следовательно, и на боеспособности частей красных.

К сказанному следует добавить, что и в отношении структуры повстанческие и партизанские войска ничем не напоминали (кроме одних названий) войска Красной Армии. Основной оперативно-тактической единицей так и остался до конца отряд. Штабы имелись лишь в виде зачатков оперативных ячеек, игравших к тому же фактически роль канцелярий при командирах-единоначальниках.

Все отмеченные недостатки в деле создания повстанческих и партизанских отрядов были обусловлены труднейшими условиями борьбы, и прежде всего отсутствием на месте опытных людей, отсутствием помощи со стороны руководства Красной Армии путем посылки опытных красных командиров, политработников, уставов, положений и т. д.

Все эти вопросы истории повстанческого и партизанского движения в тылу Колчака требуют специального исследования, но и приведенных примеров более чем достаточно, чтобы убедиться в необоснованности упомянутых выше попыток утверждать, что красные партизанские «армии» — это такие же регулярные красные армии, но только по ту сторону фронта.

В составе войск Е. Мамонтова было большое число конных. Из них приказано было создать кавалерийские полки численностью не более 1 тыс. человек каждый, с разбивкой на эскадроны-сотни по 100 человек. По существу, речь идет о той же пехоте, посаженной на лошадей, так как из-за громадного недостатка холодного оружия, седел и недостаточной кавалерийской выучки партизанская кавалерия не выполняла кавалерийских задач, кроме разведки.

Основная масса бойцов не могла быть снабжена современным огнестрельным оружием, не хватало даже охотничьих ружей, дробовиков и т. д. В силу этого одним из важных (по его удельному весу) видов «оружия» были изготавливавшиеся деревенскими кузнецами самодельные пики. Нет, конечно, надобности доказывать, что «пикари» (как их тогда называли) в столкновениях с хорошо вооруженными регулярными войсками противника не могли играть видной роли, как бы самоотверженно и храбро они ни дрались.

Периодически объявлялись мобилизации и призывы, производились новые формирования, были созданы нового рода резервные батальоны для обучения призывных и подкрепления действующих частей маршевыми командами-ротами. К сожалению, документы о мобилизациях и призывах не дают никаких подробностей, как они проводились. Можно лишь установить, что явке подлежали все способные носить оружие. Собственно говоря, речь шла о всенародном ополчении, когда ни уклоняться от явки, ни дезертировать было невозможно и в то же время разрушались аполитичность и колебания середняка.

Основной, главнейшей особенностью в организации борьбы было создание большого количества штабов. Речь идет не о штабах полков, отрядов, дивизий и т. д., а о наличии на всей подвластной территории целой сети нового рода политических «опорных пунктов». Под названием «Военно-революционные штабы» (ВРШ) был создан крепкий и надежный костяк для всей системы сопротивления трудящихся масс интервентам и белым. В ряде районов созданные местные руководящие центры носили название «Военно-революционные комитеты» (ВРК), но это не меняло их функции и задачи. Кроме волостных и сельских ВРШ и ВРК имелись районные, а в качестве исполнительного аппарата их были избраны в селах комиссары. Изыскание оружия, прием добровольцев, проведение мобилизаций, формирование отрядов, установление караулов, ведение дальнейшей разведки разъездами и агентами — таковы вкратце наиболее важные выполнявшиеся ими задачи, не говоря о работе по обеспечению спокойствия и порядка в районе, сбора продовольствия для войск и т. д.

Военно-революционные штабы, возглавляемые единым главным Военно-революционным штабом губернии, составляли широко развитую единую сеть опорных пунктов борющегося против врагов трудового народа. Созданная этим путем территориальная система сопротивления была, с одной стороны, продуктом революционного творчества широких масс борющегося за свободу и независимость народа, — с другой стороны, в ней проявлялось умелое применение на месте большевиками-подпольщиками ленинских организационных

принципов работы большевиков в массах и руководств ими.

Широкое распространение получили штабы еще одного вида. Мы имеем в виду штабы, создававшиеся для руководства военными действиями на определенных направлениях, в районе определенных населенных пунктов. Возникали такого рода штабы по мере надобности быстро и легко и так же быстро и легко исчезали, когда надобность в них отпадала. Фактически то не были, конечно, штабы в чисто военном понимании термина. Пожалуй, вернее их надо было называть не штабами, а командными пунктами участка, района и т. д., но этот термин в документах не встречается.

Такого рода штабов в полосе вооруженных столкновений было создано (в особенности в первое время) великое множество — почти столько же, сколько образовалось пунктов-участков вооруженной борьбы. Можно было бы привести большой список таких участков, известных по документам того времени под названием «фронт». Так, были фронты бутырский (по названию села Бутырки), солоновский (от названия села Солоновка), фронты славгородский, алейский, Северный, Южный и т. д. Раз был фронт — неизбежно было появление «командующего фронтом»*. Речь шла не о погоне за высокими и громкими титулами, а требовалось придать вес и авторитет распоряжениям и приказам штаба и командующего, а также по возможности затруднять работу вражеской разведки и ввести противника в заблуждение о действительных силах и намерениях красных.

Кроме тыловых ВРШ и штабов территориальных были созданы еще и штабы войсковых соединений — дивизий, корпусов и ставки главкома. В качестве высшего, объединяющего все штабы центра были организованы по инициативе мест: а) на совещании представителей партизанских отрядов 8—9 августа 1919 г. в с. Ярки

* Некоторое представление о том, как это делалось на практике, дает следующая цитата: «Ильинский волостной Совет постановил 21 августа 1919 г. избрать главнокомандующим Северным фронтом товарища Чаузова». Конечно, понятие «фронт» в нашем обычном военном понимании плохо вяжется с представлением о силах, что могла дать отдельная волость. Но такова была обстановка.

(Каменского уезда) Главный штаб крестьянской Красной армии Алтайской губернии; б) на заседании подпольной группы большевиков Зиминского района (Барнаульский уезд) 2 августа 1919 г. Главный штаб Алтайского округа. Но просуществовали они недолго, и уже с октября все вопросы сосредоточивались в штабе Западно-Сибирской крестьянской Красной армии*.

Само название «штаб» не всегда полностью и точно выражало функции и задачи его. В одних случаях (главным образом в тыловых районах) под словом «штаб» понимался коллективный орган высшей военной и гражданской власти — законодательной, исполнительной и нередко даже судебной, выполняющей одновременно также чисто военные функции в отношении подчиненных ему отрядов. В других случаях превалировали чисто военные функции, а гражданскими делами штаб занимался постольку, поскольку это в каждом данном случае вызывалось необходимостью.

Говоря об участии народных масс Сибири в вооруженной борьбе против интервентов и белых, мы уже подчеркнули, что и повстанческое и партизанское движение носило ярко выраженный очаговый характер. Другими словами, борьба началась и велась не на всей территории колчакии, а была связана с определенными районами. Если красным приходилось уступать превосходящим силам врага, то оставляли они свои родные края лишь на время, отступив в соседние уезды, или в боры, или в недоступную войскам тайгу. Стоило войскам уйти, как партизаны тотчас же возвращались на свои старые места и, как неоднократно подчеркивали белогвардейские администраторы, «история борьбы с ними начиналась сначала».

То была система сопротивления, не предусматривавшая ведения широких и актив-

* Руководящую роль в создании и работе штабов играли большевики: в Зиминском — Ф. И. Архипов, Г. Ивкин, Семенихин и др.; в Яркинском — З. С. Воронов, П. К. Голиков, М. П. Маздрин и др. Из-за сильного влияния в Солоновском и Глубоковском штабах эсеров и их приспешников реорганизация партизанских отрядов в одну Западно-Сибирскую крестьянскую Красную армию и создание ее штаба шло с большими трудностями, причем эсерам удалось сохранить за собой ряд важных штабных и командных постов. Освещение этого вопроса выходит за рамки настоящего исследования.

ных действий, которые могли бы быть отнесены по своим целям и результатам к понятию «операция»⁶³. В соответствии с этой «стратегией» повстанческо-партизанское командование лишь очень редко ставило войскам задачи, выходящие за пределы тактических действий в районах постоянного их пребывания. В этом основная причина того, что начавшийся со второй половины 1919 г. количественный рост красных бойцов на внутренних фронтах не привел к качественному изменению повстанческих и партизанских сил, и прежде всего к применению ими новых форм и способов борьбы.

Конечно, к оценке действий повстанцев-партизан нельзя подходить с требованиями и масштабами, которые должны быть предъявлены при рассмотрении действий регулярной Красной Армии. Такой подход был бы антинаучен и несправедлив по существу. Но из этого совершенно не следует, что не существует других критериев. Вот один пример.

Знать положительные и отрицательные качества своего войска и войск противника — элементарное требование, которое самой обстановкой на войне постоянно предъявляется всем и каждому без исключения командиру.

Бесспорно (как показал собственный опыт партизан), колчаковские регулярные войска всегда были сильнее при ведении огневого боя: против пулеметов, винтовок и артиллерии колчаковцев бороться с одними дробовиками, охотничьими ружьями или же имея по десятку самодельных патронов на винтовку — дело не только безнадежное, но неправильное и даже вредное. Но если огневой бой для красных не выгоден, то чем же его, если так можно выразиться, заменить? Ответ на такой вполне законный вопрос могло дать в каждом конкретном случае только обстоятельное знание всех условий обстановки и умелое их использование.

Очень плохо, если партизанская часть начинает свои действия против обученных регулярных войск интервентов или белых с огневого боя — ведь это значит сразу же поставить себя в менее выгодное положение, чем то, в котором находится противник. Мы говорим не об огневом налете и не вообще об обстрелах, а о тех случаях, когда красные ставили себе задачей уничтожить врага вплоть до нанесения штыкового удара — пусть теми же пиками. Казалось бы, ударная, а не огневая так-

тика должна была лежать в основе действий партизан при столкновениях с крупными регулярными частями врага, а в ней решающее слово ночному бою, атакам с тыла, с флангов, и притом внезапным, стремительным, все сметающим на своем пути. В этом отношении на стороне партизан было много преимуществ: большие массы высокоподвижной «ездящей пехоты», знание местности, связь с населением и поддержка с его стороны, отсутствие громоздких обозов, растянутых коммуникаций и т. д. Бесспорными были преимущества повстанцев-партизан в отношении подвижности и маневренности вне поля боя. Так, недостатки в организации и вооружении партизан превращались из слабости (по сравнению с теми же качествами противника) в их решительное преимущество.

В беспорядочности (с точки зрения классического военного искусства) ведения военных действий и состояло главное преимущество повстанцев и партизан. Этого недоучитывали некоторые командиры, в частности Мамонтов и его ближайшие помощники, пытаясь перенести партизанскую войну на рельсы обычных военных действий между регулярными армиями, начать действовать «на манер большой войны».

Главнейшей и притом самой простой задачей для красных было приостановить работу Сибирской железнодорожной магистрали, во всяком случае, дезорганизовать ее хотя бы на короткий срок, где и когда только представлялся для этого случай. Протяженность дороги от ст. Маньчжурия до Омска превышает 4500 км. Из них почти половина пролежала в районах мощного повстанческо-партизанского движения, причем тактические условия местности благоприятствовали налетам, порче пути и т. д. Белогвардейское командование было чрезвычайно озабочено организацией надежной охраны дороги: был разработан обстоятельный проект создания на всем пути целой системы инженерных фортификационных сооружений. Отсутствие у красных взрывчатых веществ в необходимых количествах играло, конечно, определенную роль, но, как показывают белогвардейские документы, это несколько не мешало партизанам срывать работу дороги. Сжигание деревянных мостов, саниливание телеграфных столбов, унос путевого инструмента и увод специалистов, захват глухих разъездов

и унос железнодорожных аппаратов, устройство крушений путем развинчивания рельсов, обстрелы поездов и т. д. и т. п. — все это было не менее эффективными средствами дезорганизации.

К жизненно важным для врагов районам относились каменноугольные копи, часть которых также находилась в районах повстанческого и партизанского движения (Сучанские, Судженские, Анжерские и др.). В белогвардейских документах нет сведений, что недостаток угля срывал или тормозил работу железных дорог на более или менее длительный срок*.

Изучение архивных документов показывает, что враги не имели твердого плана ведения вооруженной борьбы против повстанцев и партизан. За исключением двух указанных выше основных театров военных действий (Енисейский и Алтайский) во всех остальных районах Сибири борьбу вело министерство внутренних дел. В его распоряжении были относительно слабые силы: а) милиция; б) лесная стража; в) отдельные отряды милиции особого назначения; г) железнодорожные войска; д) присковая милиция; е) казачья милиция; ж) созданные кое-где дружины самообороны. Стремление белых добиться сразу, одновременно и везде решительных успехов, действуя слабыми и малоорганизованными силами, давало обратные результаты: малочисленные карательные отряды становились (в большинстве случаев) легкой добычей повстанцев и партизан, а это поднимало дух восставших, увеличивало их ряды и подрывало авторитет белой власти.

Лишь периодически на помощь перечисленным силам направлялись войска. Борьба, что шла между военными и гражданскими властями белых, резко отрицательно сказывалась на успешности действий против красных. Зверства и жестокости интервентов и белогвардейцев отражали в известной степени их бессилие. Оно было не только результатом общей нехватки сил, но в не меньшей степени результатом отсутствия продуманного и умело проводимого общего военно-политического плана ведения войны.

В этих вопросах проявилась полнейшая несостоятель-

* На это же указывают большие запасы угля, которые были взяты Красной Армией при занятии Челябинска, Омска и т. д.

ность интервентов и белогвардейцев, применявших в борьбе с повстанцами и партизанами в тылу своем (краткости ради примем условно термин «внутренние фронты») те же принципы стратегии сокрушения, что ими применялись на внешних против Красной Армии фронтах, причем они строго придерживались в этом деле опыта последней, большой войны 1914—1917 гг. Практически со стороны врагов все свелось к тем же старым формам создания и использования войск: наступление (с целью уничтожения живой силы красных, прочесывания определенных районов), занятие — захват определенных районов и пунктов, их временная оккупация и оборона и т. д. Красные противопоставляли этой изжившей себя в условиях борьбы в тылу и малоэффективной стратегии сокрушения другие, более гибкие формы вооруженной борьбы: измор, борьба на истощение и дезорганизацию тыла. Самым важным в последней было не стремление во что бы то ни стало уничтожить живую силу противника, а стремление лишить его источников сил и средств.

Но было бы грубой ошибкой представлять себе повстанческое и партизанское движение в Сибири как нечто монолитное по классовому составу и единое по социально-экономическим и политическим устремлениям и целям всех его участников. Оно не могло быть таковым ни по указанным в предыдущих главах книги условиям и причинам своего возникновения, ни по условиям и путям своего развития. Характер и эффективность партизанского движения во многом зависели от того, кто это движение возглавлял, политически направлял и руководил им. В этом вопросе главным противником подпольных большевистских организаций были эсеры. Одновременно шла, принимавшая временами острые формы, борьба внутри самих повстанческих и партизанских масс. Слишком сильна была еще в массе крестьянского населения Сибири мелкобуржуазная стихия, сказывалась оторванность края от Советской республики в течение полутора с лишним лет, давала себя знать тяжелая обстановка нашествия иностранных захватчиков и кровавого террора белогвардейцев. Особо широкий размах и остроту приняла борьба за овладение движением повстанцев и партизан зимою 1919/20 г., когда кроме эсеров и кулаков, вернее в союзе с ними, выступа-

ли быстро перекрасившиеся колчаковцы, вступавшие в повстанческие и партизанские «полки» и «дивизии» и в одиночку и целыми группами, даже ротами и батальонами. Затаенной целью этих «друзей народа» было сделать все, чтобы, используя политическую неопытность и темноту народных масс, вызвать вооруженные столкновения повстанцев-партизан с частями Красной Армии, попытаться превратить Сибирь еще надолго в арену вооруженной борьбы и тем самым дать повод империалистам Антанты возобновить с новой силой интервенцию собственными армиями.

Подробное освещение этого вопроса выходит за рамки нашего исследования, но один факт осветить вкратце необходимо. Речь идет о внутренней борьбе среди руководства повстанческо-партизанским движением в районе действий так называемой армии Е. Мамонтова. Острые формы приняла здесь борьба после избрания в сентябре 1919 г. на съезде в с. Ленки Областного комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Западной Сибири (сокращенно по терминологии того времени — Облаком) во главе с большевиком П. К. Голиковым. Сохранившиеся решения Облакома отмечают распространяемые провокационные слухи о намерениях командования партизанских отрядов распустить Облаком и «убрать его членов».

Основным вопросом, вокруг которого шла борьба между Облаком и высшим командованием партизан, был вопрос о военных действиях. Облаком вполне обоснованно требовал держать его в курсе дела в части ведения операций и своевременно сообщать ему предположения и планы на будущее. Командование в лице комкоров, их штабов и так называемого «главного штаба» требование это не выполняло, доказывая, что Облакому делать в этом вопросе нечего. Объективно говоря, позицию командования понять нетрудно. Никаких планов или далеко идущих расчетов на предстоящие операции у него и не было. Само ничего не имея, оно и дать ничего не могло, но почему-то не считало нужным заявить об этом прямо и открыто Облакому как высшему избранному органу власти. Иногда, конечно, возникали у главного командования партизан кое-какие соображения — как действовать в ближайшие недели. Но в условиях почти полного отсутствия технической

связи, организованных штабов, опытных командиров и т. д. осуществить решения было чрезвычайно трудно, иногда просто невозможно. В известной степени «повинны» в этом колчаковцы.

Недостаток войск вынуждал колчаковцев концентрировать силы в виде гарнизонов в городах, крупных населенных пунктах и на железной дороге, реже в селах и деревнях в глубинке. Периодически предпринимавшиеся белыми карательные экспедиции в глубь уездов предвидеть партизанское высшее командование не было, конечно, в состоянии. Между тем именно борьба с такого рода экспедициями колчаковцев составляла основное содержание военных действий партизанских войск.

Рассматривая вопрос о морально-политическом состоянии партизанских частей, нельзя забывать исключительно тяжелые условия, в которых они создавались и действовали. Можно сказать, что три четверти территории юга Западной Сибири не имели в течение полутора лет твердой власти. И если партизанщина в худшем понимании слова не получила здесь за указанное время развития и не превратилась в сибирскую махновщину или григорьевщину, то это должно быть прежде всего отнесено к историческим заслугам подпольных большевистских организаций.

Революционным военным советом 5-й армии совместно с Сибревкомом принимался целый ряд партийно-политических и организационных мер для ликвидации отрицательных явлений среди красных повстанческо-партизанских масс*.

Основное внимание уделялось политической обработке солдатской массы и командного состава. При инспекции пехоты в Барнауле было создано отделение политического отдела армии с включением в состав его в качестве агитаторов и лекторов 20 членов местной организации РКП(б). Ежедневно два часа читались лекции и проводились беседы на темы: Красная Армия, земель-

* Демобилизация повстанцев-партизан старше 35 лет, чтобы установить единый для всех бойцов Красной Армии возраст; увольнение в двухмесячный отпуск повстанцев-партизан старше 30 лет; приказ № 1117 от 26 декабря 1919 г. предусматривал оказание материальной помощи партизанам: единовременное пособие, приравнение в отношении прав и преимуществ к красноармейцам и их семьям, оплата собственного обмундирования, лошадей и т. д.⁶⁴.

ная политика Советской власти, продовольственная политика Советов, Конституция Советской республики, социальное обеспечение в Советской России, государство и церковь и другие интересовавшие партизан вопросы. Была развернута большая работа по ликвидации безграмотности*, создано и отправлено в части 28 избранных. Разослано по запасным полкам несколько тысяч военных уставов Красной Армии. Кроме центральных газет, партийной и политической литературы в запасные полки для партизан ежедневно доставлялось свыше 7 тыс. экземпляров армейской и дивизионных газет, уделявших основное внимание конкретным вопросам слияния партизан с Красной Армией, освещению материалов проводившихся в запасных полках беспартийных конференций с разъяснением политики партии по всем основным вопросам жизни и строительства Республики Советов. Были открыты курсы переподготовки командного состава из числа бывших партизанских командиров, а при всех запасных полках армии созданы учебные роты для переподготовки младшего командного состава.

Потребовалась упорная и длительная работа партийных и политических органов 5-й Краснознаменной армии совместно с гражданскими партийными организациями Сибири, чтобы создать перелом в настроении повстанцев и партизан, не только преодолеть в их сознании косность и предрассудки, но прежде всего разгромить и уничтожить колчаковщину в лице эсеров, меньшевиков и иже с ними, пытавшихся вернуть Сибирь к временам своего господства.

Дальнейший ход событий показал, что задача эта была решена успешно под руководством и благодаря помощи Центрального Комитета Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным.

3. БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

6 августа 1919 г. между командующим фронтом М. В. Фрунзе и командармом 3 С. А. Межениновым по прямому проводу состоялся разговор, во время которого

* По данным переписи 1920 г., в Сибири было грамотных (на 1 тыс. человек): мужчин — 400, женщин — 165. В сельской местности цифры грамотности были еще ниже: мужчин — 288, женщин — 96.

последний заявил: «Противник успел сколотить некоторые части и выбросить их в виде армейского авангарда с целью за реками Мияс, Исеть выиграть время для переформирования главных сил. Бои случайного характера прекратились. Идут встречные бои на всем фронте». Доложив, что, по данным разведки, генерал Пепеляев отводит 1-ю армию в район городов Тюмень, Ишим, Ялуторовск и следует ожидать удара его с северо-востока, С. А. Меженинов заканчивает разговор просьбой разрешить ему приостановить наступление армии, так как тылы сильно отстали, надо подтянуть идущие на пополнение маршевые части, наладить эвакуацию и подвоз и т. д. Комфронтом ответил согласием*.

Прошло пять дней. 11 августа состоялся разговор начальника оперативного управления штаба фронта В. Е. Гарфа с Межениновым, во время которого последний поднял вопрос о предоставлении армии снова недельного отдыха. Гарф ответил, что приостановка наступления армии еще на неделю даст противнику возможность привести себя в порядок и совершить перегруппировку, т. е. приведет к усилению его. Кроме того, штаб фронта имеет в виду нанести удар двумя дивизиями 3-й армии на Курган (на юг), так как противник сильно задерживает наступление 5-й армии и ей надо помочь. Для обеспечения операции 3-я армия должна иметь против группирующегося на ялуторовском направлении противника заслон. Меженинов ответил, что это невозможно: противник окреп, организовался и готов к операции в армейском масштабе. Белые ослабили свой центр и сосредоточили силы против левого фланга 3-й армии в районе Ялуторовска и против правого фланга ее в районе станций Юргамыш, Курган**. На резонное замечание Гарфа, что если армия задержится на месте еще на неделю (как просит командарм), то противник окрепнет еще более, Меженинов ответил уклончиво: «Операцию на Курган начать немедленно с точки зрения 3-й армии нельзя»***.

Разговор заслуживает большого внимания. Анализируя обстановку, штаб фронта пришел к выводу, что

* ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 10, лл. 459—460.

** Обе названные станции находятся на железной дороге Челябинск — Петропавловск, т. е. в полосе наступления 5-й армии.

*** ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 10, лл. 459—460.

фронтальным наступлением одной 5-й армии на главном железнодорожном направлении добиться серьезных успехов невозможно и живая сила Колчака снова уйдет. Нужен сильный удар правым флангом 3-й армии с севера на Курган — во фланг и тыл обороняющей железнодорожное направление 3-й белогвардейской армии. Надо сказать, то была совершенно правильная и своевременная попытка штаба фронта наконец-то добиться прямого взаимодействия соседних армий. К сожалению, встретив отказ со стороны командарма, командование фронта не взяло на себя ответственность приказать 3-й армии выполнить столь важную и срочную задачу. Самое печальное именно в этом: фронт тотчас же отказался от своей идеи, как только командарм стал возражать. Фронт пошел на поводу у армейского командования, хотя последнее и поспешило тут же сделать оговорку, что он судит лишь с точки зрения своей армии.

Как же обстояло дело фактически? Имелись ли основания для высказанных советским командармом опасений? Приходится сказать, что разведывательные органы обеих наступающих в Сибирь наших армий оказались на этот раз не в курсе дела, хотя, как правило, они всегда давали ценные и своевременные сведения. Между тем в колчакии происходили весьма важные события, оказывавшие большое влияние на ход дальнейшей борьбы.

14 июля 1919 г. Колчак издал приказ, предусматривавший полную реорганизацию действующей армии*. Еще до издания приказа было произведено полное обновление высшего командного состава, в частности заменены командармы, назначен главкомост, заменены все начальники штабов армий и корпусов, начальники оперативных управлений в армиях и т. д. 9 августа был сменен начальник штаба верховного Лебедев, а начальник военной академии генерал Андогский назначен генерал-квартирмейстером ставки. Полностью реорганизована система снабжения армии, произведены аресты и

* Отдельные Сибирская и Западная армии реорганизованы в три неотдельные, вместо корпусов созданы группы, Курганский и Тюменский военные округа сведены в один с подчинением главкомосту и т. д.

назначено следствие над рядом высоких чинов военных сообщений и органов снабжения, обвиняемых в спекуляциях и злоупотреблениях. Расформирован главный штаб и ряд управлений военного министерства с возложением их функций на соответствующие управления ставки. Были прекращены все отпуска и дан приказ энергично готовиться к решительному контрнаступлению.

На фронт выбрасывался не только переменный, но и постоянный состав кадровых бригад. Только за 10 дней в 3-ю армию прибыло 13 500 человек пополнения. 9 августа объявлена мобилизация городского населения.

Оперативные приказы ставили войскам следующие задачи: 1-й армии генерала Пепеляева прикрывать направление на Туринск, Тюмень. Силы ее насчитывали 20 тыс. штыков и сабель; 2-й армии генерала Лохвицкого прикрывать направление на Шадринск, поддерживая тесную связь с правым флангом соседней к югу армии генерала Сахарова; 3-й армии (около 29 тыс. штыков и сабель) прикрывать направление на Курган. Таким образом, против 30 тыс. штыков и сабель нашей 3-й армии действовали 1-я и 2-я белогвардейские армии той же общей численности.

Видное положение в колчакии занимали два брата Пепеляевы: один из них давно уже был министром внутренних дел, а другой стал после чеха Гайды командармом 1. Братья — кадеты — не ограничивались только своими прямыми служебными обязанностями, а, как ярые враги революции, принимали по собственной инициативе все возможные меры для свержения Советов. Они создали даже особую группу для устранения из руководящих кругов колчакии неприемлемых по каким-либо причинам для них лиц.

Как только после потери Среднего Урала начался поспешный отход 1-й и 2-й белых армий, Пепеляев-министр срочно выехал на совещание с братом-командармом. Почти одновременно выехал в район городов Ишим, Ялуторовск и сам Колчак. Судя по некоторым белогвардейским документам, он был в курсе замыслов братьев Пепеляевых и пытался устроить с ними совещание, сорвавшееся из-за какой-то путаницы с шифрами. Переговорив в Ялуторовске с Пепеляевым-командармом и не дождавшись Пепеляева-министра, Колчак

срочно вернулся в Омск. Поскольку встреча не состоялась, министр направил ему 7 августа пространную шифровку.

«Положение, — говорится в этом документе, — чрезвычайно грозное. Фронт обезлюдел... Тюмень накануне оставления. Есть попытки формировать добровольческие отряды, но на пути все то же катастрофическое отсутствие обмундирования и оружия. Если этого не будет — нужно или переходить снова на партизанскую борьбу, или признать, что все погибло. Здесь убеждены, что оставление правительством Омска — гибель его и всего. Должно быть обращение от всего правительства ко всем с откровенным признанием наивысшей угрозы... Должен заявить: почти вся наша агитационная работа — жалкий лепет и хождение вокруг да около событий...» *

Приведенный документ не единственный, показывающий катастрофическое положение белых на фронте против нашей 3-й армии **. Вот еще несколько фактов. Когда части Воткинской дивизии остановились на короткий отдых в Тагильском заводе, они были внезапно атакованы рабочими этого и двух соседних заводов: только жалким остаткам белогвардейцев удалось вырваться и спастись бегством. В районе городов Туринск, Ирбит, т. е. в тылу 1-й белогвардейской армии, действовали красные повстанческие отряды, совершая налеты и сея панику. Все дороги и пути загружены беженцами. Только за десять суток прошло их через Тюмень около 160 тыс. «Положение их отчаянное, и они страшно мешают войскам».

Нет, конечно, оснований не верить подлинным белогвардейским документам, и прежде всего шифровке Пепеляева. Приходится говорить лишь о другом, а именно о том, что сведения об истинном положении в армии противника и ее тыла, видимо, не были известны командарму Меженинову и его штабу. Он ничего не говорит

* Шифровка послана после совещания братьев. Надо полагать, что в оценке общего положения она отражает взгляды возглавляемой ими группы, в состав которой входил и премьер Вологодский. (ЦГАОР, ф. 1700, оп. 7, д. 38, л. 256.)

** «В Екатеринбурге оставлена масса имущества. В армии хаос. Вся работа остановилась», — говорится в одном из донесений с фронта. (ЦГАОР, ф. 1700, оп. 7, д. 38, л. 288.)

о действиях красных повстанцев и о том, что уральские рабочие по собственной инициативе сами громят отступающих белых. Недооценивает он также усилия противника выиграть время для организации отпора. Иначе ведь трудно понять, почему командарм добивается разрешения остановить наступление сперва на семь дней, а потом просит разрешить ему еще семь дней «приводить армию в порядок», не ставя даже вопросов о преследовании противника передовыми частями*.

Некоторые из предложений Пепеляева тут же проводились в жизнь. Это относится прежде всего ко всякого рода агитационным материалам и выступлениям. Интерес представляет приказ Колчака от 17 июля, в котором сам верховный пытается объяснить причины развала в армии. Главными причинами ослабления фронта Колчак объявил: 1) переутомление и усталость от долгих непрерывных боев; 2) «недостаточно хорошая, иногда преступно-небрежная постановка дела удовлетворения всеми видами довольствия, бесхозяйственность, незаботливость разного рода начальников, не принимающих экстренных мер к налаживанию всего хозяйственного аппарата; 3) неподготовленность большинства офицеров, отдаленных от солдат и часто не понимающих, как надо держать себя, как подойти к солдату и наиболее плодотворно и государственно работать; 4) сильная агитация и пропаганда большевиков и эсеров; 5) малая осведомленность, малая сопротивляемость агитационной работе большевиков». Добавив еще несколько лживых фраз о положении в Советской республике, о положении в Красной Армии, Колчак закончил приказ призывом к «неутомимой, дружной, планомерной работе для скорейшего оздоровления армии и искоренения всех изложенных причин ее временного ослабления»**.

Нет, конечно, надобности приказ комментировать —

* В 3-й армии было на 1 августа 1919 г. 28 тыс. штыков и сабель, около 800 пулеметов, 108 орудий, не считая выводимой в резерв фронта 21-й дивизии. На этот раз (в августе 1919 г.) С. А. Меженцов отказался повторить свой же удачный в основном опыт создания сильной конной группы, сыгравшей немалую роль в успешном наступлении армии в конце июля в горнозаводском районе Среднего Урала. Набег созданной по инициативе начдива 30 конной группы Н. Д. Томина на Курган (13.8.1919 г.) не дал существенных результатов по причине слабости ее.

** ЦГАОР, ф. 267, оп. 1, д. 402-1, л. 270.

содержание его говорит само за себя. Авторы его достаточно верно определили и откровенно признают: а) что прежний лозунг Колчака — «армия вне политики» — был ошибочным и что агитации большевиков противопоставлять нечего; б) что солдатская масса, с одной стороны, и офицерский корпус армии — с другой, — противостоящие социальные силы с антагонистическими интересами и устремлениями и что одними приказами солдат не завоеуешь, а надо еще уметь «подойти к ним», а этого как раз нет; в) что нужно оздоровление армии, нужен перелом в ее настроении и обеспечении всем необходимым.

В поисках надежной живой силы для пополнения армии колчаковское правительство пыталось развить добровольческое движение, достигнув некоторых успехов. При содействии духовенства было создано несколько добровольческих отрядов старообрядцев общей численностью около 1 тыс. человек. Мусульманское духовенство и буржуазные националисты набрали отряды татар, киргизов и башкир. Специальным законом правительства предусматривалось предоставление добровольцам больших льгот*. Повторно проводившиеся мобилизации давали еще десятки тысяч солдат.

Факты эти показывают, что после потери Приволжья и Приуралья в распоряжении Колчака находился еще крепкий военный и гражданский аппарат, пытавшийся сохранить власть верховного в тылу, но удавалось это с каждым днем все труднее, особенно со вступлением Красной Армии в Сибирь.

Начавшееся в мае 1919 г. движение красных в Славгородском уезде вскоре перекинулось в соседние уезды. Со стороны белых действовали команды милиции и небольшие части войск. Согласованности между ними не было, чем умело пользовались партизаны, кочуя из района в район в зависимости от обстановки. Но большого развития борьба в Алтайской губернии ни в мае,

* При вступлении в белую армию выдавались пособия в крупной сумме. Семьи добровольцев-беженцев обеспечивались квартирой и столом натурой за все предшествующее время со дня их прибытия в Сибирь. По условиям того времени то были весьма заманчивые и крупные обещания власти.

ни в июне не получила. Не отмечается серьезных столкновений и в июле 1919 г. Продолжались нападения мелких отрядов на милицию, лесничества, волостные и сельские власти и т. д. Об освобождении Красной Армией Урала и разгроме колчаковцев в Челябинском сражении руководители повстанческого и партизанского движения узнали, видимо, лишь тогда, когда об этом появились сообщения в газетах и стали прибывать беженцы. Как-никак фронт был еще за добрую тысячу километров от основных повстанческих и партизанских очагов Западной Сибири.

Но уже в августе отмечается ряд важных событий, свидетельствующих о росте активности красных. Начавшееся 2 августа 1919 г. в одном из богатых и крупных сел — Зимино (Барнаульского уезда) восстание крестьян в течение первых же дней охватило большое число населенных пунктов в обширном районе между р. Обь и Алтайской железной дорогой и распространилось к югу в горы Алтай. В ходе восстания красными были заняты станции Топчиха и Алейская (центр хлеботорговли). В это же время отряд И. В. Громова занял уездный город Камень (15 тыс. жителей), удержать который партизанам не удалось ввиду прибытия из Новониколаевска польских частей. В с. Усть-Мосиха 13—14 августа произошло восстание крестьян. К восставшим (около 500 человек) присоединились два соседних села — Куликово и Макарово. 15 августа повстанцы с боем заняли ст. Черепаново (40 км южнее Новониколаевска), но под давлением поляков вынуждены были отступить. Крестьянские восстания и бои с карательными отрядами происходили с 18 по 28 августа в ряде мест губернии. В крупных селах (Усть-Чарыш, Михайловское, Огни, Коробейниково, Ново-Абинское, Камышинка, Сибирячиха, Малый и Большой Башелак), а также на Чуйском тракте в селах Черга, Теньга и Ябаган восставшими были созданы боевые отряды.

Начиная с 5 августа 1919 г. оперативные сводки 5-й Красной армии, наступавшей вдоль железной дороги Челябинск — Курган, отмечают, что противник поспешно отходит на восток, прикрываясь арьергардами. Причина была не только в том, что по оперативным сообщениям продолжать борьбу за район Челябинска

становилось для белых невозможным и бесцельным*. Основная причина гораздо глубже: белогвардейские армии потеряли на время способность к сопротивлению. Чтобы привести в порядок и пополнить потрепанные дивизии и полки, нужно было время. Но как раз этого и не давали белым советские войска. Продолжая энергичное преследование, части 5-й армии уже 18 августа подошли к Тоболу. Попытки противника задержать красных на реке потерпели неудачу. 20 августа 1919 г. войска 5-й и 3-й советских армий овладели восточным берегом Тобола на всем его протяжении от Звериноголовского тракта до г. Ялуторовск. Продолжая безостановочное наступление, они к концу августа вышли на дальние подступы к следующему, пересекающему путь нашего наступления серьезному водному рубежу — р. Ишим. Со времени Челябинского сражения прошло более месяца. Белые выиграли этот месяц, но лишь ценою потери территории от восточных склонов Урала до рубежа названной реки. То была для белых очень чувствительная потеря и очень важная во всех отношениях победа для Красной Армии: советские войска вторглись на 600 км в Западную Сибирь, которая тем самым становилась из глубокого тыла и основной базы Колчака театром военных действий.

О том, что Колчак готовится дать решительное сражение** на дальних подступах к Омску, стали поступать упорные сведения после выхода частей Красной Армии на Тобол: белые укрепляют восточный берег Ишима, в особенности район Петропавловска, прибывают крупные резервы и артиллерия, для поднятия духа войск побывал на фронте сам Колчак. Всячески преуве-

* Важную роль в этом деле сыграло успешное наступление 3-й Красной армии, освободившей 7 августа 1919 г. Тюмень, 17 августа г. Ялуторовск и 20 августа 1919 г. г. Шадринск.

** Одним из важных мотивов, заставивших Колчака срочно предпринять в сентябре 1919 г. большое контрнаступление, была полученная в Омске в июле 1919 г. телеграмма посла Набокова из Лондона. В ней говорилось, что У. Черчилль просит предупредить Колчака, что «вследствие настроения рабочих Англии» неизбежным стал постепенный отзыв войск Англии со всех фронтов в России и что поэтому «надо принять все меры для достижения решительных результатов в этом году». («Исторический Архив» № 2, 1957 г., док. 4.)

личивая успехи Деникина против советского Южного фронта, он доказывал, что сейчас настал для Советской власти самый критический момент и разгром красных в Сибири ускорит их неизбежную близкую уже гибель. Призывы эти подкреплялись щедрой раздачей чинов, орденов, медалей. План белых состоял в следующем. Задержать наступление войск 5-й армии в полосе железной дороги, чтобы привлечь сюда их силы и внимание, и за это время собрать сильный конный ударный кулак в районе Звериноголовского (идущего южнее и параллельно железной дороге) тракта и этим кулаком нанести стремительный удар по правому открытому флангу 5-й армии*, развивая удар с юга на северо-запад по тылам ее. В состав ударного кулака были включены 7-я и 12-я стрелковые дивизии и конная казачья группа (около 2 тыс. сабель) генерала Доможирова.

В первых числах сентября начался период сильных боев, длившийся целый месяц. Пехота белых не была страшна красным бойцам. Но казачьи части, прорывающиеся все время в тыл, днем и ночью рыскающие вокруг наших войск и на походе, и на отдыхе, а во время боев создающие постоянно тактические «котлы», действовали отрицательно на моральное состояние красноармейцев. Сказывалась крайняя усталость наших бойцов, не имевших с марта ни отдыха, ни смены. За сентябрь 1919 г. 5-я Красная армия потеряла около 15 тыс. солдат, т. е. около 60% своего состава. Столь большие потери — свидетельство ожесточенности боев — не могли не ослабить боеспособность армии. Фронт ее начал колебаться и вынужден был под давлением превосходящих сил врага отходить от Ишима на запад. То был, несомненно, крупный оперативный успех Колчака, но далеко не столь необходимая ему решительная победа. Наступая от Тобола в августе 1919 г., войска 5-й армии уже через 12 дней были в 40—45 верстах от р. Ишим, и белым понадобился целый месяц упорных наступа-

* Соотношение сил было таково:

	5-я Красная армия	белые
штыков и сабель	18 000	22 000
пулеметов	500	530
орудий	78	110

В коннице белые имели тройное превосходство.

тельных боев, чтобы вынудить полки 5-й Краснознаменной отступить под давлением превосходящих сил противника это же пространство. Отойдя на западный берег Тобола, 5-я армия закрепилась и пресекла все попытки белых продолжать наступление. К началу октября 1919 г. обе стороны оказались в одинаковом положении: с наличными на фронте силами ни та ни другая сторона не могла начать серьезной операции с расчетом на значительный успех. Именно так был реальной обстановкой поставлен вопрос. Мы уже отмечали меры, принимавшиеся Колчаком для пополнения действующей армии. Советское высшее командование не имело войск для усиления армий Восточного фронта. Выполняя указания В. И. Ленина о мобилизации населения в прифронтовом районе, был проведен призыв, давший только одной 5-й армии до 24 тыс. человек. Испытанные в боях ветераны армии возвращались в строй из госпиталей, поправившись от болезней и ран.

14 октября 1919 г. 5-я Красная армия перешла в наступление. Ее успешные действия южнее железной дороги Курган — Петропавловск привели к разгрому левого фланга противника, отбрасываемого на северо-восток. Под влиянием этого успеха заколебался белогвардейский фронт севернее названной железной дороги, что дало возможность 3-й Красной армии быстро развить начатое ею несколько позднее (19—20 октября 1919 г.) наступление⁶⁵.

Какие же события происходили в рассматриваемый период в тылу врагов? Помогали ли и чем повстанцы и партизаны Сибири Красной Армии, испытывавшей серьезный натиск противника?

Предпринятая летом 1919 г. крупная операция против Щетинкина привела, в конце концов, только к его усилению. Отступая через Минусинский уезд в Урянхайский край, красные нанесли серьезное поражение преследовавшему их отряду и захватили 400 тыс. патронов, 10 пулеметов, 2 орудия с 3000 снарядов и другое военное имущество. При занятии г. Белоцарск (главного города Урянхия. — Г. Э.) щетинкинские партизаны захватили сотни винтовок и берданок, свыше 100 тыс. патронов, 2 пулемета. У белых не было сил начать серьезную операцию на Белоцарск. Пополнившиеся и отдохнувшие отряды Щетинкина начали в августе освобождение своего

родного района и 13 сентября заняли Минусинск. На 25 сентября 1919 г. был назначен уездный крестьянский съезд. Общая численность красных по состоянию на 19 октября достигала здесь 4200 штыков и 1180 сабель. Имея достаточно вооружения, красные объявили мобилизацию всех мужчин 1915—1918 гг. призывов, сосредоточившись в треугольнике Енисей, р. Туба, условная линия Курагино и Шунеры. Командующий белогвардейскими войсками Енисейской губернии генерал Марковский донес 7 октября 1919 г., что из-за недостатка сил он вынужден отказаться от активных действий против минусинских повстанцев — партизан. Он поставил командующему войсками названного уезда генералу Барановскому пассивную задачу: не допускать распространения красных к северу и западу от р. Енисея, т. е. не дать им выхода к железной дороге.

Не лучше обстояло дело севернее Сибирской железнодорожной магистрали. Марковский вынужден признать, что, несмотря на проводившиеся летом 1919 г. операции против красных района с. Тасеево, «они далеко не разбиты, даже морально не подавлены». Они только рассеялись по тайге, но сохранили предприимчивость, активность и готовы при первом удобном случае немедленно собраться в крупные отряды, развивая прежние действия. Егерская бригада генерала Красильникова занимала здесь сильными гарнизонами важные населенные пункты, а слабыми — второстепенные и, кроме того, держала свободными силы достаточной численности (пехоту и кавалерию) для постоянного ведения военных действий, так как «красные начали вылезать из тайги». Насчитывая 2500 штыков и сабель, бригада Красильникова едва справлялась с задачей и часто просила подкреплений. В сентябре 1919 г. вследствие категорических требований ставки о немедленной отправке бригады на внешний фронт Красильников должен был, не ожидая смены, снять гарнизоны из второстепенных пунктов, а также активно действующие части и тут же отправить их на запад. Красные сейчас же заметили ослабление войск, осмелели, немедленно вышли из тайги, заняли свободные от белых селения, порвали связь между оставшимися гарнизонами и завладели всеми путями. Посылались для смены оставшихся частей Красильникова отдельные батальоны

55-го пехотного полка, состоявшие из новобранцев, по им не удалось прорваться на помощь окруженным партизанами гарнизонам Тасеево, с. Рождественское и Троицкого завода. Ввиду этого Красильников дал приказ сжечь блокаузы и отойти в Канск. Обескураженный таким ходом борьбы, Марковский докладывал, что, если не будут присланы подкрепления, он вынужден будет «потерять весь северный район, возможно, на всю зиму, а вся летняя работа войск пойдет насмарку...»*.

Отмеченные факты представляют большой исторический интерес. Белогвардейские генералы вынуждены отказаться от легких карательных «прогулок». Им приходится начать всерьез планировать и рассчитывать свои действия. Милиции и войск мало, чем пользуются большевики, группируясь в отряды большой численности, смело вступающие в бои с правительственными отрядами, отбивающие обозы, устраивающие настоящие осады отдельных гарнизонов и т. д. За октябрь отмечается рост вооруженных восстаний, охватывающих все новые районы губернии.

Последующие доклады того же Марковского говорят о наблюдаемом усилении красных и содержат просьбы о присылке подкреплений возможно скорее, чтобы успеть ликвидировать повстанцев до наступления зимы. Против района Степного Баджея будет установлена только завеса, и то из состава местных дружин самообороны. Помощи от чехословаков сейчас нет, хотя Марковский и обращался к ним. Необходимы распоряжения генерала Сырового, а еще лучше генерала Жанена.

В сводках отмечается усиление агитации большевиков за власть Советов в Приангарском крае. В районе Братска красные богаты оружием, производят мобилизацию. Называются отряды Бурлова и Оседлова, а на р. Илим — отряд Зверева. Отмечается, что на каждой станции красные имеют своих агентов, которые в случае прибытия войск тотчас же передают об этом в свои отряды.

Все документы противника показывают, что положение его было трудным и опасным: ведь речь идет о невозможности надежно обеспечить работу железной

* ЦГАОР, ф. 253, оп. 1, д. 109, л. 263.

дороги — единственного пути подвоза военных материалов и эвакуации. Более того, ставка вынуждена была снять из Тасеевского района егерскую бригаду — единственное надежное и боеспособное соединение. На деле это привело к фактической передаче всего района к северу от железной дороги в Енисейском, Канском и Ачинском уездах в руки красных и к отказу от активных действий также к югу от железнодорожной магистрали. Отступление в Урянхай и возвращение в Степно-Баджейский район (через четыре месяца) отрядов Щеткина, к сожалению, не отвлекло силы белых с фронта против Красной Армии. Это же верно и в отношении тасеевского фронта.

Как обстояло дело в другом важном районе повстанческого и партизанского движения, а именно на Алтае, в Акмолинской и Семипалатинской областях и в Семиречье? Район этот входил в состав Омского военного округа, штаб которого 17 августа переехал из Омска в Томск, положив начало общей эвакуации белой столицы. Операциями здесь руководил подчиненный главнокомандующему войсками сам генерал Матковский, назначив во все «неспокойные» уезды особые «уолкомвойск». Важно отметить, что во всем районе южнее Сибирской железнодорожной магистрали (до меридиана Новониколаевска) в борьбе против красных активно участвовали войска интервентов, между тем как в районе Иркутского военного округа (в том числе в Енисейской губернии) они действовали только в полосе железной дороги.

О силах красных известно, что в Барнаульском районе были две группы: первая — западнее Барнаула (дер. Парфеново, Мосиха, Кубиково) численностью около 4 тыс. человек; вторая — под командованием Е. М. Мамонтова численностью в 5—6 тыс. человек в районе Коробейникова (70 верст западнее ст. Алейская), с. Лебяжье (30 верст северо-западнее ст. Рубцово), дер. Волчиха (80 верст северо-западнее ст. Пospelиха) и с. Мармыш (100 верст западнее ст. Алейская). Штаб группы в дер. Клепчиха (35 верст западнее ст. Шипуново), главный же штаб часто меняет стоянку. Третья группа в районе Мезенцев, Шипуново (соответственно 15 и 95 верст южнее Барнаула) общей численностью около 1 тыс. человек. Таким образом, всего в указанных райо-

нах имелось 9—10 тыс. красных. В Бийском районе (Усть-Кан, Черный Акуй) действовало около 1 тыс. красных в 125—200 верстах южнее названного города. Объявленная здесь красными мобилизация дала до 2 тыс. человек.

Что касается военных действий в первой половине сентября 1919 г. в этом районе, то следует отметить разгром отрядами Мамонтова 8 сентября под дер. Мельниково батальона белых. Его же отряды 15 сентября временно захватили станции Рубцовка и Поспелиха (на Алтайской железной дороге), попытка овладеть ст. Шипуново успеха не имела. Боевые столкновения имели место еще в ряде пунктов (Зяткова Речка, Парамоново, Верх-Суетка, Усть-Мосиха, Тюменцево, Озерки), но все они расположены к востоку от Кулундинской железной дороги, а бои по своим результатам не выходили за рамки местного значения.

Из прочих событий весьма большое военно-политическое значение имело избрание Западно-Сибирского областного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на съезде делегатов Барнаульского, Славгородского и Каменского уездов, состоявшемся 9—10 сентября 1919 г. в с. Ленки. Подготовка съезда и его проведение свидетельствуют о том, какая колоссальная работа была проделана подпольными большевистскими организациями в деле вовлечения широких масс трудового крестьянства в борьбу за восстановление власти Советов. В те же дни в с. Солоновка был создан Главный штаб крестьянской Красной армии Алтайской губернии. Главкомом избран Е. М. Мамонтов.

Что касается Акмолинской и Семипалатинской областей и Омской губернии, то положение здесь было для колчаковцев менее напряженным. Исключение составлял Тарский уезд Омской губернии, где красные в июле 1919 г. заняли 10 северных волостей в результате (как подчеркивают сами белые) «большевистской агитации против уплаты налогов и податей». В августе положение здесь не изменилось. По-прежнему «неспокойным» оставался Тарский уезд, где призывники не являлись на сборные пункты. Не произошло никаких активных выступлений в августе—сентябре в названных двух областях, косвенным доказательством чего может служить

тот факт, что в Кокчетаве собралось около 7 тыс. мобилизованных, терпеливо и спокойно ожидавших более 10 дней нарядов на отправку.

Неудачи на внешнем фронте и отступление колчаковских армий в глубь Сибири привели к росту самых невероятных слухов, порождали панику и создавали благоприятную обстановку для агитации большевиков. В конце сентября 1919 г. появились отряды красных, всюду объявлявшие населению: «Мы передовые части большевистских войск, которые уже взяли Омск и другие сибирские города». Под влиянием этих слухов население вокруг Барнаула в радиусе 50 км подняло восстание. Войск не было, благодаря чему красные подошли к городу на 10 км, а милиция «в уезд не совалась». После длительных просьб прибыл из Бийска батальон пехоты и легко отогнал повстанцев. Но пока шла вся эта история, красные поднимали Каменский и Бийский уезды и весь правобережный район Оби. Войсковые части гонятся за партизанами, не имея сил их окружить и уничтожить. Изгнанные из Барнаульского уезда, красные перешли в соседний Бийский уезд. Здесь войск не оказалось, и поэтому красные беспрепятственно стали распространяться к югу в соседние Каракумский и Алтайский уезды и на запад — в Змеиногорский уезд.

Силы красных (белые называют 2 тыс. человек) держались на западе и юго-западе от Барнаула в боях по берегам рек Барнаулка, Касмалка и Кулунда, имея штаб в с. Ребриха (105 км западнее Барнаула). Другой отряд красных (около 1 тыс. человек) под командованием Е. Мамонтова находился западнее первого, имея штаб в Селиверстове (230 км западнее Барнаула). Под властью обеих групп находилось 11 волостей.

Восточнее Барнаула действовал отряд Рогова (белые считали, что в нем до 1500 человек с пулеметами), занимая 8 волостей, в которых была объявлена мобилизация и сбор зимней одежды и пимов. Под давлением войск отошел на восточный берег Оби отряд Чаузова (по данным белых, численностью до 2 тыс. человек). Напряженным было положение в Каменском уезде, где против отряда И. Голикова действовали поляки из Новониколаевска и полк белых из Томска. Врагам удалось отеснить отряды восставших и партизан от Славгорода, но сил для систематической в широких масштабах борьбы с крас-

ными колчаковцы собрать не смогли. Сведения о действиях повстанцев-партизан поступали также из других уездов (Бийского, Каракумского, Барнаульского).

Обстановка настолько обострилась, что комвойсками Омского военного округа генерал Матковский сам прибыл в Барнаул, чтобы лично руководить борьбой*. Но нужны были реальные силы — войска, а их брать было неоткуда: части Восточного фронта перешли 14 октября 1919 г. в наступление и после длительных ожесточенных боев продолжали отбрасывать 2-ю и 3-ю колчаковские армии от р. Тобол на восток.

Но, несмотря на все эти столкновения и успешные действия красных, колчаковцам удалось призвать в войска за сентябрь — октябрь 1919 г. около 20 тыс. человек, направленных на усиление фронта против Красной Армии.

В этой связи заслуживает внимания общая оценка, данная колчаковским командованием действиям красных отрядов в южных районах Западной Сибири. Если до начала августа красные действовали мелкими отрядами в два-три десятка человек, то сейчас — в октябре — они перешли к другим формам борьбы. Мелкие отряды занимаются дезорганизацией управления в тылу и подрывом моральных сил, а в это же время все остальные, слившись в крупные отряды, с пулеметами, хорошо обеспеченные патронами, «не разбегаются при первых

* Сводки колчаковцев отмечают в октябре 1919 г. следующие бои на внутренних фронтах: 5 октября 1919 г. поляки вели бой под дер. Леньковская против 2 тыс. красных, потеряв 6 офицеров и 55 солдат убитыми и ранеными; 8 октября полякам пришлось выдержать упорный бой с крупным отрядом красных (до 4 тыс.) под Сидоровском — дрались 11 часов, и дело доходило до рукопашных схваток, потери поляков — 120 человек; 7 октября отряд Коляды разбил в с. Гилевка другой отряд поляков и вынудил его поспешно отступить; потерпел поражение белогвардейский отряд при попытке овладеть с. Малышев Лог; 11 октября 1919 г. в бою под Волчихой красные взяли до 200 пленных, 6 пулеметов и другие трофеи; в тот же день отряд Коляды смелым и искусным маневром разбил в дер. Тюменцово отряд колчаковцев; в Горном Алтае 13 октября был разбит сильный отряд полковника Хмелевского, потерявший до 400 человек. Мелкие стычки и столкновения отмечаются в целом ряде пунктов южных районов Западной Сибири. Особое значение из них имели бои в районе Кулундинской железной дороги, в районе ст. Алейская и на перегоне между этой станцией и ст. Топчиха. 22 октября 1919 г. крупные силы красных (по материалам колчаковцев — до 6 тыс. человек) вели успешный бой в районе ст. Рубцовка, где две роты 52-го полка белых перешли на сторону восставших,

настрелах, а вступают в бой против солидных войсковых частей». Предпринимаемые красными маневренные операции ставят иногда в затруднительное положение бойска и начальников. Упрочив свое положение, красные взяли за гражданское строительство: созывают съезды, избирают Советы, издают обязательные постановления, привлекающие к ним симпатии крестьян. Все это увеличивает ряды их.

По-другому развивались события восточнее р. Обь. Из всей огромной территории колчакии уезды Канский, Красноярский, Ачинский и Минусинский, Енисейской губернии, оказались для врагов наиболее угрожаемыми. Начавшееся здесь после мятежа чехословаков в мае 1919 г. повстанческое и партизанское движение никогда не прекращалось и достигало временами угрожающих для Колчака размеров. Читатель уже знает, что летом 1919 г. Омск направил сюда с особыми полномочиями генерала Розанова, но это привело к столкновениям последнего с генералом Артемьевым — командующим войсками Иркутского военного округа, в состав которого входила Енисейская губерния. Борьба между названными генералами закончилась тем, что Розанов получил новое назначение (на Дальний Восток вместо Хорвата), а ликвидация красных была возложена на Артемьева. Из Иркутска руководить операциями было трудно, поэтому в Красноярске был создан оперативный штаб, и здесь же постоянно находился помощник комвойсками генерал Марковский. Для обстановки в названном округе характерно постоянное присутствие на его территории крупных сил интервентов *, чего, к примеру, не было в Омском военном округе.

* Основные силы интервентов располагались: а) в районе Ново-николаевска польская дивизия общей численностью свыше 10 тыс. солдат и офицеров; б) румынский легион трансильвано-буковинских стрелков (около 1200 солдат) с июня 1919 г. нес охрану железной дороги от Нижнеудинска до ст. Култук; в) в районе ст. Тайшет действовал батальон югославов; г) итальянские войска концентрировались в районе Красноярска; д) войска 2-й чехословацкой дивизии активно участвовали в операциях против красных, имея штаб дивизии в Красноярске; войска 1-й дивизии также занимали гарнизоны вдоль железнодорожной магистрали, имея штаб в Иркутске, где находился также штаб комкора генерала Сырового; е) американские и японские войска располагались в районе оз. Байкал и дальше на запад не продвигались. То же относится к английским войскам с лета 1919 г.

События в Енисейской губернии служат примером того, как карательная политика Колчака и бесчинства войск способствовали развитию повстанческого и партизанского движения. «Войска не учитывают того, — говорится в одном из белогвардейских документов, — что остались в деревнях только лояльные жители, и производят повешение и расстрелы без разбору»*. Так, в с. Тасеево повесили сельского старосту, который был одним из самых лояльных и оказал ряд услуг властям. Дома сжигались подряд, и потому оказались разоренными многие из лояльных жителей. Нет ни одного старосты или члена волостного земства, который бы не был бит нагайками или шомполами. Лояльные жители несли караулы, служили в дружинах, а теперь оказались между двух огней — красными и белыми. 130 человек, поверивших в воззвание генерала Розанова об амнистии, вернулись из тайги в свои селения, но были тут же распоряжением Красильникова расстреляны. Помощник Красильникова приказал сжечь всю привезенную в сентябре агитационную литературу, рисующую «ужасы владычества красных», так как, по его словам, в этих книгах и брошюрах говорится как раз о том, что делают его войска, а не красные. Отмечая, что красные обращаются гуманно с населением (нет расстрелов, нет насилий, отбирается только необходимое, и то по распределению на все село, выдаются расписки, красные помогают в уборке урожая хлебов и т. д.), белогвардеец пишет: «И в голову измученного, изверившегося в порядке лояльного крестьянина вселяется дума, что спасение ему только у красных. Все приказы о прекращении сжигания сел, реквизиций и насилий остаются мертвыми. Произвол, грабежи, бесцельные расстрелы и т. п. всем видны и только усилили кадры красных»**.

Зверства и разбой в Канском уезде достигли таких размеров, что Колчак вынужден был направить следственную комиссию. Доклады комиссии отмечают, что за истекшие девять месяцев 1919 г. население уезда доведено до полного разорения. Более или менее удачно действовали войска в южной части уезда. В северной ча-

* ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 103, лл. 18—19.

** Там же.

сти им удалось только отогнать красных от селений*. Самые жестокие карательные меры не достигают цели, а имеют как раз обратные результаты: сжигание сел и деревень увеличило ряды красных оставшимися без крова и пищи крестьянами**. «Вследствие такой политики, — сказано в докладе комиссии, — невозможно ожидать скорой ликвидации восстания; истощаются последние запасы продовольствия, пополнения его нет, наступает голод. Крестьянство не видит впереди просвета и пойдет к красным».

Мы уже отметили, что, не дождавшись приезда в Тюмень министра Пепеляева, Колчак срочно вернулся в Омск. Связано это было с так называемым заговором генерала Гайды. В приказе Колчака от 7 июля 1919 г. говорилось, что Гайда «уволен в отпуск по болезни», но этому никто не верил, так как истинные причины снятия Гайды с должности командарма давно уже не составляли ни для кого секрета. Да и сам Гайда делал все, чтобы придать своей борьбе со ставкой и самим верховным возможно более широкую огласку и принципиальное значение.

15 августа 1919 г. колчаковская контрразведка доносила, что прибывший во Владивосток Гайда провел совещание высшего командного состава чехословацкого корпуса. Обвиняя правительство Колчака в реакционности, выступая в защиту позиции правых эсеров, он призывал готовить восстание для свержения Колчака, опирающегося на англичан, «мало разбирающихся в социальных течениях». Датой восстания было

* Партизаны ушли в тайгу, где войска не рисковали их преследовать. Как только войска отошли, красные тут же вышли из тайги и начали борьбу с оставленными в крупных селах гарнизонами. Фактически весь северный район уезда в руках красных. Они расположились вблизи гарнизонов и держат их в постоянном напирании обстрелами и налетами. Проезд из крепости в крепость стал слишком опасен даже для значительных отрядов, рискующих все время попасть в засады, (ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 103, лл. 18—21.)

** Чудовищные истязания и массовые расстрелы невинных людей заставили даже белогвардейскую комиссию записать в докладе: «Происходила кошмарная и несправедливая расправа... В Тасеево было расстреляно много заложников, из коих большинство были женщины... Все это отталкивает население и дает богатый материал для агитации большевиков». (ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 103, лл. 18—21.)

намечено 19 августа 1919 г. *. Надо сказать, что ничего неожиданного в этом донесении для колчаковского правительства не было: эсеры и чехословаки были ведь давнишние союзники по борьбе против Советов, и начался союз их еще во времена самарского Комуча. Вполне естественно и логично, что старые союзники сошлись еще раз.

Но совершенно неожиданным было для омских главрей в донесении агента контрразведки от 4 сентября 1919 г., что в контакт с чехословаками вошли американцы, поддерживающие правых эсеров с целью приведения их к власти. Чувствуя свою непопулярность в России, американцы ограничиваются на первое время выдачей крупных сумм денег, предоставляя активно действовать чехам. Они выдают чехам по 30 тыс. долларов в месяц на организацию контрразведывательной работы, и прежде всего против японцев. Получено обещание от французов, что они также будут оказывать денежную помощь. Цель всего — подготовка переворота **.

Доклад начальника контрразведки ставки Колчака содержал список 65 человек руководящей головки заговорщиков, причем отмечалось, что в заседаниях групп принимают участие также американцы, а некоторые видные эсеры ночуют на американском судне, опасаясь ареста. Материалы о заговоре поступали в Омск не

* Большое интервью, которое Гайда дал представителю известного английского телеграфного агентства «Рейтер», было сильным ударом по Колчаку: ведь с резкой критикой порядков в колчакии выступал не кто-нибудь, а один из активных и видных деятелей мятежа чехословацкого корпуса, «герой разгрома 3-й Красной армии», имя которого было хорошо известно империалистам Антанты. Гайда не только критикует, но совершенно недвусмысленно угрожает возможными кровопролитиями, давая тем самым понять, что он готов еще раз выступить по приказу Антанты в роли организатора и руководителя мятежа, но на этот раз против самого верховного. (ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 70, лл. 1, 3, 5.)

** В донесении от 15 сентября говорится, что во Владивосток съезжаются видные эсеры, что идут конспиративные совещания с Гайдой и что имеется полная уверенность в поддержке восстания чешского полка, расквартированного в Никольск-Уссурийске и опирающегося на американцев. «Прочие союзные уполномоченные, — говорится в донесении, — не проявят противодействия, сомнение только в японцах. Выступление намечено на 18—22 сентября». (ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 112, лл. 6, 12.)

только из Владивостока, но также из других мест — сомнений в наличии его уже не оставалось.

Возникает вопрос: почему же колчаковские карательные и контрразведывательные органы, зная о заговоре, имея в руках список организаторов и руководителей, не принимали мер к немедленной его ликвидации, к аресту его главарей? Прямой ответ содержится в докладе начальника контрразведки ставки: «Во избежание могущих произойти осложнений с союзниками сейчас не принимаются меры к окончательной ликвидации одновременно всех перечисленных участников организации, но намечено в случае переезда кого-либо из них из Владивостока в Иркутск, куда переносится центр, произвести аресты в пути» *. Надо также иметь в виду, что речь идет о борьбе внутри одного и того же лагеря контрреволюции и что власть и заговорщики по своей классовой сущности и конечным целям борьбы ничем не отличались друг от друга — были связаны между собой.

Обсуждением положения в Сибири занялся также находящийся во Владивостоке Союзнический совет. Совет констатировал, что «большевистская пропаганда захватывает все большие пространства» **. Общий его вывод: «План союзников о создании единой России становится все менее и менее выполнимым, давая обильную пищу для большевистской пропаганды среди сельского населения». Совет вынес резолюцию, рекомендующую Омску «быть более либеральным в отношении органов самоуправления населения, чтобы завоевать симпатии низших классов, а также созвать представителей пролетарской организации, чтобы эти последние могли высказывать свои желания».

Подробное рассмотрение документа выходит за рамки нашего исследования, но один момент отметить нужно. Недовольство населения и борьбу его против колчаковского режима Союзнический совет объясняет влиянием и пропагандой большевиков и ничего не говорит об эсерах. В свою очередь, колчаковское правительство жалуется только на эсеров и ни слова не говорит

* ЦГАОР, ф. 1700, оп. 7, д. 38, лл. 61—64.

** В числе причин недовольства населения отмечены: 1) давление, оказываемое крайними монархистами на политику адмирала Колчака; 2) введение обязательной военной службы; 3) вмешательство правительства в вопрос об автономиях и профессиональных союзах. (ЦГАОР, ф. 292, оп. 1, д. 79, л. 25.)

о большевиках. Положение любопытное, и объяснить его не так уж трудно. Колчаковское правительство имело в своем распоряжении доказательства, что те самые «союзники», которые официально выступают в качестве благожелателей и сторонников власти, фактически за спиной Колчака тайно ведут против него борьбу, используя для этого эсеров и другие правые группы и партии. Жалуясь на эсеров, колчаковское правительство тем самым как бы говорило: «Большевики — враги непримиримые. Это известно нам и в такой же мере и вам. О них говорить нечего. А вот эсеров и иже с ними отыскали, собрали и гальванизировали вы. Мы и жалуемся на них вам, как их прямым хозяевам...» Иначе ведь трудно понять «односторонность» жалоб и тех и других.

Но если в данном примере речь идет о высказываниях дипломатов, не допускающих выпадов и резких заявлений, то по-другому обстояло дело с оценкой действий союзников в секретных докладах колчаковских контрразведывательных органов, которые вели неослабную слежку за иностранными миссиями и находили даже доступ к секретным документам в некоторых из них.

Факты прямого участия представителей союзников в заговорах против Колчака и даже в открытых вооруженных выступлениях расценивались ими как симптомы перемены в отношении держав Антанты и политики их на Востоке*.

Вот несколько примеров в подтверждение сказанного**. «Иностранцы с высоты своего величия властителей наших судеб критикуют наше чисто русское неумение справиться собственными силами с рядом недугов государственного характера», — говорится в одном из обзоров печати осведомительного отдела главного штаба Колчака. «Иностранцы оценивают нашу жизнь с точки зрения личных удобств», — говорится в другом документе того же отдела. «Союзники в Сибири, — гово-

* Попытка захвата власти во Владивостоке кончилась провалом. Командующий войсками генерал Розанов, узнав о готовящемся выступлении, ввел в город войска из других гарнизонов. Это вызвало столкновения с чехами и американцами. Собрался консульский корпус, и представители иностранных миссий обратились к Колчаку с требованием вывода войск Розанова, что и было сделано.

** ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 5, лл. 39, 50; ф. 292, оп. 2, д. 115, лл. 19—44.

рится в информсводке колчаковского МВД от 20 июля 1919 г., — совместно с чехами желают ухода адмирала Колчака. Но охлаждение не к нему лично, а к правительству». Часто в сводках встречаются пространные рассуждения, заслуживающие того, чтобы сказать о них вкратце. «Демократию, — пишут авторы сводок, — иностранцы понимают по-своему — по-европейски, забывая, что, обсуждая русский вопрос, надо применять и специальные русские приемы». Французы относятся холодно к правительству, видный член французской миссии проницательно заметил: «Да, адмирал Колчак хороший человек, но если бы нашелся человек получше, то было бы еще лучше». Французы возмущены действиями русских властей, ставкой, особенно генералом Лебедевым. Указывая, что французы очень желали бы удержать положение на фронте и рассчитывают при этом на чехов, автор одного из докладов пишет: «Трудно будет убедить, что они (чехословаки. — Г. Э.) должны идти в бой за адмирала Колчака. Так, значит, надо провозгласить другого, тогда чехословаки будут сговорчивее. Конечно, они будут сговорчивее в случае радикальных перемен в российском правительстве» *. И совсем уж откровенно звучат заключительные слова другого доклада: «...можно утверждать, что охлаждение союзников ** к правительству можно устранить сменой кабинета». Недовольство и прямое недоверие к союзникам высказывали открыто почти все буржуазные и «социалистические» газеты колчакии. Вот несколько цитат. «Их не радуют общерусские радости и не печалит общерусское горе, перед ними какие-то свои цели, не имеющие, быть может, ничего общего с интересами русского народа всего

* ЦГАОР, ф. 292, оп. 2, д. 115, лл. 19—44.

** Вопросу об отношениях с американцами был посвящен специальный доклад начальника особого отдела главного штаба от 14 мая 1919 г. По мнению американцев, в Омске идет борьба между двумя партиями — крайне реакционной, стремящейся всячески вернуться к старому режиму, и другой — прогрессивной. Американцы решили поддержать «прогрессивные элементы», которые сами не раз намекали американцам на необходимость помочь им в борьбе с реакцией. Французы против вмешательства японцев, и в особенности против дальнейшего продвижения японцев в глубь Сибири, «чего не допустят американцы, которые очень ревниво следят за усилением японского влияния в Сибири и всячески стараются ему помешать».

стремлении создать единое сильное государство, крепкое и мощное, независимое от иностранных держав», — писала читинская газета «Русские ведомости». В бессильной злобе на «предавших Россию» союзников писала иркутская кадетская газета «Свободная страна»*: «Нужно отдать справедливость союзникам, они действительно помогают: вот они помогли топить русский флот в Финском заливе, везут через моря целые горы боеснабжения. Во Владивосток союзники доставили полмиллиарда патронов. Ведь этим полмиллиарда можно бы, если повезло, перестрелять все население России, убить этого ужасного северного медведя, который наподобие грозного призрака витал в течение нескольких десятилетий над головами западных дипломатов. Словом, Россию можно отстранить от Европы голыми руками самих же русских. Ведь порядок в России не стоит костей и одного английского солдата». Больше всего возмущения вызвало то, что на Парижскую мирную конференцию не были допущены представители России. Отметив, что союзники не признали Брестский мир и что Колчак тоже его не признал, газета подчеркнула, что в то же время союзники сами заключили мир с Германией, «а нас не допустили...». «Скажите, пожалуйста, — спрашивает газета, — кто же, собственно, заключил сепаратный мир? И это не игра слов! Россия сама будет заключать мир, условия выработаем мы сами с немецкими делегатами. Россия считает себя не связанной условиями Версальского договора, ибо они выработаны без ее участия»**.

Приведенные выдержки имеют для исторического исследования большое значение. Мы как бы «предоставляем слово» участникам событий, даем им возможность самим непосредственно и помимо автора «разговаривать» с читателем. Тем самым вскрывается закулисная сторона официальных исторических описаний и толкований. Читателю представляется самостоятельно и критически осмыслить документы и факты истории, а не просто ознакомиться с готовым мнением автора, запомнить готовые концепции и схемы.

* ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 56, лл. 8—18.

** Там же.

Борьба, что шла между союзниками и в лагере белых, играла, конечно, известную роль, но не она определяла положение на фронте.

4. РАЗГРОМ И ПЛЕНЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АРМИИ КОЛЧАКА

Успешное форсирование советскими войсками Тобола и Ишима и уничтожение 5-й Красной армией с помощью правого фланга 3-й армии Петропавловского укрепленного района показали врагам, что наличными силами добиться решительного изменения обстановки они уже не в состоянии. Именно в эти дни главнокомандующий союзными войсками в Сибири генерал Жанен созвал экстренное узкое совещание*. Кроме него и начальника штаба французской военной миссии присутствовали японский посол Като и начальник штаба японской миссии, английский генерал Нокс и в качестве наблюдателя — американский майор Слоттер**. Заседание открылось речью Жанена. «Я созвал вас, — заявил он, — для реального решения вопроса о помощи России не материалами и техникой, а действительными людьми. Момент сейчас критический. Положение фронта более серьезное, чем весной, летом и осенью, так как в то время Красная Армия могла быть отброшена ввиду ее утомления трехмесячными боями. Теперь этого нет».

Далее Жанен и Нокс сообщили имевшиеся у них сведения о состоянии Красной Армии. По мнению Жанена, дисциплинированная и пополненная армия красных стремится упрочить положение большевиков в Сибири, куда направлен ее главный удар. Ее задача в Европейской России — удержание положения до ликвидации Колчака, с которым красные стремятся покончить к декабрю.

* ЦГАОР, ф. 1423, оп. 2, д. 25, л. 26.

** В эти же дни руководитель госдепартамента США Лансинг послал американскому консулу в Харбине следующую телеграмму: «...антибольшевистские силы в Европейской России добились за последнее время решающих военных успехов. (Видимо, речь идет о наступлении Юденича на Петроград. — Г. Э.) Сейчас более чем когда-либо вероятно, что большевистское правительство падет. Вызывает сожаление тот факт, что союзные войска не в состоянии заменить чехов западнее оз. Байкал». (Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 2, док. № 393.)

«Я уполномочен своим правительством, — заявил Жанен, — поставить сегодня на обсуждение следующие вопросы: 1) необходимость реальной помощи военной силой; 2) выяснение точных и конкретных к сему условий. Я рад видеть здесь облеченного полномочиями японского посла, который может говорить от имени императора; 3) выяснение условий, принять которые предстоит европейским державам в смысле снабжения как армии Сибири, так и, в случае принятия пункта первого, действующих в Сибири японских войск».

Отвечая Жанену, Като заявил, что японское правительство считает, безусловно, необходимым подачу реальной помощи, но ставит свои условия как для союзников, так и для правительства Сибири. Япония может в кратчайший срок перекинуть полторы дивизии, вполне снабженные, для немедленного вступления их в линию огня. Через месяц Япония в состоянии добавить еще столько же. Но он не понимает, почему об этом не говорят представители самого сибирского правительства, а за них другие. «Окончание речи Като и других получить не удалось» — этими словами заканчивается донесение тайного колчаковского агента.

Но и без этого документ не теряет своего исторического значения и позволяет сделать некоторые важные выводы. Убедившись, что в Верховном союзническом совете договориться из-за непримиримых противоречий не удастся, а положение Колчака становится катастрофическим, французское правительство решается действовать через голову совета. Пользуясь тем, что главнокомандующим союзными войсками в Сибири состоит француз — генерал Жанен, французское правительство поручает ему выступить непосредственно на месте с предложением оказать помощь войсками немедленно. Сделать это может Япония прежде всего, и Жанен в своей речи так и ставит прямо вопрос перед Като.

Положение создалось весьма любопытное. Два видных члена Антанты стоят на одних и тех же позициях и безоговорочно признают, что надо Колчаку помочь безотлагательно. Казалось, наконец-то надежды и расчеты белых на реальную помощь союзников войсками в больших масштабах осуществляются. И если тем не менее предпринятая французским правительством попытка возобновить прямую вооруженную интервенцию войсками

Японии провалилась, то это служит еще одним примером непримиримости противоречий среди империалистических держав Антанты и показывает, как борьба между ними мешала им объединить усилия.

Провал попытки Жанена стал тут же известен Колчаку, и тогда руководители колчакии приняли решение сами: столкнуть находящиеся в Сибири войска интервентов с быстро наступающей на восток от Ишима Красной Армией. Обстановка казалась для этого благоприятной. Командование интервентов не ожидало, что Красная Армия так стремительно преодолает все преграды на своем пути и разгромит войска Колчака уже на дальних подступах к Омску*.

Так история повторилась. Еще раз подобно тому, как то было летом 1918 г., вопрос о самом существовании белой власти и ее армии свелся к вопросу о немедленной помощи штыками интервентов. Чехословаки категорически отказались помочь Колчаку в сражении на Тоболе, несмотря на всевозможные обещания**. Значит, надо заставить их драться, что неизбежно, если между ними и Красной Армией уже не окажется белогвардейских войск. Это выгодно Колчаку, но не менее выгодно также империалистической верхушке держав Антанты; весь мир не может не одобрить посылки войск союзников для «спасения» застрявших в далекой и суровой Сибири чехословацких, сербских, польских солдат — бывших и без того несчастными военнопленными в России, а теперь снова подвергающихся нападению красных полчищ. А так как путь из Европы в Сибирь далекий и трудный, то гораздо выгоднее (во всех отношениях) помочь войсками Деникину, Юденичу и Польше и тем отвлечь войска Красной Армии из Сибири, что даст Колчаку известную передышку. Оставался еще и японский вариант, т. е. возможность (с согласия США) поручить оккупирующим Советский Дальний Во-

* Наступавшая левее 3-я Красная армия подошла своими правифланговыми частями на 25—30 км к Омску с севера, что сыграло известную роль в успехе 5-й армии.

** В числе посул речь шла об отводе каждому солдату участка земли в Сибири и выдаче крупного денежного вознаграждения золотом (до 500 руб.).

сток японским войскам начать наступление на запад от Байкала.

В силу этих соображений Колчак отказался от первоначального решения оборонять район Омска. Именно отказом этим и решением, оторвавшись от советских войск, укрыться за спиной интервентов только и можно объяснить тот факт, что два слабых, вырвавшихся далеко вперед — 238-й Брянский и 240-й Тверской — полка 27-й дивизии захватили с ходу столицу колчакии, сделав за несколько дней свыше 100 км, не встретив даже со стороны белых серьезной попытки их задержать.

Падение Омска было для интервентов полной неожиданностью и имело крупное политическое значение*. В самом городе наши войска захватили большие трофеи на военных складах, в том числе 31 тыс. винтовок, 19 млн. патронов, около 1 тыс. пулеметов шоша и митральез, 34 орудия, 199 тыс. ручных гранат и т. д.

Было взято свыше 30 тыс. пленных, но в числе сдавшихся не было ни одного полка с фронта. Войска всех трех полевых армий Колчака ушли**. Последнее обстоятельство

* Любопытно отметить, что как раз в дни, когда части 27-й стрелковой дивизии начали свой «бег к Омску», в английском парламенте У. Черчиллю были заданы вопросы о военном положении в Сибири и судьбе столицы Колчака. Черчилль успокоил членов парламента, заявив, что Красная Армия находится за сотню миль от Омска и что городу никакая опасность не угрожает. Несколькими днями позже Омск пал, и наши части безостановочно продолжали наступление. Во всех столицах Европы и Америки заговорили про «сибирское чудо Красной Армии».

Следует отметить, что переговоры колчаковцев с японцами о получении помощи возобновились после падения Омска. Главной причиной провала их было стремительное наступление 5-й Краснознаменной армии, уничтожившей Российскую армию Колчака и разгромившей в конце декабря 1919 г. арьергардные части интервентов в районе Красноярск, Канск.

** В докладе от 14.XI 1919 г. на имя главкома С. С. Каменева о положении на Восточном фронте и его ближайших задачах командующий фронтом В. Ольдерогге дает следующее соотношение сил:

Красные Белые

1. На главном операционном направлении (Омск, Новониколаевск):

штыков, тыс.
сабель, тыс.

46,3 31,5
3,4 11,0

Итого:

49,7 42,5

говорило о многом: Колчак сдал столицу и бросил колоссальные военные склады, стремясь спасти живую силу армии; основная боевая сила полевых армий противника еще не настолько разгромлена и дезорганизована, чтобы можно было сбросить ее со счетов. Прикрываясь сильными арьергардами, основная масса белых сумела оторваться от наших передовых частей и продолжала отходить. Несомненно, известную роль в этом деле играл животный страх солдат противника, которые еще верили всевозможным провокационным слухам о жестокой расправе красных с колчаковцами. По мере продвижения от Омска* все чаще поступали сведения о том, что район городов Новониколаевск, Томск избран колчаковским командованием для перехода к активной обороне. На это указывали оперативные сводки наступающей в полосе железной дороги 27-й стрелковой дивизии, отмечающие упорные бои и переходы противника в контратаки с целью приостановить наше наступление. Об этом же говорится в сводках и приказах 35-й стрелковой дивизии, наступавшей южнее в общем направлении на фронт Барнаул, Новониколаевск.

В Кулундинской степи и восточнее действовали крупные красно-партизанские отряды под командованием Е. Мамонтова. Они могли создать серьезную угрозу открытому левому флангу и глубокому тылу отступавших от Омска вдоль железной дороги главных сил Колчака и этим помешать противнику начать крупные активные действия против 5-й армии до Новонико-

2. На южном операционном направлении (Кокчетав, Семипалатинск, Ақмолинск)

штыков, тыс.	8,0	20,0
сабель, тыс.	1,7	10,6
<hr/>		
Итого:	9,7	30,6
<hr/>		
Всего штыков, тыс.	54,3	51,5
сабель, тыс.	5,1	21,6

(ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 126, лл. 80—90).

* С 25 ноября 1919 г. 30-я и 51-я стрелковые дивизии 3-й Красной армии перешли в состав оставленной в единственном числе в Сибири 5-й Красной армии, благодаря чему последняя возросла до 6 стрелковых и одной кавалерийской дивизий общей численностью около 200 тыс. человек.

лаевска. Сам по себе район Новониколаевск, Томск мог дать белым большие преимущества. Непосредственно с юга он прикрывался труднопроходимыми горными массивами Алтая и Саян без удобных дорог для действий наших войск по наиболее выгодным операционным направлениям. С севера силы белых прикрывались здесь сибирской тайгой, что исключало возможность для наших войск предпринимать и на этом направлении какие-либо глубокие и широкие по размаху маневры. Словом, сама конфигурация избранного белыми района была благоприятна для осуществления принятого решения: задержать наши войска у входа в относительно узкое (около 80—100 км шириной) дефиле, начинающееся в районе ст. Тайга. Фронт колчаковской армии сокращался настолько, что можно было отвести большую часть ее сил в тыл и создать глубоко эшелонированную группировку, пробивать которую, по расчетам колчаковцев, войскам 5-й Краснознаменной придется прямым наступлением в лоб. Если при этом учесть, что именно в названном районе — дефиле — находилось несколько десятков тысяч войск интервентов и через район пролегал с разветвлениями железная дорога, на которой действовали шесть бронепоездов врага, то следует признать, что план противника был намечен удачно, а перед нашими войсками встала трудная и сложная задача.

Такова была обстановка накануне последней решительной операции, приведшей к окончательному разгрому и пленению вооруженных сил Колчака и полному освобождению Западной Сибири.

Операция началась в десятых числах декабря 1919 г. и закончилась к 20 января 1920 г., распавшись на три этапа: а) новониколаевский; б) томско-мариинский; в) красноярско-канский.

Первый этап проходил для белых под знаком открытой борьбы за власть внутри лагеря контрреволюции между двумя основными группировками: крайними реакционерами и монархистами, возглавлявшимися в последнее время командующим фронтом генералом Сахаровым, и «демократическими силами», возглавлявшимися упомянутыми братьями Пепеляевыми⁶⁶.

Отмеченные обстоятельства облегчили задачу войск 5-й Краснознаменной. В телеграмме на имя В. И. Ле-

шина Реввоенсовет армии доносил 19 декабря 1919 г., что от ст. Чулым и до самого Новониколаевска армия захватила растянувшуюся на 125 км сплошную ленту эшелонов противника, по приблизительным подсчетам около 300 паровозов и свыше 20 тыс. вагонов, наполнив грузженных всякого рода военным и другим имуществом *.

Основной же успех был не в захвате трофеев и даже не в занятии Новониколаевска 14 декабря 1919 г. после многочасового боя. За время операции только одной 27-й стрелковой дивизией было взято в плен около 29 тыс. солдат, свыше 1500 офицеров, полковников и 30 генералов из частей полевых армий Колчака, а не тыловых гарнизонов. То была первая крупная группировка действующей армии белых, разгромленная за истекшие со времени Ишимо-Тобольской операции полтора месяца. Именно в этом был основной успех наш: мы настигли противника, сокрушительным ударом опрокинули, смяли, раскидали и частично пленили его первую оказавшуюся на нашем пути сильную группировку, задачей которой было задержать советские войска в районе Новониколаевска, чтобы дать главным силам белых втянуться в указанное выше дефиле и изготавиться к активной обороне **.

Томско-мариинский этап оказался главным и решающим. Директива нового главнокомандующего белогвардейским фронтом генерала Каппеля предусматривала, что 2-я и 3-я армии занимают фронт Новонико-

* Наиболее важными трофеями в телеграмме указывались: 88 орудий, 200 автомашин, громадное количество боеприпасов и пулеметов, вагоны с бомбометами и минометами, несколько бронепоездов, самолеты, целые эшелоны с оборудованием и машинами, вывезенными врагом с уральских заводов, и т. д. Захваченные в Новониколаевской операции трофеи превосходили взятую в Омске военную добычу, но и это было далеко не все, чем располагал Колчак. (ЦГАСА, ф. 33987, оп. 1, д. 147, л. 134.)

** 26-я стрелковая дивизия повернула круто на юго-восток с задачей (с помощью партизанских войск Мамонтова) очистить от врагов район городов Барнаул, Бийск. Выполнение задачи должно было отрезать колчаковским войскам путь отступления на юг — к границам Западного Китая и в Семиречье; создать за левым флангом главной группировки противника в Кузбассе сильный ударный кулак для действий на север и северо-восток, в случае если бы врагам удалось задержать главные силы 5-й армии на важнейшем железнодорожном направлении.

лаевск, Томск с задачей сдерживать наступление красных и тем самым дать возможность произвести перегруппировку для активной обороны дефиле. Находящаяся в районе Томск, ст. Тайга 1-я армия отводится в тыл и под прикрытием 2-й и 3-й армий перебрасывается спешно по железной дороге в район Ачинска, где принимает пополнение за счет тыловых гарнизонов и добровольцев, приводится в порядок, числясь в резерве фронта.

План приостановки советских войск у входа в дефиле не был экспромтом Каппеля, колчаковская ставка готовилась к этому еще со времени проигрыша Тоболо-Ишимской операции в октябре 1919 г. С этой целью уже тогда вся 1-я армия генерала Пепеляева выводилась из линии боев и должна была сосредоточиться в районе Томск, Новониколаевск, чтобы после отдыха и принятия пополнений составить ядро создаваемого в глубоком тылу стратегического резерва.

Выполнить план белым не удалось. Разгром и пленение новониколаевской группировки означали серьезный и глубокий прорыв фронта врага на участке его 3-й армии, главной задачей которой было прикрыть перегруппировку и обеспечить спокойный отвод 1-й армии. Но вопрос был не только в срыве этой чисто военной стороны плана. Победа в районе Новониколаевска ускорила начало подготовленного и возглавляемого большевиками восстания рабочих и значительной части гарнизона Томска, что привело к расколу среди белых войск и стало главной причиной отказа частей армии Пепеляева подчиниться приказу о дальнейшем отходе. Уже 17 декабря 1919 г. власть в городе перешла фактически в руки большевистского Военно-революционного комитета. Части 5-й армии вошли в Томск 20 декабря без боя *.

Но в это время начались ожесточенные бои в полосе Сибирской железной дороги в районе ст. Литвиново, ст. Тайга. Здесь на нашем пути встали арьергардные

* В Томске осталось до 70 учреждений, организаций, отдельных частей и т. д. из состава Омского военного округа и гарнизона города и некоторые части армии Пепеляева. Захвачены были колоссальные склады всех видов снабжения. Общее количество сдавшихся белогвардейцев превышало 30 тыс. человек.

части интервентов. Казалось, надежды колчаковцев оправдываются.

Военные и прежде всего политические последствия начавшихся боев трудно было сразу определить во всем их значении для дальнейшей борьбы на Востоке*. Несомненно было лишь одно: бои между частями 5-й Красной армии и войсками интервентов дают колчаковцам возможность вздохнуть и, прикрываясь занятым интервентами фронтом, закончить перегруппировку, привести части в порядок. Но белым и интервентам не повезло.

Обстановка сложилась так, что на долю той самой 5-й Красной армии, которая начала свое выступление на Восточном фронте с решительного разгрома белочехов под Казанью в августе — сентябре 1918 г., теперь — почти полтора года спустя — выпала почетная задача закончить не завершенное тогда на Волге дело. Боевой дух советских войск был небывало высок. В ходе двухдневных ожесточенных боев первая из арьергардных дивизий — польская — была разгромлена с помощью восставших рабочих-железнодорожников. Потеряв 3 бронепоезда, около 40 орудий и понеся крупный урон в живой силе, интервенты и действующие с ними колчаковцы были отброшены на восток в полном беспорядке совместными усилиями 27-й и 30-й стрелковых дивизий. Таким же поражением кончилась попытка объединенных польских и белогвардейских полков контратаковать части 5-й Краснознаменной в районе Анжерских каменноугольных копей. В эти же дни вела упорные бои 35-я стрелковая дивизия, наступая южнее в общем направлении на Щегловск, Кемерово, Кузнецк. Успешные для нас бои вели 26-я стрелковая дивизия на Алтае и Кок-

* В этой связи большой интерес представляет телеграмма Лансинга, посланная 19.11 1919 г. послу США в Японии следующего содержания: «Чрезвычайно желательно, чтобы Колчак остался главой какого-нибудь сибирского правительства. Его присутствие обеспечит возможность продолжения нашей политики... Он занимает благосклонную позицию по отношению к Соединенным Штатам.

Учитывая вышеуказанные соображения, я хотел бы, чтобы вы неофициально обсудили с японскими властями серьезность положения, которое сложилось в Сибири, и дали понять им, что США приветствовали бы решение, в результате которого Колчак был бы оставлен во главе сибирского правительства...» (Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 2, док. № 395.)

четавская группа войск, где белые неоднократно переходили в контратаки.

Последний — красноярско-канский этап — привлекает внимание тем, что в районе Красноярска эсеры и меньшевики пытались еще раз сыграть роль социал-предателей. Командование белогвардейского гарнизона города совместно с «демократическими деятелями» объявило, что образована «земская власть», выступающая против колчаковского режима.

Заправила власти обнаглели настолько, что пытались вести с Реввоенсоветом 5-й армии переговоры, как равная сторона, выставляя свои какие-то «условия» сдачи города и гарнизона, насчитывавшего около 60 тыс. человек. Видимо, столь внушительная цифра войск и господствовавшие среди части гарнизона настроения вскружили голову новоявленным вождям. Попытка их лживыми речами обмануть массы населения и солдат была сорвана усилиями местных большевиков-подпольщиков⁶⁷, под руководством которых восставшие рабочие и присоединившиеся к ним части войск гарнизона взяли власть в свои руки 4 января 1920 г. Это имело серьезное военное значение: в ближайшем тылу войск интервентов и Колчака оказалась относительно крупная группировка повстанцев — бывших колчаковцев. Им тотчас же была поставлена задача (через Военно-революционный комитет): обеспечивая за собою надежно район города и переправы через Енисей, не дать отступающим еще верным Колчаку войскам прорваться на восток*.

Тактика войск интервентов сейчас состояла в том, чтобы всемерно помогать белым уйти от наших ударов, становясь с этой целью на нашем пути и прикрываясь государственными флагами держав Антанты. Провокационные действия интервентов не помогли ни им, ни колчаковцам. Разгром арьергардных войск интервентов был настолько молниеносным и сокрушительным, показал невиданный до этого интервентами высокий уровень военного мастерства регулярных частей 5-й армии, такое беззаветное мужество и героизм всей массы красно-

* На красноярско-канском этапе операции главные силы 5-й армии вошли в оперативно-тактическое взаимодействие с войсками прославленных героических партизан-повстанцев из отрядов Щетинкина и Кравченко.

армейцев, что командование интервентов запросило о пощаде, потеряв в первых же боях около 15 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Военно-политическое руководство чехословацкого корпуса и его командование приняли ультиматум Реввоенсовета 5-й армии: прекратить военные действия и оказание помощи белым, но отказались сдавать оружие. По указаниям В. И. Ленина Реввоенсовет армии пошел навстречу просьбам руководителей корпуса и заключил 7 февраля 1920 г. соглашение о порядке его эвакуации⁶⁸.

Ноябрь 1919 г. примечателен в истории повстанческого и партизанского движения в Сибири тем, что в течение второй половины его произошла встреча красных отрядов с советскими войсками, а именно 17 ноября в районе г. Тары и 29 ноября в районе станций Татарск, Купино. Но к этому времени обстановка в Западной Сибири изменилась настолько, что действия повстанцев-партизан были уже не борьбой в тылу врагов, а работой передовых отрядов дивизий 5-й Краснознаменной, в районе которой все они оказались.

Прошло уже около полутора лет с начала героической борьбы трудящихся масс под руководством большевиков в тылу интервентов и белогвардейцев. За это время было немало неудач и потерь, но еще больше успехов, достигнутых и на политическом и на военном фронтах. Сейчас — в ноябре 1919 г. — наступил последний этап, когда совместные усилия Красной Армии с фронта и повстанцев-партизан в тылу врагов должны были привести к быстрой и окончательной победе — полному разгрому и уничтожению белых и войск интервентов. Какую же помощь оказали красные отряды войскам 5-й армии?

После разгрома колчаковцев в Челябинском сражении в июле 1919 г. белая Сибирь стала театром военных действий. Центральный Комитет потребовал координации действий войск Восточного фронта и партизанских отрядов. Прошло с тех пор полтора месяца. В многодневном ожесточенном сражении в междуречье Тобол, Ишим советские войска наголову разбили противника и, заняв 14 ноября 1919 г. столицу Колчака Омск, продолжали энергичное наступление. Как раз в эти дни, а именно 22 ноября 1919 г., был за подписью главкома Мамонтова разослан обширный документ под

названием «План расположения сил и задачи крестьянской Красной армии Западной Сибири» *. Начинается документ словами: «Опыт фронтового движения на город Семипалатинск показал нам нашу неподготовленность к таким широким операциям. Причин к этому много, и одна из главных — это недостаток патронов и вооружения. Вообще техническая необорудованность и недостаток обмундирования заставляют себя чувствовать очень остро. И в силу этого нам приходится несколько изменить тактику, отказаться от широких фронтовых наступлений временно и перейти к тактике партизанской войны, но действовать не вразброд, кто как хочет, а по определенному плану под общим командованием и руководством штаба корпуса, выполняя общую боевую задачу».

Дав сведения о противнике, насчитывавшем всего по линии Алтайской железной дороги, в городах Камне и Славгород якобы 5100 человек, Мамонтов писал: «Наша общая задача состоит в том, чтобы, не бросаясь на крупные силы противника, не давать ему возможности концентрировать в одном месте большие ударные группы, не дать возможности восстановить движение по Алтайской железной дороге, втягивая в борьбу новые районы, заманивать, окружать и уничтожать мелкие отряды противника». Далее в директиве ставятся отдельным полкам конкретные задачи во исполнение указанной общей задачи армии. Документ заслуживает того, чтобы разобраться в нем несколько подробнее.

Ко времени отдачи приказа с рассматриваемым «планом» правофланговая группа 5-й армии вышла в район городов Атбасар, Акмолинск, Кокчетав, а ее 26-я стрелковая дивизия вела энергичное наступление на Павлодар широким фронтом южнее железной дороги Омск — Новониколаевск, находясь всего в 400—450 км западнее основных районов действий партизан. Трудно допустить, чтобы о падении белого Омска и быстром приближении фронта Красной Армии Мамонтов и его штаб ничего не знали и не слыхали. Тем не менее об этом крупнейшего военного значения факте (исключительно важном для партизан) в приказе ничего не говорится. Но вопрос не только в этом.

* См. Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Сборник документов и материалов, док. № 299.

19 ноября 1919 г. слабый летучий отряд Мамонтова вошел в Славгород без единого выстрела. И хотя произошло это за три дня до издания приказа, о событии этом также ничего не сказано. Известно, что партизанская армия не имела достаточных средств технической связи. Вполне допустимо, что о занятии Славгорода штаб Мамонтова своевременно узнать не мог, хотя от стоянки его (с. Солоновка) до Славгорода расстояние всего около 180 км, и за три дня преодолеть его и доставить донесение в ставку не составляло трудностей для многочисленных конных частей партизан.

Абсолютно исключено, чтобы о фактах и событиях крупнейшего для Сибири военного значения ничего не знали главный штаб и командование партизан. Дело, конечно, не в том, что в оперативных сводках и приказах о них ничего не говорилось. Это обстоятельство можно и не ставить в вину Мамонтову. Можно допустить, что он просто не считал необходимым писать в оперативных документах о том, что и без того известно всем.

Речь идет о другом. Победоносное наступление Красной Армии в глубь Сибири, падение белого Омска и быстрое приближение внешнего фронта к фронту внутреннему меняли коренным образом общую военно-политическую обстановку в колчакии, требовали от партизанского командования переоценки положения своих войск, постановки новых задач. В основу действий армии Мамонтова могла быть положена только одна мысль: направлять все усилия на установление взаимодействия с советскими войсками. Этого требовали цитированные выше постановления Центрального Комитета РКП(б) от 19 июля 1919 г. На это указывалось во всех директивах и сообщениях, которые шли из Москвы, а также от командования Восточного фронта, командования 5-й армии, Урало-Сибирского бюро через направлявшихся в колчакию для подпольной работы и связи товарищей. Наконец, того же требовали элементарные, азбучные положения стратегического руководства борьбой, здравый смысл, зиждущийся (в данном вопросе) на общих всем известных фундаментальных понятиях о вооруженной борьбе.

Речь не идет, конечно, о том, что Мамонтов должен был бросить все свои прочие дела, повернуть свою армию на 180 градусов — лицом на запад — и начать ка-

кие-то крупные наступательные операции навстречу Красной Армии. Этого требовать, может быть, и не было оснований, учитывая состояние и боеспособность повстанческо-партизанских сил.

Говорить, к сожалению, приходится о другом, а именно о том, что ни в оперативных распоряжениях Мамонтова, ни в действиях его войск за время с августа 1919 г. (когда армии Восточного фронта продвинулись на 400—500 км в глубь Сибири) и до декабря 1919 г. не найти никаких признаков переоценки им обстановки.

Мамонтов и его штаб продолжали распоряжаться и действовать так, как будто в Сибири все осталось по-старому, как будто решительно ничего не произошло в смысле резкого ухудшения положения Колчака и на фронте и в тылу. Даже бегство белых из Славгорода (за овладение которым повстанцы и партизаны вели упорную борьбу и пролили немало крови начиная с июля 1918 г.) не привлекло внимания командования партизан.

Излюбленным, если так можно выразиться, объектом действий партизан Алтайской губернии была все время Алтайская железная дорога *. Даже не вся дорога, а лишь относительно небольшой участок ее от ст. Рубцовка до ст. Шипуново. Названные станции подвергались неоднократным нападениям и повторным захватам. На участке от ст. Калманка до ст. Аул железнодорожные мосты, сооружения систематически портились и разрушались повстанцами и партизанами, движение поездов временами совсем прекращалось. Действия эти заслуживают высокой оценки, они, бесспорно, приносили пользу в общей борьбе в тылу Колчака. Но после падения Омска и начавшегося общего отступления белых перед партизанским командованием не мог

* Алтайская железная дорога, соединяющая Семипалатинск с Новониколаевском, в военном отношении никогда никакой важной роли не играла, будучи одним из многочисленных ответвлений, берущих свое начало от основной, главной Транссибирской железнодорожной магистрали для связи с глубинными пунктами края. Она служила почти исключительно для вывоза хлеба из южных районов Западной Сибири. К времени рассматриваемых событий Алтайская железная дорога потеряла и это свое значение, так как большие запасы продовольствия были заготовлены колчаковцами в Томской и Енисейской губерниях.

не возникнуть вопрос: где в новых условиях обстановки лежит центр тяжести борьбы, где и как быстрее и больше всего можно оказать помощь Красной Армии?

Неизвестно, ставились и обсуждались ли вообще такие вопросы Мамонтовым и его штабом. Бесспорно лишь то, что все оставалось по-старому: главным силам партизан (1, 2, 3, 4 и 7-му полкам из общего числа девяти) ставится главной задачей производить на той же самой Алтайской железной дороге разрушения и «тревожить» противника.

Согласно приказу командования 5-й армии все партизанские и повстанческие отряды, действующие в ее районе, по соприкосновении с советскими войсками поступали в полное подчинение соответствующих начальников стрелковых дивизий. Военным советам дивизий предоставлены были большие права по вопросу установления справедливых, но твердых отношений с повстанцами и по их боевому использованию. Благодаря этому армия Мамонтова перестала существовать как единое целое и отдельные ее части перешли сразу же в подчинение ряда советских командных инстанций, а именно командующего Кокчетавской группой советских войск, командующего Семипалатинской группой советских войск, начальника 26-й стрелковой дивизии (освободившей весь Алтай) и начальника 35-й стрелковой дивизии, наступавшей через северные уезды Алтайской губернии на Кузбасс. В этих условиях главкому Мамонтову и его штабу делать было уже нечего: штаб был расформирован с переводом руководящих работников в инспекцию пехоты 5-й армии, чтобы помогать в расформировании и реорганизации повстанческих и партизанских войск. Надо подчеркнуть, что эта первая их реорганизация таила в себе немалые опасности вспышек недовольства и даже открытых выступлений, но в целом все обошлось благополучно. Попытки 1-й горноалтайской бригады и 5-го партизанского советского полка отказаться от выполнения боевого приказа (наступать на г. Сергиополь) закончились тем, что они были смещены Степной бригадой и отведены в Семипалатинск для расформирования*.

* О борьбе, что шла в этот период внутри самих партизанских войск, свидетельствуют следующие факты. 10 командиров

По донесению начальника 35-й стрелковой дивизии он вошел 25—26 декабря 1919 г. в соприкосновение с целым рядом партизанских дивизий: 1-й Повстанческой, 1-й Чулымской, 1-й Томской и отрядом анархиста Рогова⁶⁹. Стремительное наступление войск 5-й армии вдоль железной дороги от Новониколаевска на Красноярск делало использование названных партизанских частей уже ненужным, тем более что и здесь на почве отказа выполнить боевой приказ пришлось расформировать два полка*. Такие эпизоды, конечно, не могут характеризовать все партизанское движение в Сибири.

В Томской губернии не было таких многотысячных армий повстанцев-партизан, как на Алтае и в Енисейской губернии. Но успехи в деле разрушения тыла белых, отвоевания крестьянских масс на сторону революции и разложения колчаковских войск были по своему значению не менее важными. Мы уже отмечали выше, что для усиления партийно-политического руководства движением Томская подпольная организация большевиков созвала 20 апреля 1919 г. командиров партизан с участием представителей от рабочих Кузбасса и железнодорожников. Был создан главный штаб и намечен план координации действий, что имело большое практическое значение, так как в губернии действовало свыше 20 отдельных партизанских отрядов (по 100—150 человек в каждом). 13 декабря 1919 г. (за день до занятия советскими войсками Новониколаевска) состоялось второе расширенное совещание представителей партизанских и повстанческих отрядов Мариинского, Кузнецкого и Щегловского уездов по тому же вопросу координации действий путем объединения в одну армию. Быстрое наступление 5-й Краснознаменной и пленение армии Пепеляева настолько изменили обстановку в районе Томска, что задача партизан свелась здесь к ловле разбегающихся белых. Серьезнее обстояло дело

5-го советского полка, не сумев заставить своих солдат выполнить боевой приказ, решили показать им пример дисциплинированности и сами (одни) в тот же день заняли без боя пикет Аркалык по пути на Сергиополь. Двумя днями позже (31.12 1919 г.) сюда же прибыла значительная часть солдат 5-го полка, чтобы наступать на Сергиополь, остальные же солдаты полка разошлись по домам, захватив с собой оружие. (ЦГАСА, ф. 185, оп. 8, д. 173, л. 49.)

* ЦГАСА, ф. 185, оп. 8, д. 173, л. 46.

в Кузбассе. 15 декабря 1919 г. Ленин телеграфировал Реввоенсовету Пятой: «Позаботьтесь всячески о взятии в целостности Кузнецкого района и угля» (Ленинский сборник XXXVI. Госполитиздат, 1959, стр. 85). Задача была возложена на 35-ю стрелковую дивизию. Существенную помощь оказали ей восставшие рабочие и крестьяне, организовавшиеся к этому времени в три «дивизии» (1-я Повстанческая, 1-я Томская и Чумышская). Шахты были спасены, Кузбасс стал кладбищем всей 3-й белой армии. Не пришлось в это время и партизанам Щеткина, Кравченко и других енисейских отрядов вести серьезные военные действия. Молниеносно разгромив под ст. Тайга арьергарды интервентов, Пятая Краснознаменная безостановочно гнала противника к Енисею, где его встречали отряды восставших красноярских рабочих и присоединившиеся к ним части колчаковского гарнизона. Наиболее организованным и боеспособным отрядам повстанцев-партизан была поставлена задача — неотступным преследованием бегущих остатков врага довершить его окончательное уничтожение*.

На железной дороге к востоку от ст. Чулым все стало. Стремительно наступавшие войска 5-й армии ушли далеко вперед, подвоз с тыла и эвакуацию раненых и больных осуществлять было невозможно**. Надо было немедленно убрать подальше в тыл взятую после Омска колоссальную массу колчаковцев, превышавшую 150 тыс. человек, в том числе свыше 5 тыс. офицеров и генералов. Строго говоря, взятая 5-й Краснознаменной за время последней операции добыча не укладывается в обычное понятие и представление о военных трофеях ни по характеру и целевому назначению материальных

* Повстанцы и партизаны Енисейской губернии всегда отличались высокой классовой сознательностью и революционным духом, что было результатом большой организационной и воспитательной политической работы, проводившейся в массах большевиками с первых дней революции. По решению РВС 5-й армии из партизан губернии была создана Енисейская стрелковая дивизия, выполнявшая оперативные задания наряду с регулярными дивизиями 5-й Краснознаменной.

** Кругом свирепствовал тиф. К концу января 1920 г. число раненых и больных достигало 35 тыс. человек, не считая десятков тысяч тифознобольных из гражданского населения и колчаковцев (только в одном из лагерей под Новониколаевском их умерло около 8 тыс.).

ценностей, ни по количеству*. Речь шла не просто о разгроме армии противника и о захвате обычных в таких случаях больших военных трофеев. Завершилось уничтожение колчакии, и хотя она была только пародией на государство, но благодаря помощи Антанты в ее распоряжении находились весьма большие материальные средства, и прежде всего военные.

Но не в количестве пленных и не в захвате огромной военной добычи заключалась наша победа. Главное ее значение состояло в том, что:

1) если в тылу белогвардейцев еще и оставалась громадная территория — им не удалось перебазироваться дальше на восток, а с потерей Западной Сибири они потеряли свою основную базу — источник живой силы, продовольствия и сырья;

2) были разгромлены и уничтожены основные военные кадры армии Колчака; нескольким десяткам тысяч колчаковцев удалось прорваться в Забайкалье, но серьезной роли они в дальнейшем уже не играли;

3) разгром и ликвидация колчакии означали окончательный провал и поражение антисоветской политики США и Антанты на Востоке**;

4) наша победа показала миру крепость власти Советов и несокрушимую силу созданной в огне боев и сражений Красной Армии; резко к лучшему изменилось положение внутри Советской республики, сильно вырос ее международный авторитет.

* По нарядам центра и личным распоряжениям В. И. Ленина началась срочная отправка хлеба, предметов вооружения, боеприпасов, вывезенного белыми с Урала оборудования заводов и т. д. Срочно перебрасывались на другие фронты освободившиеся в Сибири дивизии.

** Руководитель госдепартамента США Лансинг докладывал президенту Вильсону 23.12 1919 г.: «Правда заключается в том простом факте, что правительство Колчака потерпело полное поражение. ...Большевистские армии приближаются к районам, где находятся наши солдаты, и установление контакта с ними приведет к открытым военным действиям и многим другим осложнениям. Иными словами, если мы не уйдем, нам придется вести войну с большевиками». (Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 2, док. № 707.) 15 января 1920 г. последовало официальное объявление госдепартамента об эвакуации американских войск из Сибири и с Дальнего Востока.

Выводы

Больше года находился в Сибири у власти военный диктатор, а результаты оказались для дела контрреволюции самыми плачевными. Опыт, знания и умение создавать армию и руководить ею, казалось, были на стороне контрреволюционеров, составляли их преимущество. Но, несмотря на это, военные успехи были на стороне Красной Армии. Российская армия терпела одно поражение за другим. И не потому только, что немало было допущено чисто военных ошибок. Белогвардейские стратеги и их антантовские советчики и контролеры недооценили потенциальных сил Красной Армии, в основе которых лежали преимущества нового социально-экономического строя Советской республики.

Неумение организовать и осуществить крупную операцию во фронтовом масштабе, и в частности добиться взаимодействия соседних армий, — такова вторая крупная ошибка, вернее, не ошибка, а порок, обусловленный сущностью самой насильно созданной из резко антагонистических социальных сил колчакии. Стремление удержать захваченное пространство, даже если это приводит к распылению собственных сил и нарушению их взаимодействия, — еще одна крупнейшая ошибка всех решений и действий колчаковского командования.

Чем больше уходило времени на разгром Красной Армии, тем больше давали себя знать разрушительные силы, заключенные в самой идее создания армии контрреволюции за счет классово враждебных буржуазии масс трудового народа.

Скверно шли дела не только на фронте: в тылу ширилось повстанческое движение, и все попытки подавить его силою оружия кончались полным провалом.

Было ясно — диктатор не оправдал возлагавшихся на него надежд. Он не оказался той «сильной личностью», на которую были сделаны все расчеты как Антанты, так и тех контрреволюционных групп и партий, которые подготовили приход его к власти.

Все стороны жизни созданной железом и кровью колчакии все более расстраивались и приходили в упадок. Армия и все наиболее важные группы и слои населения, вначале по тем или иным причинам и соображениям поддерживавшие Колчака или же относившиеся

к нему кто сочувственно, а кто и просто нейтрально, убедились за истекший год на собственном опыте в полном банкротстве хозяйственной, финансовой и внутренней политики верховного правителя.

Провал Тобол-Ишимской операции белых означал начало конца Колчака как фигуры военной и политической. Истекший год показал, что делать и в дальнейшем ставку на такого диктатора просто невыгодно. Официальные доклады высоких военных инстанций колчакии и белогвардейские газеты говорят о переломе, который наступил в отношениях Антанты к Колчаку и его правительству уже летом 1919 г. «Лжесоюзники» — так называл в официальном докладе видный колчаковский чиновник всех союзников, сделав исключение лишь для Англии и, видимо, не поняв, что доминирующее положение англичан в делах колчакии было одной из причин того, что американцы и французы готовили Колчаку смену в лице эсеров, а японцы по-прежнему поддерживали и выкармливали атамана Семенова.

Результаты майского секретного совещания глав правительств Антанты в Лондоне и неудача секретного октябрьского совещания, созванного Жаненом по поручению французского правительства с предоставлением карт-бланш Японии, говорят о том же: борьба среди держав Антанты углублялась и обострялась. Но вместе с тем в ней вырисовывалось уже нечто новое: если в конце 1918 г. разъезжавшему по Дальнему Востоку генералу Иванову-Ринову представители Антанты, как истые коммивояжеры империалистов, наперебой предлагали помощь и вооружением, и обмундированием, и т. д., то сейчас в таком «выгодном» положении оказались уже эсеры. В этом основной источник их попыток (и даже временных успехов) захватить власть в Красноярске и Иркутске.

Внутреннее положение колчакии характеризуется ростом антибелогвардейских настроений широких масс населения. Колчак унаследовал от своих предшественников не только значительные вооруженные силы и готовый военный и гражданский аппарат власти и командования. В наследство ему достались обширные районы, охваченные повстанческим движением, ставшие впоследствии основными очагами красных партизан.

Запомнить это обстоятельство очень важно. Оно по-

казывает, что сибирская деревня задолго до Колчака была уже охвачена революционными вооруженными выступлениями. Более того, сибирский середняк уже с июля 1918 г. был втянут в борьбу против интервентов и эсеров-меньшевистского временного сибирского правительства. Мы уже отметили выдающуюся роль, сыгранную в этом отношении сибиряками-фронтовиками и возглавившими движение большевиками-подпольщиками.

Тем не менее Колчаку удалось:

1) производить мобилизации и призывы новобранцев для формирования армии и ее пополнения маршевыми ротами и целыми вновь сформированными в тылу соединениями. Сорвать эту работу белых борьбой в тылу, к сожалению, не удалось;

2) поддерживать работу железных дорог. То был чрезвычайно важный для белых и вместе с тем наиболее легко уязвимый участок. По целому ряду условий наиболее удобной для порчи и срыва движения поездов была Томская железная дорога (к примеру, от ст. Тайга до ст. Канск). Документы показывают, что в дни решительного наступления Колчака от Урала к Волге весной 1919 г. движение на этом участке действительно проходило с большими перебоями и даже перерывами на несколько дней. Но так продолжалось недолго. Видимо, местное партизанское командование недооценивало колоссальное значение такого рода действий.

Надо подчеркнуть еще одно обстоятельство. Колчаковское правительство зорко следило за тем, что делается в Советской республике, и пыталось приспособить для себя некоторые идеи и положения, применявшиеся Советским правительством для мобилизации сил и средств на войну. Само собой разумеется, речь идет о другой классовой сущности, о стремлении перенять чисто формальные методы — приемы.

Вот несколько примеров в подтверждение сказанного.

1) Решение создавать свою классовую армию из представителей имущих классов, интеллигенции, кулачества с одновременным отказом мобилизовать рабочих; когда затея не удалась, было принято решение создавать в армии особые, под названием «егерские»,

батальоны, полки и даже бригады из политически близких и надежных солдат;

2) стремление вовлечь в борьбу с повстанческим и партизанским движением на селе кулачество и надежных середняков, создавая с этой целью отряды самообороны, отряды особого назначения и т. д.;

3) создание специальных органов для агитационной и пропагандистской работы как в армии, так и среди населения, распространение воззваний, листовок, брошюр и т. д.;

4) издание закона о трудовой повинности;

5) образование совета обороны во главе с Колчаком и т. д.

Мы привели лишь несколько примеров из большого количества фактов, характеризующих внутреннее положение в колчакии. Они показывают, что стоявшие за спиной Колчака группы и его советники в лице кадетов, эсеров и «либеральной» интеллигенции оказывали ему немалую помощь в деле привлечения масс населения на сторону контрреволюции.

В условиях гражданской войны создание и укрепление тыла — одна из главных жизненно важных проблем, что приходилось решать обеим воюющим сторонам. Но в классовой революционной войне понятие тыл не сводилось только к какой-то определенной территории. Во-первых, Сибирь имела для Колчака значение временного исходного плацдарма — базы для наступления в пределы Европейской России.

Во-вторых, Сибирь являлась источником живой силы для формирования армии контрреволюции, источником продовольствия для ее содержания. Из сказанного вытекает, что не вся территория Сибири имела для белогвардейцев абсолютно важное, одинаковое значение и в политическом и в военном отношении. Им важно было сохранить в своих руках прежде всего жизненные центры края (административно-политические, промышленные и основные хлебопроизводящие районы и т. п.) и коммуникации между ними. Именно эти соображения лежали в основе действий белогвардейцев как в Сибири в целом, так и в отдельных ее районах. Исследование показало, что интервентам и белогвардейцам удалось сохранить за собой все важные для них районы и пункты и защищать их от повстан-

цев-партизан. Это приковывало, конечно, и внимание и силы Колчака и войск интервентов, но не настолько, чтобы заставить Колчака снимать войска с внешнего (против Красной Армии) фронта.

Не прекращавшаяся ни на день самоотверженная, длившаяся свыше полутора лет борьба сибирских подпольных большевистских организаций имела значительно важное историческое значение для исхода гражданской войны на востоке. Под руководством и с помощью Центрального Комитета партии во главе с В. И. Лениным сибирские большевики-подпольщики сумели объединить в один мощный поток классовую, социальную борьбу угнетенных против угнетателей и патриотическую борьбу народа против иностранных захватчиков. Организованное и руководимое большевиками повстанческое и партизанское движение в Сибири разрушало аполитичность крестьянства — в этом его основное военно-политическое значение. Как ни пытались белогвардейцы в союзе с соцоглашателями и с помощью интервентов создать на вероломно захваченной территории надежный для себя тыл — решить эту задачу им не удалось. Сибирь была фактически все время театром всенародной борьбы.

Выступая 29 марта 1920 г. на IX съезде РКП(б) с докладом Центрального Комитета и указывая на основную причину нашей победы, В. И. Ленин говорил: «И только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи, и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти»*.

В практической деятельности Ленина, в его теоретических работах мы находим непревзойденные образцы решения вопросов диалектического и исторического материализма; для освещения и толкования гражданской войны в целом и отдельных ее процессов и фактов Сочинения Ленина — драгоценнейшая энциклопедия. Рассматривая высказывания его о гражданской войне (при

* В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 416,

определении значения борьбы в тылу врагов в Сибири) с точки зрения требований теории военного искусства и военной науки, мы должны констатировать:

а) что, несмотря на всю важность борьбы руководимых подпольными большевистскими сибирскими организациями масс трудового народа колчакии, основу нашей победы создали действия Красной Армии; без ее сокрушительных ударов повстанческое и партизанское движение в колчакии было бы в конце концов сломлено, не успев даже принять того размаха, как это произошло после вступления советских войск в Сибирь;

б) что в основе всех происходивших в 1918—1919 гг. в Сибири событий лежала направляемая и руководимая большевистским подпольем борьба трудящихся масс за осуществление провозглашенных Коммунистической партией в лозунгах Октября целей и задач социалистической революции; именно она привела к изменению соотношения классовых сил в колчакии; вооруженная борьба в тылу врагов сыграла главную свою роль в качестве «ускорителя» процесса революционизирования и разрушения аполитичности среднего крестьянства; в этом политическое и стратегическое значение повстанческого и партизанского движения в Сибири;

в) что обусловленное отмеченными причинами изменение соотношения классовых сил и увеличение их активности по ту сторону фронта оказывали благоприятное для Красной Армии влияние на военно-стратегическое положение на Восточном фронте, и в частности были одной из главных причин провала всех наступательных операций объединенных сил интервентов и белогвардейцев; в этом их общестратегическое значение как социальной и военной силы, опрокинувшей тыл противника.

Таковы основные уроки из длившейся свыше 20 месяцев героической борьбы масс трудового народа Сибири в тылу интервентов и белогвардейцев в годы гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наиболее влиятельными были следующие организации: а) правление Всероссийского национального центра, возглавляемого видными членами ЦК партии кадетов — этого центрального штаба контрреволюции, состоящего из воротил торгово-промышленного и финансового мира, церковного Собора, городских и земских деятелей и т. д.; б) Совет государственного объединения; в) Союз возрождения России; Бюро съездов деятелей земств и городов: здесь же лихорадочно работали, готовя свержение Советов любыми путями и средствами, генералы Алексеев, Корнилов, целый ряд членов бывших законодательных палат России (Государственного совета, Государственной думы), бывшие члены правительства Керенского и князя Львова, лидер кадетов Милюков, председатель последней Государственной думы Родзянко и т. д.

Один из видных контрреволюционеров Юга в письме своим сибирским друзьям отмечает: «Везде царил петербургская атмосфера...» Велись списки бывших губернаторов, камергеров и т. д. Упоминание «петербургская атмосфера» весьма показательно. Бывшие хозяева страны уже не удовлетворялись мечтами о возврате только к дореволюционному 1916 году. Они жили надеждами и мечтами на реставрацию довоенной России, на возвращение в столь близкий их сердцу Санкт-Петербург.

² К концу 1917 г. наиболее крупные организации большевиков были: а) в Новониколаевске — до 500 человек; б) на Судженских коях — 375 человек; в) на Анжерских коях — около 500 человек; г) на Мариинском руднике — около 500 человек; д) на Кемеровском химзаводе — 156 человек. На первом съезде большевистских организаций Западной Сибири (21—25 мая 1918 г. в Омске) присутствовало всего 40 делегатов от всех крупнейших городов края. Съезд признал необходимым усилить работу «по сплочению деревенской бедноты для борьбы против кулаков и усиления классовой борьбы в деревне». В апреле 1918 г. в Уфе состоялся губернский партийный съезд, на котором было 47 делегатов от 20 парторганизаций с общим числом членов свыше 20 тыс. Наиболее крупными организациями были: Уфимская — 1100 членов, завода «Усть-Катав» — 775 членов, Аша-Балашова — 600 членов, Златоустовская — 1850 членов, Юрюзанский завод — 500 членов, Симский завод — 500 членов и т. д. На 3-й Уральской областной партконференции в январе 1918 г. были представлены 52 парторганизации, объединяющие до 35 тыс. членов партии. Наиболее многочисленными были: Екатеринбургская — 1450 членов, Челябинская — 2100 членов, района завода Мотовилиха — 1600 членов и т. д.

³ Подробную картину обширного белогвардейского подполья в Сибири нарисовал в своем докладе генерал Флуг, прибывший в апреле 1918 г. от Деникина для установления связи и взаимодейст-

вия. В Томске Флуга познакомили с подпольным штабом эсера полковника Краковецкого, контрреволюционная организация которого произвела на генерала «отличное впечатление». Здесь же Флуг встретился с подполковником Гришиным, «приглашенным на должность начальника штаба по всем сибирским контрреволюционным подпольным организациям к западу от Байкала». По случаю приезда Флуга было проведено несколько секретных совещаний. Рассматривались вопросы о слиянии — объединении всех организаций, выработке общего плана и т. д. Краковецкого финансировали сибирские кооператоры (Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.). Томск, 1957, док. № 264).

⁴ Судьбу Омска решили бои в районе ст. Мариановка. Подробности о них до сих пор не публиковались за отсутствием документов советских штабов. Приводим выдержки из составленной чехо-штабом «реляции о сражении 6-го чехословацкого Ганецкого стрелкового полка под Мариановкой 1—6 июня 1918 г. против советских войск».

После первого боя под Мариановкой 25 мая 1918 г. последовало сосредоточение на ст. Иссык-Куль четырех эшелонов 6-го полка. Решительное наступление начато 4 июня силами полка (1500 штыков при 15 пулеметах) и подчиненного ему отряда Анненкова при поддержке сооруженного из угольных платформ бронепоезда. Ст. Москаленко, где было около 50 красных, взята в 24.00 4 июня без боя. На другой день прибыло подкрепление от 2-го чехословацкого полка с тремя орудиями и пулеметной командой. Общее наступление возобновилось в 10.00 6 июня. Красные встретили наступающих артиллерийским огнем и заставили их развернуться в две колонны. Северная колонна под сильным огнем броневавто и пулеметов продвигалась очень медленно. Контрманевр красных для охвата левого фланга чехов не удался. С наступлением темноты чехи штыковым ударом овладели позицией красных, захватив орудия, броневавто, много винтовок и т. д. Мост через Ишим захвачен в целости. Продолжая безостановочное преследование, чехи к утру 7 июня заняли разъезд Аленское. Потери чехов — 1 убитый и 53 раненых. В заключении реляции говорится: «Позиция противника была умело избрана и великолепно оборудована, укреплена тремя линиями окопов. Гарнизон красных насчитывал 3000 человек, 10 пулеметов, 4 орудия и броневавто под командованием товарища Звездова».

⁵ На заседание Думы прибыло 118 человек, в том числе 21 бывший член разогнанного в Петрограде Учредительного собрания. Вопрос о включении последних в состав Думы был решен сразу и положительно, хотя лица эти никакого отношения к Сибири никогда не имели. Длительные споры возникли вокруг признания 46 мандатов, подписанных неизвестно кем и составленных от имени давно ликвидированных организаций (к примеру, фронтовых съездов старой армии и т. п.); 22 мандата предъявили сибирские кооператоры; явились со своими мандатами студенты из Томска и т. д. Разобраться во всем этом «мандатном мусоре» было, конечно, совершенно невозможно, но этого никто и не требовал. Главари сибирской контрреволюции — заправила совещания добивались только того, чтобы не пропустить в Думу сторонников Советов. Все «мандаты»

были утверждены, и вся компания политических авантюристов и проходимцев объявила себя «высшим выборным органом народной власти Сибири». (ЦГАОР, ф. 292, оп. 2, д. 115, л. 1.)

⁶ Председатель отделения чехословацкого национального совета в России Богдан Павлу в телеграмме Гайде писал: «Священное озеро Байкал да будет навсегда свидетелем храбрости потомков гуситов». Гуситы — бойцы повстанческой армии Яна Гуса — народного героя Чехии, поднявшего знамя народной борьбы в XV в. против угнетателей. Соцсоглашатель Павлу не остановился перед кощунством: называя солдат-мятежников «гуситами» — дорогим и высокопочтимым в народе Чехии именем борцов за свободу, он тем самым от имени ЧНС одобрял их черное дело душителей свободы русских рабочих и крестьян и благословлял на новые кровавые «подвиги». (ЦГАОР, ф. 267, оп. 2, д. 1, л. 1.)

⁷ Дальневосточный Совет Народных Комиссаров был образован 30 апреля 1918 г. в Хабаровске путем переименования Дальневосточного краевого исполнительного комитета Советов края. Центросибирь — Центральный исполнительный комитет Советов Сибири, избранный на съезде Советов Сибири в Иркутске.

⁸ В 1917 г. в Забайкалье проживало около 830 тыс. человек, из них около 650 тыс. на селе. Русских было около 50%, бурят — 11%. 100 тыс. человек проживали в городах, в том числе в Чите 53 тыс., в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ) свыше 21 тыс., в Нерчинске более 7 тыс. и т. д. 30% горожан составляли нацменьшинства. Из 50 тыс. рабочих было железнодорожников 22 тыс., приисковых 16 тыс., шахтеров 4 тыс. и т. д. Важную роль в распространении среди них революционных идей сыграло наличие в Забайкалье каторжных тюрем (Кадай, Горный Зерентуй, знаменитый Акатуй и др.) и поселений ссыльных политических. В первую русскую революцию в ряде крупных районов власть временно была в руках восставших, а в Чите был создан Совет. К 1915 г. было всего в области 32 тыс. казачьего населения, занимавшего лучшие земли и нещадно эксплуатировавшего бурят, ссыльных и беднейшее крестьянство. Безземельных крестьян числилось около 5%, рабочего скота не имели 7% сельского населения. Страшными были религиозный гнет и темнота коренного населения — бурят; на каждых шесть бурят приходился один буддийский монах.

⁹ Оккупация Владивостока началась 5 апреля 1918 г. высадкой двух рот японцев и полуроты английской морской пехоты. Дальнейшее прибытие десантов временно приостановилось по двум причинам: а) шли усиленные переговоры между империалистами о планах раздела России на «сферы влияния». До окончания торгового соглашения одна из держав не решалась на отдельные выступления, боясь подешевить; б) ко времени чехословацкого мятежа во Владивостоке уже скопились значительные силы корпуса; интервентам пришлось срочно заняться пересмотром прежних планов (бросить чехов на фронт против Красной Армии, дожидаться прибытия более крупных лимитированных контингентов от всех участников интервенции и т. д.). На все это ушло немало времени, которое, однако, не было использовано красными с наибольшим эффектом.

¹⁰ Не выдерживают никакой критики попытки представить дело так, будто бы принятое руководителями Центросиббири и Забайкалья на совещании 28 августа 1918 г. на ст. Урульга постановление — «Борьбу организованным фронтом ликвидировать и перейти к партизанским действиям...» — является чем-то принципиально новым, исторически важным решением. Никакого фронта советских войск уже не сохранилось, и вновь создавать его было не из кого и некогда. Ничего не было до этого сделано для создания на оставляемой красными территории очагов сопротивления или подпольных ячеек для организации и руководства теми самыми партизанскими действиями, перейти к которым призывали собравшиеся на ст. Урульга. Понадобилось больше полугода, прежде чем появились в Забайкалье первые небольшие партизанские отряды, возникшие в ходе борьбы по инициативе снизу, а не во исполнение решений совещания. Из видных политических и военных участников совещания никто в Забайкалье не остался. (Дальистпарт. Книга 2. Владивосток, 1924, стр. 115.)

¹¹ Центральный Комитет во главе с Лениным уделял исключительное внимание вопросу развертывания классовой борьбы в тылу врагов. Не ждать стихийного революционного взрыва по ту сторону фронта, а его подготавливать, организовать и возглавить — одно из важнейших положений революционной стратегии Коммунистической партии. Можно привести немало примеров, как это положение проводилось конкретно в жизнь: в дни боев в бассейне Волги Самарский губком РКП(б) при уходе из города оставил в нем и в ближайших рабочих поселках подпольные ячейки и в дальнейшем поддерживал с ними постоянную связь, оказывая помощь людьми, деньгами, литературой и т. д.; были созданы подпольные большевистские группы комитетами РКП(б) в Челябинске, Златоусте, Тюмени, Шадринске и в ряде уральских заводов (Миньяр, Сим и др.) в предвидении захвата их врагами (См. Из истории гражданской войны в СССР, т. 1. Сборник документов. М., 1961, док. № 640, 641).

¹² На первой же встрече с Семеновым Пепеляев предложил ему взять на себя общее военное руководство в Забайкалье, формировать Приамурский корпус. Но планы Омска были значительно шире. Началось срочное формирование 4-го Восточно-Сибирского стрелкового корпуса (в составе 3-й и 8-й Сибирских дивизий), а также запасной стрелковой, Иркутской конной бригад, инженерного батальона и других вспомогательных войск. Приказано было также немедленно начать формирование 9-й стрелковой дивизии, забайкальской казачьей конной дивизии и Сводной казачьей дивизии со включением амурских и уссурийских казаков. Штаб военного округа должен был быть в Хабаровске.

¹³ Кучка эсеров и меньшевиков — бывших членов разогнанного в январе 1918 г. в Петрограде Учредительного собрания, — воспользовавшись мятежом чехословаков, установила свою власть в Самаре. Назвавшись Комитетом членов Учредительного собрания (сокращенно Комуч), они объявили себя преемником власти Учредительного собрания и в качестве такового — «центральной властью

России». Комуч поддерживал тесную связь с иностранными консулами и миссиями. От имени России он рассылал через эту иностранную агентуру правительствам держав Антанты, США и прочим буржуазным правительствам Европы обширные политические декларации. Основным и главным в них был прямо и открыто поставленный Комучем вопрос о вооруженной помощи иностранными войсками.

¹⁴ 14 мая чешский караул убил в Челябинске бывшего военнопленного австрийца. Ввиду отказа караула выдать убийцу, Челябинский Совет арестовал его, что послужило поводом для сильной агитации. 17 мая группа чехословацких солдат арестовала на железнодорожной станции советского комиссара и разоружила охрану. Другие группы чехословаков оцепили советские учреждения города, на улицах появились чешские патрули, допускавшие бесчинства, а чешское командование потребовало в грубой форме от советского штаба освобождения арестованного караула. Челябинский Совет тут же создал Военный совет, объявил город на военном положении и потребовал от чешского командования убрать свои патрули, вернуть захваченное на станции оружие. Занятая Советом твердая позиция возымела действие. Чешское командование убрало патрули и в воззвании к населению заявило: «Мы были и будем друзьями и не пойдем против Советской власти». Поверив в искренность заявления, Совет сменил военное положение. Прошло несколько дней, и в ночь на 27 мая 1918 г. интервенты, перейдя вброд р. Миасс, окружили казармы советского гарнизона и захватили спящих красноармейцев врасплох. Враги взяли свыше 6 тыс. винтовок, 5 пулеметов, 20 срудий и др. Захваченное оружие было тут же роздано антисоветским элементам. (П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале. Челябинск, 1958, стр. 29.)

¹⁵ Сведения от Чечека получались случайные и весьма скудные. Вот одна из оперсводок его от 22 июня 1918 г.: «...группа потеряла до 7 июня в кровопролитных боях от Пензы до Самары 80 убитыми и 400 ранеными. Пензу наши части брали под ураганным огнем пулеметов (работало около 400 пулеметов) и артиллерии. Чуть ли не голыми руками бой продолжался 20 часов и закончился победой наших войск 29 мая». В этой публикуемой с опозданием на месяц сводке чехоштаба не все, конечно, верно, к примеру, хвастливое заявление: «Потери советских войск в десять раз больше. Одними пленными зарегистрировано около 2000 красных». Или же слова «работало около 400 пулеметов». Такого рода выдумками штабные писакы пытались успокоить солдат остальных групп корпуса, но безуспешно. (ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 5, л. 70.)

¹⁶ В многословной телеграмме от 20 августа 1918 г. на имя Шокорова Гришин-Алмазов пытается уладить вопрос мирным путем, указывая ряд мотивов, почему русские войска должны быть подчинены русскому генералу. Согласно Шокорова получено не было. Не вдаваясь в дальнейшие комментарии, надо подчеркнуть, что русским контрреволюционным генералам никогда так и не удалось получить в свои руки руководство операциями на важнейшем северном (Екатеринбург, Пермь, Вятка) направлении.

¹⁷ В день приезда Подвойский дал по линии железной дороги телеграмму, что он прибыл на Уральский фронт по распоряжению Совнаркома для освобождения от мятежников всей территории до Омска. Златоуст Подвойский объявил военным районом и назначил командование для руководства действиями против Войцеховского. Одновременно он отдал распоряжение о создании районных штабов на важнейших направлениях возможного наступления врагов. Началось создание укрепленных пунктов. Так, ст. Бердяуш была превращена в крупный узел сопротивления: имелись окопы, проволочные заграждения, установлены пулеметы и артиллерия, гарнизон насчитывал около 2 тыс. бойцов. Подвойский издал также распоряжение о создании на всей территории Приуралья и Приволжья военных комиссариатов, что имело важное значение.

¹⁸ По дороге в Уфу Р. И. Берзин послал командиру 2-го чехословацкого полка телеграмму, что поезд с представителями Советского правительства следует в Челябинск, чтобы проследить выполнение солдатами корпуса требований Советского правительства о сдаче оружия и переходе из эшелонов в казармы. Телеграмма явилась результатом переговоров, которые до этого происходили в Пензе между представителями Советского правительства, французской миссии и профессором Максом (от чехословаков). Для урегулирования всех вопросов, связанных с выездом солдат корпуса на родину через Владивосток, была создана смешанная комиссия договаривающихся сторон. Об этом Макс дал тогда же телеграмму по линии железной дороги на имя всех начальников эшелонов корпуса. Несмотря на то что мятеж уже начался, Советское правительство сделало все, чтобы избежать кровопролития. Ответственность за неудачу этих усилий лежит целиком на империалистах Антанты, русских контрреволюционерах, прежде всего эсерах и меньшевиках. Они развернули бешеную агитацию против Советов среди солдат корпуса, выступая от имени «российской революционной демократии», и находили полную поддержку со стороны чехословацких солдат — членов партий социал-демократов Чехии, Австрии и Венгрии.

¹⁹ Управление Северо-Урало-Сибирского фронта было создано в конце мая 1918 г. в Екатеринбурге по инициативе местных руководящих органов. Задачей ему поставлено было реорганизовать (на началах регулярной армии) и руководить многочисленными отдельными самостоятельными отрядами уральских рабочих, красногвардейцев и красноармейцев, которые возникали в явочном порядке с первых же дней выступления чехословаков. В состав войск фронта вошли все вооруженные силы, находившиеся в районе к северу от Самаро-Златоустовской железной дороги примерно до меридиана Златоуста, Шадринск, Тюмень, Ялуторовск. После потери Западной Сибири на Урал прорвались сибирские отряды и части, включенные в состав войск фронта.

²⁰ Фактическим начальником академии был в то время царский генерал Андогский, смертельный враг Советской власти, перешедший на сторону белых во время захвата ими Екатеринбурга в июле 1918 г. Колчак намеревался назначить Андогского начальником своего штаба вместо генерала Лебедева, но подозрения его вызывали два обстоятельства: Андогский служил большевикам в качестве

эксперта при переговорах о заключении Брестского мира и не перешел сразу к белым, продолжая руководить академией у большевиков некоторое время. Из присланных Колчаку материалов вырисовывается омерзительное лицо предателя и вместе с тем врага в высшей степени умного и коварного. Занимая пост начальника советской военной академии, Андогский уже в декабре 1917 г. направлял офицеров академии на Дон к Алексееву и другим с деньгами и секретными шпионскими сведениями. Восстание в Екатеринбурге и захват города были проведены по плану Андогского. Его метод, как сказано в одном из присланных Колчаку документов-характеристик, «заключался в том, чтобы, добившись доверия комиссаров, взорвать их изнутри. По его совету в Екатеринбурге печатались прокламации от имени левых эсеров с призывом к рабочим свергать Советы, чтобы таким путем посеять недоверие между большевиками и эсерами». Таков был один из «экспертов», с которым руководители 3-й Красной армии в то время собрались «выработать дальнейшую военную политику» для обороны Урала. (ЦГАОР, ф. 292, оп. 1, д. 21, л. 36.)

²¹ Боевой состав 3-й Красной армии на 5 июля 1918 г. приведен в следующей таблице.

Направление	Штыки	Сабли	Пулеметы	Орудия	Броневики
Омское	4280	—	67	5	—
Шадринское	1624	61	21	—	—
Челябинское	3567	—	72	10	2
Западно-Уральское	2308	—	86	7	2
Резерв					
в Екатеринбурге	2264	113	41	6	—
в Перми	2043	—	34	2	—
в Кунгуре-Камышлове и Верхнетуринске	490	26	9	—	—
Итого:	16 576	200	330	30	4

Разведывательный отдел штаба 3-й армии определял силы противника перед фронтом армии на 24 июня 1918 г. (включая и резервы) в 12—15 тыс. штыков, 2 тыс. сабель, 140 пулеметов, 20 орудий, 3 бронеплатформы, 2 броневики и авиаотряд.

²² 14 июля 1918 г. белые перехватили радиogramму Туркестанского Совнаркома в Москву: «Положение республики критическое. Фронты Оренбургский и Ашхабадский оголены. Красноводск отрезан. Можете ли оказать помощь?» То не был, к сожалению, единственный случай, когда Ташкент посылал в Москву нешифрованные радиogramмы. Так, 11 сентября 1918 г. перехваченная радиogramма сообщала, что на совещании Турксовнаркома с руководителями фронтов решено наступать на Оренбург, проведена частичная мо-

билизация, испрашивается разрешение на всеобщую. 20 сентября белые перехватили радиogramму с запросом командующего Оренбургским фронтом, в каком направлении ему следует наступать. Ответ главкома Вацетиса также был перехвачен. Он гласил: «Энергично наступать на Оренбургско-Уральском фронте, обороняясь на Ашхабадском». К сожалению, в приведенных случаях речь шла не о широко практиковавшейся в то время обоими противниками дезинформации, а о реальных делах и фактических решениях. Одним из результатов перехвата радиogramм было то, что борьба с войсками Зиновьева была возложена на одного Дутова, а все силы Уфимского района брошены на помощь Чечеку. (ЦГАОР, ф. 1437, оп. 4, д. 57, л. 33; д. 58, л. 58.)

²³ В ставке Хорвата в Харбине находились: а) управляющий военным ведомством генерал Флуг; б) начальник генерального штаба, он же генквартирмейстер, генерал Марковский (впоследствии командующий колчаковскими войсками против партизан Енисейской губернии); в) главнокомандующий российскими войсками в полосе отчуждения генерал от кавалерии Плешков и его начальник штаба генерал Хрещатицкий (впоследствии начальник штаба Семенова в 1920 г.). Здесь же ходил пока без дела генерал Будберг, будущий военный министр Колчака, и др. Нельзя сказать, что то были «генералы без армии». В ноябре 1918 г. общая численность армии Хорвата составляла около 640 офицеров и до 2 тыс. солдат, с 40 пулеметами и 20 орудиями. Личный состав армии состоял из кадровиков русских войск в полосе отчуждения КВЖД мирного времени, т. е. в военном отношении подготовленных, а в политическом — особо подобранных.

²⁴ Приводим цифры наиболее важных для ведения войны материальных ценностей, попавших в руки белых и интервентов: а) пороха и взрывчатых веществ — 36 тыс. т; б) снарядов артиллерийских — 80 тыс. т; в) боеприпасов (дано без расшифровки) — 85 тыс. т; г) колючей проволоки — 27 тыс. т; д) цветных металлов — 25 тыс. т; е) хлопка — 20 тыс. т; ж) химикатов разных (сера, селитра, кислоты и т. д.) — до 100 тыс. т; з) продовольственных грузов — около 120 тыс. т, в том числе риса — 40 тыс., чая — 30 тыс., масла — сала — 10 тыс. т и т. д. Происхождение грузов двойное: часть была завезена в порядке военных поставок США и Антанты по заказам царского правительства и Керенского в годы первой мировой войны, другая — в порядке внешней торговли.

²⁵ Высший совет снабжения союзнических армий был создан в Челябинске 16 июля 1918 г. из представителей Омска, Самары, чехословацкого корпуса и французской военной миссии. 30 сентября 1918 г. временное сибирское правительство признало совет центральным органом снабжения до создания довольствующих управлений в составе военного министерства.

²⁶ А в эти самые дни белогвардейский командующий Приморской области представил Иванову-Ринову копию своего письма от 1 ноября 1918 г. на имя японского генерала Отани с перечислением «нарушений суверенных прав России». Вот некоторые выдержки из него: «Насилие над комендантом крепости Николаевска-на-Амуре,

разгром его штаба, увоз документов, имеющих важное военное значение, самовольное распоряжение имуществом крепости, хотя оно было взято не в бою...»; «хозяйничание в Хабаровске, насильное овладение картографическим отделом военного округа и увоз всех секретных планов, овладение базой речного военного флота и разгром ее канцелярии»; арест и избивание милиции; посещение японскими офицерами секретных оборонных сооружений, невзирая на протесты; разоружение крепостной роты, насилие над офицерами и много других случаев. После того как о всех этих фактах было доведено до сведения высшего японского командования, поведение японских войск «стало хуже, принимая определенную окраску игнорирования суверенных прав России, с подчеркиванием того обстоятельства, что вашим войскам внушено, что этот край больше не принадлежит России...». Заканчивалось письмо следующими оказавшимися вещими словами: «Еще не раз судьбе угодно будет менять условия нашего государственного существования... теперь, когда мы слабы, всякая боль становится особенно чувствительной, но когда-нибудь и мое отечество будет мощным вашим соседом... Я буду рад видеть это в нашем молодом поколении...» (ЦГАОР, ф. 162, оп. 1, д. 10, л. 2.)

²⁷ Войсковой атаман Семиреченского казачьего войска полковник Ионов бежал в конце июня 1918 г. со своими отрядами в Китай и из г. Кульджа обратился за помощью к царскому послу в Пекине князю Кудашеву, а также к послам Англии, Америки и Японии: «Семиреченские казаки... прийдя в пределы Китая, молят великодушных союзников ускорить ввод в Верный (ныне Алма-Ата. — Г. Э.) китайского отряда». В борьбу были втянуты отряды контрреволюционной Алаш-орды, части 2-го Степного корпуса, добровольческие казачьи отряды, дружины старожилов. В октябре 1918 г. сюда прибыл из Славгородского уезда отряд карателя Анненкова. Борьба с переменным успехом принимала иногда форму крупных операций сосредоточенными силами. Силы красных в июле 1918 г. определялись в 10 тыс. человек. (ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 68, л. 22.)

²⁸ В связи с приездом Жанена в белогвардейских газетах появились о нем статьи. Морис Жанен уже в 20 лет (в 1882 г.) «блестяще закончил французскую военную академию». С 1892 г. работал «инструктором» в военной академии в Петербурге, участник первой мировой войны, начальник французской военной миссии в России. «Ему теперь поручено, — писали газеты, — организация русской армии для восстановления Уральского фронта, а затем объединение воинских частей отдельных находящихся в России национальностей — румын, сербов, украинцев, поляков и т. д. Во Франции ему открыт большой кредит». В составе прибывшего с ним штаба четыре полковника, несколько капитанов и др. Начальник штаба — полковник Бюкеншютц тоже хорошо знает Россию по своей прежней службе в Петрограде при военном атташе Франции. Кстати говоря, «знал Россию» и английский генерал Нокс, занимавший долгое время (с 1911 по 1918 г.) пост военного атташе Англии в России. (ЦГАОР, ф. 292, оп. 2, д. 115, лл. 19—44.) Важно отметить, что по пути из Франции в Сибирь Жанен посетил США, где был принят президентом Вильсоном и рядом видных государственных дея-

телей, которые, по словам Жанена, отнеслись весьма благосклонно к его «миссии в Сибири». В Японии Жанен был принят самим Микадо, начальником генерального штаба и другими руководящими лицами страны, заручившись обещаниями от всех них, что Япония окажет полную поддержку в борьбе с Советами.

²⁹ Колчак отдал приказ об отстранении Семенова от всех должностей с преданием военно-полевому суду как изменника. Но и на этот раз Семенов оказался для Омска недостижимым. Вместо наказания он был тем же Колчаком произведен в генералы и утвержден комкором. Колчак также вынужден был утвердить все производства в чины (вплоть до генеральских) и высокие назначения, которыми Семенов так щедро своей собственной властью награждал своих сподвижников з дни борьбы против Колчака. Но все это ничего не дало: Семенов продолжал действовать, как хотел, совершенно не считаясь с Омском, а иногда и с представителями союзников. Последние не раз требовали от Колчака убрать «командира корпуса», открыто грабящего проходящие через его вотчину поезда. Колчак писал приказы, посылал в Читу «особые» и «чрезвычайные» следственные комиссии, требовал и угрожал, но все оставалось по-старому. «Походный атаман всех казачьих войск Дальнего Востока» мало беспокоился всеми этими действиями Омска. Он сохранил свою диктаторскую власть в Забайкалье полностью в течение 1918 и 1919 гг., будучи второй после Колчака и независимой от него главной фигурой всех контрреволюционных сил на Востоке, в сохранении которой до поры до времени как бы в запасе были заинтересованы как сами интервенты (в первую очередь японцы), так и русские контрреволюционные группировки, оппозиционно настроенные к Колчаку.

³⁰ Опубликованные в свое время труды ЦСУ позволили составить следующую таблицу за 1917 г. хозяйственного положения сибирского крестьянства в сравнении с другими районами страны.

Районы страны	Душ на хозяйство	Десятин на хозяйство	в %			
			Занятые промыслом	Без посева	Без рабочего скота	Без коров
Западная Сибирь	6	5,6	15,6	12,5	11,4	9,6
Приуралье	5,9	5,1	21,8	15,3	20,8	17,4
Нижне-Волжская	6	5,6	13,4	17,4	32,4	25,1
Украинская ССР	6	3,7	34,6	20,3	42,2	36,2
Юго-Западная область	5,4	2,3	25,4	12,9	48,0	34,0
Московская промышленная область	5,9	2,3	40,0	17,0	36,6	21,2
Малороссийская область	6,1	3,5	42,0	16,9	37,2	35,2
Белоруссия	6,6	3,6	21,8	8,8	15,1	9,9
Центральная земледельческая область	6,8	4,2	23,2	11,3	33,5	21,8

³¹ На 1913, последний предвоенный год в Сибири и на Дальнем Востоке числилось всего около 80 тыс. рабочих, занятых в промышленности. Призывы в армию, наплыв беженцев из западных областей, увеличение спроса на сибирский уголь, руду, сельскохозяйственную продукцию, обусловленные войной изменения экономики страны, когда одни отрасли промышленности сокращались, а другие развивались и т. д. — эти и многие другие изменения и процессы не получили должного отражения в статистике. По справочникам Промиздата, в 1915 г. в Сибири и на Дальнем Востоке было уже 340 тыс. рабочих, но и эта цифра далека от действительности. Аналогично обстоит дело со сведениями о рабочих Урала, где численность их подвергалась резким изменениям в 1917—1918 гг. в связи с уходом рабочих из приисков, рудников и т. д. из-за отсутствия продовольствия, а с заводов из-за отсутствия топлива, сырья, материалов и т. д. По данным состоявшегося в Екатеринбурге 16 июня 1918 г. съезда профсоюзов Урала, было заводских рабочих всего 42 тыс., из них членов профсоюзов 24 тыс., безработных 11 тыс. Надо иметь в виду, что заводы имели еще и подсобную рабочую силу. Так, к примеру, в Златоустовском горном округе числилось 25 тыс. рабочих, а вместе с «куренными» насчитывалось уже 40 тыс. Во всяком случае, численность рабочих Урала не превышала к 1918 г. 120—150 тыс. человек. Перепись 1920 г. дала следующие цифры:

Районы страны	Действующих предприятий, включая кустарные, кооперативные и т. п.	В них занято, включая членов семьи владельца
Западная Сибирь	43 400	198 000
Степной край	9 000	39 500
Приуралье	29 800	275 600
Итого:	82 200	513 100

Предприятий с числом рабочих от 100 до 1 тыс. было в Западной Сибири 147, а в Приуралье 509. Свыше 1 тыс. рабочих было в Западной Сибири всего на 5 предприятиях, а в Приуралье — 37, в том числе в 27 предприятиях до 2500 человек, в шести — до 5 тыс., в трех — до 10 тыс. и в одном — свыше 10 тыс. Наиболее многочисленными и организованными были железнодорожники, в особенности там, где имелись крупные депо и мастерские (в Омске около 5 тыс., в Красноярске около 4 тыс. и т. д.). Общее же число железнодорожников не превышало 160—180 тыс. человек. В целом имеющиеся данные показывают, что всего занятых наемным трудом насчитывалось в колчакии свыше 1 млн. человек.

³² Согласно переписи 1920 г. национальный состав населения временно находившейся под властью врагов территории характеризуется следующей таблицей.

	Сибирь	Приуралье	Всего
	В тысячах		
Русские	8 838	6 439	15 277
Киргизы	958	3	961
Башкиры	10	1 005	1015
Татары	282	1 513	1795
Украинцы	748	101	849
Мордва	70	74	144
Маря	—	117	117
Немцы	86	20	106
Чуваши	15	222	237
Белорусы	53	78	131
Евреи	36	21	57
Поляки	45	13	58
Латыши	34	14	48
Калмыки	40	3	43
Эстонцы	25	—	25
Буряты	83	—	83
Пермяки, вотяки, зыряне	11	165	176
Итого:	11 334	9788	21 122

По данным за 1916 г., население Дальнего Востока составило около 1 812 тыс. человек, в том числе 75% русских, 6% китайцев, 6% корейцев, постоянно проживающих здесь. Бурят-монголы (поданные России) составляли около 5%. Мы не приводим данные о мелких народностях Севера, так как они участия в гражданской войне не принимали.

³³ В пограничных с Грузией районах происходили вооруженные столкновения. Чтобы обеспечить свой тыл, Деникин обратился за помощью к представителю Англии и через него передал Грузии и Азербайджану официальные заверения о готовности уважать их самостоятельность до воссоздания единой России при условии, что государства эти не будут переходить установленных разграничительных линий и первыми не откроют военных действий. Англичане энергично поддержали Деникина, но ничего не добились. Прекратила всякие сношения с Деникиным Армения. Азербайджан хотя и не объявлял войны Деникину, но, как видно из жалоб его англичанам, вел враждебную ему политику: снабжал горцев Дагестана и Терской области оружием, отказывался иметь официальные сношения и т. д.

³⁴ Колчаковцам не пришлось затрачивать много усилий на отыскание лояльных инородцев, в личных и классовых интересах готовых идти на любое предательство своего народа. Показательна в этом отношении борьба вокруг вопроса о башкирах. Колчак сам дважды принял представителей башкирских националистов, обещал

им свою «поддержку в удовлетворении нужд башкир, включая даже самоопределение... с устройством вроде казачьего». Войсковой круг Оренбургского казачьего войска принял решение: «Предложить башкирам принять казачество и тем обеспечить самобытность обоих народов». В июне 1919 г. состоялась в Челябинске конференция семи уездов Башкирии, постановившая создать полный контакт с правительством Колчака и оказывать ему полную поддержку в войне. На июль 1919 г. был назначен всебашкирский съезд для решения таких вопросов, как отказ от объявленной в 1917 г. автономии, объявление Башкирии отдельной губернией с внутренним самоуправлением, заключение казацко-башкирского союза и создание из башкир самостоятельной национальной дивизии. Шумиха вокруг автономии башкир не была, конечно, случайной. Мудрая ленинская национальная политика Коммунистической партии не могла не найти отклика в сердцах обманутых буржуазными националистами масс трудового народа Башкирии. Белобашкирский корпус под командованием буржуазного националиста Валидова, действующий вначале против Красной Армии, перешел в феврале 1919 г. на сторону Советов. Провалились также попытки реакционеров удержать в своем подчинении массы тюрко-татарского населения колчакии лозунгами и идеями панисламизма и пантюркизма. (ЦГАОР, ф. 176, оп. 1, д. 22, лл. 1, 4, 25.)

³⁵ Большое значение для работы железных дорог Дальнего Востока имели Сучанские угольные копи. Постоянная борьба рабочих по экономическим вопросам и падение добычи угля вынудили представителей Антанты создать смешанную комиссию для обследования положения. Комиссия констатировала, что жители ближайших к району копей населенных пунктов «в большинстве своем состоят в оппозиции к правительству адмирала Колчака». Особо враждебны они к правительственным войскам. Самые умеренные из них желали бы только, чтобы правительство оставило их в покое, другие оказывают материальную поддержку большевистским войскам (имеются в виду красные повстанцы-партизаны Приморья. — Г. Э.). Район д. Орловка (20 км северо-западнее Сучана) — один из центров большевиков; другой центр — это район севернее Шкотова. На митинге шахтеров было под влиянием большевиков принято письмо на имя командующих японскими и американскими войсками с требованием: «Уведите свои войска, а копи будут только в рабочих руках». Перестала работать узкоколейка и канатная дорога, из-за чего прекратился вывоз угля и подвоз продовольствия для рабочих. Создалась угроза, что уйдут и последние 220 рабочих, поддерживающих шахты в рабочем состоянии, и копи выйдут из строя окончательно. Продукты вздорожали на 100—200%, а заработная плата повысилась только на 50%. Нет самых необходимых продуктов, даже муку местный кооператив занял у американского Красного Креста. Зарплату не выдали за три последних месяца; потом дадут одной бумажкой сразу за все месяцы, а разменят такие крупные купюры негде. Правительственные войска проявили эксцессы, что еще больше озлобило рабочих. Надо не забывать, что факты и оценки эти взяты из акта обследования копей, составленного иностранными представителями-интервентами, которые, конечно, были весьма далеки от того, чтобы представить положение рабочих в истинном свете и выступить за его улучшение. Но им и белым нужен

был во что бы то ни стало уголь, а уговоры и белогвардейский террор оказывались уже бессильными заставить рабочих добывать его. (ЦГАОР, ф. 176, оп. 3, д. 34, л. 137.)

³⁶ Ижевский сталелитейный и оружейный завод выпускал в 1914—1916 гг. до 2000—2200 винтовок в день, не считая запасных частей к ним, а также патронных обойм и т. д. С началом революции производство снизилось, а после октября 1917 г. оно упало до 300—400 винтовок в сутки. За время нахождения в руках мятежников (август — ноябрь 1918 г.) завод выпустил около 60 тыс. винтовок, несколько тысяч шанцевого инструмента, производил ремонт орудий и пулеметов, давал сталелисты для бронепоездов. Широко поставлено было переснаряжение патронов с изготовлением капсюлей собственными силами; за два месяца мятежники выпустили около 1 млн. патронов. При работе на полную мощность завод мог дать в сутки до 2500 винтовок и до 2 тыс. снарядов. Воткинский завод стал выпускать в первую мировую войну также снаряды, сортовое железо, скрепления для железной дороги и т. д. Богатое по тому времени оборудование завода было в состоянии давать для белой армии все основное снаряжение.

³⁷ В счет предоставленного США буржуазному правительству России в 1917 г. кредита в 450 млн. долларов оно успело разместить за границей заказы только на 187,7 млн. Остаток неиспользованного кредита (262 млн. долларов) поступил в распоряжение Колчака.

³⁸ Длительная дискуссия развернулась по этому вопросу в созданном Антантой железнодорожном комитете под председательством американца Стивенсона. Споры шли о том, «на чей счет записывать расходы» по приобретению для сибирских железных дорог подвижного состава и материалов, а также дефицит от эксплуатации дорог. Омск стремился воспользоваться этим случаем, чтобы добиться признания Колчака державами — членами комитета (США, Англия, Франция, Китай и Италия), но потерпел полное фиаско. Руководствуясь указаниями своих правительств, комитет постановил, что все расходы должны быть записаны «за счет русского народа», как дословно говорится в соответствующем решении. Престижу Колчака как верховного правителя и его всероссийскому правительству был нанесен большой удар. (ЦГАОР, ф. 176, оп. 3, д. 34, л. 149.)

³⁹ Искключительную активность проявляли служители религиозных культов. В городах устраивались крестные ходы, «всенародные молебствия о даровании победы», а в дни приближения Красной Армии к столице колчакии было объявлено о «всенародном бдении». Был организован «агитвагон», в котором разъезжал некий старообрядческий «пастырь» Мельников, агитируя за создание отрядов «крестоносцев». Разъезжал с этой целью и сам старообрядческий епископ Иосаф. Совещание духовенства в Омске во главе с архиепископом выработало целый церемониал проводившегося в августе 1919 г. «покаяния и молитв с чтением акафиста» и т. д. Дни «святого Георгия-Победоносца» отмечались везде парадами, молебнами, банкетами и речами.

⁴⁰ Вот несколько донесений о ходе призыва. В Екатеринбурге явилось 7032, а принято только 5633 новобранца. В Бийске явилось около 10 тыс. — «призыв прошел хорошо», доносил начальник гарнизона. В Новониколаевске ожидали 12 245, явилось 9519, а принято всего 8731 человек. Донесение из Челябинска: ожидали по расчетам 6000, а явилось 9043 — «шли волостями», все прошло отлично, «без эксцессов». Начальник штаба Уральского корпуса донес: «Кадровые полки переполнены, плохо с квартирами, явилось 28 760 человек, обмундирования нет, винтовок всего 1 тыс. на два запасных полка, а в третьем только 400 берданок». Из ряда мест поступали донесения: наряды все выполнены, а люди остались. Таких «излишксв» образовалось по Кузнецкому уезду 750, в Семипалатинске 324 и т. д. Сибирское крестьянство еще не разобралось, кто его истинный враг. (ЦГАОР, ф. 260, оп. 1, д. 4/27, л. 790.)

⁴¹ Приводим любопытный случай из работы колчаковского мобилизационного аппарата. Омский воинский начальник донес штабу округа, что у него набралось 196 человек бывших матросов, и просил наряд на их отправку. Штаб округа срочно запросил штаб верховного: «Что делать, ведь матросы — элемент вредный». Ставка отмалчивалась, штаб округа периодически повторял запросы, уездный начальник ежедневно напоминал, что он не может закрыть сборный пункт и опасается неприятностей от застрявших у него моряков, а последние ждали решения своей судьбы. Трудно сказать, идет ли речь действительно о матросах, или то были люди, умело испльзовавшие животный страх колчаковцев перед гвардией Октября, чтобы тянуть волынку с отправкой в армию. Но как бы то ни было, их никто не беспокоил: на фронт не отправляли, на занятия не выводили. Так прошло около трех недель, когда штаб округа, разуберившись получить указания Ставки, направил матросов в распоряжение формирующейся в Новониколаевске морской дивизии контрадмирала Старка. Но тот принять матросов отказался и вернул их в Омск по тем же мотивам: «Бывшие матросы — элемент вредный, а для использования их как рабочей дружины потребуется особый наряд солдат на охрану». (ЦГАОР, ф. 260, оп. 2, д. 10, л. 61.)

⁴² Значительная часть рядового казачества была настроена революционно. 1, 4 и 13-й запасные казачьи полки отказались в январе 1918 г. идти против Советов и требовали объяснений: против кого их посылают воевать, кого называют большевиками, т. е. тех, кто беден, имеет нужду и просит удовлетворения или кого другого? Стихийный митинг трех запасных казполков принял резолюцию: против Советов не пойдем, кроме казачьих интересов, чужие защищать не будем. Приказания начальников выполнять только по обсуждению полковыми комитетами. В феврале 1918 г. в Оренбурге состоялся губернский съезд трудовых казаков, принявший приветствие на имя Совнаркома, а съезд казаков-фронтовиков постановил 10 апреля 1918 г. организовать добровольческие отряды для борьбы с контрреволюцией. 18 марта 1919 г. Дутов вынужден был отдать приказ о расформировании шести казачьих полков как политически ненадежных.

Докладывая Ленину из Самары по прямому проводу о положении в районе Оренбурга в конце мая 1918 г., В. В. Куйбышев под-

черкнул: «Колебания казаков кончились. Мы не сумели использовать полгода борьбы, чтобы привлечь трудящееся казачество на сторону революции». Слова Куйбышева верны, пожалуй, по отношению не только оренбургских казаков. В мае 1919 г. В. И. Ленин телеграфировал Реввоенсовету Востфронта: «Обратите сугубое внимание на мобилизацию оренбургских казаков». 3 июня 1919 г. Ленин снова телеграфировал тому же РВС: «Обратите сугубое внимание на оренбургских казаков и башкир, ибо при предыдущем наступлении мы наглумили, прозевали и не использовали этих сил. Мобилизуйте их спешно, пошлите туда толкового, спокойного, знающего, опытного человека...» (В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). Воениздат, 1956, стр. 143.)

⁴³ Стремясь удержать трудовое казачество на своей стороне, колчаковское правительство приняло ряд постановлений, предусматривающих: а) неприкосновенность, до созыва Народного собрания, казачьей территории и принадлежность земли войску как общине; б) неизбежность векового уклада казачьей жизни с признанием установившихся принципов выборного начала до войскового атамана включительно, с тем что распорядителем внутренней жизни войск является только войсковой круг; в) отпуск 13 млн. рублей на пайковое довольствие призванным и на возмещение стоимости убитых лошадей, а также отпуск 25 млн. рублей на восстановление сожженных станиц. Выпущенные войском деньги подлежали обмену госбанком как равноценные. Аналогичные льготы и субсидии предоставлялись и другим казачьим войскам. Как известно, аппетит приходит во время еды. Главари оренбургских казаков добились издания закона о введении специального военного налога в пользу войска с валовых доходов предприятий, работающих на территории войска, в частности, о взимании по 5 копеек с каждого пуда каменного угля, добытого на его территории. (ЦГАОР, ф. 1700, оп. 1, д. 5, л. 130.)

⁴⁴ Политическая обработка новобранцев была поставлена широко и довольно умело. Вначале делалась ставка и велась игра на использовании патриотических чувств населения под лозунгом защиты Сибири от немцев. Распространялись в печати и в приказах сообщение, что в Красной Армии командуют немцы и вводятся немецкая дисциплина, что наступление на Сибирь ведут немецкие войска, мадьяры, китайцы, латыши и др., «а русских мало или совсем нет». Систематически распространялись прокламации политического характера, приказы, обращения к населению и армии от имени Колчака, командующих армиями, корпусами. В январе 1919 г. был издан закон, предусматривавший: а) присягу солдат «на верность государству Российскому»; б) подписание солдатами «торжественного обещания», составленного в том же духе лжепатриотизма и обмана политически не искушенных масс крестьянства; в) подписание солдатами обязательства не состоять ни в каких политических или партийных организациях во время нахождения на службе. Штатным расписанием предусматривался в армии аппарат для распространения агитационной литературы. В тылу устраивались «дни» и «недели» помощи армии, «день уюта казармы», практиковалось награждение частей знаменами и т. д. Массовым тиражом выпускались готовые с трафаретным текстом солдатские письма с

фронта лсмой. Подсовывая солдату-крестьянину бланк готового письма с обычными бесчисленными «поклонами» родным и всем соседям, белогвардейцы стремились использовать безграмотность солдата, чтобы от его имени вести с помощью таких «писем» агитацию среди оставшихся дома родных в пользу Колчака и необходимости бороться со «смутьянами и врагами в тылу». (ЦГАОР, ф. 292, оп. 1, д. 146, лл. 116, 167.)

⁴⁵ Сводки особого отдела колчаковского министерства внутренних дел о положении в Сибири и на Дальнем Востоке охватывают время с 29 января 1919 г. по 10 апреля 1919 г. Они составлялись по пятибалльной системе: «5» — все спокойно; «4» — агитационные выступления; «3» — вооруженные выступления; «2» — образование фронтов; «1» — положение безнадежное; «0» — нет донесений.

Районы страны	Февраль			Март					Апрель
	10	17	24	3	10	17	24	31	10
	Баллы								
Акмолинская область	3	5	5	5	0	0	0	0	3
Алтайская губерния	5	0	3	4	0	4	0	4	0
Амурская область	4	4	4	0	3	2	2	2	2
Забайкальская область	0	4	5	4	5	3	3	3	3
Енисейская губерния	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Иркутская губерния	0	4	0	0	5	4	0	0	4
Камчатка	0	0	0	5	0	0	5	0	5
Оренбургская губерния	0	0	0	0	0	4	0	4	0
Пермская губерния	0	0	0	4	5	0	0	0	0
Приморский край	4	3	3	0	0	2	0	2	3
Сахалин	0	0	0	5	0	5	0	0	0
Семипалатинская область	0	4	0	5	0	5	5	4	4
Семиречье	0	4	5	0	0	5	5	0	5
Тобольская губерния	0	0	0	0	0	5	3	0	0
Томская губерния	4	4	0	4	3	4	0	5	5
Тургайская область	0	4	0	0	0	4	0	3	3
Урянхайский край	0	0	0	0	5	0	0	0	0
Уральская область	0	0	4	0	0	0	0	0	0
Уфимская губерния	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Якутская область	4	0	0	0	0	5	0	0	5

⁴⁶ Американский Красный Крест оказывал помощь белой армии бельем, медикаментами, открытием питательных пунктов, лазаретов и т. д. Пресловутый американский Христианский союз молодых людей (ХСМЛ) развернул большую сеть своих агентов, создал культпросветотдел, устраивавший лекции, показ туманных картин и фильмов на библийские темы, открывал читальни и библиотеки с подобранной литературой. Особый благотворительный отдел ХСМЛ раздавал старое, ношеное солдатское белье и обмундирование, от-

крывал столовые, лавки и т. д. Колчаковские контрразведывательные органы очень скоро установили, что помощь эта далеко не бескорыстна и служит прежде всего шпионским целям. Союзу было сразу же отказано в просьбе разрешить ему развернуть работу в частях армии, а когда он пытался распространить свою работу на село, последовал приказ Колчака об удалении его из Сибири вообще. Несомненно, такое решение было принято под давлением других союзников, в частности Англии, опасавшейся, что американцы обогнут ее в борьбе за популярность и завоевание симпатий населения. (ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 47-а, лл. 7, 46; ф. 292, оп. 1, д. 79, л. 32.)

⁴⁷ Уже в 1915 г. начались затруднения с хлебом, что вынудило царское правительство создать главный продкомитет, а затем и особое совещание с задачей обеспечения армии и регулирования снабжения продуктами населения. В конце 1916 г. министерство земледелия объявило **принудительную хлебозаверстку** с оплатой хлеба по твердым ценам. Излишки хлеба составили в 1917 г. около 600 млн. пудов. Главная масса его была в руках кулаков и богатеев-середняков, а они отказывались продавать по разверстке и твердым ценам, требуя свободной торговли.

⁴⁸ На использование возвращавшихся из Германии русских военнопленных рассчитывал не только Юденич. Белогвардейские главарь полагали, что в политическом отношении они получают более надежный для них контингент солдат. Как известно, надежды не оправдались. Белогвардейских руководителей занимал особенно вопрос об использовании большого числа находившихся за границей офицеров. Занимаясь этим же вопросом, немцы создали у себя специальный штаб. Часть офицеров по собственному почину вступила в соглашение с главным германским командованием и начала формирование добровольческих отрядов для отправки в Россию на борьбу с большевиками. Этим путем созданы кадры армии Бермонта — известного палача трудящихся Прибалтики. Всего в формировавшихся с помощью немцев отрядах насчитывалось до 6 тыс. офицеров. В мае 1919 г., когда Красная Армия сдерживала натиск Колчака на подступах к Волге, в Берлине под крылышком немцев собрались главарь прибалтийских контрреволюционеров: Бермонт, князь Ливен (формировавший свои собственные отряды белых в Латвии) и генерал Давидов, считавшийся главкомом белой армии буржуазной Белоруссии. Собравшиеся выработали «политическую платформу», в одном из пунктов которой говорилось: «Решительная борьба против большевиков и принятие в этих целях помощи от тех, кто ее дает, не вдаваясь в политику». Формулировка должна была прикрыть происки германских империалистов захватить Прибалтику, на которую имели свои виды империалисты Антанты. Ставка Юденича была в это время в Гельсингфорсе. В качестве политических советчиков-руководителей при нем находились сенатор Туган-Барановский и член Государственной думы. Прибывший от Колчака представитель дает следующую характеристику обстановки. Не все склонны подчиняться Юденичу, и не все политически ориентируются одинаково. В одном Гельсингфорсе свыше 6000 офицеров. Сначала Юденич взял их на учет, но деньгами не снабжал, работы не давал, и в результате большинство их стали разъезжаться. В Копенгагене есть агенты денкинского генерала

Потоцкого и ряд известных русских генералов, но и тут офицеры ничего не получали, чтобы отправиться в Сибирь или в Архангельск. В феврале 1919 г. Германия давала пароход для отправки русских офицеров во Владивосток в обмен на немецких военнопленных. Почему отправка не состоялась — неизвестно. Заканчивается доклад словами: «Вообще картина всего Западного фронта в военном и политическом отношении запутана. Нет координации действий и определенного объединения в одних руках. Принимаю все меры, чтобы хотя отчасти оживить фронты...» В октябре 1919 г. белогвардейские газеты Юга отмечали, что в Севастополь прибыли три парохода с русскими солдатами из Африки, куда они были высланы Антантой за отказ вступить в армию Деникина. (ЦГАСА, ф. 185, оп. 8, д. 143, лл. 1—2.) Сформированный в Англии и прибывший к Колчаку батальон солдат-литовцев целиком перешел на сторону Красной Армии.

⁴⁹ Восстание было подготовлено контрреволюционным подпольным Союзом фронтовиков. Штаб восстания состоял из трех офицеров, трех солдат и трех «рабочих» Ижевского завода. После захвата власти был создан Комитет членов Учредительного собрания, избран главкомом полковник Федечкин. Была объявлена мобилизация в заводском районе всех мужчин от 18 до 45 лет, а в сельских районах от 18 до 30 лет. Армия восставших насчитывала в Ижевске около 20 тыс. человек, а в районе Воткинска до 15 тыс. Из них на фронте постоянно находилась только половина людей, остальные продолжали работать, считаясь в резерве. Как те, так и другие были разбиты на роты (от 50 до 200 человек), сводившиеся в отряды по территориальному признаку.

⁵⁰ Касаясь сил своих и противника, доклад командарма давал следующий общий вывод. «Наших 11 800 штыков и 1800 сабель, белых 13 000 штыков и 1000 сабель плюс неподтвержденные данные о 2-й чешской дивизии (она снималась уже с фронта. — Г. Э.) и о 6-м полке 2-й Сибирской дивизии. Настоящий отход армии под таким сравнительно небольшим превосходством противника объясняется следующими причинами...» И далее в качестве причин указываются: а) усталость войск; б) отсутствие теплого обмундирования; в) неподготовленность и непригодность влитого в полки пополнения из местного населения, так как пополнение из центра не поступало. Имели место случаи перехода местных мобилизованных на сторону противника; г) неподготовленность командного состава; д) невыполнение командованием соседней 2-й армии приказа комфронтом о новых разграничительных линиях, что лишало командарма 3 возможности произвести перегруппировку для усиления своего левого фланга. Против армии, насчитывающей 13 600 штыков и сабель и занимающей участок фронта шириною 160—180 км, перевес сил противника в 1—2 тыс. бойцов настолько незначителен, что он не может служить оправданием продолжающегося отхода войск. (ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 25, лл. 34—37.)

⁵¹ В состав самарской группы противника на бирском направлении входил батальон французов; в конце декабря 1918 г. его сняли с фронта и сосредоточили в Челябинске. На Уфимском фронте действовал бронепоезд англичан. Не доехали до фронта прибывшие в

Сибирь и на Дальний Восток многочисленные воинские эшелоны французов, итальянцев, англичан, американцев, японцев. Ожидалось прибытие и велась подготовка к пропуску через Новониколаевский железнодорожный узел начиная с 1 декабря 1918 г. ежедневно по эшелону канадских войск, прибывших уже во Владивосток.

⁵² 31 декабря 1918 г. в разговоре с Гайдой начальник штаба фронта генерал Дитерихс высказал следующие соображения. «Общее наше положение ныне вытекает из совершенно другой обстановки. Ни Пермь, ни Уфа, ни Сарапул никакой роли сейчас играть не могут. Раз что союзники не могли по тем или иным причинам привезти свои войска на фронт, то наша задача сводится к тому, чтобы создать прочные в боевом отношении русские войска. Достигнуть этого можно последовательно, воспитывая сначала на активных действиях-операциях одну часть их, потом другие. На Пермскую операцию я сам смотрю только как на хорошую школу, которая дана была Средне-Сибирскому и Степному корпусам. Теперь эти части могут драться, и надо как можно скорее переходить к воспитанию других молодых русских частей, а именно — уральских. Недели через три или четыре путем активных операций на уфимском направлении и мы достигли бы и с другими частями таких же хороших военных качеств, которые ныне показали ваши сибиряки. Тогда мы имели бы на всем фронте прочные боевые русские части, и только тогда мы можем начать думать о тех или других стратегических операциях. А до тех пор, повторяю, наша главная задача есть воспитание войск и сохранение войск армии в наибольшей целостности, упорядочение тыла, продовольствия, снабжения и не овладение и закрепление за собою тех или иных районов. Конечно, это не значит, что тактические операции должны быть брошены... Но если бы меня спросили, что важнее — боевая подготовка Уральского корпуса или удержание Перми, я бы ответил: «В данное время в стратегическом отношении важнее подготовка Уральского корпуса». (ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 42, л. 543.)

⁵³ Начатая 15 мая 1919 г. операция объединенных сил интервентов и белых против Щетинкина—Кравченко в районе Степного Баджея была самая крупная из всех предпринимавшихся с мая 1918 г. В эти дни на фронте Красной Армии шли ожесточенные бои и отвлечение войск Колчака на внутренний фронт могло сыграть большую роль. Но выручили интервенты. По данным чехоштаба, в операции участвовали шесть групп, составленных из солдат 2, 3, 5, 9 и 10-го чехословацких полков, несколько рот итальянцев, 12 орудий и много пулеметов. Белогвардейцы составляли 6-ю группу (около 2000 штыков, 800 сабель, 20 пулеметов, 6 орудий), выделив, кроме того, егерский батальон в состав 2-й группы чехов. Силы красных определялись в 6—7 тыс. человек, в том числе вооруженных только 2400—2500.

⁵⁴ Говоря о Кузбассе в годы гражданской войны, следует напомнить славную предысторию борьбы горняков с самодержавием. Уже в 1906 г. здесь работала подпольная организация социал-демократов, насчитывавшая на Анжерских коях 30 человек, а на тесно связанной с коями железнодорожной станции Тайга — 65 человек. Летом и осенью 1914 г. в Кемерово и Кольчугине имели

место массовые выступления запасных против призыва на войну, а в 1915—1916 гг. — забастовки шахтеров Анжерки и Судженки.

Первая мировая война задела население Томской губернии особенно сильно: площадь посевов сократилась на 28%, поголовье скота на 20%, урожай ржи на 30%, а пшеницы на 50%. К 1915 г. было уже призвано на войну более трети мужского населения губернии. После Февральской революции 1917 г. началась полоса съездов и конференций. По инициативе большевиков в июле 1917 г. был созван съезд горняков Западной Сибири (прибыло 62 делегата от 32 рабочих организаций), обсудивший актуальные вопросы политической жизни, выработавший и утвердивший устав профессионального союза и т. д. Руководил съездом известный сибирский большевик Н. Н. Яковлев, а председателем Бюро съездов профсоюзов был избран Ф. Суховерхов. Первая забастовка шахтеров Судженки в июле 1918 г. была подавлена войсками омского эсеро-меньшевистского правительства.

⁵⁵ Крупное крестьянское восстание началось осенью 1918 г. в Маринском уезде, куда благодаря труднодоступной войскам местности летом 1918 г. после падения Советов укрылось много красногвардейцев, партийных и советских работников и рабочих Кузбасса. Попытки белых разгромить эту группировку сторонников Советов терпели неудачу, что увеличивало размах восстания, известного под названием Чумайского (по имени села Чумай) и охватившего 22 волости с числом восставших около 7 тыс. Восстание было подавлено, и в октябре 1918 г. сохранившиеся силы повстанцев отошли в тайгу. Повстанческо-партизанское движение губернии находилось под неослабным прямым руководством Томской подпольной большевистской организации. Было создано большое число подпольных ячеек в населенных пунктах (Миреть, Грамотейка, Мохово, Мончереп, Бачаты, Прокопьево, Хмелево, ст. Топки, Кемерово, Кольчугино и др.), а также вдоль всего побережья от Томска до Нарыма. Крупный бой имел место 23.6.1919 г. под ст. Ижморская с чехами, поддержанными бронепоездом. Участок железной дороги от ст. Ижморская до ст. Иверка подвергался постоянным налетам партизан, часто имели место крушения; после одного из таких крушений, как отмечают документы, под откосом валялись целую неделю пушки. В Каинском уезде по р. Тарпа летом 1919 г. формировался и действовал отряд Ивана Чубыкина.

⁵⁶ Не отказались от надежд использовать корпус и руководители Антанты. 25 июня 1919 г. У. Черчилль представил Верховному совету меморандум, предлагающий заявить от имени стран Антанты и «дружественных правительств», что они готовы принять ответственность за репатриацию всех чехословацких солдат из Сибири на следующих основаниях: 30 тыс. солдат корпуса принимают участие на правом фланге армий Колчака в операции, имеющей целью соединение с архангельскими силами путем наступления по линии Вятка, Котлас. Остальные остаются пока на месте и будут постепенно эвакуированы через Владивосток.

1 ноября 1919 г. госдепартамент США передал для руководства своему представителю на Парижской мирной конференции предложение, полученное из Омска. Краткое содержание таково: наступ-

ление большевиков развивается быстро, положение критическое; если Омск падет, то большевики быстро дойдут до Байкала. Гаррис считает, что по крайней мере половина чехословаков готова продолжать войну с большевиками, чтобы обеспечить себе репатриацию через Европейскую Россию. «Мы не должны больше следовать за политикой британского и французского правительств в вопросе, связанном с чехословацким движением, а надо уведомить пражское правительство, что США сами начнут вывозить морем через Восток часть чехословаков, как только будет достигнуто соглашение, что не менее 25 тысяч их примет участие в контрнаступлении Колчака. С нашей точки зрения, это практически выполнимо».

Здесь уместно вспомнить, что зимою 1919/20 г. чехословаки продолжали драться на стороне белых, между тем как в других районах войска интервентов давно уже были отозваны (Одесса, Архангельск, Мурманск, Прибалтика). Кроме ряда объективных причин, обусловленных техническими трудностями вывоза корпуса морем из Владивостока, роль играло и то, что среди солдат корпуса весьма сильна была прослойка и влияние чешских и словацких социал-демократов. (См. Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 2, док. № 31, 698.)

⁵⁷ В принятой на совещании в Екатеринбурге резолюции солдаты обратились к своему командованию: «Вы находите, что мы утерjali дисциплину, что мы переменялись. Но переменялись не мы, а вы. Вы забыли, что дисциплины у нас не было. У нас была общая цель, общая идея, которая нас связывала. Теперь положение изменилось, но мы остались прежними демократическими солдатами свободной Чехии, за свободу которой мы добровольно вступили в ряды русской армии для борьбы с немецким милитаризмом. А вы, упоенные победами и мечтами о дальнейшей славе, стремитесь сделать из нас таких же милитаристов...» На том же съезде принято обращение к председателю русского отделения Чехословацкого национального совета в России доктору Павлу: выражается полное недоверие к его деятельности и политике. Указывается, что его соглашение с Колчаком идет вразрез с намерениями правительства в Праге... По приказанию генерала Сырового некоторые делегаты съезда были арестованы. (ЦГАОР, ф. 292, оп. 1, д. 79, лл. 1—5.)

⁵⁸ Выступая с политическим докладом Центрального Комитета РКП(б) 2 декабря 1919 г. на VIII Всероссийской конференции партии, Ленин говорил: «Мне лично пришлось читать одну передовицу английской газеты «Таймс», посвященную вопросу о Финляндии, в такое время, когда войска Юденича стояли в нескольких верстах от Петрограда и опасность для последнего была самая гигантская. Статья эта прямо кипела негодованием, возмущением и написана была с неслыханной, необычной для газеты страстностью... Это была самая бешеная прокламация, обращенная к Финляндии и ставящая вопрос ребром: судьба мира зависит от Финляндии, на которую смотрят все цивилизованные капиталистические страны. ...Все способы давления, финансового, продовольственного, военного, были пущены в ход, чтобы заставить Эстляндию, Финляндию и, несомненно, также Латвию, Литву и Польшу, заставить весь этот цикл государств идти против нас. ...Нет никакого сомнения, что самой небольшой помощи Финляндии или — немного более — помощи

Эстляндии было бы достаточно, чтобы решить судьбу Петрограда. Нет никакого сомнения, что, сознавая важность положения, Антанта сделала все усилия, чтобы добиться этой помощи, и тем не менее она потерпела крах.

Это — вторая гигантская международная победа, которую мы одержали, и победа более сложная, чем первая». (В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 152—153.)

⁵⁹ Отсутствие опыта у руководителей из тыловых генералов проявилось наиболее ярко в вопросе об использовании мобилизованных. Накануне операции Западная армия (переименованная в 3-ю) насчитывала 26,1 тыс. штыков, 3,8 тыс. сабель, 650 пулеметов и 116 орудий, 14 самолетов, 6 бомбометов и 3 бронепоезда. В двух выброшенных из глубокого тыла и включенных в качестве ударного кулака в ее состав дивизиях было 13 600 штыков и сабель, 138 пулеметов и 15 орудий. Невооруженных в этих же дивизиях было 3000 солдат, так как не хватало винтовок. Таким образом, две резервные дивизии составляли (по числу штыков) 55% всех бойцов армии. А в это время в старых, обстрелянных дивизиях остались, можно сказать, одни кадры: в Ижевской бригаде — 542, в 7-й дивизии — 1200, в Казанской дивизии — 700 штыков и сабель и т. д. Если бы из 16 600 солдат двух новых дивизий была хотя бы часть направлена на пополнение старых дивизий, результаты могли получиться другие. Этого сделано не было — генералы тыла хотели всю славу разгрома 5-й Красной армии сохранить только за собой.

⁶⁰ Разведывательная сводка штаба нашего Украинского фронта от 28 апреля 1919 г. давала следующую оценку противника: «У Деникина нет сил, чтобы начать операцию на север... Главное командование Добровольческой армии Деникина предполагает перейти к пассивной обороне Донбасса, также Донской и Кубанской областей, держась за линию р. Донец, Манычские озера, переходя в наступление лишь короткими ударами местного значения. Этим самым Деникин думает привлечь на себя главные силы Советской республики с целью облегчить движение армии Колчака». Из крупных операций белых намечался удар на Царицын, но силы для него только еще формировались, а удар вообще ставился в зависимость от успешности продвижения Колчака к Волге. (См. Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 2, док. № 347.)

⁶¹ Следующий разговор начальника штаба Западной армии генерала Щепихина с генерал-квартирмейстером штаба верховного полковником Церетели содержит в этом отношении весьма важные данные. «Оренбургская армия, — заявил Щепихин, — больна, почти все заражены политикой, а потому рассчитывать на серьезную работу ее трудно... Внутреннее положение ее вызывает серьезные опасения. Я должен теперь признать, что при обсуждении общего плана здесь, в Челябинске, в присутствии верховного мы были введены, быть может вполне добросовестно, командующим Оренбургской армией генералом Дутовым в заблуждение как относительно общего состояния его армии, так и, в частности, относительно башкирского участка. Основываясь на докладе генерала Дутова, что все обстоит благополучно и что с башкирами он справится, и был принят план, который я назову средним, так как он учитывал нанесение глав-

ного удара по центру на Уфу. Два крайних плана в то время отпали по различным причинам: план Гайды — нанесение главного удара в районе его армии — потому, что слишком район удален от района, где нужна помощь. Второй крайний план, который, быть может, по обстановке данного момента теперь и надо принимать, — именно сосредоточение главного удара от Троицка и Верхне-Уральска по Башкирии, — наиболее быстро и решительно приводящий к результатам, тогда не был принят ввиду удовлетворительного, по освещению генералом Дутовым обстановки, положения... и было принято известное вам решение». (ЦГАОР, ф. 1417, оп. 1, д. 34-в, лл. 3—8.)

⁶² По итоговым данным штаба 5-й армии, общая численность находившихся под командованием Е. Мамонтова отрядов достигала 23—26 тыс. человек. В состав этой армии не входил ряд самостоятельно действующих отрядов (Рогова, Третьяка, 1-я и 2-я Чумышские партизанские дивизии — в обеих до 1500 человек), что позволяет считать в южных районах Западной Сибири всего 28—30 тыс. повстанцев-партизан. Но численности этой они достигли только во второй половине декабря 1919 г., когда к ним присоединялись колебавшиеся и выжидавшие исхода борьбы элементы, а также целые группы колчаковцев (даже роты и батальоны). Учитывая отмеченные факты, надо считать, что численность активно боровшихся красных составляла в рассматриваемом районе Западной Сибири в решающий период действий Красной Армии (март — ноябрь 1919 г.) не более 4—5 тыс. человек. На них и пала вся тяжесть борьбы в тылу Колчака от Урала до Оби. Силы эти не представляли собой по своей структуре войсковые подразделения и соединения, и людской состав в них подвергался все время колебанию то в большую, то в меньшую сторону.

Приведенные цифры указывают (весьма неточную) общую численность людей, число же бойцов было в несколько раз меньше из-за отсутствия оружия. Отбрасывая такое «оружие ближнего боя», как пики (изготавливавшиеся деревенскими кузнецами из подручного материала), следует считать, что огнестрельным оружием (в том числе охотничьими ружьями) было обеспечено не более одной трети людей, которые и составляли ядро отряда. Таким образом, из указанных 28—30 тыс. человек южносибирских повстанцев-партизан полноценными бойцами по наличию оружия следует считать не более 10—12 тыс., разбросанных на громадной территории, ограниченной меридианом Семипалатинска, Обью и Транссибирской железнодорожной магистралью. Надо также иметь в виду, что в каждый данный момент боевая ценность этой массы людей зависела (в значительной степени) от наличия боеприпасов, обеспечение которыми составляло всегда трудную задачу. Обеспеченность повстанцев-партизан оружием и боеприпасами резко улучшилась к концу декабря 1919 г. в результате разгрома 5-й Краснознаменной армией главных сил колчаковцев в Новониколаевской, Красноярской операциях.

⁶³ Не вдаваясь в подробное рассмотрение вопроса за весь период, мы считаем возможным ограничиться следующими примерами, относящимися к последнему периоду борьбы, т. е. ко времени, когда многие недостатки и ошибки первых 13—15 месяцев были

уже изжиты и накопился известный опыт. В августе 1919 г. главнокомандующий войсками Красной армии Каменского и Новониколаевского уездов Громов поставил своим войскам задачу «отражать наступление белых банд, держать фронт в своих районах и переходить в наступление против белых в местах их нахождения. Все районные штабы должны иметь связь со всеми соседними районными штабами и стараться помочь друг другу...» Приказ подписан также представителем военного отдела Облакома. И хотя речь идет о двух прилегающих к Транссибирской железнодорожной магистрали районах, директива в основном построена на требовании обороны. Таким же духом активной обороны проникнут приказ, изданный 8 сентября 1919 г. Главным военно-революционным штабом Алтайской губернии и разосланный всем командующим фронтами, районным штабам, волостным Советам и сельским и волостным военным комиссарам. Приказ предлагал: «Немедленно исследовать все дороги, ведущие в селения и из селений, и, где только можно, на этих дорогах поставить препятствия, искусственные сооружения — рвы, канавы, засеки, волчьи ямы. В деревнях при приближении противника устраивать баррикады и засады, на улицах — заграждения из борон». Приказ рекомендовал угонять лошадей и все повозки в поле, оставлять в деревнях только неспособных защищаться, «все же способное население пусть с оружием в руках защищает, как только может, свои села. Поставьте больше кавалерии, держите больше связь с соседними селениями». Никаких требований или предложений вести маневренные операции против врагов, которые, по словам приказа, «стремятся уйти в Монголию, Китай и Японию», в документе не содержится.

С этой точки зрения представляет большой интерес приказ-предписание председателя Облакома П. К. Голикова от начала октября 1919 г. на имя командующего Барнаульским фронтом Коляды. Дав освещение обстановки в связи с начатым противником из г. Камень наступлением, Голиков подвергает резкой критике действия красных войск за их пассивность. «Положение, — говорится в этом документе, — в сущности, нельзя назвать серьезным, если мы не ослабим его своим бездействием... Необходимо первоначально все силы концентрировать против одного противника, разбить его, затем идти на другого и т. д.». Заканчивался приказ категорическим требованием начать активные действия, и «поэтому никаких отговорок с нашей стороны по вопросу о наступлении на Тюменцево быть не может». Столь четко и в категорической форме выраженное требование придерживаться в борьбе с врагами одного из важнейших принципов ведения военных действий — принципа частной победы — встречается в приказах партизанского командования очень редко. (См. Партизанское движение в Западной Сибири. (1918—1920 гг.), док. № 156, 190, 229.)

⁶⁴ В телеграмме Полевого штаба Республики от 3 декабря 1919 г. говорилось: «С продвижением вперед Востфронта к нему начинают выходить партизанские отряды... Опыт прошлого свидетельствует, что партизанские отряды, включая в себя очень часто элемент не только чисто идейных борцов, но зачастую ничего общего с ним не имеющих, руководимый иными побуждениями к борьбе, оказывались в моральном отношении вредными, а в военном — малоустойчивыми». Далее в приказе предлагалось: а) никоим образом

не включать в регулярные части войск отряды партизан, направляя их в запасные полки в глубокий тыл; б) целые партизанские отряды и полки сразу не вводить в боевые линии, а в тылу просмотреть их особыми комиссиями. В течение всего декабря от Реввоенсовета Республики поступали повторные требования «принять все меры, чтобы в Красную Армию не проникали начала партизанщины». То была реакция на печальный опыт использования повстанцев-партизан на юге, приведший к махновщине, григорьевщине и дорого обошедшийся Южному фронту. (ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 13, л. 183.)

⁶⁵ Бывший начальник штаба 30-й стрелковой дивизии 3-й Красной армии С. Н. Богомяков дает в своих воспоминаниях следующую оценку действиям войск армии: «Примерно 1 сентября 1919 г. восточнее Тобола началась так называемая тобольская кадрили: то противник отходил, и мы его преследовали, то мы отступали под натиском противника. Это повторялось много раз». Бои с таким переменным успехом шли весь сентябрь — первую половину октября 1919 г. и закончились тем, что 3-я армия удержалась на восточном берегу Тобола. «Поход от Ишима до Омска, — пишет там же Богомяков, — вдоль железной дороги примечателен небольшими боями (главным образом перестрелками) с частями прикрытия противника...» Славным называет автор воспоминаний только один бой 267-го полка в с. Сыропятское, уже под самым Омском. (См. В боях и походах. Свердловск, 1959, стр. 580.)

⁶⁶ Лавируя между двумя основными борющимися группами и не имея лично за собой никакой реальной силы, Колчак предложил 7.12 1919 г. генералу Каппелю принять главное командование фронтом вместо Сахарова. То была уступка «демократии»: Каппель, начав свою контрреволюционную карьеру летом 1918 г. у Комуца на Волге, считался «большим демократом». Но принять фронт он отказался. Несколькими днями позднее братья Пепеляевы арестовали Сахарова, после чего Каппель стал фактическим комфронтом. Борьба за власть сказалась на положении в армии. Накануне взятия 5-й Красной армией Новониколаевска в городе произошло восстание части гарнизона против Колчака, жестоко подавленное интервентами.

⁶⁷ Уже осенью 1919 г. в Иркутске эсерами, меньшевиками и другими контрреволюционными партиями был создан подпольный центр — Земское политбюро, обосновавшееся в Красноярске. Задачей его было использовать принявшее к этому времени широкие размеры антиколчаковское и враждебное интервентам настроение масс населения. Конкретный план состоял в том, чтобы восстановить в Сибири и на Дальнем Востоке свою власть в тот момент, когда под ударами Красной Армии колчаковский режим и его армия будут уничтожены, а Советы еще не успеют начать действовать. Но враги жестоко просчитались, и решающую роль в этом деле сыграл молниеносный разгром арьергардных частей чехословацкого корпуса, на помощь которого красноярские эсеры-меньшевики рассчитывали. В Иркутске, где эта помощь им была оказана, они сумели временно взять власть в свои руки, образовав политцентр, но и тут их планы провалились: разгром и уничтожение колчаковской армии настолько изменили военно-политическую обстановку на Востоке, что 20.1 1920 г. в Иркутске власть перешла в руки большевистского ревкома.

⁶⁸ Руксводствуясь указаниями Москвы, РВС 5-й Краснознаменной армии предъявил 13.1 1920 г. командованию чехословацкого корпуса следующие требования как условия прекращения военных действий с нашей стороны против частей корпуса: «1) разоружиться и перейти на положение мирных граждан, а все имеющееся оружие сдать; 2) передать в распоряжение Советской власти изменника и предателя русского народа самозванного верховного правителя адмирала Колчака, его министров и весь его штаб; 3) взять на себя охрану для передачи в наше распоряжение похищенного Колчаком золотого запаса и другое имущество... 4) по исполнении настоящего приказа чехословацким войскам гарантируется полная неприкосновенность и всякое содействие в возвращении на родину». Командир корпуса генерал Сыровый пытался всевозможными отговорками и выдвиганием своих условий выиграть время, чтобы привести свои войска в порядок и помочь белым, но потерпел полный провал. 20 января 1920 г. Сыровый вынужден был в целях спасения жизни своих солдат принять условия советского ультиматума и обязался передать золото в Иркутске после отхода арьергарда через тоннели в Забайкалье. Выполняя указания США о необходимости спасти самого Колчака, Сыровый передал верховного и его премьер-министра Пепеляева политцентру, состоявшему из эсеров и меньшевиков, но под нажимом восставших рабочих затея эта провалилась. За исключением требования о сдаче оружия, все указанные выше требования РВС 5-й армии были чехословаками приняты, и 7.2 1920 г. на ст. Куйтун было заключено соглашение между РВС 5-й армии и представителем корпуса о порядке эвакуации его через Владивосток. (ЦГАСА, ф. 207, оп. 2, д. 4, л. 51.)

⁶⁹ Мы не говорим здесь о целом ряде повстанческих и партизанских войск (2-я Братская дивизия Бурлова, 1-я Балаганская советская добровольческая дивизия и др.), что находились восточнее Енисея. Во-первых, по силе своего боевого состава и значению их действий они не оказывали заметного влияния на ход борьбы. Во-вторых, возникновение, структура и приемы действий были у них такие, как у вышеописанных повстанцев-партизан Алтая, Енисейской губернии и т. д. В-третьих, их действия стали выходить за рамки местного значения лишь после того, как армия Колчака была окончательно уничтожена 5-й Краснознаменной Красной армией в районе Новониколаевск, Минусинск, Канск. Исключение составляла только так называемая Восточно-Сибирская советская армия, созданная во второй половине января 1920 г. в районе Иркутска на базе двух сил: повстанческих и партизанских отрядов, а также рабочих отрядов района Иркутск, Черемхов и прилегающих к нему с севера районов, с одной стороны, и перешедших на сторону народа частей Иркутского военного округа — с другой, в том числе гарнизона Иркутска. По данным на 14 февраля 1920 г., боевой состав этой армии насчитывал около 13,7 тыс. человек, в том числе 635 бывших колчаковских офицеров. Силы эти были разбросаны на огромной территории, слабо связаны между собой и не сумели перехватить путь отступающим в Забайкалье остаткам группы Каппеля, а также не сумели надежно обеспечить Иркутск и выполнить задание доставить арестованного Колчака в распоряжение 5-й Краснознаменной. Крупную роль в большевистском подполье Иркутска играли Ф. Н. Петров, П. П. Постышев, Д. Чудинов, Я. Шумяцкий, А. А. Ширямов.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	3
Глава 1. Начальный период гражданской войны и иностранной военной интервенции на Востоке (октябрь 1917 г.—ноябрь 1918 г.)	14
1. Вероломное нападение интервентов и белогвардейцев и захват ими власти в Западной Сибири	—
2. Успехи интервентов и белогвардейцев в Восточной Сибири и на Советском Дальнем Востоке	25
3. Борьба за Советский Урал и Поволжье	36
4. Нашествие союзников	58
Выводы	71
Глава 2. Колчакия	84
1. Первые крестьянские восстания в Сибири	—
2. Борьба за власть в лагере контрреволюции	96
3. Военный потенциал колчакии	113
4. Российская армия Колчака	136
5. Военно-политическое положение в колчакии зимой 1918/19 г.	150
Выводы	167
Глава 3. Крушение планов Колчака прорваться из Сибири и перенести войну в центральные районы Советской республики	181
1. Верховный и его сателлиты	—
2. Пермская и Уфимская операции Колчака	197
3. Рост и обострение борьбы в тылу Колчака (весна — лето 1919 г.)	213
4. Стратегическое положение Советской республики в июне 1919 г. и задачи Восточного фронта	234
5. О Челябинском сражении	248
Выводы	262
Глава 4. Освобождение Сибири	272
1. Революционные силы в белой Сибири	—
2. Народные массы Сибири в вооруженной борьбе в тылу врагов	286
3. Борьба за освобождение Западной Сибири	308
4. Разгром и пленение Российской армии Колчака	333
Выводы	351
Примечания	357

Генрих Христофорович Эйхе ОПРОКИНУТЫЙ ТЫЛ

М., Воениздат, 1966. 384 с.

Редактор *Н. И. Соловьев*

Художник *Б. С. Иванов*

Технический редактор *М. П. Зудина*

Корректор *М. В. Романова*

Сдано в набор 16.6.65 г.

Г-20532

Подписано к печати 21.6.65 г.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂ — 12 печ. л. = 19,68 усл. печ. л. 22,049 уч.-изд. л.

Изд. № 2/6969

Тираж 20 000

Зак. 958

1-я типография Военного издательства Министерства обороны СССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 1 р. 47 к.